

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 14, № 3, 2021

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная, отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Санир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Коньки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калайчикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 08.00.00 – экономические науки; 22.00.00 – социологические науки.

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала направляются в Библиотеку Конгресса США и в Германскую национальную экономическую библиотеку.

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 14, no. 3, 2021

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Szompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda, Russia)

O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Замкнутость на материальном как фактор национальной уязвимости России в XXI веке	9
---	---

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Рубинштейн А.Я. Концепция совокупного дохода в экономической теории государства	34
Дементьев В.Е. «Черные лебеди» и социальные институты	54

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Лаженцев В.Н. Социально-экономические исследования и политические аспекты развития северного региона (к столетию Республики Коми)	67
---	----

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Румянцев Н.М., Лукин Е.В. Инвестиционная деятельность в российской экономике: проблемы и направления активизации	83
---	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Чурсин А.А., Юдин А.В., Грошева П.Ю., Мыслякова Ю.Г., Неклюдова Н.П. Оценка предрасположенности территорий к размещению «умных» компаний	99
Леонидова Г.В., Ивановская А.Л. Условия труда как фактор повышения его производительности в регионах России	118

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. Влияние новой модели диверсификации атомной отрасли на развитие территорий присутствия (теоретические и практические аспекты)	135
--	-----

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. Металлургические корпорации и государство: тенденции финансового взаимодействия последнего десятилетия	150
---	-----

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Зубок Ю.А., Любутов А.С. Смысловое пространство реальности: структурная таксономия оснований саморегуляции взаимодействий в молодежной среде	167
Мищук С.Н., Рязанцев С.В. Миграция сельского населения Дальнего Востока России в начале XXI века	182
Багирова А.П., Нотман О.В., Бледнова Н.Д. Городская среда как ресурс для совмещения профессиональных и родительских функций	199
Устинова К.А. Добровольное и вынужденное предпринимательство: социально-демографические характеристики занятых и реализация их потенциала	215
Костина С.Н., Трынов А.В. Кластерный анализ динамики рождаемости четвертых и последующих детей в регионах Российской Федерации	232

МИРОВОЙ ОПЫТ

Лисицкий Б. Обесценение активов эмитентов в условиях экономического кризиса – данные Варшавской фондовой биржи	246
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шрёдер А., Шабунова А.А. Социальные вызовы современности (по материалам международного научно-практического семинара)	261
---	-----

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	266
Памяти М.Ф. Сычёва	276
Правила приёма статей	278
Информация о подписке	284

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. Focus on Finances as a Factor of Russia's National Vulnerability
in the 21st Century 9

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

- Rubinstein A.Ya. The Concept of Comprehensive Income in the Economic Theory
of the State 34
- Dementiev V.E. "Black Swans" and Social Institutions 54

REVIEWS

- Lazhentsev V.N. Socio-Economic Studies and Political Aspects of Developing
the Northern Region (to the Centenary of the Komi Republic) 67

PUBLIC ADMINISTRATION

- Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Rumyantsev N.M., Lukin E.V. Investment Activity
in the Russian Federation: Activation Problems and Directions 83

REGIONAL ECONOMICS

- Chursin A.A., Yudin A.V., Grosheva P.Yu., Myslyakova Yu.G., Neklyudova N.P.
Territories' Predisposition Assessment to "Smart" Companies' Location 99
- Leonidova G.V., Ivanovskaya A.L. Working Conditions as a Factor of Increasing Its
Productivity in Russia's Regions 118

SECTORAL ECONOMIC STUDIES

- Faikov D.Yu., Baidarov D.Yu. The Impact of the New Model of Nuclear Industry
Diversification on the Development of the Territories of Presence
(Theoretical and Practical Aspects) 135

PUBLIC FINANCE

Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. Metallurgical Corporations and the State: Trends in Financial Interaction of the Last Decade	150
---	-----

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Zubok Yu.A., Lyubutov A.S. Semantic Space of Reality: Structural Taxonomy of the Foundations of Self-Regulation of Interactions in the Youth Environment	167
Mishchuk S.N., Ryazantsev S.V. Migration of Rural Population of the Russian Far East at the Beginning of the 21st Century	182
Bagirova A.P., Notman O.V., Blednova N.D. Urban Environment as a Resource for Combining Professional and Parental Functions	199
Ustinova K.A. Necessity-Based and Opportunity-Based Entrepreneurship: Socio-Demographic Features of the Employed and Their Potential Realization	215
Kostina S.N., Trynov A.V. Cluster Analysis of the Dynamics of the Birth Rate of Fourth and Subsequent Children in Russian Regions	232

GLOBAL EXPERIENCE

Lisicki B. Impairment of Assets of the Issuers in the Conditions of Economic Crisis – Evidence from the Warsaw Stock Exchange	246
---	-----

ACADEMIC LIFE

Schröder A., Shabunova A.A. Social Challenges of Modern World (Case Study of the International Research Workshop)	261
---	-----

PUBLIC OPINION MONITORING

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	266
In Memory of M.F. Sychev	276
Manuscript Submission Guidelines	278
Subscription Information	284

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Замкнутость на материальном как фактор национальной уязвимости России в XXI веке

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. Исследование, представленное в настоящей статье, является логическим продолжением предыдущей публикации рубрики «От главного редактора», которая была посвящена проблеме бездуховности правящих элит, анализу ее причин и последствий. Нижеследующий материал во многом акцентирует внимание на общемировых последствиях либерально-капиталистической идеологии, активно реализуемой глобальными элитами. Рассматриваются ее исторические цели и инструменты, на конкретных фактах анализируются итоги, выражающиеся в специфических изменениях общественных оценок и настроений. В контексте сравнительного анализа динамики общественного мнения в ключевых странах Западной Европы описаны

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Замкнутость на материальном как фактор национальной уязвимости России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 9–33. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. Focus on finances as a factor of Russia's national vulnerability in the 21st century. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 9–33. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.1

тенденции субъективных оценок населения в Российской Федерации. Авторы приходят к выводу о том, что многие негативные последствия целенаправленной политики глобальных элит (в частности, связанные с разрушением системы традиционных ценностей и норм) находят свое отражение и на территории России, что вызывает необходимость повышенного внимания и активной политики государства в вопросах, касающихся разработки идеологии и преодоления бездуховности правящих элит как естественного атрибута исторического периода постмодерна. Исследование опирается на авторитетные международные источники официальной статистической информации (World Bank) и социологических измерений (European Social Survey, Edeleman Trust Barometr), а также на результаты российских и региональных опросов общественного мнения.

Ключевые слова: бездуховность, правящие элиты, национальные интересы, общество, постмодернизм.

В предыдущей статье¹ мы анализировали причины и последствия бездуховности правящих элит, естественным образом исходящей из главного принципа либерального капитализма — «всегда и во всем извлекать личную прибыль и выгоду». Мы пришли к выводу о том, что бездуховность является главным источником накапливающихся в обществе и системе государственного управления противоречий, поэтому искать решение этой проблемы следует, прежде всего, в духовно-нравственной и культурно-ценностной сфере правящих элит, во многом задающих «правила игры» для всего общества и ответственных за эффективность реализации приоритетов национального развития. В том числе речь идет о поиске объединяющей элиты и большую часть населения идеи (идеологии).

В данной статье мы попытаемся проанализировать некоторые, на наш взгляд, отрицательные тенденции, к которым приводит бездуховность правящих элит и которые являются угрозой в плане национальной уязвимости.

Насколько востребована идеология в обществе, которое «замкнуто на материальной состав-

«Стало общим местом признание в массовом сознании и социологическом мониторинге преобладания материальных и эгоистических мотиваций над идеализмом и солидаризмом. Большинство социальных идеалов страны в 1990-е годы были скомканы и отброшены в корзину музейных артефактов, осмеяны и ошельмованы... в целом к настоящему времени в массовом, а еще более – элитном сознании утвердилось либеральное идейное умонстроение»².

ляющей жизни»³? Нужна ли она ему объективно, если учесть, что субъективная потребность в идеологии у российского населения пока уступает место более насущным потребностям в росте уровня и качества жизни, в достижении социальной справедливости, что связано с высоким уровнем неопределенности будущего для государства и социума в условиях экономической, социальной, политической нестабильности, а также духовно-нравственной деградации, к которой приводит доминирование либерально-капиталистической идеи в России и во всем мире?

¹ Ильин В.А., Морев М.В. К чему ведет бездуховность правящих элит? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 9–28.

² Агеев А. Поиск истинного азимута // Завтра. 2021. 11 июня. URL: https://zavtra.ru/blogs/poisk_istinnogo_azimuta

³ Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Экономические детерминанты психологического состояния общества // Мониторинг ВЦИОМ. 2008. № 2. С. 23.

Следует отметить, что вышеозначенное уточнение неслучайно. Многие российские социологи, анализируя динамику общественного сознания в постсоветский период, приходят к выводу о том, что оно наполнено противоречиями и антиномиями, представляющими «сосуществование взаимоисключающих позиций, противостоящих друг другу ориентаций, каждая из которых на достаточно убедительных основаниях претендует на истинность, на реализацию своего права на существование, на реализацию своих установок и в конечном счете на определение стратегии развития общества»⁴.

«В российских условиях теории и идеи либерал-демократов, будучи выражением одной точки зрения и при неучете другой, в данном случае большинства народа, привели к тому, что в постсоветской России существуют и продолжают существовать взаимоисключающие взгляды на ее будущее, на способы реализации ее перспективных целей... К причинам появления антиномий в современном российском обществе можно отнести разрыв между широкообещательными обещаниями правящих сил и тем, что представляет собой реальная жизнь миллионов людей»⁵.

Причиной их появления стала глубокая социокультурная травма, нанесенная естественному процессу эволюции советского общества предательством властвующих элит конца 80-х — начала 90-х гг., после чего Советский Союз распался, а на его обломках возникло государство, не просто чуждое, а полностью противоречащее простому советскому гражданину по фундамен-

тальным (не только экономическим, но и социокультурным, ценностным) основам своего существования.

Противоречия в социальном восприятии многих явлений и процессов современной жизни стали **неизменным атрибутом российского общества, присущим ему и в настоящее время.**

Так, например, отечественные эксперты пришли к выводу о «противоречивости исторического сознания населения». Они пишут о том, что «события оказываются оторванными от конкретных исторических этапов страны и как бы существуют сами по себе, вне истории... однозначно положительно оцениваемые события приходится на периоды нашей истории, которые в целом воспринимаются либо как отрицательные (сталинская диктатура), либо как вообще „забытые“ (СССР при Хрущеве), что свидетельствует о противоречивости исторического сознания россиян»⁶.

Некоторые результаты исследования, о котором идет речь, представлены на *вкладке 1*. Полученные данные свидетельствуют о том, что в периоды своих президентских сроков (по сравнению с послевоенным периодом СССР при Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежнев; до того момента, как либерально-капиталистическая идеология стала проникать в российское общество при М.С. Горбачеве) В.В. Путину удалось вернуть утраченные в 90-е годы уважение людей к церкви, армии (30–40%); ощущение патриотизма, гордости за страну и ее международный авторитет (25–39%); возможности личного обогащения и профессионального роста (32–37%); авторитет гражданских и политических свобод (30%).

⁴ Тощенко Ж.Т. Травма и антиномия — новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 1. С. 40.

⁵ Тощенко Ж.Т. Антиномия — новая характеристика общественного сознания в современной России // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 65.

⁶ Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Парадоксы массового сознания населения России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 8. С. 709.

Но в то же время по сравнению с советским периодом в представлениях людей значительно усилились ощущения неуверенности в будущем (28% при В.В. Путине против 4% при Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежнев), социальной несправедливости (28% против 8), люди чаще отмечают коррупцию (48% против 9–20), преступность и межнациональную напряженность (20–30% против 6).

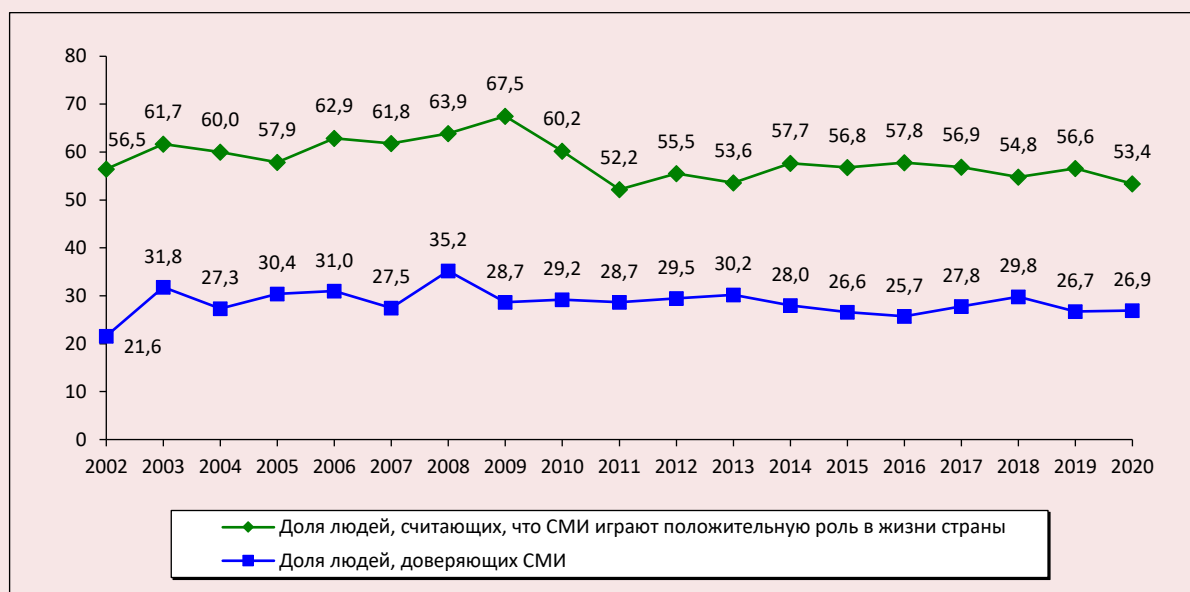
Респонденты реже стали испытывать чувства жизнерадостности (9% против 30), наличия идеалов (8% против 25), равенства всех перед законом (8% против 16), социальной защищенности (16% против 18–37), понизился уровень доверия между людьми (7% против 16–36).

Значительно меньше граждан стали отмечать, что при В.В. Путине Россия может гордиться успехами в искусстве (13% против

20–27), науке (21% против 24–28), образовании (10% против 25–30), промышленности (9% против 22–28), сельском хозяйстве (7% против 20–40).

Наряду с общероссийскими исследованиями пример противоречивости общественного сознания демонстрируют и данные многолетнего мониторинга общественного мнения, который реализует ВолНЦ РАН на региональном уровне. Опросы, проведенные на территории Вологодской области, показывают, что более половины населения (50–70%) на протяжении периода с 2005 по 2020 год стабильно отмечало положительную роль средств массовой информации в жизни страны (рис. 1), однако доверяют им не более 30% граждан (это один из самых низких показателей институционального доверия⁷).

Рис. 1. Оценка роли средств массовой информации и уровень доверия им, % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

⁷ В среднем за период 2000–2020 гг. уровень доверия:

менее 30%: СМИ, профсоюзы, общественные организации, Общественная палата Вологодской области, политические партии, руководители предприятий, банковские и предпринимательские круги;

30–40%: Совет Федерации, Государственная Дума, руководство области, органы местного самоуправления, Общественная палата РФ, армия, суд, полиция, прокуратура, ФСБ;

41% и более: Президент РФ, Правительство РФ, церковь.

Вкладка 1

Характеристика респондентами различных этапов истории страны, %*

Социально-экономические особенности этапа	Исторические периоды							
	Россия при царе (до Революции 1917 г.)	СССР при И.В. Сталине	СССР при Н.С. Хрущеве	СССР при Л.И. Брежнев	СССР при М.С. Горбачеве	Россия при Б.Н. Ельцине	Россия при В.В. Путине	
Тяжелое экономическое положение	16,7	15,9	10,4	6,7	36,5	52,6	12,5	
Страх	12,0	59,3	4,5	3,4	9,5	17,0	6,3	
Социальная защищенность	3,2	7,6	17,8	37,1	3,7	2,5	16,4	
Наличие идеалов	17,4	34,6	22,1	25,1	5,4	3,7	8,0	
Межнациональные конфликты	6,6	6,7	3,1	5,7	28,2	49,6	28,7	
Дисциплина, порядок	10,0	53,4	8,9	13,4	2,9	1,4	8,5	
Быстрое экономическое развитие	11,6	27,8	18,5	12,6	3,3	2,6	20,2	
Подъем сельского хозяйства	15,5	18,4	42,4	18,2	2,7	1,4	6,5	
Жизнерадостность	5,9	5,4	19,6	30,2	4,5	3,3	9,4	
Успехи в искусстве	24,2	13,3	19,6	26,8	7,3	4,5	13,2	
Доверие между людьми	10,0	5,9	16,0	36,3	6,9	3,8	7,0	
Всеобщее равенство перед законом	5,4	13,5	9,0	16,0	3,7	2,0	7,5	
Возможности профессионального роста	5,0	9,8	15,8	29,0	10,6	10,3	32,1	
Возможность стать богатым человеком	10,7	1,0	1,6	3,6	15,7	34,0	36,8	
Преступность, бандитизм	6,0	6,5	4,4	6,1	35,8	57,2	20,5	
Любовь к Отечеству	37,4	42,7	22,3	31,5	12,7	7,4	24,5	
Успехи в образовании	8,0	17,8	20,2	34,9	7,6	3,3	10,9	

Социально-экономические особенности этапа	Исторические периоды							
	Россия при царе (до Революции 1917 г.)	СССР при И.В. Сталине	СССР при Н.С. Хрущеве	СССР при Л.И. Брежнев	СССР при М.С. Горбачеве	Россия при Б.Н. Ельцине	Россия при В.В. Путине	
Авторитет в мире	23,0	35,5	20,4	25,5	10,3	5,8	38,4	
Бюрократизм	9,0	14,9	16,8	31,2	33,9	39,0	34,7	
Кризис	5,2	4,9	6,2	6,4	38,5	51,3	27,3	
Гражданские и политические свободы	4,7	1,7	7,3	4,2	12,4	17,4	30,2	
Успехи в науке и технике	7,5	21,8	24,0	28,4	5,6	3,6	21,3	
Чувство гордости	14,8	25,4	14,9	19,7	5,1	3,2	25,0	
Неуверенность в своем будущем	7,3	8,0	3,8	4,1	32,5	46,5	27,5	
Уважение к православной церкви	50,0	2,1	1,3	2,3	3,9	10,2	39,8	
Мощная промышленность	10,2	28,3	21,7	28,2	3,0	1,8	9,1	
Мощная армия	13,3	37,9	17,4	25,0	3,5	2,6	29,6	
Социальная несправедливость	18,0	8,4	7,3	8,4	23,4	41,0	27,5	
Коррупция, взятки	7,4	4,4	9,5	19,6	36,8	58,5	48,2	
Бездуховность	1,9	12,7	10,0	10,3	22,7	30,9	14,2	

* Зеленой заливкой выделены позитивные итоги развития страны (по субъективным оценкам россиян) в периоды президентских сроков В.В. Путина по сравнению с периодами правления Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева.
Красной заливкой выделены негативные итоги развития страны (по субъективным оценкам россиян) в периоды президентских сроков В.В. Путина по сравнению с периодами правления Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева.
Исследование было проведено Центром социального прогнозирования и маркетинга в мае 2016 года по общероссийской репрезентативной районированной выборке с квотным отбором респондентов на последней ступени. Объем выборки – 2200 чел. в возрасте 16 лет и старше.
Источник: Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Парадоксы массового сознания населения России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 8. С. 710–711.

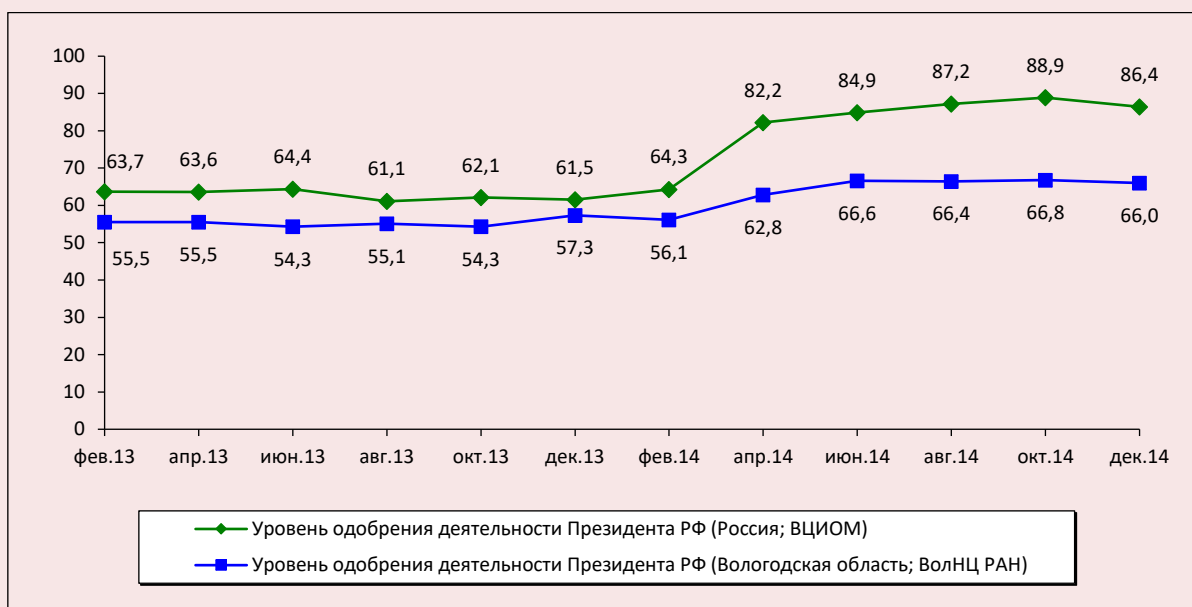
Таким образом, возникнув в период социокультурного кризиса начала 1990-х гг., противоречивость общественного сознания по-прежнему является характеристикой российского социума.

О такой же противоречивости мы можем говорить и в отношении потребности российского общества в идеологии. С одной стороны, обращение президента в публичных высказываниях к социокультурным аспектам всегда вызывало поддержку среди населения и составляло основу глубинного государства⁸.

Можно, например, вспомнить о том, насколько уверенно рос уровень поддержки Президента РФ в период «крымской весны», когда психологическое состояние общества многие эксперты называли не иначе как «эйфорией»⁹ (рис. 2).

Не менее показательны и результаты голосования по поправкам к Конституции, в большинстве своем направленным на укрепление национальной идентичности и усиление социальных обязательств государства¹⁰. Напомним, что 1 июля 2020 г. в референдуме по внесению

Рис. 2. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ жителями Российской Федерации и Вологодской области, % от числа опрошенных

Представлены данные за 2013–2014 гг. по периодам проведения «волн» мониторинга ВолНЦ РАН (февраль, апрель, июнь, август, октябрь, декабрь).

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

⁸ Сурков В.Ю. Долгое государство Владимира Путина // Независимая газета. 2019. 11 февр. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html

⁹ Опрос ВЦИОМ: эйфория от присоединения Крыма спадает // Лента новостей Крыма. 05.05.2015. URL: <https://crimea-news.com/politics/2015/05/05/87597.html>

¹⁰ К таким поправкам можно отнести, например, приоритет Конституции РФ над нормами международного права; невозможность иметь иностранное гражданство лицам, занимающим должности, критически важные для обеспечения безопасности и суверенитета страны; запрет на отчуждаемость российских территорий; государственную гарантию доступной и качественной медицинской помощи; обязательную ежегодную индексацию пенсий; гарантию оказания адресной социальной поддержки, индексацию социальных пособий и выплат; ответственность государства за защиту прав трудящихся россиян, а также установление МРОТ не менее величины прожиточного минимума и т. д.

Таблица 1. Явка избирателей и доля голосов, отданных за В.В. Путина на президентских выборах в период с 2000 по 2018 год, а также за поправки к Конституции в 2020 г.

	Выборы Президента РФ								Общероссийское голосование по поправкам к Конституции (1 июля 2020 г.)	
	26 марта 2000 г.		14 марта 2004 г.		4 марта 2012 г.		18 марта 2018 г.			
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
явка	75181071	68,74	69581430	64,39	71780800	65,34	73624100	67,54	74215555	67,97
голоса	39740434	52,94	49563020	71,31	45602075	63,60	56426399	76,69	57747288	77,92

изменений в Основной закон страны приняло участие более 74 млн человек, при этом почти 58 млн человек поддержали вектор развития России в сторону усиления основ социально-государства (*табл. 1*). Показатели стали рекордными, если сравнивать их с поддержкой В.В. Путина на всех президентских выборах, в которых он принимал участие. И стоит отметить, что это был, по сути, референдум о персональном доверии В.В. Путину, поскольку в отличие от президентских выборов здесь не было других кандидатов.

С другой стороны, ключевые проблемы, волнующие население, на протяжении всего постсоветского периода были связаны с материальной составляющей: бедность, инфляция, низкий уровень жизни, доходное неравенство, жилищное обеспечение... На их фоне такая проблема, как «бездуховность, разгул безнравственности», просто меркнет, что, очевидно, можно считать одним из итогов неэффективности управления государством, «сбросившего» со своих плеч заботу о будущем, включая морально-нравственный облик подрастающих поколений.

Так, доля людей, обеспокоенных проблемой инфляции, за период с 1999 по 2020 год увеличилась с 55 до 58% (на 3 п. п.); проблемой расслоения общества на «бедных» и «богатых» — с 21 до 35% (на 14 п. п.); проблемой жилищного

«...виден вектор эволюции массового сознания в России за последние 40 лет: сдвиг в пользу „материализма” и „эгоизма” существенно подорвал, даже переключил полюса системы ключевых ценностей, на которых строилось мировоззрение, жизненные ориентиры и поведение россиян...

В российскую жизнь ворвались две амбициозные ценности – индивидуализм с его успехом любой ценой ради власти, наживы и славы и материализм как предпочтение успеха материального успеху иному – в творчестве, семейном счастье, в поиске истин и тому подобных „идеальных материй”»¹¹.

обеспечения – с 12 до 25% (на 13 п. п.; *табл. 2*). Для сравнения, «бездуховность, разгул безнравственности» на протяжении всего периода с 1999 по 2020 год в качестве одной из наиболее актуальных проблем отмечали не более 18% опрошенных.

Кроме того, своеобразным маркером является то, что по данным российских исследований¹² материальные приоритеты и жизненный успех для новых поколений россиян важнее, чем соблюдение законов морали и нравственности. Об этом мы более подробно говорили в предыдущей статье¹³.

¹¹ Агеев А. Глобальная суэта // Завтра. 2021. 19 февр. URL: https://zavtra.ru/blogs/prizhok_v_detnost_

¹² Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. 2015. № 12.

¹³ Ильин В.А., Морев М.В. К чему ведет бездуховность правящих элит? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 9–28.

Таблица 2. Наиболее актуальные проблемы, волнующие население*

Проблема	1999 г.		2000 г.		2004 г.		2008 г.		2012 г.		2018 г.		2020 г.	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Инфляция	54,5	2	44,7	2	39,5	1	56,3	1	55,3	1	53,7	1	57,9	1
Низкий уровень жизни, бедность	57,1	1	50,8	1	32,8	4	41,4	2	43,2	2	51,1	2	53,8	2
Расслоение населения на «бедных» и «богатых»	21,3	9	27,7	7	30,8	5	31,4	4	37,5	3	35,9	3	35,3	3
Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья	11,8	14	16,8	9	23,1	9	36,3	3	28,6	4	23,5	4	25,0	4
Экономическая нестабильность, остановка предприятий	39,6	4	29,1	6	14,8	13	17,0	10	16,5	11	22,5	6	24,6	5
Социальная незащищенность граждан	32,5	6	34,4	4	28,7	6	24,8	7	22,3	8	19,9	9	23,8	6
Высокий уровень преступности, незащищенность от криминалитета, хулиганства	33,4	5	36,9	3	34,2	3	28,4	5	25,5	6	19,0	10	20,2	7
Политическая нестабильность	21,9	8	16,0	10	8,7	17	7,8	15	11,2	16	23,1	5	19,5	8
Коррупция, взяточничество	14,8	11	15,4	11	18,7	10	17,5	9	19,8	9	21,9	7	17,5	9
Неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт и т. д.)**	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	25,3	7	20,1	8	16,7	10
Бездуховность, разгул безнравственности	11,6	15	15,1	12	18,2	11	11,0	14	12,2	13	13,5	15	10,7	17

* Ранжировано по данным на 2020 г. Всего в опросе фигурирует 23 проблемы.
** Вариант ответа включен в анкету с 2012 г.
Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

Таким образом, анализируя проблему бездуховности, важно исходить не только из субъективной потребности населения в ее преодолении, но также из специфики объективных негативных последствий, которые она влечет за собой для государства и общества.

Для этого мы бы хотели обратить внимание на два аспекта. **Первый** — о том, каких результатов удалось достигнуть глобальным правящим

элитам в исторической борьбе за мировое господство. Как отмечают эксперты, «Байден и силы, которые за ним стоят, воплощают в себе кульминацию исторического процесса, берущего начало еще в Средневековье, достигшего зрелости в Новое время вместе с появлением капиталистического общества и сегодня доходящего до своей последней стадии — теоретически намеченной с самого начала»¹⁴.

¹⁴ Дугин А. Манифест Великого Пробуждения // Официальный сайт Изборского клуба. 06.03.2021. URL: <https://izborsk-club.ru/20749>

Второй аспект – насколько способствуют ценности, лоббируемые глобальными правящими элитами, укреплению психологического состояния общества и основ глубинного государства непосредственно в России.

Обратимся к данным авторитетного международного проекта «Европейское социальное исследование», в котором Россия участвует с 2006 года. Как указано на официальном сайте проекта, исследование проводится «в большинстве европейских стран»¹⁵. Для сравнения с Россией нами были отобраны ключевые страны Западной Европы, имеющие высокий геополитический статус и ни разу не пропускавшие участие в проекте за период с 2016 по 2018 год. Таким образом, наряду с Российской Федерацией в выборку вошли Германия, Великобритания и Франция¹⁶.

В контексте поставленных нами задач о многом говорит тот факт, что уровень экономики и уровень жизни населения в указанных европейских странах значительно выше, чем в России (табл. 3), особенно если учитывать национальные «отличия» методологии расчета бедности.

Причем следует отметить, что за 2000–2019 гг. среднегодовые темпы роста ВВП в России (+102,9 долл. США в среднем за год) были существенно ниже, чем в ведущих странах

«В мире разработано много разных методик выявления и снижения бедности. Например, считают не монетарную бедность, а „бедность по лишениям“, когда в семье не хватает определенных товаров и услуг, она считается неблагополучной и ей оказывается адресная помощь. В ЕС выделено порядка 17 таких категорий товаров и услуг. Наш Росстат считает, если мне не изменяет память, 8 этих зафиксированных благ, отсутствие которых говорит о неблагополучии семьи»¹⁷.

Европы: Великобритании (+177,9), Германии (+241,4), Франции (+177,9).

Однако, несмотря на это, европейские государства в большей степени охвачены «пожаром» массовой протестной активности, чем Россия: протестное движение «желтых жилетов» во Франции (против повышения цен на топливо; 2018 г.), группы «All Black Lives» в Великобритании (против расизма; 2019–2020 гг.), «Querdenker 711» в Германии (против смягчения комендантских ограничений в период пандемии; 2020 г.), волна экологических протестов практически по всей Европе и США (2019 г.), брекзит Великобритании (2016 г.) и т. д. — все это типичные примеры недовольства простых людей существующими нормами эффективности государственного управления.

Таблица 3. Динамика ВВП на душу населения*, 2019 г., в пост. ценах 2010 г., долл. США

Страна	2000 г.	2010 г.	2019 г.	Изменение (+ / –), 2019 г. к 2000 г.	Среднегодовые изменения за 2000–2019 гг.
Германия	37934,5	41531,9	47469,5	+4827,8	+241,4
Франция	38309,4	40638,3	44320,1	+5483,3	+274,2
Великобритания	35672,9	39435,8	43710,5	+3557,8	+177,9
Россия	6491,1	10675,0	12011,5	+2057,5	+102,9

* Ранжировано по убыванию ВВП на душу населения в 2019 г.

Источник: данные Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator?tab=all>

¹⁵ Официальный сайт Европейского социального исследования. URL: <http://www.ess-ru.ru>

¹⁶ Франция не участвовала в исследовании в 2012 г. Однако, учитывая ее статус в Европе, мы решили сохранить ее место в выборке.

¹⁷ Экзорцист Голикова изгонит бедных из страны (интервью с В.Н. Бобковым) // Аргументы недели. 2019. 7 февр. С. 3.

Лукьянов Ф.А. (председатель президиума совета по внешней и оборонной политике России): «Мы имеем дело с глобальным процессом. По разным причинам растущее число жителей разных стран выражают недоверие высшим слоям... В целом Россия является не островом, а даже материком стабильности внутри тренда. Но если тренд есть, волны накатывают, и трудно предсказать, что будет в следующие годы»¹⁸.

Кузнецов Г.С. (руководитель экспертного совета Экспертного института социальных исследований): «Общие черты нового договора в глазах протестующих – это государство как инструмент распределения богатств в пользу большинства, справедливость не в труде, а в распределении благ. Люди просто хотят получить большую долю национального богатства, считая нынешнюю систему несправедливой»¹⁹.

Соколова Е.Н. (политолог, руководитель департамента стратегических исследований и прогнозирования ЭИСИ): «Россия и Казахстан оказались в конце рейтинга, отражающего уличную активность оппозиции разных стран мира, при этом в РФ в 2019 году количество протестов даже снизилось»²⁰.

Указанные факты реальной жизни говорят о том, что уровень и качество жизни, хотя и выступают обязательным условием достижения конструктивного консенсуса между властью и обществом, не являются его гарантом. Следовательно, целеполагание как функция системы государственного управления, будучи основанной лишь на удовлетворении материальных потребностей населения, априори уязвима. Такое целеполагание в любой момент может привести к внутреннему подрыву основ существующего государственного строя, для чего достаточно «вбросить» в обще-

ство ту или иную идею, которые (как показывают последние годы) могут быть самыми, на первый взгляд, безумными.

«Еще в 2008 г. правительство Франции создало исследовательскую группу во главе с профессорами Амартия Сеном, Джозефом Э. Стиглицем, Жан-Полем Фитусси. Заключительный доклад этой группы был опубликован в сентябре 2009 г. (Sen, Stiglitz, Fitoussi, 2009). В нем показано, что ВВП (или ВРП – внутренний региональный продукт) весьма плохо отражает материальное благосостояние людей в обществе, а его максимизация является ложной целью национальной политики»²¹.

Данные Европейского социального исследования позволяют наглядно продемонстрировать динамику результатов, которых достигают глобальные правящие элиты в процессе установления своего доминирования, прежде всего в идеологической сфере.

С одной стороны, мы видим, что за 2006–2018 год в ключевых странах Западной Европы (Германия, Франция, Великобритания) увеличилась доля людей, толерантных к правам сексуальных и национальных меньшинств, а также выступающих за продолжение глобализации (*вкладка 2А*). С другой стороны, за то же время «пошатнулись» традиционные культурные и духовно-нравственные ценности, связанные с религиозностью и, особенно, – с брачно-семейными установками, причем это коснулось не только европейцев.

Так, за период с 2006 по 2018 год в Германии и Франции уменьшилась доля людей, регулярно посещающих религиозные службы (на 4 п. п.; *вкладка 2Б*). В Великобритании снизился удель-

¹⁸ Россия не в тренде: эксперты оценили глобальную протестную активность // РИА-новости. 2019. 11 дек. URL: <https://ria.ru/20191211/1562290033.html>

¹⁹ Там же.

²⁰ Россия оказалась в конце рейтинга стран из мирового «индекса протестов» // Газета.ру. 2019. 11 дек. URL: <https://finance.rambler.ru/other/43330880-rossiya-okazalas-v-kontse-reytinga-stran-iz-mirovogo-indeksa-protestov/>

²¹ Волконский В.А., Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В. Либерализм и государство: экономический рост и неравенство // Экономическая наука современной России. 2020. № 2 (89). С. 149.

ный вес тех, кто считает себя религиозными людьми (на 2 п. п.). Во всех анализируемых странах (включая Россию) уменьшилась доля людей, состоящих в официальном браке (на 15–26 п. п.), а также снизился удельный вес тех, кто имеет (или имел когда-либо) своих или приемных детей (на 15–24 п. п.).

Следует отметить, что авторская позиция не нацелена на критику самой толерантности. Как отметил Президент РФ, «в России не было, нет и не будет ограничений прав по признаку расы, сексуальной ориентации и отношению к религии»²², и это, на наш взгляд, абсолютно правильно.

Угроза заключается в том, что под прикрытием борьбы за права тех или иных социальных групп глобальные правящие элиты решают свои исторические задачи, а вовсе не способствуют достижению мира во всем мире. Конкретные цифры, свидетельствующие об уменьшении численности населения и дискредитации традиционных культурно-ценностных институтов (религии), мы привели во вкладке 2. Во вкладках 3–4 представлены экспертные

«Нынешнее разнообразие идейно-идеологического состояния общества отличается тем, что можно называть „разроссияниванием”. Общество чем дальше, тем больше в своем ценностном спектре рассыпается на индивидуальные атомы, у каждого из которых своя микро- и наноидеология, своя гибкая, обычно несистематизированная ценностная ориентация, свой аккаунт в сонме социальных сетей, который тем ценнее, чем оригинальнее в смысле эпатажности „креатива”»²³.

мнения, которые, на наш взгляд, в наиболее концентрированном виде показывают истинные цели, преследуемые глобальными правящими элитами, и инструменты, используемые для их достижения.

Снижение демографического потенциала и разрушение существующей системы духовно-нравственных и социокультурных ценностей — это инструменты, которые целенаправленно используются глобальными правящими элитами для установления мировой власти и выведения «породы служебных людей»²⁴. Российское общество в полной мере испытало их негативное воздействие в период распада Советского Союза.

В настоящее время страны Западной Европы в большей степени находятся под влиянием глобальных правящих элит. Глубоко традиционный характер российского менталитета, психологическое отторжение большинством населения периода «лихих 90-х», историческая память об СССР как об одной из наиболее могущественных держав мира, национально ориентированная внешняя политика, реализуемая В.В. Путиным, — все это препятствует негативному влиянию «коллективного Запада» и пока еще сохраняет у значительной части россиян приверженность традиционным духовно-нравственным ценностям.

«Опыт последних трех десятилетий в России свидетельствует о том, что большинство народа не принимает не только „кумовского капитализма”..., а всего капиталистического устройства общества с его либеральной идеологией»²⁵.

²² Выступление Президента РФ В.В. Путина на встрече с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию // Официальный сайт Президента РФ. 03.07.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63599>

²³ Агеев А. Поиск истинного азимута // Завтра. 2021. 11 июня. URL: https://zavtra.ru/blogs/poisk_istinnogo_azimuta

²⁴ Доклад М.В. Ковальчука на круглом столе Министерства обороны «Психологическая оборона. Война за историю — война за выживание» 25 августа 2020 г. URL: <https://ok.ru/mirovozren/topic/152400692997072>

²⁵ Волконский В.А., Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В. Либерализм и государство: экономический рост и неравенство // Экономическая наука современной России. 2020. № 2 (89). С. 152.

Вкладка 2(А)

Страна	Доля людей, согласных с тем, что «геи и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам», %									
	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2018 г. к 2006 г.	Средне- довые из- менения за 2006–2018 гг.	За период с 2006 по 2018 год, в отличие от ситуации в ключевых странах Западной Европы, доля россиян, считающих, что «геи и лесбиянки имеют право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам», незначительно уменьшилась (на 9 п. п., с 26 до 17%).
Германия	70	81	81	84	87	88	87	+17	+1,42	
Франция	78	85	82	82	82	87	89	+11	+0,92	
Великобритания	78	81	84	82	84	87	88	+10	+0,83	
Россия	26	25	25	20	14	14	17	-9	-0,75	

Страна	Доля респондентов, толерантных к приезду в их страну людей, отличающихся по национальности от большинства населения, %									
	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2018 г. к 2006 г.	Средне- довые из- менения за 2006–2018 гг.	Доля россиян, поддерживающих приток в Россию людей другой национальности, за 2006–2018 гг. фактически не изменилась (11%). В странах Западной Европы удельный вес разделяющих это мнение заметно возрос: в Германии – на 12 п. п. (с 10 до 22%), во Франции – на 7 п. п. (с 9 до 16%), в Великобритании – на 12 п. п. (с 8 до 20%).
Германия	10	17	16	21	25	23	22	+12	+1,00	
Франция	9	9	9	9	12	14	16	+7	+0,58	
Великобритания	8	8	8	7	10	15	20	+12	+1,00	
Россия	11	11	12	8	8	8	11	0	0,00	

Окончание вкладки 2(А)

Страна	Доля людей, родившихся в стране, в которой проживают, %										Средне- довые из- менения за 2006–2018 гг.
	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2018 г. к 2006 г.			
Германия	91	90	89	88	89	88	87	-4	-0,33		
Франция	90	92	91	89	89	90	87	-3	-0,25		
Великобритания	89	89	88	87	85	85	85	-4	-0,33		
Россия	93	95	94	94	94	95	95	+2	+0,17		

В России численность коренного населения за период с 2006 по 2018 год незначительно увеличилась (на 2 п. п., с 93 до 95%). В ведущих странах Старого Света отмечается снижение данного показателя на 3–4 п. п.

Страна	Доля людей, согласных с тем, что «процесс объединения Европы должен продолжаться» (доля людей, отметивших более 5 баллов по 10-балльной шкале)										Средне- довые из- менения за 2006–2018 гг.
	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2018 г. к 2006 г.			
Германия	36	42	48	47	55	55	59	+23	+1,92		
Франция	35	39	39	35	37	37	39	+4	+0,33		
Великобритания	23	22	19	18	25	25	27	+4	+0,33		
Россия	32	34	29	17	18	18	23	-9	-0,75		

В России за период с 2006 по 2018 год доля поддерживающих объединение Европы уменьшилась на 9 п. п. (с 32 до 23%). В ведущих странах Старого Света доля разделяющих это мнение заметно увеличилась (особенно в Германии – на 23 п. п., с 36 до 59%).

Вкладка 2(Б)

Страна	Доля респондентов, считающих себя религиозными людьми, %										Средне- довые из- менения за 2006–2018 гг.
	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2018 г. к 2006 г.			
Германия	33	38	37	40	37	37	36	+3			+0,25
Франция	26	26	26		41	43	43	+17			+1,42
Великобритания	31	32	30	34	31	30	29	-2			-0,17
Россия	29	33	36	35	37	33	37	+8			+0,67

Доля респондентов, считающих себя религиозными людьми, увеличилась в Германии (на 3 п. п., с 33 до 36%), России (на 8 п. п., с 29 до 37%) и особенно во Франции (на 17 п. п., с 26 до 43%). Однако она снизилась в Великобритании (на 2 п. п., с 31 до 29%) и многих других странах Европы (Бельгии, Швейцарии, Финляндии, Норвегии, Нидерландах и др.).

Страна	Доля людей, посещающих религиозные службы хотя бы раз в месяц или по религиозным праздникам, %										Средне- довые из- менения за 2006–2018 гг.
	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2018 г. к 2006 г.			
Германия	41	39	42	42	41	41	37	-4			-0,33
Франция	34	31	31		30	29	30	-4			-0,33
Великобритания	30	31	29	33	32	31	32	+2			+0,17
Россия	31	36	37	42	39	43	43	+12			+1,00

Доля людей, посещающих религиозные службы хотя бы раз в месяц или по праздникам, заметно увеличилась только в России (на 12 п. п., с 31 до 43%). В Великобритании она существенно не изменилась (30–32%); в Германии и Франции – уменьшилась на 4 п. п. (с 41 до 37 и 34 до 30% соответственно).

Окончание вкладки 2(Б)

Страна	Доля людей, состоящих или состоявших в официальном браке*, %										Средне- довые из- менения за 2006–2018 гг.
	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2018 г. к 2006 г.			
Германия	70	59	86	84	55	54	54	-16			-0,75
Франция	68	55	78		54	48	47	-21			-1,75
Великобритания	70	56	81	83	55	53	55	-15			-1,25
Россия	73	61	89	88	49	51	47	-26			-2,17

* В разные годы формулировки вопросов менялись. Взятые варианты ответов «да»; «женат, замужем»; «состою в официальном браке».

Доля людей, состоящих в официальном браке, за период с 2006 по 2018 год уменьшилась во всех анализируемых странах Европы, особенно в России (на 26 п. п., с 73 до 47%).

Страна	Доля людей, у которых когда-либо рождались или были приемные дети*, %										Средне- довые из- менения за 2006–2018 гг.
	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2018 г. к 2006 г.			
Германия	65	46	45	47	47	47	47	-18			-1,50
Франция	72	51	54		57	58	57	-15			-1,25
Великобритания	69	48	50	53	56	52	51	-18			-1,50
Россия	72	50	48	44	47	46	48	-24			-2,00

* До 2008 г. использовалась формулировка вопроса «У Вас когда-нибудь рождались дети?». С 2008 г. вопрос формулируется как «Были ли у Вас когда-нибудь свои или приемные дети?». Используется вариант ответа «да».

Доля людей, у которых когда-либо рождались или были приемные дети, за последние 12 лет также уменьшилась во всех анализируемых странах Европы. В России этот показатель снизился на 24 п. п. (с 72 до 48%).

Вкладка 3

Исторические цели политики глобальных правящих элит

«„Номинализм” заложил основу будущего либерализма — и в идеологии, и в экономике. Человек здесь мыслится именно индивидуумом — и ничем больше, а все формы коллективной идентичности (религия, сословие и т. д.) подлежали упразднению. Отталкиваясь от номинализма, мы можем проследить весь путь исторического либерализма.

✓ Первая фаза заключалась во внедрении номинализма в сферу религии. Коллективную идентичность Церкви, как ее понимал католицизм (и в еще большей мере православие), протестанты заменили отдельными индивидуумами, которые могли отныне толковать Священное Писание, опираясь только на свой рассудок и отвергая любую традицию.

✓ Тактически использовав Советскую Россию, капитализму вначале удалось справиться с фашистскими режимами, и это стало идеологическим результатом Второй мировой войны. Последовавшая за этим „холодная война” между Западом и Востоком к концу 80-х годов XX века завершилась победой либералов над коммунистами. Так проект освобождения индивидуума от всех форм коллективной идентичности и „идеологический прогресс” в понимании либералов прошел еще одну стадию.

✓ После победы над последним идеологическим противником — социалистическим лагерем — капитализм подошел к решающей черте... либералы обнаружили еще две формы коллективной идентичности. Прежде пол — это также нечто коллективное: либо мужское, либо женское. Поэтому следующим этапом стало уничтожение пола как чего-то объективного, существенного и неотменимого...

✓ По мере успехов институционализации норм гендерной политики и успехов массовой миграции, атомизирующей население в странах самого Запада (что также вписывается полностью в идеологию прав человека, оперирующую с индивидуумом без учета его культурных, религиозных, социальных или национальных аспектов), стало очевидным, что либералам остается сделать последний шаг — и упразднить человека. Ведь человек — это тоже коллективная идентичность, а значит, ее следует преодолеть, отменить, упразднить.

✓ Таким образом, последний шаг, который осталось сделать либералам, прошедшим многовековой путь к своей цели, заменить людей — пусть частично — киборггами, сетями Искусственного Интеллекта и продуктами генной инженерии... это прогнозируется в пределах от 10 до 20 лет»²⁶.

²⁶ Дутин А. Манифест Великого Пробуждения // Официальный сайт Изборского клуба. 06.03.2021. URL: <https://izborsk-club.ru/20749>

Инструменты достижения целей политики глобальных правящих элит

«Скрытые смыслы либеральных лозунгов. Давайте разберем — пока коротко — что скрывается за этими самыми правшилами:

- ✓ **Демократия.** Именно она обеспечивает мечту либерала — честные выборы. Но поскольку среднестатистический избиратель, как правило, мало образован в вопросах управления обществом..., то массы именно поэтому чрезвычайно управляемы, и на практике все выборы сводятся к применению технологий манипулирования сознанием и жестким программированием общественного сознания и подознавательных установок.
- ✓ **Свободное предпринимательство, не ограниченное государством.** Те, кто живет в России, уже успел понаблюдать, как пришедшие с мешком криминальных денег „предприниматели“ скупают магазины и детские сады, ставят своих директоров, „перепрофилируют“ заводы и институты в склады импортного ширпотреба.
- ✓ **„Права личности“.** Человек волен полностью распоряжаться собой и сам для себя решает такие вопросы как возраст вступления в половые отношения, аборт, употребление алкоголя и других наркотиков. Причем с самого раннего возраста. Но давайте не будем лукавить: получить кайф для многих гораздо предпочтительней, чем готовить уроки в школе. Если главный принцип — живи для себя, — зачем заводить семью и детей, если они так ограничивают возможности для самоутверждения?
- ✓ **„Толерантность“.** Толерантность утверждает, что не существует умных/глупых, квалифицированных/дилетантских мнений. Существуют просто разные, но обязательно — равноценные — мнения. Тогда обязательно что-то знать и в чем-то разбираться. Вполне хватит просто заявить: „Такое мое мнение“, — и все. Это мнение автоматически становится чем-то таким, к чему окружающие должны прислушиваться со всяческим почтением.
- ✓ **Свобода.** Может ли вообще существовать никем и ничем не ограниченная свобода? Во что превратится любой памятник архитектуры, если его кирпичам и бревнам предоставить полную свободу и независимость от принуждения со стороны цемента и соседних кирпичей и бревен? А в личной жизни? Все мы люди взрослые и понимаем, на что будет похожа семья, в которой муж или жена считает себя абсолютно свободной, никакими узами не стесненной личностью...
- ✓ **Равенство.** Самое разрушительное — это проповедуемое равенство между нормой и патологией. Думаю, не много найдется нормальных людей, искренне убежденных в том, что однополая „любовь“ — не уродство на грани преступления, а именно „любовь“. И кем надо быть, чтобы заявлять о нормальности приема легких наркотиков?»²⁷

²⁷ Азаров В. Либерализм как идеология // Официальный блог Н. Старикова. 05.07.2012. URL: <https://nstarikov.ru/liberalizm-kak-ideologiya-19077>

Тем не менее Россия является частью глобального мира и поэтому не может не испытывать на себе влияние глобальных сил. **«Ключом к открытию дверей в «русский мир» становятся для них правящие элиты внутри страны, которые лоббируют интересы «коллективного Запада», считая себя его частью, хотя таковой, по сути, не являются.** Российские элиты имеют тесные семейные и рабочие связи с западным миром, но все они носят личный характер. Это можно было бы понять, если бы речь шла исключительно о бизнесе, взаимовыгодном сотрудничестве предпринимателей с целью увеличения своей прибыли. Но, учитывая тесное переплетение экономических и политических элит

в России, это «взаимовыгодное сотрудничество» становится частью государственного управления, способствующего личному обогащению его субъектов, но противоречащего национальным интересам, в первую очередь интересам национальной безопасности и перспектив будущего.

Здесь как раз в полной мере проявляется суть капитализма, когда личная материальная выгода отодвигает на второй план вопросы идеологического характера и национальных интересов.

Речь, в частности, идет о демографическом потенциале России, пожалуй, квинтэссенции и главном критерии эффективности государственного управления.

«Независимо от того, действует ли крупный бизнес напрямую или использует неформальное лоббирование, у него имеется гораздо больше „доступа к политике“, больше возможностей влиять на политические решения по сравнению с большинством других групп избирателей, чьи интересы не представлены профессионально или вообще не представлены.

Избиратели имеют один голос в каждом электоральном цикле. Но деловые круги, наряду с другими заинтересованными группами, имеют и второй голос, когда они могут финансировать политические партии, высказывать мнение через своих представителей в официальных правительственных обсуждениях, а также через механизмы неформального лоббирования. Представители крупного бизнеса могут напрямую влиять на представителей правительства, вступать в переговоры, в которых отказывают всем остальным гражданам, интересы которых часто вообще не представлены. **В результате интересы большинства граждан вообще не учитываются»²⁸.**

«Демография – не та сфера, где уместны и эффективны лишь административно-экономические методы. В демографии отражается долговременный опыт нации, глубинные ценностные установки личностей и всех групп общества, культура – все то, что восходит, в конце концов, к смыслу жизни. Хотя эти понятия кажутся аморфными, роль реальности, которую они выражают, колоссальна»²⁹.

По оценкам демографов, «за 1990–1999 годы в России родилось на 9 миллионов человек меньше, чем за 1980–1989 годы... Совокупная естественная убыль населения России за 1992–2008 годы составила 12,6 миллиона человек»³⁰.

Снижение численности населения – это ослабление человеческого и, в том числе, интеллектуального потенциала страны, то есть ослабление ее конкурентных преимуществ, угроза национальной безопасности. В своих ключевых выступлениях В.В. Путин обращает внимание

²⁸ Волконский В.А., Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В. Либерализм и государство: экономический рост и неравенство // Экономическая наука современной России. 2020. № 2 (89). С. 153.

²⁹ Агеев А. Глобальная суета // Завтра. 2021. 19 февр. URL: https://zavtra.ru/blogs/prizhok_v_detnost

³⁰ Тут лишних нет (интервью с А. Вишневым) // Российская газета. 2010. 7 апр. URL: <https://rg.ru/2010/04/07/vishnevskij.html>

на то, что «сбережение народа России – наш высший национальный приоритет»³¹; одна из новых поправок к Конституции гласит: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России»³². В последние годы (особенно на фоне пандемии коронавируса) президентом инициируются беспрецедентные меры по поддержке численности населения: материнский капитал, различного рода социальные выплаты, обеспечение здорового питания в школах и многое другое.

Однако, как отмечают многие эксперты, **«трансформация миропорядка и демографическая проблематика – это не та область, где желаемый эффект достигается простым ростом инвестиций в „человеческий капитал“, безусловно крайне необходимым... Искать решения нужно не столько в хитросплетениях „нормативной базы“, сколько в понимании проблем и задач на всем протяжении жизненного цикла человека от колыбели до погоста, а главное – того, ради чего человек живет»**³³.

«Российские показатели рождаемости еще до коронавирусного кризиса были хуже, чем во многих странах Европы... Коронавирусный кризис усугубил ситуацию.

Материальная помощь государства родителям – жизненно необходимая, но не достаточная мера демографической политики. Очевидно, что после появления ребенка семье даже из трех человек крайне сложно жить на папину зарплату, если она составляет 30–40 тыс. рублей. А именно таковы доходы людей в городах срединной России. И понятно, что разовые выплаты из бюджета коренным образом изменить их не могут...

Поскольку экономические и демографические проблемы взаимно усугубляют друг друга, выход из порочного круга видится во внеэкономических факторах»³⁴.

Отсутствие в обществе понимания того, ради чего человек живет, игнорирование правящими элитами роли данного фактора в решении демографических проблем, попытка **не дополнить, а заменить** его на интенсивное применение материальных, финансовых, юридических и т. д. инструментов приводят к устойчиво высокой доле людей, не уверенных в своем будущем, что, в свою очередь, отражается на их желании иметь детей.

«Общая логика проста: чтобы у людей было желание иметь детей, нужно существенное улучшение перспектив будущего»³⁵.

Данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН показывают, что рост доли людей, не уверенных в завтрашнем дне, стал рекордным на фоне пандемии COVID-19, **но далеко не единственным за весь период измерений.** Сегодня, в условиях колоссальной неопределенности и комплексных (не только эпидемиологических) угроз для каждого человека, доля людей, не уверенных в своем будущем, составляет 57% (рис. 3). Однако эта форс-мажорная ситуация на самом деле вполне сопоставима, например, с началом 2000-х гг. (2000–2002 гг., когда доля людей, не уверенных в завтрашнем дне, составляла 56–60%) и серединой 2010-х гг. (2014–2016 гг., 55–61%).

В целом за период с 2000 по 2020 год доля людей, испытывающих страх перед завтрашним днем, уменьшилась лишь на 4 п. п. (с 61 до 57%), но важна даже не «позитивная» динамика, а именно значительные масштабы распространения неуверенности в будущем, которая на протяжении последних десяти лет характерна фактически для каждого второго человека.

³¹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 21.04.2021 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418>

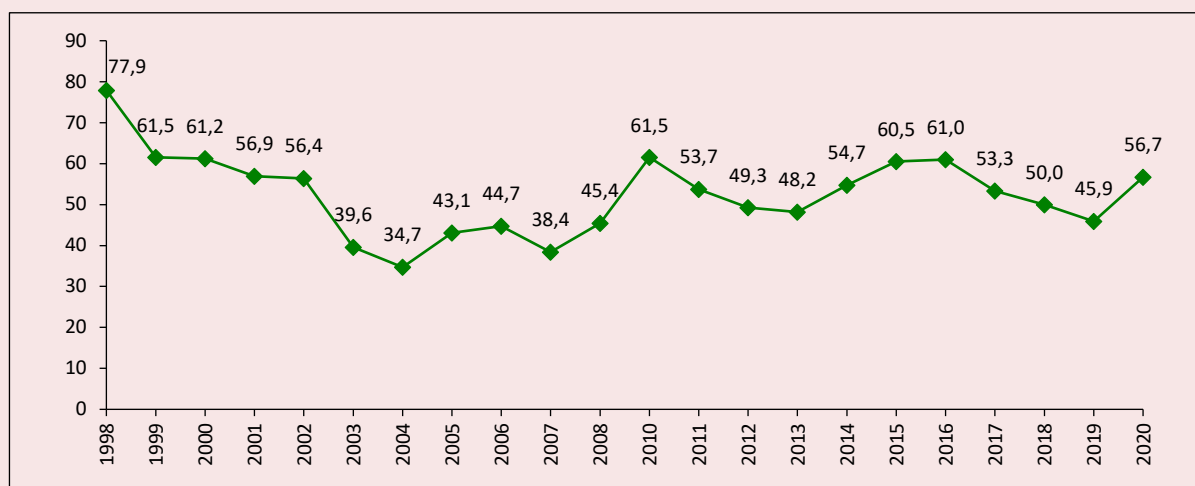
³² Конституция РФ с поправками 2020 г. (статья 67.1, п. 4) // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953>

³³ Агеев А. Глобальная суета // Завтра. 2021. 19 февр. URL: https://zavtra.ru/blogs/prizhok_v_detnost_

³⁴ Рязанов В. Кризис не по-детски // Эксперт. 2021. № 17. С. 62.

³⁵ Там же. С. 61.

Рис. 3. Доля людей, испытывающих неуверенность в завтрашнем дне (Вологодская область), % от числа опрошенных

Источник: данные ВолНЦ РАН.

Таким образом, пандемия и вызванные ею комплексные негативные последствия не могут рассматриваться как причина неуверенности людей в завтрашнем дне (по крайней мере, как единственная причина). Реальный фактор, обуславливающий высокую долю людей, не уверенных в своем будущем, заключается в их не-

удовлетворенности тем, к каким последствиям приводит доминирующая в настоящее время либерально-капиталистическая система ценностей.

От 50 до 60% людей во всех анализируемых странах утверждают, что капитализм приносит больше вреда, чем пользы (табл. 4). Столько же

Таблица 4. Психологическое состояние населения в анализируемых странах мира, % от числа опрошенных*

Страна	Доля людей, считающих, что через пять лет им и их семьям будет жить лучше	Доля людей, испытывающих страх по поводу возможности утраты своего положения в обществе	Доля людей, считающих, что капитализм приносит больше вреда, чем пользы
Франция	19	62	69
Германия	23	52	55
Россия	34	52	55
Великобритания	27	49	53
Для справки:			
Индия	77	73	74
Китай	69	59	63
Канада	35	48	47
США	43	55	47
Япония	15	42	35
В среднем по 28 странам мира**	47	57	56

* Ранжировано по убыванию доли людей, считающих, что капитализм приносит больше вреда, чем пользы.

** 28 стран мира, составивших выборку исследования: Тайланд, Индия, Франция, Малайзия, Индонезия, Китай, Италия, Испания, Объединенные Арабские Эмираты, Нидерланды, Колумбия, Бразилия, Ирландия, Мексика, Германия, Россия, Южная Африка, Кения, Сингапур, Саудовская Аравия, Великобритания, Аргентина, Австралия, Канада, США, Южная Корея, Гонконг, Япония.

Источник: Edelman Trust Barometr – 2020. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_LIVE.pdf

боятся, что при капитализме они утратят свое положение в обществе. Лишь 20–35% считают, что их семьям через пять лет будет жить лучше, чем сейчас.

Таким образом, результаты российских и зарубежных исследований свидетельствуют о том, что **материальное благополучие – не панацея от проблем, связанных с уровнем социальной напряженности, состоянием психологического самочувствия общества и осознанием перспектив его будущего.**

Замкнутость на материальном (в правящих элитах, обществе) способствует достижению тех целей, которые ставят перед собой глобальные элиты, дальнейшему развитию страны в логике либерально-капиталистической идеи. Это делает невозможным паритет международного статуса ведущих держав на мировой политической арене (фактически нивелирует реальную состоятельность многополярного мира) и ставит в тупик вероятность кардинальных позитивных сдвигов в решении наиболее важных проблем внутри

страны (фактически перечеркивая перспективу конкурентоспособности России в ближайшем будущем).

Реальные факты, демонстрируемые официальными статистическими источниками и авторитетными международными исследованиями, доказывают, что фундаментальное историческое противостояние между глобальными силами и национальными интересами отдельных государств, между либерально-капиталистической идеологией и основными принципами, выраженными в концепции социального государства, не просто существует, а приобретает все более кульминационный характер. Одерживая победу за победой, глобальные правящие элиты автоматически повышают в мировом обществе уровень недовольства существующей либеральной идеологией и одновременно актуализируют потребность в ее смене, в социальном государстве.

Однако пока это недовольство лишь зреет (хотя и все более очевидно), в то время как результаты деятельности глобальных сил в контексте мирового исторического процесса вполне реальны и ощутимы: угроза мировой войны – в политике, уничтожение «коллективной идентичности» духовно-нравственных ценностей – в культуре, элементарное снижение численности населения – в демографии, доминирование мирового капитала (в частности, транснациональных корпораций и криптовалют) – в экономике, целенаправленная подмена фундаментального, глубокого гуманитарного знания на практические умения обращаться с технологическими новшествами и эмпирическими базами данных – в науке; отучение людей от способности мыслить и замена ее на практическое умение находить информацию в бесконечном разнообразии информационных источников – в образовании.

«Никаких существенных изменений в либеральной модели страны на протяжении многих лет, и даже кризисных 2014–2015 гг., не произошло. Приверженность либеральной модели только подтверждается. Соответственно, деграционные процессы, переходящие в кризисные, также обретают форму устойчивого типа процессов. ... Таким образом, стал более определенным новейший исторический процесс, в который погружена Россия. Исходя из его качественного видения, неудивительными становятся наиболее вероятные по данным исследования консервативные варианты. **Это сценарий пролонгации либеральной модели, сценарий балансирования на пороге устойчивости развития...**»³⁶

³⁶ Россию ждет революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарии) / С.С. Сулакшин [и др.]. М.: Наука и политика, 2016. С. 669–670.

Россия — одна из немногих стран, которые могут (и, на наш взгляд, обязаны) реально противостоять всем этим процессам. В этом ее не столько внутринациональное, сколько мировое и историческое значение. Но пока это идеологическое противостояние ограничивается исключительно патриотической риторикой президента и его концептуальными обращениями к правящим элитам, к «коллективному Западу». В то время как практические механизмы и инструменты государственного управления находятся в руках элитарных кланов и групп, разделяющих основные принципы либеральной идеологии, рассчитывать на какое-либо продвижение в сторону социального государства крайне затруднительно. Скорее наоборот, мы будем наблюдать очередные достижения глобальных правящих элит в реализации намеченных ими исторических целей и все более глубокое укоренение либерально-капиталистической идеологии в обществе.

«К разряду вопросов, которые необходимо тщательно осмыслить и отразить в идеологических моделях, относится помимо прочего проблематика государственности, суверенитета, взаимозависимости. Но главное в текущий момент — осознание проблематики субъектности. Идеологии создают субъекты, способные возможное и желаемое будущее осознать, спроектировать, осуществить. Это затруднительно сделать без ясного понимания жизненно важных интересов, военно-стратегических, экономических, социальных, гуманитарных, без четкой приверженности идеалам, без сохранения святости социума, без неуклонного подъема воли к жизни»³⁷.

«Именно **слабость государства** фактически мешает социально-экономическому развитию... Главным является не экономический рост и прямая демократия, а удовлетворение интересов всех социальных групп и достижение социальной справедливости... Рыночная конкуренция всегда порождает рост неравенства. **Единственная сила, которая может этому противостоять, — государство**, сознательно создающее механизмы снижения уровня неравенства, в первую очередь систему прогрессивного налогообложения.

Но еще важнее: государство может и должно поддерживать более высокий статус ценностей служения своей стране, своему народу, государству, науке и культуре, чем ценность и смысл личного обогащения... Стремление к личному обогащению не должно быть главной целью для человека. В России достаточно людей, для которых важны надличностные цели и смыслы — стремления к благополучию своей страны, всеобщему благополучию и справедливости. **Государство должно создавать условия, способствующие формированию у граждан этих целей и смыслов»**³⁸.

Необходимо понять простую вещь: если насаждение либеральной идеологии — это процесс не естественного, а искусственного, антропологического характера, целенаправленно осуществляемый определенными силами, видящими в этом выгоду, то и альтернатива ему должна быть «зеркальной», то есть активной, масштабной, комплексной и, в первую очередь, идеологической. Если, конечно, потребность в этой альтернативе у государства действительно есть, а не является лишь декларацией для удержания власти.

³⁷ Агеев А. Поиск истинного азимута // Завтра. 2021. 11 июня. URL: https://zavtra.ru/blogs/poisk_istinnogo_azimuta

³⁸ Волконский В.А., Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В. Либерализм и государство: экономический рост и неравенство // Экономическая наука современной России. 2020. № 2 (89). С. 147, 151.

Литература

1. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Экономические детерминанты психологического состояния общества // Мониторинг ВЦИОМ. 2008. № 2. С. 18–25.
2. Тощенко Ж.Т. Травма и антиномия – новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 1. С. 23–50.
3. Тощенко Ж.Т. Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 63–72.
4. Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Парадоксы массового сознания населения России / Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 8. С. 706–715.
5. Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4–16.
6. Волконский В.А., Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В. Либерализм и государство: экономический рост и неравенство // Экономическая наука современной России. 2020. № 2 (89). С. 147–159.
7. Россию ждет революция? Вопросы перехода к постлиберальной модели России (алгоритм и сценарии) / С.С. Сулакшин [и др.]. М.: Наука и политика, 2016. 712 с.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Focus on Finances as a Factor of Russia's National Vulnerability in the 21st Century

Abstract. The research, presented in the current article, is a logical continuation of a previous “Editorial” article, which was about the soullessness of the ruling elites, analysis of its reasons and consequences. This article focuses on common global consequences of liberal capitalistic ideology actively implemented by the ruling elites. The authors explore its historic purpose and tools, use the facts, and analyze results shown in specific changes of social assessments and attitudes. In the context of a comparative analysis of dynamics of public opinion in the key countries of Western Europe, we describe the trends of subjective assessments of the population in the Russian Federation. The authors conclude that many negative consequences of the purposeful policy of global elites (in particular, ones related to the destruction of the system of traditional values and norms) exist in Russia, which requires increased attention and active state policy in matters related to the development of ideology and overcoming the soullessness of the ruling elites as a natural attribute of the historical period of postmodernity. The study is based on respected international sources of official statistical information (World Bank) and sociological measurements (European Social Survey, Edeleman Trust Barometer), as well as on the results of Russian and regional public opinion polls.

Key words: soullessness, ruling elites, national interests, society, postmodernism.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Концепция совокупного дохода в экономической теории государства

Александр Яковлевич

РУБИНШТЕЙН

Институт экономики Российской академии наук

Москва, Российская Федерация

e-mail: rubinstein@inecon.ru

ORCID: 0000-0003-0455-3879; ResearcherID: F-9168-2019

Аннотация. В статье представлена концепция совокупного дохода производителей опекаемых благ, позволившая определить экономическое содержание категории «бюджетная субсидия», которая в российской традиции необоснованно трактуется как безвозмездная помощь патерналистского государства. Предложенное обоснование этой концепции и экономического смысла бюджетной субсидии опирается на модифицированную модель равновесия Векселя-Линдаля применительно к опекаемым благам, особенностью которых является их способность удовлетворять интересы отдельных индивидуумов и государства, выступающего от имени общества. Показано, что в основании подобной модификации модели равновесия лежит использование теории предельной полезности применительно к ключевому понятию теории опекаемых благ — не сводимому к индивидуальным предпочтениям общественному интересу. Такая интерпретация потребовала отказа от абсолютизации маржиналистского принципа субъективизма, опирающегося на «методологический индивидуализм». Наличие не сводимого к индивидуальным предпочтениям общественного интереса, а тем самым и функции социальной полезности патерналистского государства, принципиально меняет содержание равновесия. Одним из итогов этого подхода стала разработка концепции совокупного дохода, который определяется в виде суммы доходов от рыночных продаж и бюджетной субсидии, дефлируемых по разным индексам цен. В целях суммирования составляющих совокупного дохода представлена разработанная автором методология построения «композиционного индекса цен». Наиболее важным результатом с точки зрения практики является предложенная в работе нормативная модель бюджетной суб-

Для цитирования: Рубинштейн А.Я. Концепция совокупного дохода в экономической теории государства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 34–53. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.2

For citation: Rubinstein A.Ya. The concept of comprehensive income in the economic theory of the state. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 34–53. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.2

сидии, в основании которой лежит оценка социальной полезности опекаемых благ. С учетом ее нормативной природы в статье представлено теоретическое обоснование трех нормативных условий и выведены соответствующие уравнения для модельных расчетов величины бюджетной субсидии, протестированные на примере государственных и муниципальных театров с использованием фактических данных ведомственной статистики в период 2009–2019 гг.

Ключевые слова: патерналистское государство, опекаемые блага, «болезнь цен», производительность, совокупный доход, социальная полезность, субсидия, доходы, композитный индекс.

Уже более пятидесяти лет мои исследования так или иначе связаны с категориями дотации, субвенции и субсидии. Несмотря на определенные различия этих понятий (*дотация* – пожертвование на безвозвратной основе, *субвенция* предоставляется в виде помощи под определенные цели, *субсидия* выделяется в форме финансирования или долевого финансирования целевых расходов), у них есть нечто фундаментально общее, что, собственно, и определяет их содержание. Если верить словарям и соответствующим статьям бюджетного кодекса, то речь идет лишь о разных формах государственной помощи или поддержки. Но что же представляет собой поддержка патерналистского государства, каким экономическим содержанием наполнена категория «бюджетная субсидия», в том числе применительно к опекаемым благам? После выхода в свет монографии «Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма» [1] вопрос об этом «фундаментально общем» превратился в одну из задач экономической теории государства.

Теоретическое введение

Обращаясь к реальной российской практике государственного финансирования опекаемых благ, например, в сфере культуры, науки и образования, нетрудно заметить, что методология определения бюджетной субсидии за последние полстолетия почти не изменилась и мало отличается от советского времени. В ее основе по-прежнему лежит марксистская традиция, берущая начало в трудовой теории стоимости, определившей господствующий поныне затратный метод. В соответствии с ним финансовое ведомство трудится, упорно изобретая различные системы нормирования затрат производителей опекаемых благ и на этой основе вычисляя объем бюджетной субсидии, например театрам, в виде разности их нормативных расходов и доходов от мероприятий. При этом произвольный характер и бессмысленность ис-

пользуемых норм расходов лишней раз убеждают в ошибочности такой методологии.

Изменить укоренившуюся трактовку бюджетного финансирования опекаемых благ как своего рода благотворительности патерналистского государства, особенно в отношении исполнительских искусств, оказалось почти невозможно. Даже при создании принципиально новой методологии – альтернативы затратному подходу, разработанной в теории опекаемых благ с опорой на маржиналистские идеи предельной полезности и акцентом на потребительский спрос, государство в лице его финансовой бюрократии отказываться от образа мецената явно не спешит. Замечу также, что и на пути разработки нового подхода есть свои сложности: похоже, что в основном русле экономической теории бюджетным субсидиям вообще нет места.

Видимо, по этой причине противники марксистской ортодоксии, приверженцы неоклассической теории и маржинализма, сталкиваясь с государственным финансированием различных экономических объектов, стремятся объяснить эту реальность, не выходя за рамки мейнстрима, и в явном виде государства не рассматривают. Даже великий Пол Самуэльсон, избегая включать государство в анализ затрат общества, на первой же странице знаменитой статьи «Чистая теория общественных расходов» спешит предупредить читателя: «Я не предполагаю наличия мистического коллективного разума, который пользуется общественным благом, вместо этого я делаю предположение о том, что каждый индивид обладает согласованной системой упорядоченных предпочтений в отношении потребления им всех благ» [2, с. 387].

Его коллега, создатель одной из самых известных теорий общественных финансов, Ричард Масгрейв [3] при обсуждении бюджетных расходов также обходит вниманием деятельность патерналистского государства, конструи-

ируя его интересы как результат передачи в «политический траст» индивидуальных предпочтений: «Голосуя на выборах за ту или иную партию, индивидуумы передают им право выражать их мнение о том, какими должны быть общественные предпочтения» [4, с. 100–101].

Вслед за Масгрейвом и его «мериторным патернализмом» один из авторов «либертарианского патернализма» Ричард Талер в своей концепции «Nudge», базирующейся на принципах поведенческой экономики, вообще не рассматривает расходы общества, полагая, что в данном случае вмешательство государства никак не связано с его интересами и обусловлено лишь некими «истинными» предпочтениями нерациональных индивидуумов [5].

Наверное, нет особого смысла приводить в качестве примеров другие работы представителей экономической теории, рассматривающих государство в качестве ретранслятора предпочтений индивидуумов. В соответствии с этой доктриной, берущей начало в методологическом индивидуализме, провозглашается известный тезис о том, что любой интерес общества редуцируется в индивидуальные предпочтения. В таких условиях потребность в бюджетных расходах отпадает сама по себе¹, поэтому не будет преувеличением общая констатация, что в основном русле экономической теории содержательное объяснение бюджетной субсидии отсутствует.

Таким образом, и в российской практике, и в современной экономической теории категория бюджетной субсидии осталась, по сути, содержательно не определенной. В настоящей работе представлена попытка решить эту проблему, причем как на теоретическом, так и на методологическом уровне, с одной стороны, полностью отказавшись от затратного подхода, с другой стороны, используя маржиналистский инструментальный предельной полезности применительно к опекаемым благам, построить модель бюджетной субсидии, в которой государство выступает в качестве полноправного участника рыночных отношений, обладающего собственной функцией полезности.

¹ Следует сказать об исключениях этого общего вывода, а именно перераспределительных процессах теории благосостояния и концепции рыночных провалов, предполагающих соответствующее вмешательство государства.

Подчеркну, что в основе предлагаемого решения лежат концепция экономической социодинамики и теория опекаемых благ [6; 7], позволившие увидеть патерналистское государство, находящееся не где-то за пределами рынка или над рынком, а органично в него встроенное [4, с. 97]. С учетом сказанного может быть получен ответ и на поставленный выше общий вопрос. Я исхожу из того, что бюджетная субсидия представляет собой расходы патерналистского государства, обусловленные социальной полезностью опекаемых благ, метод оценки которой является одной из задач настоящей работы.

Эмпирическая часть исследования выполнена на примере одного из видов опекаемых благ – продуктов театральной деятельности, где отражаются все особенности производства и потребления в гуманитарном секторе экономики. Учитывая данное обстоятельство, следует обратить внимание на фундаментальную закономерность этого сектора, исходно открытую Вильямом Баумодем применительно к театру. Речь идет о «болезни цен» или «болезни издержек» [8]. Ее содержание обусловлено двумя факторами: отставанием темпов роста производительности труда от динамики макроэкономического аналога и отсутствием естественного механизма роста оплаты труда. Следствием этого недуга является экономическая убыточность театров и ряда других видов опекаемых благ².

Рассматривая теорию Баумоля, необходимо иметь в виду специфику творческой деятельности и технологические особенности художественного производства. Строго говоря, основной вывод этой теории следует несколько скорректировать, интерпретируя данную закономерность как феномен отставания *технологической производительности*. Введение указанной категории в научный оборот дает возможность с общих позиций посмотреть на экономические результаты производителей опекаемых благ, в том числе организаций исполнительских искусств, обратив внимание на частный характер «болезни издержек» и ограниченность проявления данной закономерности. Это объясняется тем, что технологические возможности увели-

² Указанная закономерность была неоднократно подтверждена многими эмпирическими исследованиями [9–16].

чения рыночных доходов театров и, тем самым, роста технологической производительности ограничены самим художественным производством: «... количество труда, предназначенное для производства данного уровня продукции, постоянно во времени и не зависит от новаторства и концентрации капитала» [8, с. 415].

При этом история экономической мысли и экономическая теория убедительно доказывают наличие общего цивилизационного тренда в мировом развитии – возрастающей динамики производительности труда, обусловленной техническим прогрессом, обеспечивающим замену живого труда машинами и оборудованием. Невозможность такой замены в художественном производстве, собственно, и обуславливает феномен отставания технологической производительности в сфере искусства от производительности в экономике. Данный факт Баумоль убедительно иллюстрирует своим известным примером: «... производительность четырех музыкантов, исполняющих квартет Бетховена, сегодня такая же, как и 200 лет назад» [8, с. 416].

Теоретическое обоснование указанной закономерности позволило сформулировать и другое важное заключение в отношении необходимости компенсировать дефицит дохода – прямое следствие отстающей динамики производительности труда театров и других производителей опекаемых благ. Кроме спонсорской поддержки таких предприятий и организаций, которые Баумоль относил к сектору «стагнирующих, с малыми или нулевыми темпами технического прогресса» [17], главным методом покрытия дефицита дохода стало государственное финансирование в привычной для финансовых бюрократов трактовке безвозмездной помощи патерналистского государства, направленной на компенсацию убытков производителей опекаемых благ, включая организации исполнительских искусств.

Концепция совокупного дохода

Изменение подобной трактовки бюджетного финансирования опекаемых благ, с ее ложной установкой на благотворительность государства, потребовало обоснования принципиально нового подхода, разработанного в рамках теории опекаемых благ. Согласно ей, государство – суть рациональный рыночный актор, максимизирующий собственную функцию полезности, отражающую интересы общества как такового

[18, с. 35]. Отмечу также, что в процессе своей эволюции государство трансформируется в патерналистское государство [1, с. 168–181].

Использование основных положений данной теории и соответствующей модификации известной модели Векселя-Линдаля позволяет определить условия равновесия для опекаемых благ с учетом индивидуальных интересов и интересов общества в целом, носителем которых выступает патерналистское государство [19, с. 188–193]. Теоретическое обоснование использования модели Векселя-Линдаля базируется на следующей лемме: «Если индивидуумы из множества N предъявляют спрос $D_1, D_2, \dots, D_n$ в отношении опекаемого блага G и их агрегированный посредством рыночных механизмов совокупный спрос D_1 дополняет спрос государства D_g в отношении этого же блага, то само благо G приобретает свойство двойственности: оставаясь частным благом для индивидуумов, оно выступает в качестве общественного товара для пары агрегатов D_1 и D_g »³. Этот теоретический вывод стал основанием для разработки принципиально нового подхода к стоимостной оценке совокупного результата производства опекаемых благ.

В модели Векселя-Линдаля, как известно, рассматривается общественное благо, спрос на которое предъявляют две группы индивидуумов (два агрегированных участника), обладающих соответственно низким и высоким доходом. Как отмечал Линдаль, «спрос одного участника на общественное благо по определенной цене зависит от точки зрения другого участника, так как предложение данного блага возможно только в случае покрытия всей стоимости его производства» [20]. В модификации же этой модели для опекаемых благ также рассматриваются два рыночных актора, в качестве которых выступают «мегаиндивидуум» и государство. При этом спрос «мегаиндивидуума» представляет собой рыночный агрегат спроса отдельных индивидуумов, а спрос патерналистского государства является результатом общественного выбора, обусловленного механизмами политической системы.

³ Доказательство этой леммы применительно к опекаемым благам, где в качестве агрегатов рассматриваются «мегаиндивидуум» и государство, представлено в [19, с. 189–190].

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что расходы государства в соответствии с его спросом зависят от цены, по которой их приобретают потребители опекаемых благ («мегаиндивидуум»), компенсируя в сумме издержки производства в полном объеме. Особенность модели Виксея-Линдаля состоит в том, что «... каждый индивид вносит разный налоговый взнос, соответствующий его оценке общественного блага» [20, с. 91]. В разработанной модификации модели равновесия для опекаемых благ также имеются в виду разные цены. Речь идет о цене P_1 , по которой индивидуумы готовы покупать опекаемое благо, и о цене P_2 , по которой государство готово его оплачивать в объеме G_g , соответствующем величине своего спроса на это благо (рис. 1).

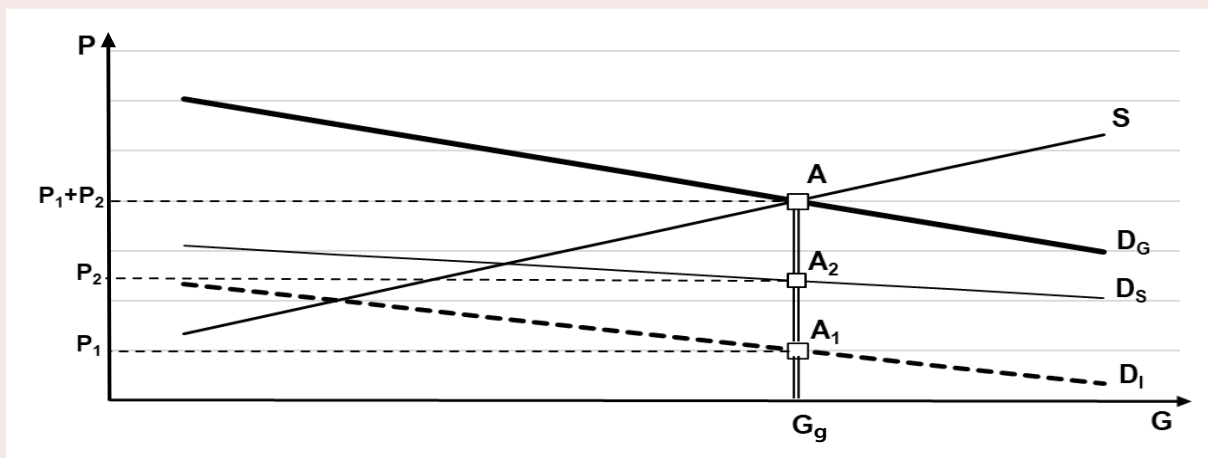
При этом экономическая теория указывает, что в основе равновесной цены (p_1) лежит предельная индивидуальная полезность каждой единицы частного блага G_j , цена, которую платит государство (p_2) за весь объем опекаемого блага ($G = G_1 + G_2 + \dots + G_n$) также соответствует предельной, но уже социальной полезности общественного блага G , отражая тем самым величину бюджетных средств, расходуемых на удовлетворение спроса патерналистского государства.

Сформулирую общий вывод. Принимая во внимание, что на рынке одновременно действу-

ют индивидуальные акторы, предъявляющие спрос в отношении опекаемого блага, и патерналистское государство, стремящееся реализовать собственные интересы, равновесие достигается тогда, когда затраты производства опекаемого блага равны сумме выручки от рыночных продаж этого блага ($R = p_1 \times G_g$) и бюджетной субсидии государства ($S = p_2 \times G_g$), где R – выручка от продажи опекаемых благ, S – бюджетная субсидия. Строго говоря, данный вывод и есть описание условий равновесия для любых опекаемых товаров и услуг, включая театральные блага.

Прямым следствием данного вывода является новая категория – *совокупный доход* производителей опекаемых благ, представляющий собой сумму выручки от рыночных продаж и бюджетной субсидии: $GR = R + S$. Введение в научный оборот этого понятия принципиально меняет содержание всех экономических процессов производства опекаемых благ, в том числе в организациях исполнительских искусств. Это относится и к производительности труда, где в дополнение к «технологической производительности» приходит категория «полной производительности», которая определяется отношением величины совокупного дохода к числу занятых ($P_T = GR/L_T$), где P_T – полная производительность труда в производстве опекаемых благ, L_T – численность занятых в этом производстве⁴.

Рис. 1. Модификация равновесия Виксея-Линдаля для опекаемых благ

⁴ С учетом сказанного очевидный интерес представляет тестирование «болезни Баумоля» для показателя «полной производительности труда» театров. Такие расчеты представлены в [21, с. 443].

В указанных обстоятельствах для определения совокупного дохода производителей опекаемых благ необходимо к его рыночной части (для театров — это доходы от мероприятий) приплюсовать нерыночную составляющую, соответствующую объему бюджетной субсидии, которая, согласно теории опекаемых благ, должна быть равной денежному выражению социальной полезности театральных благ [7, с. 294–301]. Подчеркну, что в данном вопросе указанная теория согласуется с Системой национальных счетов, где вклад субсидированных благ в валовую добавленную стоимость также измеряется суммой выручки и бюджетной субсидии.

Следует отметить, что развитие концепции совокупного дохода способствовало формированию новых смыслов и новой мотивации активности патерналистского государства. В этом контексте бюджетные средства, направляемые театрам, правомерно рассматривать в качестве инвестиций государства или платы за извлекаемую социальную полезность создаваемого художественного продукта [19; 21; 22].

Однако такое отражение бюджетной субсидии в Системе национальных счетов не повлияло на укоренившееся отношение к финансированию опекаемых благ, в том числе художественных продуктов, создаваемых в сфере искусства, как к безвозвратным государственным расходам. Думается, уже давно назрела необходимость смены господствующей парадигмы — традиционное понимание бюджетных расходов на производство опекаемых благ как своего рода благотворительности государства необходимо заместить концепцией инвестирования в человеческий капитал и нематериальные активы, обеспечивающие отложенные во времени экстерналичные эффекты, обуславливающие будущий экономический рост.

Актуальность такой замены подтверждают быстро развивающиеся исследования в области «новой экономики», где в рамках эволюции теории экономического роста рассматривается ее современный этап, особенностью которого является акцентирование внимания не столько на стандартных факторах в функции Кобба-Дугласа — труд, капитал, экзогенный и эндогенный технический прогресс [23; 24; 25], сколько на человеческом капитале и нематериальных активах [26].

Вместе с тем, несмотря на успехи этого направления исследований, в чистом виде такая методология неприменима для многих видов опекаемых благ, страдающих известным недугом отстающей технологической производительности. Прежде всего это относится к театру, где особенности художественного производства в основном не стыкуются с достижениями технического прогресса, конфликтуя с любой заменой творческого труда машинами или оборудованием. В этом контексте кажется перспективной отдельная ветвь «новой экономики», где предметом исследований является оценка вклада бюджетных расходов государства в нематериальные активы [26; 27], что в определенной степени позволяет надеяться на создание методологии и методики оценки нерыночной части совокупного дохода. Для этого, однако, нужны весьма существенные изменения в Системе национальных счетов.

Определенным шагом в указанном направлении стало признание тезиса о том, что расходы, обеспечивающие рост будущих доходов от потребления опекаемых благ, следует рассматривать как инвестиции. Поэтому допустимо считать, что бюджетное финансирование театров представляет собой инвестиции в нематериальные активы — расходы на создание новых постановок, которые двояко влияют на совокупный доход, с одной стороны, увеличивая рыночную составляющую в результате текущего потребления театральных благ, с другой — формируя соответствующие экстерналичные эффекты посредством трансформации созданных художественных ценностей в прирост человеческого капитала. Такое содержание государственного финансирования театров обуславливает способ измерения величины их совокупного дохода: она может быть измерена суммой выручки и бюджетной субсидии.

Композитный индекс цен

Эта дефиниция порождает ряд методологических вопросов. Во-первых, как в различные моменты времени измерить совокупный доход театров в реальном выражении (в постоянных ценах базового года), если каждая его составляющая дефлируется с помощью различных индексов цен: рыночная часть на основе индекса цен на билеты [28, с. 73], субсидия — с использованием дефлятора ВВП. Во-вторых, и это особенно важно, как в динамике сово-

купного дохода театров отразить структурные связи между доходами от мероприятий и бюджетной субсидией, с учетом известной проблемы доступности театра для населения [22]. Ответом на поставленные вопросы является определение в каждый момент времени средневзвешенного индекса цен, где в качестве весов выступают доли рыночной и нерыночной составляющих совокупного дохода театров⁵.

1. *Простая форма.* Полученное таким образом для любого года t общее решение можно назвать «простой формой» композитного индекса цен:

$$I_k^t = \lambda_R^t I_T^t + \lambda_S^t I_{GDP}^t, \quad (1)$$

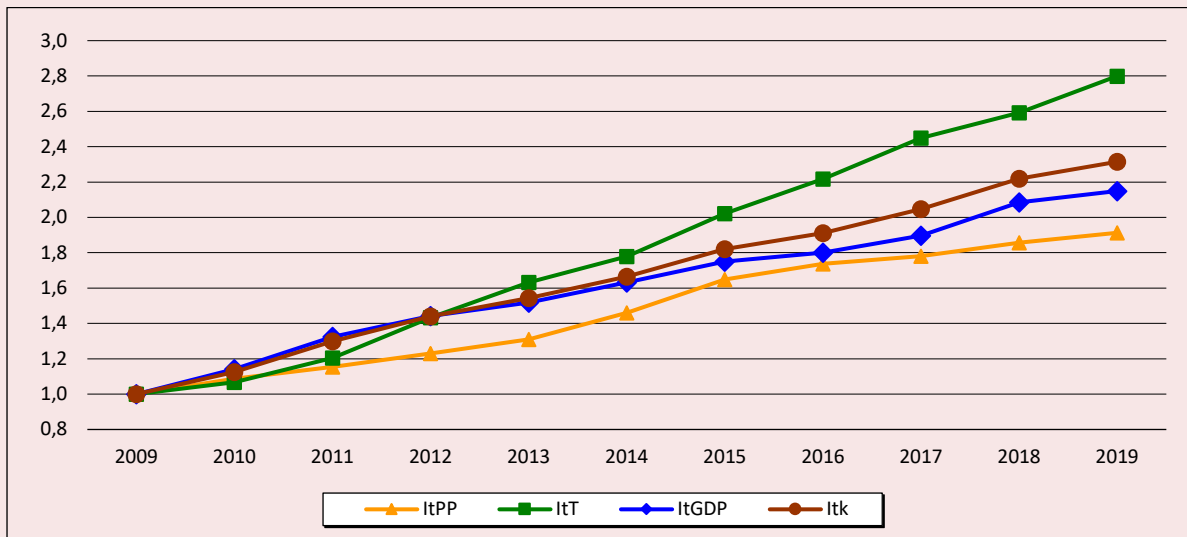
где I_k^t – величина композитного индекса цен в году t ; I_T^t – индекс средних цен на театральные билеты в году t ; I_{GDP}^t – дефлятор ВВП в году t ; λ_R^t – удельный вес доходов от мероприятий в совокупном доходе театра в году t ; λ_S^t – удельный вес величины бюджетной субсидии в совокупном доходе театра в году t .

Используя статистические данные по экономике в целом и деятельности российских государственных и муниципальных театров в период 2009–2019 гг.⁶, можно в качестве примера вычислить композитный индекс (I_k^t), сопоставив его динамику с индексом средних цен на театральные билеты (I_T^t), средним индексом потребительских цен в экономике (I_{PP}^t) и дефлятором ВВП (I_{GDP}^t) (рис. 2).

Расчеты показывают, что до 2012 года дефлятор ВВП был выше индекса театральные цен на 7,5–11,8% и на 1,7–2,8% превышал композитный индекс. После «майского указа» 2012 года⁷ ситуация резко изменилась и кривая композитного индекса заняла срединное положение, находясь между дефлятором ВВП и индексом роста цен на билеты в театр, которые в этот период увеличивались особенно быстро.

Заметим, что простая форма композитного индекса (1) отражает только фактическое положение дел, включая сложившиеся в прошлый период пропорции между рыночной и нерыночной составляющими совокупного дохода.

Рис. 2. Динамика композитного индекса в простой форме

⁵ Выражаю благодарность Р.И. Капелюшникову, подсказавшему мне это естественное решение.

⁶ Все расчеты, представленные в статье, выполнены на основе данных официальной статистики. Росстат: <https://rosstat.gov.ru/>; ГИВЦ Минкультуры РФ: <https://stat.mkrf.ru/indicators/> (дата обращения 28.05.2021).

⁷ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», согласно которому заработная плата работников учреждений культуры должна была к 2018 году достигнуть 100% от уровня средней оплаты труда по экономике региона.

При этом инструментарий композитного индекса позволяет расширить границы экономического анализа и рассмотреть ряд ситуаций, связанных с гипотетическим увеличением доли бюджетной субсидии в совокупном доходе театров, изменяя тем самым его структуру.

Так, используя тождество $\lambda_R^t + \lambda_S^t = 1$, можно простую форму композитного индекса цен I_k^t представить в несколько ином виде. Для этого достаточно в выражении (1) произвести замену $\lambda_R^t = 1 - \lambda_S^t$ и выполнить соответствующие преобразования. В итоге может быть получена следующая формула:

$$I_k^t = I_T^t + \lambda_S^t (I_{GDP}^t - I_T^t). \quad (2)$$

Полученное выражение (2), где в качестве варьируемой переменной выступает удельный вес нерыночной составляющей совокупного дохода, является основанием для выделения двух других форм композитного индекса цен. Речь идет, во-первых, о его *параметрической* форме, позволяющей анализировать вариации удельного веса бюджетной субсидии в рамках фиксированного объема совокупного дохода. Во-вторых, о *нормативной* форме композитного индекса, учитывающего различные нормативные условия, определяющие оценку социальной полезности театральных благ и совокупного дохода театров.

2. Параметрическая форма. Подчеркну, что в отличие от простой формы композитного индекса эта модель раскрывает дополнительные аспекты анализа, позволяющие ответить на поставленный выше вопрос о наличии связи между выручкой и бюджетной субсидией театров. В общем случае речь идет об учете в композитном индексе цен структурных изменений совокупного дохода театров. При этом необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что соотношение его рыночной и нерыночной части обусловлено ценами на театральные блага. Замечу, что указанная зависимость носит обратный характер: сокращение объема финансирования вынуждает театры поднимать цены на билеты и, наоборот, повышение цен на театральные билеты часто приводит к уменьшению размера бюджетной субсидии. Это связано с известной закономерностью: рост цен на

театральные блага является, как правило, наиболее существенной причиной падения спроса и сокращения размера театральной аудитории. Следствием таких процессов выступает уменьшение социальной полезности театральных благ и, соответственно, ее денежного выражения – бюджетной субсидии.

Прочитую Баумоля: «... спрос на культурные услуги эластичен по доходу, но неэластичен по цене, что означает, что рост цен на билеты выше *определенного уровня* (курсив – А.Р.) приведет к снижению выручки и государственной поддержки» [29, с. 843]. Опираясь на данное суждение, сформулирую общее заключение в отношении цен на театральные билеты: их изменение определяет границы варьируемого параметра λ_S^t , характеризующего удельный вес нерыночной части совокупного дохода. При этом следует выделить два момента.

Во-первых, в качестве «определенного уровня» цен (границы их максимальных значений) можно использовать макроэкономический показатель инфляции; речь идет об индексе средних потребительских цен (I_{pp}^t). Во-вторых, имея в виду заинтересованность общества в сохранении или повышении социальной полезности театральных благ, не допуская сокращения зрительской аудитории, можно предположить, что государство будет стремиться создавать механизмы, защищающие зрителей от сверхинфляционного роста цен на билеты. Речь идет об увеличении объема бюджетной субсидии, компенсирующего упущенную выгоду от роста цен «выше определенного уровня».

Отмечу, что рассматриваемое увеличение бюджетного финансирования театров влечет за собой рост удельного веса субсидии в их совокупном доходе на величину $\Delta \lambda_S^t$. В этом случае выражение для композитного индекса цен в его параметрической форме принимает следующий вид:

$$I_k^{*t} = I_T^t + (\lambda_S^t + \Delta \lambda_S^t) (I_{GDP}^t - I_T^t) = I_k^t + \Delta \lambda_S^t (I_{GDP}^t - I_T^t), \quad (3)$$

где I_k^{*t} – композитный индекс (параметрическая модель) при изменении доли нерыночной части совокупного дохода на величину $\Delta \lambda_S^t$.

Определение величины $\Delta\lambda_s^t$, учитывающей изменение стоимостной оценки полезности театральные благ, является трудноразрешимой задачей, которая, по всей видимости, может иметь только нормативное решение. Анализ литературы свидетельствует, что близкие по содержанию проблемы стоят на повестке дня в исследованиях представителей «новой экономики» [25; 27].

Разрабатываемые в рамках данной концепции методология и методика измерения влияния нематериальных активов на экономический рост обеспечили, в частности, оценку эффективности инвестиций для организаций исполнительских искусств Нью-Йорка [30]. Подчеркну, однако, что даже с учетом впечатляющих результатов Рейчел Соловейчик нельзя упрощать задачу, полагая, что капитализация нематериальных активов – спектаклей репертуара театров, приносящих доходы и в годы после осуществления затрат на новые постановки, может стать заменой общего определения социальной полезности результатов театральной деятельности.

В рамках данной работы параметр $\Delta\lambda_s^t$ можно рассматривать в качестве характеристики области вариаций удельного веса субсидии в совокупном доходе театров – возможного увеличения субсидии для обеспечения социально приемлемой с позиций патерналистского госу-

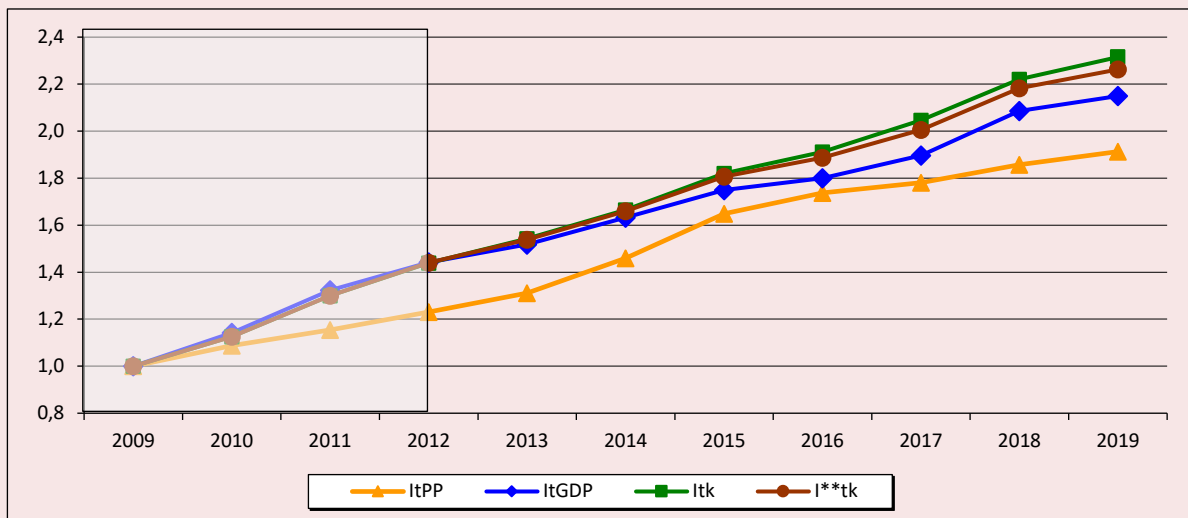
дарства динамики цен на театральные билеты. Причем эта область вариации удельного веса субсидии имеет свои естественные границы: $\Delta\lambda_s^t \in [0; 1 - \lambda_s^t]$. В связи с этим для нижней границы ($\Delta\lambda_s^t = 0$) композитный индекс цен трансформируется в его простую форму: $\min I_k^{*t} = I_k^t$. Верхняя граница варьируемого параметра ($\Delta\lambda_s^t = 1 - \lambda_s^t = \lambda_R^t$) соответствует динамике удельного веса выручки от продажи театральные благ в совокупном доходе театров. При этих условиях композитный индекс цен равен $\max I_k^{*t} = I_k^t + \lambda_R^t (I_{GDP}^t - I_T^t) = I_{GDP}^t$. Таким образом, общее выражение композитного индекса с учетом возможных вариаций параметра $\Delta\lambda_s^t$ будет иметь следующий вид:

$$I_k^{*t} = \begin{cases} \min = I_{GDP}^t, & \text{если } I_T^t \neq I_{GDP}^t \\ \max = I_k^t, & \text{если } I_T^t = I_{GDP}^t \end{cases} \quad (4)$$

Описание области вариаций параметра $\Delta\lambda_s^t$ и значений композитного индекса I_k^{*t} между его нижней и верхней границами позволяет рассмотреть промежуточные случаи динамики этого индекса, в том числе соответствующие предположению, что рост театральные цен не превышает общей инфляции ($I_T^t \leq I_{PP}^t$). Подставляя $\Delta\lambda_s^t = -\Delta\lambda_R^t = -\lambda_R^t (I_T^t - I_{PP}^t) / I_T^t$ в (3), можно получить формулу для расчета искомого композитного индекса:

$$I_k^{**t} = I_k^t - \lambda_R^t (I_T^t - I_{GDP}^t) (I_T^t - I_{PP}^t) / I_T^t \quad (5)$$

Рис. 3. Композитный индекс цен в параметрической форме ($I_T^t = I_{PP}^t$)

Выполненные по этой формуле расчеты вполне ожидаемо показали, что при увеличении бюджетной субсидии в достаточном объеме, для того чтобы рост цен на билеты не превышал темпы роста средних потребительских цен в экономике, кривая композитного индекса в его параметрической форме (I^{**t}_k) в период после 2012 года оказалась внутри ранее выделенной области: между дефлятором ВВП (I_{GDP}^t) и композитным индексом (I_k^t). На основе выполненных расчетов построен следующий график (рис. 3).

Аналитически определив область допустимых значений композитного индекса цен в его параметрической форме и выполнив необходимые вычисления для различных его вариантов внутри области варьирования удельного веса бюджетной субсидии в совокупном доходе, следует перейти к рассмотрению нормативной формы композитного индекса цен.

Социальная полезность и нормативная модель субсидии

Остановимся теперь на исследовании наиболее важной модели композитного индекса цен — его нормативной формы, обладающей двумя отличительными особенностями. К ним относятся, во-первых, допустимость *роста совокупного дохода* театров в результате увеличения объема его бюджетной составляющей, вызванного повышением уровня социальной полезности театральных благ, и, во-вторых, *содержательное определение условий*, генерирующих рост социальной полезности.

Принимая во внимание то, что объем бюджетного финансирования зависит от социальной полезности театральных благ, в основе которой всегда лежат ценностные суждения патерналистского государства, главной проблемой остается создание институциональных механизмов, ограничивающих «своеволие» лиц, принимающих решение, с проповедуемой ими философией меценатства за государственный счет. Иначе говоря, существующую практику часто некорректных решений регулятора необходимо заменить содержательными принципами общественного выбора — теоретически обоснованными нормативными условиями оценки социальной полезности.

1. Три принципа соответствия. Обсуждая данный вопрос в рамках теории опекаемых благ, я исхожу из того, что государство как рациональный участник конкурентного рынка стремится к максимизации собственной функции полезности. При этом из теории Баумоля следует, что построение нормативной модели бюджетной субсидии прежде всего должно исходить из целесообразности создания условий для ликвидации отставания темпов роста *полной производительности* труда при производстве опекаемых благ от производительности в экономике.

Это следует из самого факта существования государственных и муниципальных театров. Если государство учреждает театры, имея в виду социальную полезность театральных благ, на которые оно предъявляет спрос, и оплачивает его удовлетворение в соответствии с этой полезностью, то согласно теории театральное производство должно обеспечивать такую производительность, которая была бы не ниже средней производительности по экономике. В противном случае инвестициям в театральную деятельность можно было найти более эффективное применение.

Используя концепцию совокупного дохода и категорию полной производительности труда, можно определить первое нормативное условие. Речь идет о принципе соответствия динамики полной производительности труда театров макроэкономическому аналогу — «Норма N_1 ». С учетом же того, что показатель полной производительности включает величину субсидии, это нормативное условие становится ключевым элементом в оценке социальной полезности опекаемых благ и тем самым в модели бюджетной субсидии.

Следует обратить внимание еще на один аспект теории Баумоля, который указывал на низкую фондовооруженность труда, не обеспечивающую необходимый уровень дохода в исполнительских искусствах, принадлежащих к сектору со «стагнирующей производительностью» [8, с. 201]. Речь идет о ресурсной недостаточности театров для инновационной деятельности, связанной с их незарплатными расходами — инвестициями в материальные и нематериальные активы.

Указанная особенность отражается в сравнительной динамике удельного веса расходов на оплату труда в совокупном доходе театров (Y_T^t) и аналогичного макроэкономического показателя (Y_E^t). Выполненные на основе реальных данных расчеты свидетельствуют, что в рассматриваемый период (2009–2019 гг.) доля незарплатных расходов театров была примерно на 10% ниже, чем в среднем по экономике. Учитывая же, что величина показателя Y_T^t пропорциональна отношению средней заработной платы к производительности, то более высокий уровень данного индикатора в театральной сфере, в сравнении с экономикой в целом, указывает на относительное отставание роста производительности труда от роста заработной платы в театрах, что требует определенных объяснений.

Списывать данный феномен на специфику творческого труда и художественного процесса не вполне корректно, и, главное, это ничего не объясняет. Напротив, постоянное обновление театрального репертуара в результате соответствующих инноваций – создания новых постановок, как и вовлечение в художественное производство современных технологий и технических средств, является одной из существенных характеристик репертуарного театра. И если данный процесс нарушается или замедляется, то это свидетельствует о нехватке соответствующих ресурсов. Для театра более естественно, когда имеющиеся средства позволяют обеспечивать соответствующий рост незарплатных расходов.

Указанное обстоятельство подталкивает к использованию в модели субсидии еще одного условия, «привязывающего» рост фондовооруженности труда к динамике заработной платы в театрах. Механизм такой «привязки» может быть реализован в результате введения второго нормативного условия – соответствия показателя удельного веса расходов на оплату труда в совокупном доходе театров его макроэкономическому аналогу – «Норма N_2 ». Этот нормативный принцип позволяет заместить обусловленные технологическим отставанием выпадающие доходы театров увеличением бюджетной субсидии, направляемой на повышение фондовооруженности творческого тру-

да, главным образом в результате инвестиций в нематериальные (создание новых и капитально возобновляемых постановок) и материальные (расходы на содержание здания, компьютерную технику, свето-звуковое оборудование и материю сцены) активы театров.

Еще один теоретический принцип, который должен рассматриваться при построении модели субсидии, обусловлен необходимостью нормативного решения проблемы, заключающейся в замещении объективно отсутствующего механизма формирования заработной платы. В связи с этим подчеркнем, что начиная со второй половины двадцатого столетия и вплоть до «майского указа 2012 года» при всех переосмотрах заработной платы и применении различных систем оплаты труда в сфере культуры использовалась, по сути, одна и та же нормативная установка, определяющая степень соответствия среднемесячной оплаты труда в данной сфере аналогичному показателю в экономике.

В этом смысле реальная российская практика вполне укладывается в известное теоретическое положение о догоняющем характере оплаты труда в исполнительских искусствах, которое обосновывается тем, что «организации искусства конкурируют в найме работников на общенациональном интегрированном рынке труда» [11, с. 92]. Указанное обстоятельство позволяет считать, что в фактической динамике оплаты труда в театрах, включая имевшие место переосмотры заработной платы в предыдущие годы и исполнение «майского указа 2012 года», находит отражение нормативное условие соответствия показателя среднемесячной оплаты труда в театре его макроэкономическому аналогу – «Норма N_3 ».

2. *Нормативная динамика производительности.* Теоретическое обоснование введения в модель бюджетной субсидии нормативных условий предполагает их отображение в композитном индексе цен и темпах роста производительности театров. Если же принять во внимание независимость индексов цен I_{GDP}^t и I_T^t от указанных нормативных условий, то в соответствии с дефиницией композитного индекса цен (1) и тождеством $\lambda_R^t + \lambda_S^t = 1$ общие формулы для определения композитного индекса $I_k(N_j)$

и индекса роста производительности при производстве опекаемых благ $I_{PT}^t(N_j)$ в ценах базового года, отвечающего нормативным условиям « N_j », где $j \in [1; 3]$, имеют следующий вид:

$$I_k^t(N_j) = I_{GDP}^t + \lambda_R^t(N_j)(I_T^t - I_{GDP}^t), \quad (6)$$

$$I_{PT}^t(N_j) = GR_T^t(N_j) / GR_T^{t_0} / I_{LT}^t / I_k^t(N_j), \quad (7)$$

где $I_{LT}^t, I_T^t, I_{GDP}^t$ – индексы роста численности работников, цен на билеты и дефлятор ВВП в году t по отношению к базовому году t_0 ; λ_R^t – удельный вес выручки от продажи билетов в совокупном доходе в году t ; $GR_T^{t_0}$ – совокупный доход театров в базовом году t_0 ; $GR_T^t(N_j)$ – совокупный доход театров в году t , в текущих ценах, соответствующий нормативному условию N_j .

2.1. *Лечение «болезни Баумоля».* Следует подчеркнуть, что нормативное условие в отношении динамики производительности театров (N_1) необходимо рассматривать как с точки зрения величины их совокупного дохода $GR_T^t(N_1)$, обеспечивающего соответствующий рост полной производительности, так и с позиций композитного индекса цен $I_k^t(N_1)$, позволяющего сопоставлять совокупный доход в различные годы исследуемого периода. Воспользовавшись выражением (6), можно определить первое уравнение связи между указанными показателями:

$$I_k^t(N_1) = I_{GDP}^t + \frac{R_T^t(I_T^t - I_{GDP}^t)}{GR_T^t(N_1)}. \quad (8)$$

При этом для удобства последующего изложения следует дать формальное определение нормативного условия N_1 и на его основе получить формулу для расчета индекса роста производительности, соответствующего выполнению этого нормативного условия. В общем случае данную норму можно определить в виде коэффициента пропорциональности (N_1^t):

$$I_{PT}^t(N_1) = N_1^t I_{PE}^t, \quad (9)$$

где I_{PE}^t – индекс роста средней производительности труда в экономике в ценах базового года t_0 в году t по отношению к базовому году t_0 ; $I_{PT}^t(N_1)$ – индекс роста производительности

труда в театрах, отвечающий нормативному условию (N_1), в ценах базового года t_0 в году t по отношению к базовому году t_0 .

В данной работе рассмотрен частный случай: если $I_{PT}^t \leq I_{PE}^t$, то $N_1^t = 1$ или $I_{PT}^t(N_1) = I_{PE}^t$; если $I_{PT}^t > I_{PE}^t$, то $N_1^t = I_{PT}^t / I_{PE}^t$ или $I_{PT}^t(N_1) = I_{PT}^t$. Исходя из этого, индекс роста производительности труда театров (при $I_{PT}^t \leq I_{PE}^t$) может быть определен на основе равенства $GR_T^t(N_1) / GR_T^{t_0} / I_{LT}^t / I_k^t(N_1) = I_{PE}^t$, откуда следует второе уравнение связи между композитным индексом и величиной совокупного дохода театров:

$$I_k^t(N_1) = GR_T^t(N_1) / GR_T^{t_0} / I_{LT}^t / I_{PE}^t, \quad (10)$$

Приравняв левые части выражений (8) и (10), можно получить уравнения для расчета величины совокупного дохода театров и бюджетной субсидии, отвечающих нормативному условию (N_1):

$$\begin{aligned} I_{GDP}^t GR_T^t(N_1) + R_T^t(I_T^t - I_{GDP}^t) &= \\ &= [GR_T^t(N_1)]^2 / GR_T^{t_0} / I_{LT}^t / I_{PE}^t, \end{aligned} \quad (11)$$

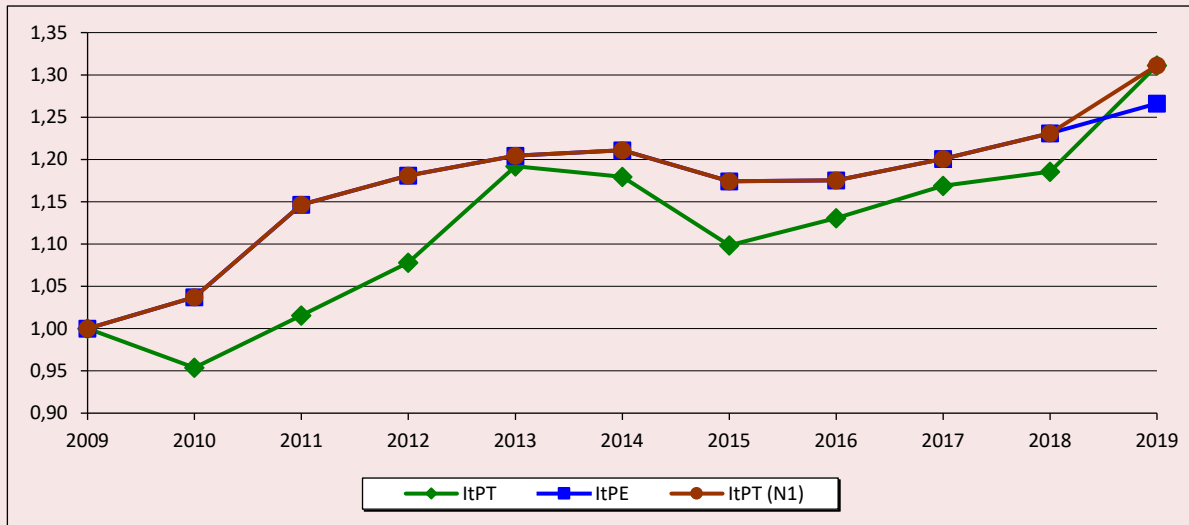
$$S_T^t(N_1) = GR_T^t(N_1) - R_T^t, \quad (12)$$

где $S_T^t(N_1)$ – величина субсидии, отвечающая нормативному условию N_1 .

Расчеты, выполненные на основе фактических данных деятельности театров в период 2009–2019 гг., показали, что квадратное уравнение (11) в отношении величины совокупного дохода $GR_T^t(N_1)$, удовлетворяющей нормативному условию N_1 , имеет положительное решение в каждом году исследуемого периода. На рисунке 4 представлена расчетная динамика полной производительности труда – отношение нормативной величины совокупного дохода в ценах базового года к числу работников театров.

Область между кривыми роста нормативной и фактической полной производительности труда театров $I_{PT}^t(N_1)$ и I_{PT}^t обуславливает величину нормативного прироста бюджетной субсидии $\Delta S_T^t(N_1)$. Расчеты показали, что для преодоления одного из симптомов «болезни Баумоля» – отстающей производительности труда – величину бюджетной субсидии теа-

Рис. 4. Сравнительная динамика производительности труда (2009 г. = 1)

грам необходимо было увеличить на 12,3% в 2010 году, на 16,5% в 2011 г., на 12,1% в 2012 г. и на 8,9% в 2015 г. В другие годы необходимый прирост субсидии не превышал 5%.

2.2. *Рост фондовооруженности.* И здесь нормативное условие N_2 следует формализовать, также определив его в виде соответствующего коэффициента пропорциональности (N_2^t):

$$Y^t_T(N_2) = N_2^t Y^t_E, \quad (13)$$

где Y^t_E – удельный вес расходов на оплату труда в ВВП экономики в году t ; $Y^t_T(N_2)$ – нормативная величина удельного веса затрат на оплату труда в совокупном доходе театров в году t .

Как и при определении первого нормативного условия (N_1), я исхожу из частного случая, когда коэффициент пропорциональности N_2^t равен 1. Тогда на основе (13) можно получить формулу для расчета нормативной величины совокупного дохода театров, отражающую условие N_2 :

$$GR^t_T(N_2) = \frac{Lab^t_T}{Y^t_E}, \quad (14)$$

где Lab^t_T – величина годовых расходов на оплату труда в театрах, включая начисления, в году t .

Используя (6) и (14) и выполнив нужные преобразования, можно определить уравнения

для композитного индекса цен, а также для индекса роста производительности труда театров, соответствующих нормативному условию N_2 :

$$Y^t_k(N_2) = Y^t_{GDP} + \frac{Y^t_E R^t_T (I^t_T - I^t_{GDP})}{Lab^t_T}, \quad (15)$$

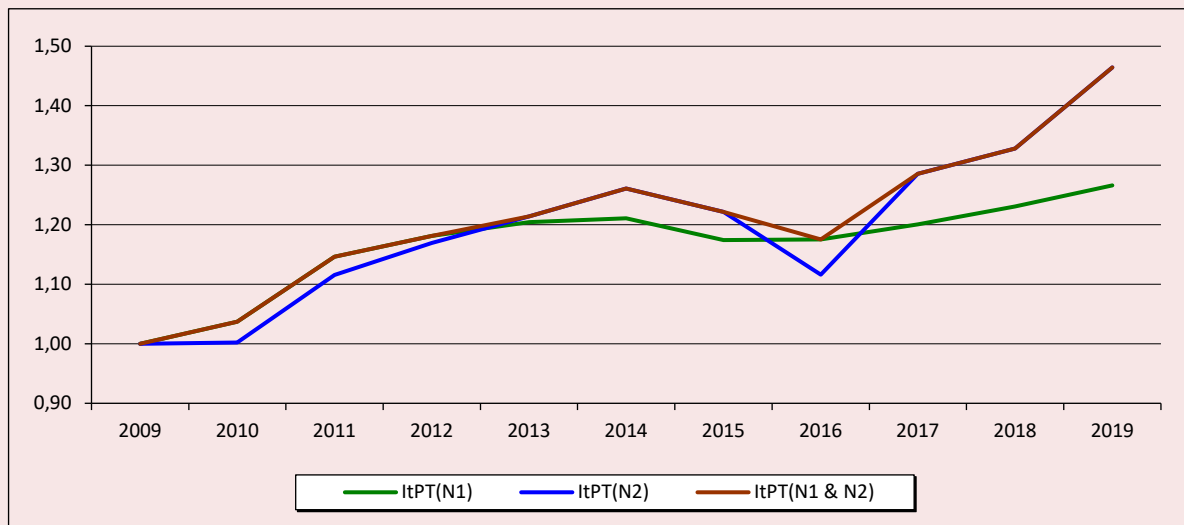
$$Y^t_{PT}(N_2) = Lab^t_T / Y^t_E / GR^{t0}_T / I^t_{LT} / Y^t_k(N_2). \quad (16)$$

Выполненные на основе фактических данных расчеты свидетельствуют, что динамика производительности труда театров, отвечающая условию N_2 , в отдельные годы рассматриваемого периода (2010–2012 и 2016 гг.) не обеспечивала выполнение нормативного условия N_1 . На рисунке 5 представлены графики индексов роста полной производительности труда театров, соответствующих первому и второму нормативному условию, а также их одновременному выполнению.

Расчеты указывают, что при построении нормативной модели субсидии имеет смысл рассматривать одновременное выполнение условий N_1 и N_2 . В этом случае индекс роста производительности труда театров $I^t_{PT}(N_1 \& N_2)$, отвечающий одновременно двум нормативным условиям, может быть определен на основе следующего выражения:

$$I^t_{PT}(N_1 \& N_2) = \begin{cases} I^t_{PT}(N_2), & \text{если } I^t_{PT}(N_2) \geq I^t_{PT}(N_1) \\ I^t_{PT}(N_1), & \text{если } I^t_{PT}(N_2) < I^t_{PT}(N_1) \end{cases}. \quad (17)$$

Рис. 5. Три варианта роста нормативной производительности труда (2009 г. = 1)

При этом для каждого года t можно получить уравнения для расчета величины совокупного дохода театров и бюджетной субсидии, отвечающих нормативным условиям N_1 и N_2 :

$$GR^t_T(N_1 \& N_2) = \begin{cases} GR^t_T(N_2), & \text{если } I^t_{PT}(N_2) \geq I^t_{PT}(N_1) \\ GR^t_T(N_1), & \text{если } I^t_{PT}(N_2) < I^t_{PT}(N_1) \end{cases} \quad (18)$$

$$S^t_T(N_1 \& N_2) = GR^t_T(N_1 \& N_2) - R^t_T. \quad (19)$$

2.3. *Догоняющая заработная плата.* Исходя из отмеченной выше практики формирования заработной платы в организациях исполнительских искусств и в соответствии с выполнением «майского указа 2012 года», можно считать, что нормативное условие N_3 находит свое отражение в фактической динамике заработной платы работников театров W^t_T в период до 2012 года включительно и, начиная с 2013 года, в нормативной зарплате $W^t_T(N_3)$, соответствующей установленной этими указами «дорожной карте» W^t_{TM} . В данном случае следует дать формальное определение нормативного условия N_3 :

$$N^t_3 = \begin{cases} 1, & \text{если } t < 2013 \\ \frac{W^t_{TM}}{W^t_T}, & \text{если } t > 2012 \end{cases} \quad (20)$$

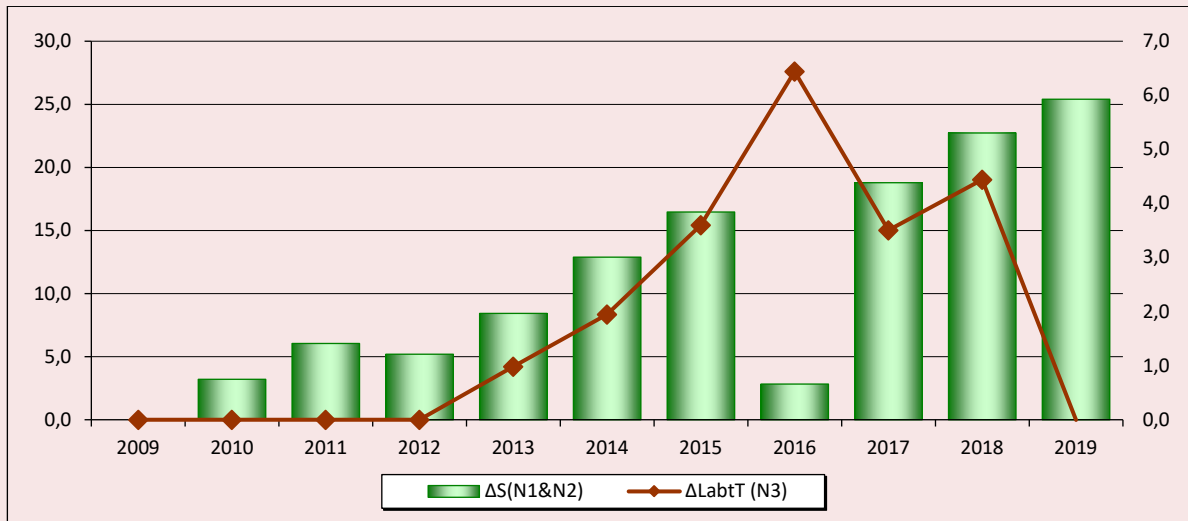
Тогда нормативная величина номинальной среднемесячной заработной платы театров соответствует следующему выражению:

$$W^t_T(N_3) = N^t_3 W^t_T. \quad (21)$$

Отмечу, что условие N_3 проявляется в изменении зарплатных расходов $Lab^t_T(N_3)$, необходимых для исполнения «майского указа 2012 года», а также в динамике совокупного дохода театров $GR^t_T(N_3)$ и его нерыночной части $S^t_T(N_3)$. Расчет прироста субсидии в $\Delta S^t_T(N_1 \& N_2)$ позволяет выяснить, насколько увеличение бюджетного финансирования, соответствующее одновременному выполнению нормативных условий N_1 и N_2 , является достаточным для обеспечения и третьего условия, связанного с нормативным ростом заработной платы работников театров (N_3). Для ответа на этот вопрос следует сопоставить прирост субсидии $\Delta S^t_T(N_1 \& N_2)$, по отношению к ее фактической величине, с необходимым увеличением расходов на оплату труда $\Delta Lab^t_T(N_3)$, обусловленных выполнением условия N_3 (рис. 6).

Приведенный график свидетельствует, что рост производительности театров, соответствующий одновременному выполнению нормативных условий N_1 и N_2 , не мог на всем интервале исследуемого периода обеспечить условия для выполнения «майских указов 2012 года». «Провальным» оказался 2016 год, когда нормативный прирост зарплатных расходов существенно превышал увеличение субсидии, соответствующее одновременному выполнению

Рис. 6. Сравнительная динамика прироста нормативной величины субсидии и нормативных расходов на оплату труда

условий N_1 и N_2 . Поэтому при построении модели бюджетной субсидии необходимо рассмотреть одновременное выполнение всех трех нормативных условий, для чего можно воспользоваться следующими расчетными формулами:

$$\Delta S^t_T(N_1 \& N_2 \& N_3) = \begin{cases} \Delta S^t_T(N_1 \& N_2), & \text{если } t \neq 2016 \\ \Delta Lab^t_T(N_3), & \text{если } t = 2016 \end{cases} \cdot (22)$$

$$S^t_T(N_1 \& N_2 \& N_3) = S^t_T + \Delta S^t_T(N_1 \& N_2 \& N_3). \quad (23)$$

Следует подчеркнуть, что в отличие от условий N_1 и N_2 , которые обеспечивают лечение «болезни Баумоля» в части динамики производительности и роста фондовооруженности труда, объединение всех трех нормативных условий (N_1 , N_2 и N_3) соответствует более высокой оценке социальной полезности театральных благ и предполагает увеличение бюджетной субсидии, позволяющей инвестировать дополнительные средства в человеческий капитал — нормативный рост заработной платы.

О тестировании модели бюджетной субсидии

Подведу итоги эмпирической части исследования. Результаты тестирования модели субсидии для российских государственных и муниципальных театров в период 2009–2019 гг. приведены на двух графиках (рис. 7–8), где представлены расчетные темпы роста полной

производительности труда и динамика бюджетной субсидии, соответствующие всем рассмотренным вариантам нормативных условий.

Последовательные шаги введения в модель субсидии соответствующих нормативных условий привели в финале к определению темпов роста производительности труда театров, который позволяет не только вылечить «болезнь Баумоля», но и обеспечить достаточный рост бюджетной субсидии для выполнения условий по нормативному росту оплаты труда.

Выполненные расчеты позволяют определить, на какие цели должны были расходоваться дополнительные бюджетные средства, соответствующие предложенной модели субсидии. Это нетрудно сделать, имея в виду, что прирост бюджетной субсидии $\Delta S^t_T(N_3)$, отвечающий нормативному условию N_3 , должен обеспечивать рост зарплатных расходов в соответствии с дорожной картой «майского указа 2012 года». Поэтому оставшаяся часть совокупного прироста субсидии при выполнении всех трех условий $\Delta S^t_T(N_1 \& N_2 \& N_3)$ в соответствии с методологией построения модели субсидии должна направляться на инновации, обеспечивающие рост фондовооруженности театров в результате инвестиций в их материальные и нематериальные активы (таблица).

Рис. 7. Расчетные индексы роста полной фактической и нормативной производительности театров (в постоянных ценах 2009 года, 2009 г. = 1)

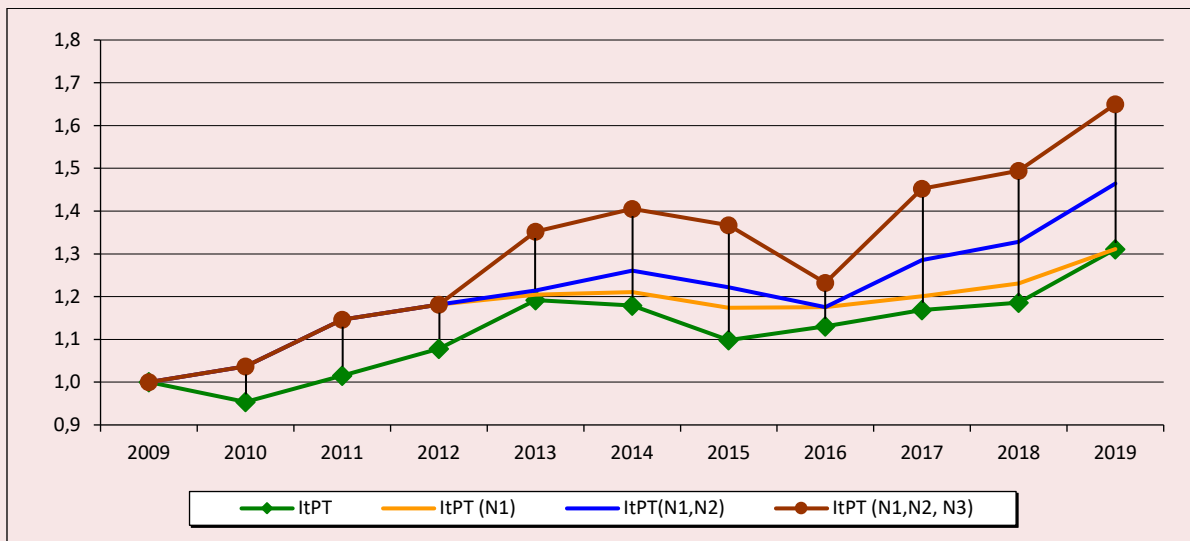
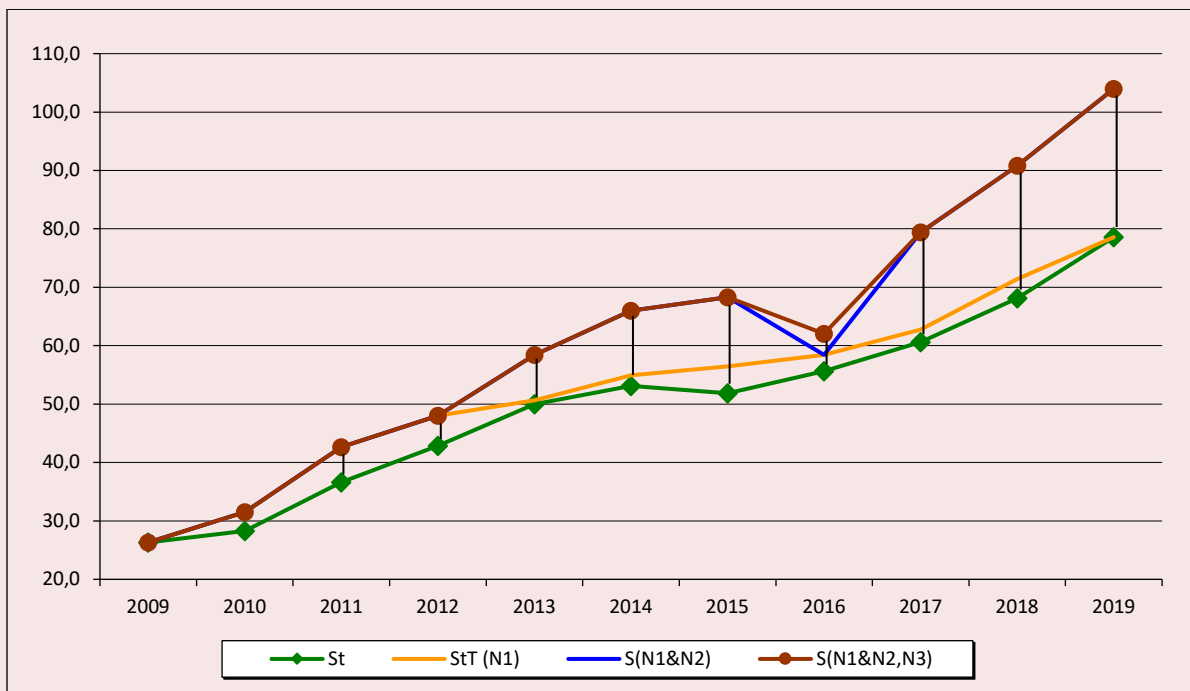

Рис. 8. Динамика фактической и нормативной величины бюджетной субсидии театрам (в текущих ценах), млрд руб.

Динамика фактической и модельной бюджетной субсидии

Год	Фактическая величина субсидии, млрд руб.	Нормативная (N ₁ , N ₂ , N ₃) величина субсидии, млрд руб.	Прирост субсидии к ее фактической величине, %					
			ВСЕГО, млрд руб.	В том числе:		ВСЕГО	В том числе:	
				на обеспечение роста оплаты туда	на инновации		на обеспечение роста оплаты туда	на инновации
2009	26,3	26,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
2010	28,3	31,5	3,2	0,0	3,2	11,3	0,0	11,3
2011	36,6	42,7	6,0	0,0	6,0	16,5	0,0	16,5
2012	42,8	48,0	5,2	0,0	5,2	12,1	0,0	12,1
2013	50,0	58,4	8,4	1,0	7,4	16,9	2,0	14,9
2014	53,1	66,0	12,8	1,9	10,9	24,2	3,6	20,6
2015	51,8	68,3	16,5	3,6	12,9	31,7	6,9	24,8
2016	55,6	62,1	6,4	6,4	0,0	11,5	11,5	0,0
2017	60,6	79,4	18,8	3,5	15,3	31,0	5,8	25,2
2018	68,1	90,8	22,7	4,4	18,3	33,4	6,5	26,9
2019	78,6	104,0	25,4	0,0	25,4	32,3	0,0	32,3

Заключение

Полтора столетия развития экономической теории после «маржиналистской революции» радикально изменили ее основное русло, «переплавив» концепцию предельной полезности и идеи равновесия в ядро неоклассической теории. Вместе с тем нельзя считать, что маржинализм обеспечил решение всего поля нерешенных проблем и спорных вопросов. Достаточно вспомнить «кейнсианство», «институциональную теорию» и «поведенческую экономику», которые в той или иной степени отказались от ряда исходных положений маржиналистской теории и выделились в самостоятельные разделы современной экономической науки.

Не обеспечил маржинализм с его довольно жесткими постулатами и преодоление марксистской ортодоксии в отношении расходов патерналистского государства, где по-прежнему превалирует затратный подход. При этом существенная для теории общественных финансов категория «бюджетная субсидия» так и не наполнилась обоснованным экономическим содержанием, создавая предпосылки для ее трактовки в виде полюбившейся бюрократам безвозмездной помощи государства.

В этом смысле одним из главных итогов выполненного исследования можно назвать смысловое наполнение понятия «бюджетная субсидия», полученное на основе модифицированной модели равновесия Викселя-Линдаля применительно к опекаемым благам. Следует особо отметить, что построение такой модели стало возможным в результате объединения маржиналистской концепции предельной полезности с идеями теории опекаемых благ, принципиальным отличием которых является их способность удовлетворять как интересы отдельных индивидуумов, так и интересы общества в целом.

К этому добавлю, что подобное «теоретическое слияние» потребовало отказаться от одного из самых жестких постулатов маржинализма, опирающегося на «методологический индивидуализм». Допущение в соответствии с теорией опекаемых благ наличия не сводимого к индивидуальным предпочтениям общественного интереса и, тем самым, функции социальной полезности государства принципиально меняет содержание равновесия для опекаемых благ. Это равновесие и определяет содержание бюджетной субсидии как денежного выражения социальной полезности опекаемых благ.

Следствием теоретического вывода, вытекающего из модифицированной модели равновесия Векселя-Линдаля, и еще одним важным итогом выполненного исследования является новаторская концепция совокупного дохода производителей опекаемых благ, который определяется в виде суммы доходов производителей этих товаров и услуг от их рыночных продаж и бюджетной субсидии. При этом введение в научный оборот категории «совокупный доход» потребовало решить проблему суммирования его разных составляющих. Речь идет о методологии и методике построения «композитного индекса цен», разработку которых также назову в качестве итога исследования.

Пожалуй, наиболее важным результатом с точки зрения практики является предложенная в работе нормативная модель бюджетной суб-

сидии, в основании которой лежит оценка социальной полезности опекаемых благ. С учетом ее нормативной природы представлено теоретическое обоснование трех нормативных условий и выведены соответствующие уравнения для модельных расчетов величины бюджетной субсидии, с использованием фактических данных ведомственной статистики в период 2009–2019 гг. В результате выполненных расчетов сделан вывод о недофинансировании театров, особенно в период после «майского указа 2012 года», в объеме от 15 до 32%.

Подчеркну еще раз – в основе оценки социальной полезности всегда будут лежать нормативные установки, поэтому исключительно важно, чтобы используемые нормы отражали содержательные интересы общества и не были результатом произвола бюрократических решений.

Литература

1. Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. СПб.: Алтейя, 2020. 424 с.
2. Samuelson P.A. The pure theory of public expenditure. *Review of Economics and Statistics*, 1954, no. 36, pp. 387–389.
3. Musgrave R.A. *The Theory of Public Finance*. N.Y.-London, 1959.
4. Рубинштейн А. Я. Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М.: Экономика, 2010. 224 с.
5. Талер Р., Санстейн К. *Nudge. Архитектура выбора*. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 240 с.
6. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. М., ИСЭ-ПРЕСС, 2000. 276 с.
7. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир, 2013. 480 с.
8. W.J. Baumol, W.G. Bowen. *Performing Arts: The Economic Dilemma*. A study of Problems common to Theatre, Opera, Music and Dance. New York, the Twentieth Century Fund, 1966, XVI, p. 582.
9. Globberman S., Book S.H. Statistical cost function's for performing arts organisations. *Southern Economic Journal*, 1974, no. 40 (April).
10. Schwarz S., Greenfield H.J. The facts first: A reply to Baumol and Baumol. *Journal of Cultural Economics*, 1981, vol. 5 (2) (December), pp. 85–87.
11. Heilbrun J. «Baumol's cost disease». In: *A Handbook of Cultural Economics*, 2003. Pp. 91–101.
12. Ginsburgh A., Throsby D. (eds.) *Handbook on the Economics of Art and Culture*, 2006, North-Holland.
13. Neck R., Getzner M. (2007). Austrian Government Expenditures: “Wagner's Law” Or “Baumol's Disease”? *International Business & Economics Research Journal (IBER)*, vol. 6, no. 11, pp. 49–66.
14. Nordhaus W. Baumol's diseases: A macroeconomic perspective, contributions to macroeconomics. *Berkeley Electronic Press*, 2008, vol. 8 (1).
15. Рубинштейн А.Я. Опекаемые блага в сфере культуры: признаки и последствия «болезни цен». М.: Институт экономики РАН, 2012. 78 с.
16. Бураков Н.А., Славинская О.А. Государственный патернализм и эконометрическая модель бюджетной поддержки театра // Эконометрические модели эластичности спроса на театральные услуги: научные доклады. М.: Институт экономики РАН, 2017. С. 31–53.

17. Baumol W. Macroeconomics of unbalanced growth: The anatomy of urban crisis. *American Economic Review*, 1967, January, pp. 415–426.
18. Рубинштейн А.Я. Экономика общественных предпочтений. СПб.: Алетейя, 2008. 560 с.
19. Рубинштейн А.Я. Теория опекаемых благ. СПб.: Алетейя, 2018. 305 с.
20. Lindahl E. Die Gerechtigkeit der Besteuerung. Eine Analyse der Steuerprinzipien auf Grundlage der Grenznutzentheorie. Translated by E. Henderson as: Just Taxation – a Positive Solution, 1919. In: Musgrave, R.A., Peacock, A.T. (eds.). *Classics in the Theory of Public Finance*. London: MacMillan, 1958, 4th Impression 1967. Pp. 168–176.
21. Рубинштейн А.Я. «Мнимый больной» или каким должно быть финансирование опекаемых благ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 24. № 3. С. 434–464.
22. Культурная деятельность в контексте. Экономическая теория, институциональная среда, социологические измерения / под ред. А.Я. Рубинштейна. СПб.: Алетейя, 2019. 1072 с.
23. Solow R. Technical change and the aggregate production function. *The Review of Economics and Statistics*, 1957, vol. 39, no. 3, pp. 312–320.
24. Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. *A Contribution to the Empirics of Economic Growth*. NBER Working Papers 3541, National Bureau of Economic Research, Inc. 1990.
25. Corrado C., Hulten Ch., Sichel D. Measuring capital and technology. In: Corrado C., Haltiwanger J., Sichel D. eds. *Measuring Capital in the New Economy, Studies in Income and Wealth*, 2005, vol. 65, pp. 11–14. Chicago: The University of Chicago Press.
26. Soloveichik R. *Theatrical Movies as Capital Assets*. Manuscript. 2013.
27. Adarov A., Stehrer R. *Tangible and Intangible Assets in the Growth Performance of the EU, Japan, and the US*. Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche (WIIW), research report 442, 2019.
28. Капелюшников Р.И. Производительность и оплата труда в сфере искусства: альтернативная интерпретация // Экономика культуры: новый ракурс старых проблем. М., 2013.
29. Baumol W. Performing Arts. In: Eatwell J., Milgate M., Newman P. *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, Macmillan, 1987.
30. Soloveichik R. Artistic originals as a capital asset. *American Economic Review*, 2010, vol. 100 (5) (May), pp. 110–114.

Сведения об авторе

Александр Яковлевич Рубинштейн – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного направления «Теоретическая экономика», Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: rubinstein@inecon.ru)

Rubinstein A.Ya.

The Concept of Comprehensive Income in the Economic Theory of the State

Abstract. The article presents a concept of the comprehensive income of producers of patronized goods; the concept helped to determine the economic content of the term “budget subsidy”, which in the Russian tradition is unreasonably interpreted as gratuitous aid from a paternalistic state. We substantiate this concept and the economic meaning of budget subsidy on the basis of a modified model of the Wicksell–Lindahl equilibrium as applied to patronized goods, the distinctive feature of which consists in their ability to satisfy the interests of individuals and the government that acts on behalf of society. We prove that such a modification of the equilibrium model is based on the use of the marginal utility theory in relation to the key term in the theory of patronized goods: public interest that is not reduced to individual preferences. Such an interpretation required that the absolutization of the marginalist principle of subjectivism based on “methodological individualism” should be abandoned. The presence of a public interest that

is not reduced to individual preferences, and therefore the presence of the social utility function of the paternalistic state, fundamentally changes the content of the equilibrium. This approach resulted in the development of the concept of comprehensive income, which is defined as the sum of income from market sales and budget subsidies, deflated by different price indices. In order to summarize components of comprehensive income, we present our own methodology for constructing a “composite price index”. The normative model for budget subsidy based on the assessment of the social utility of patronized goods is the most important practical result of our work. With regard to its normative nature, the article presents a theoretical substantiation of the three normative conditions and derives the corresponding equations for model calculations of the budget subsidy value, tested on the example of national and municipal theaters using actual departmental statistics for the period from 2009 to 2019.

Key words: paternalistic state, patronized goods, “cost disease”, productivity, comprehensive income, social utility, subsidy, income, composite index.

Information about the Author

Alexander Ya. Rubinstein – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Scientific Direction "Theoretical Economics", Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: rubinstein@inecon.ru)

Статья поступила 27.04.2021.

«Черные лебеди» и социальные институты

Виктор Евгеньевич

ДЕМЕНТЬЕВ

Центральный экономико-математический институт РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: vedementev@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5612-3999; ResearcherID: F-9252-2018

Аннотация. Пандемия COVID-19 рассматривается в статье как проявление тенденции нарастания разного рода рисков на пути общественного развития. Актуальной задачей становится повышение адаптационных способностей социально-экономических систем. Опыт борьбы разных стран с пандемией предлагается использовать для анализа условий, помогающих успешно отвечать на различные непредвиденные вызовы, в современной литературе часто фигурирующие как «черные лебеди». Представлен краткий обзор литературы, анализирующей различия между странами, сказывающиеся на экономическом развитии государств в условиях пандемии COVID-19. Показано, что вопреки распространенному мнению сохранение темпов роста ВВП может сочетаться с относительно низкими показателями смертности от коронавируса. Этот вывод основывается на данных по 30 странам за 2020 год. Отмечено, что заметное влияние на динамику ВВП в условиях пандемии оказывает доля сферы услуг в структуре экономики. Основное внимание уделено связи между изменениями ВВП в 2020 году и институциональными обстоятельствами. Показано, что ослабить падение темпов роста ВВП удастся прежде всего тем странам, где население доверяет правительству. Снижение ВВП в ряде рассматриваемых государств происходит на фоне относительно высокой информационной и личной свободы, оборотной стороной которой в условиях пандемии оказывается более низкий уровень доверия правительству. Регрессионный анализ подтверждает, что почти половина различий между странами в динамике ВВП в 2020 году отрицательным образом связана с двумя обстоятельствами: смертностью от коронавируса и информационной свободой. При недоверии правительству трудно рассчитывать на результативность правительственных мер по адаптации к чрезвычайной ситуации, а социальная активность

Для цитирования: Дементьев В.Е. «Черные лебеди» и социальные институты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 54–66. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.3

For citation: Dementiev V.E. “Black swans” and social institutions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 54–66. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.3

способна приобретать деструктивный характер. В дальнейшем было бы полезно сопоставить адаптационные возможности стран с точки зрения темпов восстановления их экономики после пандемии.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, социальные институты, доверие, темпы роста ВВП, адаптация, межстрановые различия.

Введение

Концепция устойчивого развития ориентирована на сбалансированное решение экономических, экологических и социальных проблем общественного развития. Сама возможность устойчивого развития при этом не ставится под сомнение, а технологическое развитие воспринимается в качестве одного из средств ее реализации. В частности, интерес вызывают перспективы, открывающиеся при переходе к цифровым технологиям.

Пандемия COVID-19 способствовала усилению внимания к участвовавшим неожиданным событиям, так называемым «черным лебедям» [1]. Для многих ситуация с коронавирусом стала одним из таких лебедей, хотя сам Н. Талеб придерживается другой точки зрения, считая, что была возможность подавить пандемию в США¹.

Тенденция нарастания разного рода рисков и соответствующих потерь становится все более заметной. В докладе «The human cost of disasters: an overview of the last 20 years (2000–2019)», подготовленном Агентством ООН по снижению риска катастроф (UN Office for Disaster Risk Reduction), показан рост почти по всем видам катастроф. Потери только от природных катастроф за 20 лет оцениваются почти в 3 триллиона долларов². Доклад «The Global Risks Report 2021», выпускаемый по инициативе Мирового экономического форума (World Economic Forum), охватывает 35 глобальных рисков³. Их список обновлен в 2020 году, добавлены 12 новых рисков, которые могут иметь долгосрочные последствия, в частности цифровая концентрация власти, всепроникающая негативная реакция на науку,

ухудшение психического здоровья, широко распространенное разочарование молодежи.

Что касается экономических потерь от пандемии COVID-19, их оценка в течение 2020 года выросла в несколько раз. В начале марта на основе прогноза Oxford Economics речь шла о том, что по итогам 2020 года глобальный ВВП может недосчитаться \$1,1 трлн⁴. В мае 2020 г. Азиатский банк развития (АБР) заявил, что потери мировой экономики, вызванные пандемией коронавируса, могут составить от \$5,8 трлн до \$8,8 трлн. Такая оценка оказалась вдвое выше предыдущего апрельского прогноза банка⁵. В октябре 2020 г. Международный валютный фонд (МВФ) оценивал потери мирового ВВП уже в \$28 триллионов. Ущерб экономики США от пандемии коронавируса прогнозировался на уровне \$16 триллионов⁶.

Однако на опыте пандемии стало очевидно, что экономический ущерб — это лишь одна сторона потерь. У переживаемых бедствий есть и человеческое измерение. Прямые потери — гибель людей, и косвенные — в виде негативно-го влияния на их здоровье⁷. Оправдана постановка вопроса о психологических, политических, социокультурных последствиях пандемии.

На этом фоне набирает популярность теория, в соответствии с которой «постоянное усложнение как технологических, так и социальных связей между людьми во всемирном масштабе практически неизбежно повышает уровень рисков, которые могут накапливаться и путем кумулятивного эффекта поставить всю стабильность глобальной системы под удар»⁸.

¹ <https://www.newyorker.com/news/daily-comment/the-pandemic-isnt-a-black-swan-but-a-portent-of-a-more-fragile-global-system>

² UN Office for Disaster Risk Reduction. The human cost of disasters: an overview of the last 20 years (2000–2019). URL: <https://www.undrr.org/media/48008/download>

³ World Economic Forum. The Global Risks Report 2021. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2021>

⁴ <https://russian.rt.com/business/article/725315-ekonomika-poteri-koronavirus>

⁵ <https://www.interfax.ru/business/708741>

⁶ <https://1prime.ru/world/20201015/832166974.html>

⁷ <https://news.un.org/ru/audio/2012/10/1015281>

⁸ Балабанов О. Глобальное общество риска: когда катастрофы и эпидемии становятся нормой. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalnoe-obshchestvo-riska/>

Такой эффект фиксируется и во взгляде на современное развитие как «медленную катастрофу» [2]. Действительно, в отличие от таких природных катастроф, как землетрясения, тайфуны, цунами, многие риски носят накапливающийся характер. Их отрицательное влияние начинает сильно ощущаться только спустя какое-то время. Так происходит с изменением климата, вызреванием экономических пузырей, концентрацией цифровой власти. Применительно к экономике таких рисков можно говорить об экономике медленной катастрофы. Другими словами, речь идет о накоплении негативного потенциала в ходе социально-экономического развития. «Под „медленной” катастрофой будем понимать процессы-закономерности возникновения негативных тенденций в функционировании объекта, их последующей аккумуляции, развития и труднопрогнозируемого видоизменения, которые приводят в итоге к нарушению нормального функционирования объекта, дезорганизации его внутренней структуры, разрушению связей с окружающей средой и иным негативным последствиям» [2, с. 32]. Медленная катастрофа способна происходить в форме постепенного ухудшения функционирования системы, как, например, при остаточном принципе финансирования науки. Возможна и взрывная реализация накопленного негативного потенциала, что наблюдается при крахе финансовых пузырей.

Отдельные виды медленных катастроф имеют существенную специфику, которая должна учитываться в стратегиях развития. Подготовка к возможным вызовам предстает одной из важнейших стратегических задач для разных уровней управления. Оправдано включение в повестку дня науки и практики перехода от концепции «устойчивого развития» к концепции развития в условиях перманентных рисков. Соответственно, необходимо говорить о проблеме адаптации систем разных уровней к таким условиям. Опыт пандемии COVID-19 дает обширную информацию для исследования указанной проблемы. Имеется в виду анализ обстоятельств, при которых отдельным странам удается лучше приспособиться к этому бедствию. По итогам 2020 года значительные раз-

личия между государствами наблюдаются в отношении смертности от COVID-19⁹ и динамики ВВП¹⁰.

Довольно распространенной является точка зрения о том, что адаптация, нацеленная на сохранение темпов роста ВВП, достигается при ухудшении показателей смертности, и наоборот, снижение смертности от коронавируса происходит при падении ВВП. Как пишет Я. Миркин, «стала проглядывать новая реальность — экономика катастроф. В ней видны черты военной, мобилизационной экономики с ограничениями базовых свобод, с запретами от государства, заходящими далеко за черту обыденности, с надзором за каждым и, наконец, с наказаниями... В мире появляется нечто новое — экономические жертвы. Как и во время войны, власти жертвуют частью населения ради того, чтобы „все работало”»¹¹. Что касается превентивных действий для встречи «черных лебедей», то здесь важная роль отводится формированию резервов [3]. Однако даже при большом ресурсном потенциале можно опоздать с реагированием на новые вызовы, на что обратил внимание Н. Талеб¹². Успешное развитие в условиях перманентных рисков предполагает, прежде всего, выстраивание эффективной системы принятия решений. Фактически речь идет об институциональных факторах повышения адаптивности социально-экономических систем.

В статье на примере COVID-19 анализируется обоснованность трактовки приспособления к рискам как выбора между сохранением или населения, или производства. Для выборки, охватывающей значительную группу стран,

⁹ World Health Organization. COVID-19 Weekly Epidemiological Update 25. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20210202-weekly-epi-update-25.pdf?sfvrsn=b38d435c_4

¹⁰ International Monetary Fund. World Economic Outlook: Managing Divergent Recoveries. Washington, DC, April. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>

¹¹ Миркин Я. Чей ответ на COVID-19 лучше. Сравнительная экономика катастроф // Ведомости. 2020. 19 октября. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/10/18/843660-otvet-covid-19>

¹² <https://www.newyorker.com/news/daily-comment/the-pandemic-isnt-a-black-swan-but-a-portent-of-a-more-fragile-global-system>

оценивается связь между динамикой ВВП и структурой экономики (долей услуг в ВВП), уровнем смертности от коронавируса. Однако основное внимание уделяется обстоятельствам институционального характера.

Обзор литературы

Влияние COVID-19 на разные сферы экономики, занятость, смертность населения рассматривается в большом числе публикаций, широкий обзор которых представлен в [4]. Уже в ходе первой волны пандемии COVID-19 в многочисленных исследованиях стали анализироваться факторы, определяющие ситуацию с пандемией в разных странах. Среди этих факторов демографические характеристики населения, доверие граждан, культура, структура государственного управления, уровень экономического развития страны и др. [5]. В качестве увеличивающих смертность от COVID-19 факторов фигурируют пожилой возраст населения, сопутствующие заболевания, например диабет, большая дисперсия доходов граждан и высокий уровень душевного ВВП [6]. Последнее обстоятельство объясняется широким распространением тестирования в богатых странах, доступностью зарубежного отдыха, поскольку трансграничные путешествия способствуют распространению вируса¹³.

Ситуация с пандемией в разных странах рассматривается в зависимости от стратегических, психологических и институциональных факторов [7]. Стратегические факторы связаны с возможностью использования мер по сдерживанию распространения коронавируса, особенно полной изоляции, для извлечения политических выгод. Влияние психологических факторов проявляется в самом разном виде, например, через отношение к вакцинации. В литературе обращается внимание на роль паники у правящей элиты [8]. Такой паникой объясняются, в частности, не всегда оправданные, чрезмерные ограничения на деятельность целых сфер бизнеса или перемещения граждан.

Как показано в [9], дифференцированная блокировка перемещений с учетом различных групп риска (более строгие ограничения для старших групп по сравнению с более молодыми)

может сильнее сократить число потерянных жизней и негативные экономические последствия по сравнению с единообразными мерами блокировки для всех возрастных групп. Установлено, что при равномерной изоляции, длящейся 434 дня, общее число погибших достигает 1,8% населения, а экономические издержки составляют около 24,3% годового ВВП, тогда как при дифференцированной изоляции, длящейся 230 дней, смертность снижается до 1%, а экономические потери – до 10% годового ВВП.

Институциональные факторы включают уровень эффективности правительства, уровень доверия в обществе, существование отдельных министерств здравоохранения и министров здравоохранения с медицинским образованием, степень фактической самостоятельности региональных властей по отношению к центральной власти и др. [4].

Все страны во время пандемии прибегали к централизованным мерам, даже когда федеральное законодательство ограничивало возможности для таких действий [10]. При этом уровень доверия к правительству и межличностного доверия влиял на скорость реагирования властей на пандемию. Так, было обнаружено, что «более централизованные страны с относительно низкими эффективностью правительства, свободой и доверием общества, но с отдельными министерствами здравоохранения и министрами здравоохранения с медицинским образованием действовали быстрее и решительнее» [11, с. 3]. С другой стороны, «общества с более высоким межличностным доверием, доверием к правительству и общими показателями свободы медленнее реагировали на распространение пандемии. Возможно, там, где доверие высокое, правительству не нужно вмешиваться в ограничительные меры, но оно может полагаться на людей, следующих рекомендациям по социальному дистанцированию». [11, с. 24]. Отмечается, что страны с более высокой свободой граждан менее охотно идут на ее ограничение. Однако эти выводы были получены на основе регрессионного анализа ситуации в начальный период пандемии COVID-19 до апреля 2020 г. Сами авторы указывают, что их «результаты лучше всего рассматривать как выявление перспективных гипотез о детерминантах национальной политики реагирования на пандемию COVID-19 в Европе...» [11, с. 3].

¹³ World Health Organization. Coronavirus disease (COVID-2019) situation reports. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novelcoronavirus-2019/situation-reports>

Эффект доверия правительству отмечается и в [12, с. 3]: «Снижение мобильности около середины марта 2020 года значительно сильнее в регионах с высоким уровнем доверия... Эффект особенно силен для необязательных видов деятельности (отдых, работа и транспорт) по сравнению с походом в продуктовый магазин или аптеку». Связь с другим аспектом доверия выявлена в результате анализа ситуации в США. Там, «где люди больше доверяют друг другу, требования о социальном дистанцировании соблюдаются гораздо лучше» [13, с. 12]. На данных по США основывалось и исследование [14], где показано, что на восприятие рисков пандемии способны влиять политические предпочтения граждан. В [15] рассматривается мобильность населения в итальянских провинциях в период с января по май 2020 года и доказывается, что после вспышки вируса мобильность снизилась, но значительно больше в районах с более высоким гражданским капиталом, под которым понимается готовность граждан к совместному решению возникающих проблем.

Как видно из представленных публикаций, внимание обычно фокусируется на связи институциональных факторов и социального дистанцирования в условиях пандемии. При этом динамика ВВП чаще всего остается за рамками анализа.

В странах с низким уровнем институционального доверия население склонно скептически воспринимать директивы правительства. Это может сказаться не только на ситуации с пандемией, но и на результативности мер по восстановлению экономики. При низком уровне доверия домохозяйства станут ограничивать свои потребительские расходы, а предприятия не будут инвестировать¹⁴.

В имеющихся публикациях в основном идет речь о смягчении последствий пандемии. Подготовка к новым вызовам, необходимые превентивные меры почти не рассматриваются. Вместе с тем констатируется, что большинство успешно справляющихся с пандемией стран

¹⁴ Portes J. Don't believe the myth that we must sacrifice lives to save the economy. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/25/there-is-no-trade-off-between-the-economy-and-health>

с самого начала предприняли эффективные превентивные действия. К этой группе относят Сингапур, Южную Корею [5]. Отмечается, что «многие азиатские страны извлекли уроки из своего опыта во время вспышки атипичной пневмонии несколько лет назад, поэтому они более подготовлены к принятию правильных профилактических мер. В то время как большинство западноевропейских стран рассматривают это как игру до тех пор, пока число погибших не начнет расти» [5, с. 9].

Одним из важных факторов успеха в борьбе с пандемией стало раннее выявление инфицированных коронавирусом. Однако ряд стран столкнулся с проблемой неэффективности импортируемых тестовых наборов [5]. Ненадежность тестирования приходится компенсировать жесткостью ограничительных мер, что не добавляет доверия как этим мерам, так и правительству.

Многие обстоятельства отходят на второй план, когда анализ межстрановых различий сосредотачивается на расстановке правительственных приоритетов в условиях пандемии COVID-19. Имеется в виду выбор между защитой работников и сохранением уровня производства. Он захватывает разные уровни экономического управления. Распространенной является точка зрения о том, что за спасение человеческих жизней приходится расплачиваться падением ВВП [3; 16]. Сформировалась тенденция рассматривать выбор стратегии действий в условиях пандемии как поиск компромисса между здоровьем и экономическими издержками. В докладе McKinsey Global Institute аргументируется приоритетность здоровья людей¹⁵. С другой стороны, существуют опасения, что сохранение жизней ценой сокращения производства в итоге обернется еще большими жертвами, поэтому сохранение рабочих мест и фирм в бизнесе должно быть приоритетом¹⁶.

¹⁵ McKinsey Global Institute. Will productivity and growth return after the COVID19 crisis? URL: <https://www.mckinsey.com/industries/public-and-social-sector/our-insights/will-productivity-and-growth-return-after-the-covid-19-crisis>

¹⁶ Portes J. Don't believe the myth that we must sacrifice lives to save the economy. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/25/there-is-no-trade-off-between-the-economy-and-health>

Диссонансными по отношению к этим об-суждениям оказались результаты анализа смертности от COVID-19 на миллион жителей и изменения ВВП 45 стран во втором квартале 2020 года [17]. Вопреки ожиданиям того, что уменьшение количества смертей от коро-навируса достигается ценой усиления эконо-мического спада в стране, М. Смитсон выявил обратный характер связи между этими процес-сами [17].

Следовательно, необходимо убедиться, не является ли ситуация второго квартала 2020 года исключительной. Целесообразно рассмо-треть связь между смертностью от COVID-19 и динамикой ВВП по итогам 2020 года. совме-щение роста смертности и падения ВВП сви-детельствует о том, что на межстрановые раз-личия в динамике ВВП в условиях пандемии COVID-19 существенное влияние оказывают другие факторы. В ряде публикаций уже обра-щались внимание на роль институциональных обстоятельств в таких межстрановых различиях. Наша статья призвана внести определен-ную ясность в вопрос, как сказались эти обсто-ятельства на экономических результатах стран в 2020 году.

Данные и методология

Источником информации для сравнитель-ного анализа адаптивных качеств разных стран, проявленных ими в условиях пандемии, служат, с одной стороны, данные по изменению ВВП государств, с другой стороны, сведения о смерт-ности их населения от COVID-19.

В ряде исследований [18; 19] уровни смерт-ности сопоставляются по показателю CFR, то есть соотношению между числом смертей от COVID-19 и числом подтвержденных случаев заболевания этим вирусом. Однако зависи-мость показателя от интенсивности тестиро-вания населения на COVID-19 ведет к тому, что показатели смертности оказываются зани-женными для стран, где в результате массового тестирования в число заболевших COVID-19 включено много людей с легкими формами за-болевания и без каких-либо симптомов. По-скольку показатель CFR способен завышать фактическую смертность от коронавируса при низкой интенсивности тестирования насе-ления, при сопоставительном анализе лучше

использовать показатель числа летальных случаев от COVID-19 на 100 тысяч жите-лей. Соответствующие данные доступны на сайте Медицинского ресурсного центра по ко-ронавирусу при Университете Джона Хопкин-са США (Johns Hopkins Coronavirus Resource Center)¹⁷, в еженедельниках COVID-19 Weekly Epidemiological Update Всемирной орга-низации здравоохранения, фиксирующих эпидемиологическую ситуацию с COVID-19. В статье использовались данные COVID-19 Weekly Epidemiological Update 25¹⁸.

Данные об изменении ВВП разных стран в 2020 году представлены на сайтах OECD, International Monetary Fund. В статье исполь-зовались данные World Economic Outlook 2021¹⁹.

Одним из источников информации об ин-ституциональных характеристиках стран вы-ступает исследование Edelman Trust Barometer, выполняемое агентством Edelman с 2000 года. Оно выявляет уровень доверия к институтам власти и бизнеса, средствам массовой инфор-мации. В статье используются данные Edelman Trust Barometer 2020²⁰.

Также источником институциональной ин-формации являются материалы Института Фрейзера (Fraser Institute), который считается лучшим мозговым центром в Канаде и входит в топ-15 таких центров согласно глобальному индексу Go To Think Tank Index. В статье уч-тено опубликованное этим институтом в дека-бре 2020 г. исследование Human Freedom Index 2020 [20].

Широкий спектр информации по странам представлен на сайте TheGlobalEconomy.com, с которого брались, в частности, сведения о добавленной стоимости в секторе услуг в про-центах от ВВП.

¹⁷ <https://coronavirus.jhu.edu/map.html>

¹⁸ World Health Organization. COVID-19 Weekly Epidemiological Update 25. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20210202-weekly-epi-update_25.pdf?sfvrsn=b38d435c_4

¹⁹ International Monetary Fund. World Economic Outlook: Managing Divergent Recoveries. Washington, DC, April. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>

²⁰ Edelman Trust Barometer 2020. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_LIVE.pdf

Таблица 1. Страны, вошедшие в выборку

Аргентина	Иран	Филиппины
Австралия	Италия	Польша
Бразилия	Япония	Россия
Канада	Казахстан	Саудовская Аравия
Китай	Корея	Южная Африка
Египет	Малайзия	Испания
Франция	Мексика	Таиланд
Германия	Голландия	Турция
Индия	Нигерия	Великобритания
Индонезия	Пакистан	США

Большинство представленных в статье результатов основывается на анализе развития в условиях COVID-19 группы стран (табл. 1).

Выбор государств определялся доступной статистикой, стремлением охватить все крупные страны и разные континенты. После выхода из пандемии было бы полезно провести сравнительный анализ развития в ее условиях экономик разных размеров, развитых и развивающихся стран.

При рассмотрении связи динамики ВВП и доверия правительству из-за отсутствия данных о доверии за 2020 год за рамками анализа остались Египет, Иран, Казахстан, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Польша.

Факторы межстрановых различий в динамике ВВП по итогам 2020 года

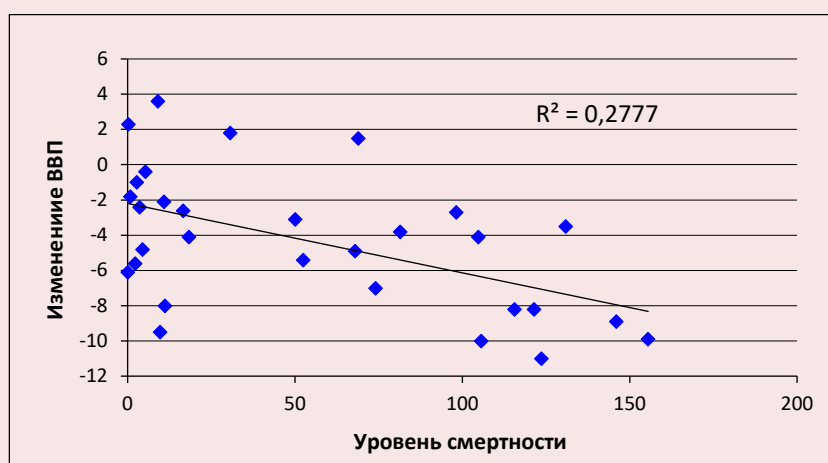
Анализ данных по 30 странам за весь 2020 год подтверждает вывод М. Смитсона [17]. Они

не позволяют трактовать повышение смертности от COVID-19 как условие сохранения темпов роста ВВП (рис. 1). Судя по представленной на этом рисунке ситуации, снижение темпов роста ВВП довольно часто не является альтернативой сохранению человеческих жизней.

Следовательно, стремление к сохранению человеческих жизней является слабым объяснением падения ВВП многих стран в условиях пандемии. Заметное влияние на динамику ВВП оказывает в этих условиях доля сферы услуг в структуре экономики (рис. 2).

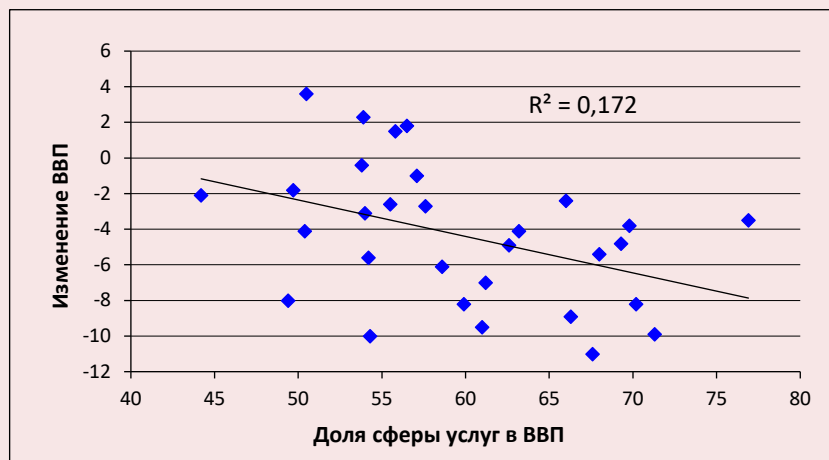
Более обоснованно связывать ухудшение экономической ситуации с качеством социальных институтов, прежде всего низким уровнем доверия правительству (рис. 3). Этот уровень фиксируется в Edelman Trust Barometer по доле людей, считающих, что правительство действует правильным образом.

Рис. 1. Уровни смертности от COVID-19 на 100 тыс. чел. населения и темпы роста ВВП по 30 странам

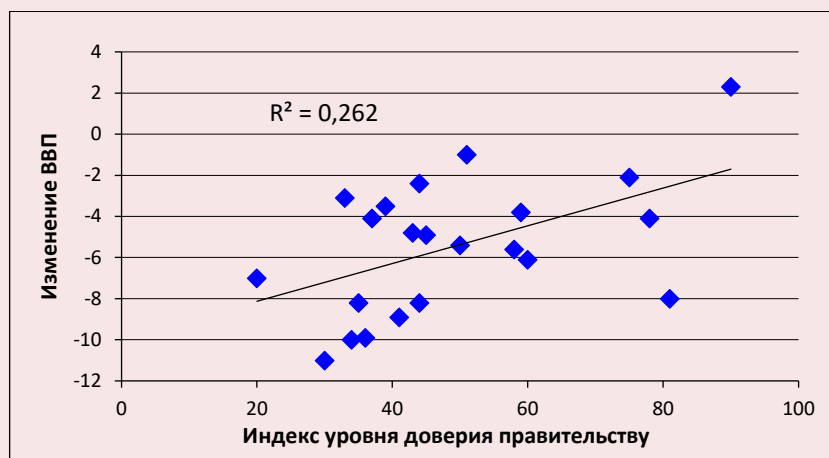
Источник: данные World Economic Outlook 2021 (April) и COVID-19 Weekly Epidemiological Update 25.

Рис. 2. Темпы роста ВВП в 2020 г. и добавленная стоимость в секторе услуг, % от ВВП, в 2019 г. по 30 странам

Источник: данные TheGlobalEconomy.com.

Рис. 3. Соотношение между уровнем доверия к правительству и изменением ВВП в 2020 г. по 23 странам

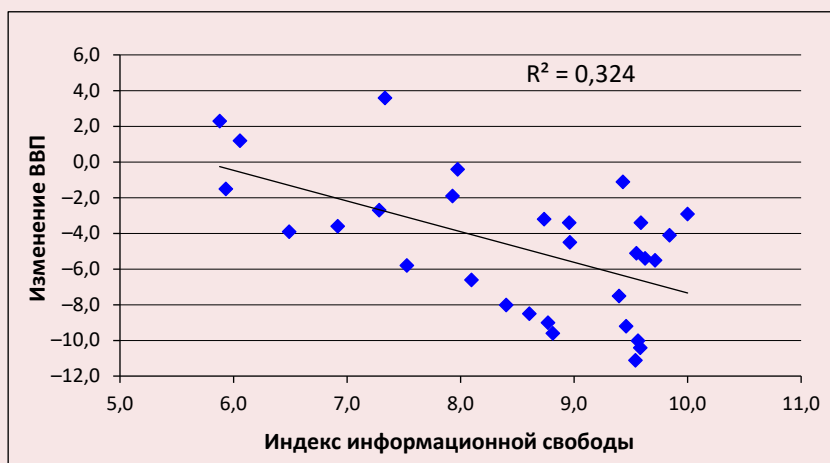
Источник: данные Edelman Trust Barometer 2020.

Связь между динамикой ВВП и уровнем доверия негосударственным организациям, бизнесу, СМИ для выборки из 23 стран оказалась гораздо более слабой, чем для доверия правительству ($R^2 < 0,1$ для СМИ, $R^2 < 0,04$ в остальных двух случаях). Однако существует некоторая связь между падением ВВП и свободой СМИ (рис. 4).

Уровень информационной свободы оценивается в Human Freedom Index 2020 по целому ряду параметров, включая безопасность журналистской деятельности, доступ к иностран-

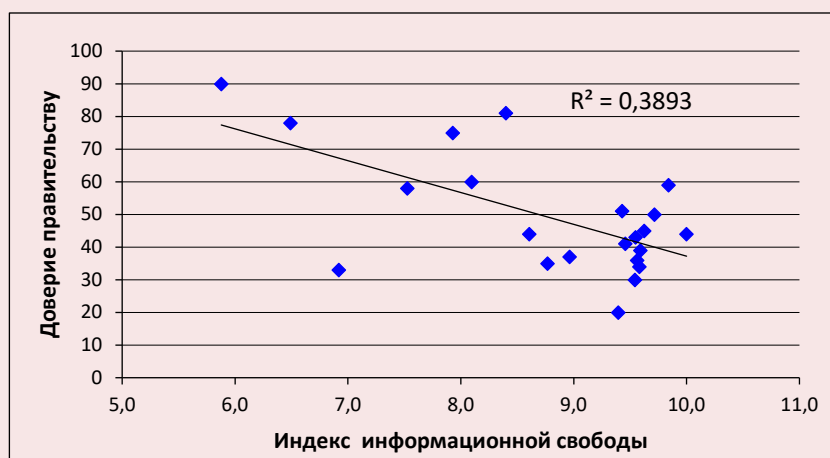
ным СМИ, государственный контроль интернета [20]. СМИ во многих случаях выступают оппонентом правительству. Однако в условиях пандемии такое оппонирование способно негативно сказываться на действенности правительственных мер по поддержке экономики, сдерживанию распространения COVID-19, что, в свою очередь, отражается на динамике ВВП. Текущие данные по 23 странам свидетельствуют о негативном влиянии информационной свободы на доверие правительству (рис. 5).

Рис. 4. Соотношение между изменением ВВП и уровнем свободы информации в 2020 г. по 30 странам [20]

Источник: Vásquez I., McMahon F. *Human Freedom Index 2020*. Cato Institute and Fraser Institute. Available at: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/human-freedom-index-2020.pdf>

Рис. 5. Соотношение между доверием правительству и уровнем информационной свободы по 23 странам

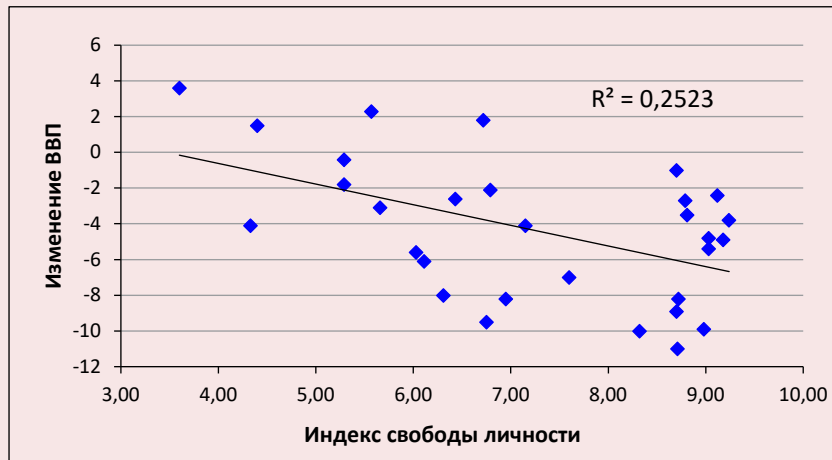
Источник: Vásquez I., McMahon F. *Human Freedom Index 2020*. Cato Institute and Fraser Institute. Available at: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/human-freedom-index-2020.pdf>

Уровень информационной свободы используется при формировании более широкого индекса свободы личности (personal freedom). Этот индекс учитывает дополнительно свободы перемещения, вероисповедания, собраний, политических организаций, гендерные свободы. В условиях пандемии обнаруживается негативная связь динамики ВВП и уровня многокомпонентного индекса личной свободы (рис. 6).

Вместе с тем существует положительная связь между уровнями личной свободы и подушевого ВВП (рис. 7).

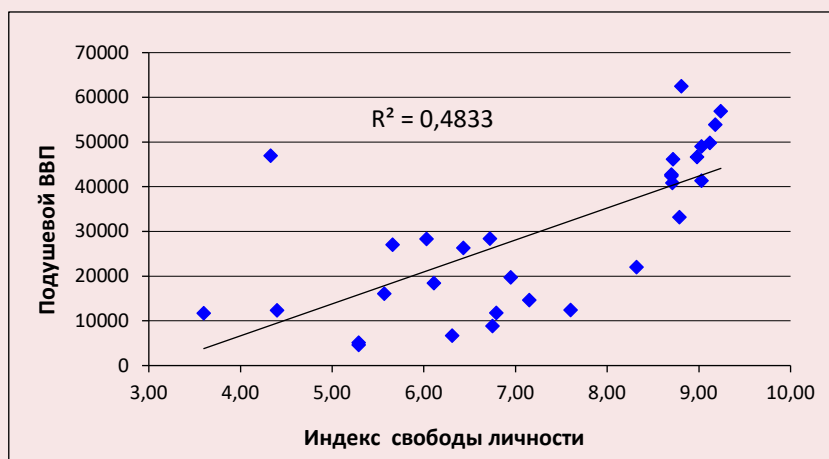
Следует отметить, что данные, представленные на рисунке 7, не отражают причинно-следственные связи между рассматриваемыми параметрами. Кроме того, при разном уровне подушевого ВВП свобода личности получает различное наполнение: возможность эмигрировать существенно отличается от возможности путешествовать по миру. Понятно, однако, что вынужденное в условиях пандемии временное ограничение личных свобод в большей степени нарушает привычный образ жизни богатых стран по сравнению с менее развитыми государствами.

Рис. 6. Соотношение между изменением ВВП уровнем свободы личности в 2020 г. по 30 странам

Источник: Vásquez I., McMahon F. *Human Freedom Index 2020*. Cato Institute and Fraser Institute. Available at: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/human-freedom-index-2020.pdf>

Рис. 7. Соотношение между уровнем подушевого ВВП (PPP) в 2019 г. и уровнем свободы личности по 30 странам

Источник: Vásquez I., McMahon F. *Human Freedom Index 2020*. Cato Institute and Fraser Institute. Available at: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/human-freedom-index-2020.pdf>; данные TheGlobalEconomy.com

Регрессионный анализ (табл. 2) подтверждает, что почти половина различий между странами в динамике ВВП в условиях COVID-19 обусловлена двумя обстоятельствами: смертностью от коронавируса и информационной свободой. Оба оборачиваются ослаблением доверия к правительству, что сказывается на результативности усилий по борьбе с пандемией.

Заключение

Реальная эффективность социально-экономических систем проверяется в условиях появ-

ления «черных лебедей», нарушающих привычный ход социально-экономического развития. Как показала пандемия COVID-19, не все страны-лидеры мировой экономики обладают необходимыми адаптационными качествами. Свою роль здесь играет низкий уровень доверия правительству. Опросы свидетельствуют о том, что даже в таких высокоразвитых государствах, как США, Республика Корея, Канада, почти половина респондентов воспринимает капитализм в его нынешнем виде как

Таблица 2. Регрессионный анализ факторов падения ВВП в 2020 г.

Переменная	Коэффициенты
Постоянная	8,687089** (3,962028)
Информационная свобода	-1,37653*** (0,490736)
Уровень смертности от COVID-19	-0,02288** (0,010714)
R ²	0,44

Примечание. Зависимая переменная – изменение ВВП в 2020 г. В скобках указаны стандартные ошибки. Символами «***», «**» отмечены оценки, значимые на уровне 1 и 5% соответственно.
Источник: расчеты автора для 30 стран.

приносящий больше вреда, чем пользы. Гораздо больше сторонников такой точки зрения в Индии, Индонезии, Китае, преобладает она и во Франции, Италии, Испании [20, с. 66].

Особо следует отметить характер связи между изменением ВВП и уровнем смертности от COVID-19. Нет достаточных оснований, для того чтобы трактовать снижение темпов роста ВВП как оборотную сторону улучшения эпидемиологической ситуации. Падение ВВП и высокая смертность от COVID-19 являются следствиями неготовности стран к участившимся масштабным вызовам. Необходимо учитывать, что таким вызовом выступает и промышленная революция.

Опыт, накопленный во время пандемии COVID-19, показывает, что в непредвиденных обстоятельствах решающую роль может сыграть не столько ресурсный потенциал экономики, сколько ее институциональные качества. Чтобы социально-экономическая система хорошо адаптировалась к чрезвычайной ситуации, она должна достаточно быстро варьи-

ровать уровень централизации принимаемых решений. Для одних ситуаций необходимо и достаточно оперативного реагирования на локальном уровне управления. Другие чрезвычайные ситуации требуют централизованных решений по мобилизации ресурсов всей страны. Так, в эпицентр эпидемии коронавируса город Ухань провинции Хубэй китайским правительством были привлечены врачи из разных провинций²¹. Однако важно, чтобы власти пользовались доверием у населения, иначе трудно рассчитывать на результативность правительственных мер, а социальная активность способна приобретать деструктивный характер.

Поскольку пандемия еще не завершилась, представленные выводы о межстрановых различиях в динамике ВВП под влиянием COVID-19 носят предварительный характер, основываясь на данных лишь за 2020 год. В дальнейшем было бы полезно сопоставить адаптационные возможности стран с точки зрения темпов восстановления их экономик после пандемии.

Литература

1. Taleb N.N. *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. Random House, 2007. 480 p.
2. Минаев В.А., Фаддеев А.О. Проблема медленных катастроф // Технологии техносферной безопасности. 2006. № 2. С. 32–35. URL: <https://academygps.ru/nauka-5/nauchnye-zhurnaly-i-publikatsii-52/nauchnyu-internet-zhurnal-tekhnologii-tekhnosfernoy-bezopasnosti/vypusk/2006-2027/-2042/> (дата обращения 12.02.2021).
3. Миркин Я.М. Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 97–116. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-5>

²¹ <https://regnum.ru/news/society/2887611.htm>

4. Brodeur A., Gray D., Islam A., Bhuiyan S-J. *A Literature Review of the Economics of COVID-19*. IZA Institute of labor economics. Discussion paper series no 13411/ Available at: <http://ftp.iza.org/dp13411.pdf> (accessed: 21.09.2020).
5. Baniamin H.M., Rahman M., Hasan, M.T. The COVID-19 pandemic: Why are some countries more successful than others? *SSRN Electronic Journal*. 2020. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3575251>
6. Chaudhry R., Dranitsaris G., Mubashir T., Bartoszko J., Riazi S. A country level analysis measuring the impact of government actions, country preparedness and socioeconomic factors on COVID-19 mortality and related health outcomes. *EClinicalMedicine*, 2020, no. 25, 100464. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2020.100464>
7. Maor M., Howlett M. Explaining variations in state COVID-19 responses: Psychological, institutional, and strategic factors in governance and public policymaking. *Policy Design and Practice*, 2020, vol. 3, no. 3, pp. 228–241. DOI: 10.1080/25741292.2020.1824379
8. Clarke L., Chess C. Elites and panic: More to feat than fear itself. *Social Forces*, 2008, vol. 87, no. 2, pp. 993–1014. DOI:10.1353/sof.0.0155
9. Acemoglu D., Chernozhukov V., Werning I., Whinston M. D. *A Multi-Risk SIR Model with Optimally Targeted Lockdown*. Working paper No. 27102. National Bureau of Economic Research. Available at: <https://doi.org/10.3386/w27102>
10. Capano G., Howlett M., Jarvis D., Ramesh M., Goyal N. Mobilizing policy (in) capacity to fight COVID-19: Understanding variations in national responses. *Policy and Society*, 2020, vol. 39, no. 3, pp. 285–308. DOI: 10.1080/14494035.2020.1787628
11. Toshkov D., Yesilkagit K., Carroll B. *Government Capacity, Societal Trust or Party Preferences? What Accounts for the Variety of National Policy Responses to the COVID-19 Pandemic in Europe?* OSF Preprints 7chpu, Center for Open Science, 2020. DOI: 10.31219/osf.io/7chpu
12. Bargain O., Aminjonov U. *Trust and Compliance to Public Health Policies in Times of Covid-19*. 2020. Available at: <https://papers.ssrn.com/abstract=3596671>
13. Brodeur A., Grigoryeva I., Kattan L. *Stay-at-Home Orders, Social Distancing and Trust*, 2020. Available at: <https://papers.ssrn.com/abstract=3602410>
14. Barrios J.M., Hochberg Y. *Risk Perception through the Lens of Politics in the Time of the COVID-19 Pandemic*. National Bureau of Economic Research. Working paper no. 27008. DOI: <https://doi.org/10.3386/w27008>
15. Durante R., Guiso L., Gulino G. *Asocial Capital: Civic Culture and Social Distancing during COVID-19*. 2020. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3611606>
16. Balmford B., Annan J.D., Hargreaves J.C., Altoè M., Bateman I.J. Cross-country comparisons of Covid-19: Policy, politics and the price of life. *Environmental & Resource Economics*, 2020, vol. 76, no. 4, pp. 525–551. DOI: 10.1007/s10640-020-00466-5
17. Smithson M. Data from 45 countries show containing COVID vs saving the economy is a false dichotomy. *The Conversation*, 2020. Available at: <https://theconversation.com/data-from-45-countries-show-containing-covid-vs-saving-the-economy-is-a-false-dichotomy-150533> (accessed: 21.12.2020).
18. Sorci G., Faivre B., Morand S. Explaining among-country variation in COVID-19 case mortality rate. *Scientific Reports*, 2020, vol. 10, no. 1, 18909. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-75848-2>
19. Liang L.-L., Tseng Ch.-H., Ho H. J., Wi Ch.-Y. COVID-19 mortality is negatively associated with test number and government effectiveness. *Scientific Reports*, 2020, vol. 10, 12567. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-68862-x>
20. Vásquez I., McMahon F. *Human Freedom Index 2020*. Cato Institute and Fraser Institute. Available at: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/human-freedom-index-2020.pdf> (accessed: 19.01.2021).

Сведения об авторе

Виктор Евгеньевич Дементьев – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: vedementev@rambler.ru)

Dementiev V.E.

“Black Swans” and Social Institutions

Abstract. The paper considers the COVID-19 pandemic as a manifestation of an upward trend in various kinds of risks on the path of social development. Promoting the adaptive abilities of socio-economic systems becomes an urgent task. We propose to use the experience of various countries in combating the pandemic to analyze the conditions that help to respond effectively to various unforeseen challenges, which are often referred to as “black swans” in modern literature. We present a brief review of the literature that analyzes the differences between countries, which affect their economic development amidst the COVID-19 pandemic. We prove that, contrary to popular belief, the continued growth of GDP can be combined with relatively low COVID-19 mortality rates. This conclusion is based on data from 30 countries for the year 2020. We note that the share of the service sector in the economy has a significant impact on the dynamics of GDP in the context of the pandemic. We focus on the relationship between changes in GDP in 2020 and institutional circumstances. We find that it is possible to curb the decline in GDP growth rates primarily in those countries where the population trusts the government. The decline in GDP in some countries under consideration occurs against the background of relatively high information and personal freedom that contributes to a decline in the level of trust in the government in the context of the pandemic. The regression analysis confirms that almost half of the differences between countries in GDP dynamics in 2020 are negatively related to two factors: COVID-19 mortality and information freedom. If the people have no trust in the government, then the efforts it undertakes to adapt to an emergency situation may prove ineffective, and social activity can become destructive. In the future, it would be useful to compare the adaptive capacity of countries in terms of the rate of recovery of their economies after the pandemic.

Key words: COVID-19 pandemic, social institutions, trust, GDP growth rates, adaptation, cross-country differences.

Information about the Author

Victor E. Dementiev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, RAS Corresponding Member, Chief Researcher, Central Economic and Mathematics Institute, RAS (47, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: vedementev@rambler.ru)

Статья поступила 28.04.2021.

Социально-экономические исследования и политические аспекты развития северного региона (к столетию Республики Коми)

Виталий Николаевич

ЛАЖЕНЦЕВ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера

ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Сыктывкар, Российская Федерация

e-mail: vn11940@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2222-5107; ResearcherID: O-6722-2017

Аннотация. Показано становление и развитие социально-экономических исследований на северной периферии. Отражена роль экономической науки и регионального управления в освоении территорий со сложными природными условиями. Во времена капиталистической колонизации, социалистического планового хозяйства, революционного реформирования и формирования рыночных отношений научные рекомендации в части форм организации производства и совершенствования хозяйственного механизма, как правило, не воспринимались властью своевременно и должным образом. Тем не менее все научные концепции и теории, хотя и с опозданием, так или иначе влияют на жизнедеятельность населения дальних регионов, особенно теории первоначального накопления капитала, социалистического накопления, мобилизационной экономики, порайонной организации производительных сил, экономического федерализма, разнообразия форм собственности и смешанной экономики, территориального хозяйствования. Наука формирует теоретический базис для объективно обусловленных социальных преобразований, который служит ориентиром ускоренного развития производительных сил и роста народного благосостояния. Однако политическая деятельность нередко оказывается на совершенно противоположных позициях, предпочитая ломку сложившихся хозяйственных отношений в ущерб общественным интересам. С другой стороны, сама социально-экономическая действительность и различные обстоятельства жизни подсказывают необходимость введения в науку новых теоретических положений, соответствующих цикличности рыночной экономики, разнообразию ее форм и экстремальным политико-экономическим ситуациям. При этом суще-

---

Для цитирования: Лаженцев В.Н. Социально-экономические исследования и политические аспекты развития северного региона (к столетию Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 67–82. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.4

For citation: Lazhentshev V.N. Socio-economic studies and political aspects of developing the northern region (to the centenary of the Komi republic). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 67–82. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.4

ственное значение приобретает опыт формирования хозяйственных отношений в регионах, который рекомендовано учитывать в проблематике исследований национальной и мировой экономики.

Ключевые слова: экономическая мысль, революционное реформирование, эволюционные предпочтения, формирование экономических теорий, практика государственного управления, северная периферия, Республика Коми.

Введение

Статья подготовлена в связи со столетием Республики Коми и посвящена экономическим учениям и политическим доктринам, повлиявшим на развитие республики в составе Российского государства. Автор попытался ответить на вопрос, в какой мере известные экономические теории и политика российских правительств оказывали влияние на жизнь и хозяйство северной периферии в периоды радикальных преобразований и эволюционного развития. Исторический подход к поиску ответа на данный вопрос позволил увидеть в прошлом некоторые аналоги с настоящим временем и тем самым актуализировать проблематику политических и экономических отношений по линии «центр – регион».

Цель исследования – показать необходимость специальной аналитической работы по поводу соответствия (или несоответствия) между практикой экономических преобразований и теориями общественного развития.

При написании статьи, кроме литературных источников, использовались годовые отчеты Российской академии наук и Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Научное обоснование развития экономики России: дореволюционный опыт и революционная альтернатива

Дореволюционный опыт

Передовая русская экономическая мысль конца XIX – начала XX века была сосредоточена в основном на теории социального реформирования, проблемах преобразования сельского хозяйства и развития промышленности с обоснованием возможности выхода России на передовые рубежи мировой экономики. Реализация идей, сочетающих общественное, аграрное и индустриальное развитие, считалась возможной при различных вариантах политико-экономических преобразований: 1) без изменения основ реформируемого строя; 2) с по-

степенным изменением основ; 3) с быстрым их преобразованием революционным путем. Многие российские авторы социальных и экономических теорий исходили из учения К. Маркса, а некоторые соглашались с ним в части, касающейся объективных закономерностей смены капиталистического общества социалистическим [1]. Известные же в мировом научном сообществе экономисты-исследователи придерживались позиции, кратко сформулированной П.Б. Струве: «Чтобы выйти из нашего экономического убожества ... Россия из бедной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной» [2, с. 250]. Из практиков-экономистов, обладающих научным мышлением, такие взгляды разделяли Н.К. Бунге, С.Ю. Витте и П.А. Столыпин.

Идеи социальных перемен в аграрной области нашли более полное отражение в трудах А.В. Чаянова, полагавшего, что крестьянское трудовое хозяйство может стать устойчивым и многократно усилиться благодаря кооперации по ряду видов экономической деятельности (приобретение технических средств, сбыт продукции, агрономические и ветеринарные услуги, содержание общинных угодий и средств производства коллективного пользования и др.). Мелиорационные и землеустроительные мероприятия, организация социальных фондов – функции государства. Земля, по мнению А.В. Чаянова, должна быть национализирована и передана в пользование крестьянским хозяйствам и сельским общинам на условии прогрессивного налогообложения [3].

В качестве предмета многих исследований выступало промышленное и транспортное развитие, но в первую очередь следует отметить заслуги Д.И. Менделеева. Он внес существенный вклад в научное обоснование развития и размещения производительных сил, включая такие отрасли народного хозяйства, как нефтяная, каменноугольная, железорудная, аргументи-

ровал идею газификации углей, предложил постройку Волго-Донского канала, установил торгово-промышленное значение северо-восточной границы Азии и Европы, рекомендовал осваивать Северный морской путь и Арктику, орошать земли Нижнего Поволжья, развивать речное судоходство и железнодорожный транспорт, обосновал условия таможенного тарифа и защиты русской промышленности, ставил вопрос о том, чтобы догнать и даже перегнать развитые капиталистические страны [4].

Сельское хозяйство во взаимосвязи с промышленностью по состоянию второй половины XIX века основательно изучил В.И. Ленин. Он убедительно показал ошибочность взглядов экономистов-народников на ограниченные возможности российского промышленного капитализма и преимущества сельско-общинного строя экономики. На основе научного анализа земской статистики, фабрично-заводских переписей и многочисленных литературных источников доказал, что в России наблюдаются общественное разделение труда, рост товарного производства, социальное расслоение крестьянства и формирование рабочего класса, специализация регионов и межрегиональный обмен, т. е. процессы, вполне достаточные для развития внутреннего рынка с расширенным общественным воспроизводством. В.И. Ленин, в частности, говорил о том, что экономико-географическое районирование и одновременное углубление статистических методов анализа массовых социально-экономических процессов есть правильный путь выявления устойчивых тенденций в развитии капиталистических отношений в России [5].

Во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в 1915 году при Российской академии наук (РАН) была сформирована Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) под председательством академика В.И. Вернадского. В обоснование ее создания легли достижения в области не только естественных, но и общественных наук, а также результаты комплексных географо-статистических характеристик России, выполненных под руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского. Комиссия объединяла усилия работников науки многих специальностей, с тем чтобы оценить природно-ресурсный потенциал страны, разработать мероприятия с участием РАН в хо-

зяйственном и культурном строительстве. Была сформулирована концепция размещения научно-исследовательских институтов в регионах России.

Современные аналитики русской экономической мысли отмечают некоторые общие черты ее наиболее ярких представителей: этически-моральные начала научного объяснения хозяйственной деятельности, патриотизм и желание оказать помощь Отечеству, использование западных учений, существенно трансформированных с учетом российской специфики [6].

Революционная альтернатива

Первая мировая война и ее разорительные последствия усилили позиции радикального крыла социалистов, что нашло отражение в работе В.И. Ленина «Государство и революция» (трактовка государства как диктатуры: либо буржуазной, либо рабочего класса) [7]. Ведущие политические партии (социал-демократы, социалисты-революционеры, конституционные демократы и др.) проигнорировали тезис Г.В. Плеханова о том, что Россия не готова к радикальным политическим преобразованиям, а потому призывы к социалистической революции означают разрыв с марксизмом, переход на позиции анархистов, непонимание реальных условий экономического развития страны [8].

У советского правительства в 1917–1924 гг. обнаруживается удивительное раздвоение при оценке и использовании достижений русской экономической мысли. Один вектор понимания прогрессивного движения России, действительно, был связан с идеями научного социализма и выражен в совершенно приемлемых для большей части населения политических актах (декрет о мире, декрет о земле; декрет об учреждении государственной комиссии по просвещению; декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах; основной закон о социализации земли; декларация прав народов России, декларация трудящегося и эксплуатируемого народа и т. п.), другой отражал исключительно идеи государственной диктатуры и «военного коммунизма», якобы не противоречащие демократии (декрет о роспуске Учредительного собрания; ряд документов об установлении государственной монополии в сфере политики и социальной деятельности; декрет о революционных трибуналах и т. п.).

Та часть программных документов по строительству социализма, которая касалась производительных сил, в основном соответствовала историческому ходу научно-технического прогресса. Предполагалось использовать преимущества обобществленной крупной промышленности, транспортной и энергетической систем в деле формирования эффективных производственных комплексов. В.И. Ленин в «Наброске плана научно-технических работ» (апрель 1918 г.) рекомендовал Высшему совету народного хозяйства дать поручение Академии наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил России, образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема страны. В этот план, по мнению В.И. Ленина, должны входить «рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта; рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях; наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской республике (без Украины и без занятых немцами областей) возможности самостоятельно снабдить себя всеми главнейшими видами сырья и промышленности» [9, с. 228].

Особое внимание обращалось на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества в земледелии, на использование не первоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего, на применение водных сил и ветряных двигателей в земледелии.

Перечисленные задания в области научно-технических работ были конкретизированы в Государственном плане электрификации России (Плане ГОЭЛРО – 1920 г.). Принятый в нем порайонный принцип организации народного хозяйства в виде производственных комплексов, формирующихся вокруг крупных государственных электрических станций, лег в

основу новой (конструктивной) экономической географии России как в ее теоретической части, так и с точки зрения практического размещения промышленности. Комиссия ГОЭЛРО подготовила базу для создания государственного органа по систематическому перспективному планированию. В феврале 1921 г. была организована Государственная плановая комиссия (Госплан).

Н.Д. Кондратьев положил начало теории прогнозирования общественного развития с научным обоснованием его генеральных ориентиров. Он провел статистическое исследование больших (длительных) циклов и показал взаимосвязь экономических колебаний различной продолжительности, связанных с обновлением долговременных элементов основного капитала (производственных сооружений, транспортной, энергетической и другой инфраструктуры), с крупными изменениями в технической базе, созданием новых источников энергии, новых видов сырья, с разработкой принципиально новых технологий [10]. Были и другие научные достижения, соответствующие идеям плановой организации хозяйственной деятельности (методика экономической и социальной статистики, составление продуктовых и межотраслевых балансов, математическое моделирование состояния и перспектив развития национальной экономики и др.).

Второй вектор управления экономикой советской России можно обозначить как «круто политизированный». Он формировался по принципу «цель оправдывает средства». При этом целеполагание было преимущественно политическим: удержание и укрепление власти большевиков, создание трудовых коммун как производственных и общественных организаций, симуляция обострения классово-борьбы, уничтожение всего, что порождает капиталистические отношения. Может показаться, что это обусловлено исключительно противостоянием белого и красного террора, Гражданской войной, голодом и слабостью демократического государства в решении проблем военной экономики. Но на самом деле, как бы в обход ранее созданных теорий социальных преобразований, целенаправленно начала выстраиваться модель вертикали авторитарной власти, соответствующая «азиатскому способу производства». Некоторые зарубежные и отечественные

аналитики обозначили ее как восточный деспотизм, которому свойственны отсутствие частной собственности, отмена рыночной конкуренции, абсолютная власть государственной бюрократии [11; 12].

Нельзя отрицать влияния чрезвычайных обстоятельств на выбор советским правительством явно не демократического управления. Однако именно принципы «военного коммунизма» соответствовали представлениям верховного руководства России о социалистическом обществе (отсутствие частной собственности на средства производства, ликвидация товарно-денежных отношений, уравнительное распределение материальных благ). Кстати, В.И. Ленин народное хозяйство страны стал трактовать в виде единой фабрики, а отдельные районы – как ее цехи, причем это еще не крайний случай экономической мысли о социалистическом строительстве. Идеи и принципы «военного коммунизма» определяли суть генеральной линии партии; новая экономическая политика (НЭП) была лишь временным отступлением от нее (просуществовала в СССР с 1921 по 1929 год).

Сложилась ситуация, когда политика определяла содержание экономической науки. Если кто-то не оправдывал выбранный курс строительства «социализма» и показывал реальную картину общественной жизни, выявлял процессы, не соответствующие политическим директивам, то он подвергал свою жизнь смертельной опасности. Так, А.В. Чаянов в 1937 г. и Н.Д. Кондратьев в 1938 г. были расстреляны. Первый – за уважительное отношение к крестьянству, его свободе, в том числе в выборе форм сельской кооперации; второй – не за теорию больших циклов как прогрессивную технологическую последовательность, а за их социальную интерпретацию, не совпадающую с «теорией» перехода от социализма к коммунизму.

Совместить два указанных вектора строительства социалистической экономики с помощью науки невозможно, поэтому политические и социальные аспекты коллективизации, индустриализации, культурной революции, продвижения производительных сил на Восток и Север за рамками официальных трактовок не рассматривались.

Проекция русской экономической мысли и революционных доктрин на северную периферию

В.И. Ленин в работе «О продовольственном налоге...» (апрель 1921 г.) писал: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка – вернее: десятки верст бездорожья – отделяют деревню от железных дорог, то есть от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?» [13, с. 228].

Мы привели данную цитату с тем, чтобы сначала частично с ней не согласиться. Что касается экономической отсталости, то действительность именно такова, как она отражена В.И. Лениным. Но «дикость и полудикость» – характеристика самих людей, живущих на окраинах Российской империи, и данная характеристика не соответствовала действительности. Например, коми и поморы по уровню грамотности превосходили средние по стране показатели; они не уступали и в уровне организованности крестьянских хозяйств и отхожих промыслов¹. Поморы дали стране М.В. Ломоносова, а Коми – П.А. Сорокина.

Образованные люди в Коми знали о социально-экономической науке и ее достижениях. Это знание формировалось во время обучения в Москве, Петрограде и других городах центральной России, в ходе общения со ссыльными революционерами. Экономическая наука проникала в Коми вместе с организаторами экспедиций по сбору статистических и других сведений с целью оценить возможности колонизации новых земель и подключить природные ресурсы к национальной экономике.

¹ Отхожий промысел – временная, чаще всего сезонная работа крестьян в Российской империи вне места постоянного жительства. Людей, уходивших на заработки, называли «отходниками». Таким промыслом среди коми-женщин было швейное дело.

Так, за период 1901–1914 гг. было организовано 11 государственных экспедиций. В некоторых из них активно участвовали коми общественные деятели В.Ф. Попов и К.Ф. Жаков, которые к тому же организовали научные стационарные статистические наблюдения. Они весьма грамотно подошли к оценке политики П.А. Столыпина на переселение (колонизацию) крестьян центральной России в Сибирь и на Север. «К.Ф. Жаков пришел к выводу о невозможности широкой колонизации Коми края, так как это приведет к истреблению лесов, исчезновению рыбы, зверей, дичи, общему упадку края, а свободных для колонизации земель он не видел. К.Ф. Жаков и В.Ф. Попов выступили против выделения угодий для переселенцев, отстаивали целесообразность проведения землеустройства местного старожильского населения, выделения им бесплатно пахотной земли и других угодий» [14, с. 164].

Местные ячейки социал-демократов, эсеров, кадетов подкрепляли пропаганду своих политических убеждений определенными социальными трудами и установками политических лидеров. Однако после революции 1917 года такое разнообразие было заменено политической монополией партии большевиков и соответствующими ее идеям формами организации советской власти.

Цитату о захолустных просторах мы привели еще и потому, чтобы напомнить читателю ленинскую оценку экономических укладов России начала XX века. В.И. Ленин в 1921 г. писал: «...каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса. Перечислим эти элементы: 1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб); 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм» [13, с. 207].

В отдельных регионах России перечисленные элементы были представлены по-разному. На Севере преобладало натуральное и мелкотоварное крестьянское хозяйство, местами — частнохозяйственный капитализм, а потому социальные преобразования должны были бы

опираться прежде всего на теорию А.В. Чаянова и некоторых других экономистов-аграрников, включая и В.И. Ленина (если иметь в виду вышеупомянутые его работы «Развитие капитализма в России» и «О продовольственном налоге»). Идеи сплошной коллективизации здесь не соответствовали реальному положению дел в аграрной сфере². Природа крестьянского трудового хозяйства и семейно-трудовая теория были исключены из поля зрения советского правительства как возможный социально справедливый и экономически эффективный источник социалистического накопления.

Хозяйство Коми автономной области в составе Российской Федерации, а затем и СССР, в 1920–1930-х гг. рассматривалось в рамках теоретического представления о первоначальном социалистическом накоплении, сначала за счет доходов от внешнеторговой деятельности, а затем — путем неэквивалентного включения природных ресурсов окраинных территорий в обрабатывающую промышленность страны. Европейский Север стал золотовалютным цехом, поставляя через Архангельский порт круглый лес за границу. Правительство России получало за это золото и иностранную валюту. В Плане ГОЭЛРО Европейский Север рассматривался в качестве резерва, потенциальные возможности которого предстояло основательно изучить. Одним из наиболее ярких примеров научно-организационной работы по комплексному изучению северных территорий является экспедиция в Коми область под руководством академика А.П. Карпинского, президента АН СССР («Печорская бригада», 1933 г.).

² Уникальный исторический материал по «раскулачиванию» представлен в приложении к газете «Республика» (Коми) «Дым Отечества» за 26 января 2013 г. Это акт описи имущества Маркова Андрея Евсеевича, составленный 22 февраля 1930 г. (деревня Чернутаево Удорского района Коми области). В описи 191 наименование имущества на общую сумму 2880 руб. 20 копеек. Земля в описи не указана. На современные цены (без земли) — это примерно 2 млн рублей. М.А. Евсеев считался рядовым крестьянином. Автор комментария к описи Анна Сивкова пишет: «Ко многим умозаключениям, выводам подводит этот документ. Пожалуй, один из самых важных из них: крестьянский труд в личных хозяйствах до революции даже на севере обеспечивал достаток. Эта незыблемость сельского бытия и была подорвана разграблением хозяйств таких домохозяев и рабочих, как Андрей Евсеевич Марков из удорского села Чернутаево».

В настоящее время имеется полный обзор итогов работы «Печорской бригады», позволяющий понять объем, характер и результаты ее деятельности. Имеется в виду монография М.П. Рощевского, Л.П. Рощевской и А.А. Бровиной, которая не только представляет историческую ценность для самой науки и Российской академии наук (отмечающей в 2024 г. 300-летие), но и является источником для понимания взаимной связи между социально-экономическими теориями и политической практикой [15]. В данном произведении четко прослеживается затронутая нами тема двойного вектора социальных преобразований в России (СССР) в первой половине XX века: научно обоснованное развитие и размещение производительных сил и лишенное какой-либо научной основы (кроме теории «азиатского способа производства») формирование социального строя с элементами политического угнетения.

С одной стороны, природно-ресурсный потенциал Ухто-Печерского края исследовался по всем правилам науки, присутствовало стремление найти экономически и социально приемлемый путь его использования на благо народа; с другой — даже сами условия, в которых работала бригада, не говоря уже о практическом опыте освоения минеральных ресурсов, который она изучала в Чибью, Водном промысле, Яреге, Воркуте и других местах, характеризуются в ее отчетных документах словами ОГПУ, ГУЛАГ, политзаключенные, спецпереселенцы, бараки, надзор и т. д.

Научная ориентация Севера на выборочное освоение ресурсов (строительство только тех предприятий, которые вызваны народнохозяйственной необходимостью и не могут быть построены в других районах; создание очаговой северной индустрии с высокой механизацией и сокращением затрат живого труда) на практике не использовалась именно из-за наличия дешевого подневольного труда.

Научное сопровождение административно-плановой экономики

Мобилизационная экономика

Книга председателя Госплана СССР (1938–1949 гг.) академика Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» [16] отражает величайший подвиг со-

ветских людей в победе над фашизмом, прежде всего за счет мобилизации высоких человеческих качеств и готовности к жертвам ради спасения Родины, родных и близких. Трудно судить, сформировалась ли такого рода человеческая натура вопреки экономическому диктату «военного коммунизма», но, безусловно, важную роль сыграла историческая память об истоках Отечества и примерах героической его защиты.

Обратим внимание, что в указанной книге речь идет об экономике в период войны. При этом Н.А. Вознесенский полагал, что военная экономика может присутствовать и в мирное время, когда задачи создания оборонного комплекса и других условий национальной безопасности становятся первостепенными. Примечательно, что военная экономика выстраивалась по определенным правилам расширенного общественного воспроизводства с использованием балансов народного хозяйства и, что особо важно для экономической географии, именно она реализовала политическую доктрину значительного и в короткие сроки сдвига производительных сил на Восток.

В итоге можно сказать, что военная экономика укрепила свойственное всему советскому периоду мобилизационное мышление с политической и патриотической окраской преодоления трудностей, неизбежности долготерпения, оголения сельской местности центральной России, а главное, убеждение в том, что такой способ организации экономики и «артельно-барачного» уклада жизни отражает преимущество социализма над капитализмом.

С научной точки зрения мобилизационная экономика может трактоваться как способ решения сложных народнохозяйственных задач. Она стимулирует разработку методов системного анализа и составление программ повышенной сложности. Примером тому служит работа академических комиссий по мобилизации ресурсов на нужды обороны [17]. Особо отметим деятельность комиссии по Уралу, Западной Сибири и Казахстану. Программы и проекты комиссии, согласованные между собой по срокам исполнения, материально-техническому и финансовому обеспечению, реализовывались по правилам научно обоснов-

ванного программного управления³. К такому высокому уровню разработки и реализации народнохозяйственных программ в мирное время приблизилась, пожалуй, лишь программа освоения нефти и газа в Западной Сибири.

Экономическая наука и социалистическое планирование

Самое общее понимание планирования — выбор цели и методов ее достижения. Исходя из многочисленных научных трудов по экономическому планированию и личного опыта разработки концепций территориального планирования отметим, что этот вид деятельности имманентно присущ человеку и социальным системам; он полезен не столько предсказанием будущего, сколько выстраиванием цепочки логических умозаключений по поводу прогресса и возникающих на его пути проблем.

Первоначально проблема фиксируется в явном виде (например, как лучше раскроить фанеру, чтобы получить нужные заготовки с наименьшими отходами). Затем она усложняется вопросами рационального использования оборудования, рабочего времени, замены одних ресурсов другими. Так возникла теория оптимального планирования применительно к предприятиям и комбинатам [18].

³ «За время работы в Свердловске комиссия достигла выдающихся результатов по многим направлениям деятельности: форсированное развитие нефтяной промышленности Урала и Поволжья, открытие и начало промышленного освоения месторождений бокситов на востоке Урала, новые месторождения железной руды в Кузбассе и молибденовых руд в Казахстане. Если разведанные запасы рудного сырья на 1 января 1941 года принять за 100%, то на 1 января 1945 года они составляли: по железным рудам — 140%, марганцу — 200%, хромитам — 140%, кварцитам — 300%. Электростанции Урала к концу войны давали электроэнергию в полтора раза больше, чем до войны. Среди других достижений ученых, работавших в составе комиссии: освоение металлургическими предприятиями Магнитогорска и Кузнецка технологии плавки броневой стали в основных мартеновских печах, что дало возможность произвести за 1942–1944 годы дополнительно 350 тыс. тонн броневых сталей; внедрение в производство заменителей кокса, что позволило многократно сократить транспортировку кокса по железным дорогам; новые технологии производства алюминия, кобальта, хрома; новые способы получения качественного моторного топлива из высокосернистых башкирских и уральских нефтей». Источник: Бойцы академического фронта. Как советская наука перешла на военные рельсы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4566203> (дата обращения 27.03.2021).

Содержание же государственного планирования зависит от понимания сути самого государства, его общественных функций. Теоретики социалистического планирования исходили из сложившегося в СССР стереотипа государства как всеобъемлющего органа общественного управления (управления не делами общего предназначения, а обществом в целом) [19]. Если, например, в США и западных странах экономическая наука разработку межотраслевых балансов трактовала как метод уяснения производственных и финансовых пропорций, для того чтобы правильно определить вектор развития экономики, то в СССР, где данное направление научных исследований достигло мирового уровня, межотраслевой баланс с практической точки зрения рассматривался как сам план или, во всяком случае, в виде его каркаса.

Политико-экономическая трактовка планирования подчеркивала преимущества социализма: отсутствие экономических кризисов, расточительной конкуренции, противоречий между общественным характером производства и частным способом присвоения. Но вместе с тем начиная с 1970-х гг. стали все более заметными признаки отставания СССР от развитых стран по уровню производительности труда и качеству жизни населения. Те экономисты-исследователи, которые были ориентированы не на оправдательную политическую экономию, а на поиск путей обновления хозяйственного механизма, пришли к выводу о возрастающем значении экономической самостоятельности предприятий и регионов, хозяйственного расчета, экономического стимулирования труда [20–24].

Интересен тот факт, что первыми об этом начали писать авторы экономико-математического направления, которые знали о возможностях вычислительной техники рассчитать плановые задания «от самолета до гвоздя», но тем не менее констатировали, что социалистическая экономика должна функционировать на основе товарно-денежных отношений. Такая позиция в какой-то мере соответствовала настроенности на реформы председателя правительства СССР А.Н. Косыгина.

Взгляды многих географов-экономистов стали смещаться от жестко заданных планами

ресурсных и энерго-технологических факторов размещения производства в сторону анализа относительно свободных (вариантных) условий формирования территориальных общественных систем [25–27]. Актуализация социальных, культурных и этнических аспектов жизнедеятельности усилила естественно-исторический подход к объяснению процессов расселения населения в противовес политике его волевого переселения. Это смещение обусловлено и тем, что экономико-географическое подкрепление «территориального разреза» социалистического планирования не находило должного отклика в управленческих структурах или исполнялось в утрированной форме, как это произошло с организацией совнархозов или разделением территорий на зоны деятельности промышленных и сельскохозяйственных обкомов КПСС.

Надежда на правильное понимание роли социально-экономической географии в планировании и управлении промелькнула с включением в материалы партийных съездов информации о территориально-производственных комплексах (ТПК). Однако радость оказалась преждевременной: 12–15 выбранных ТК не соответствовали указанным принципам и учению; они в большей мере воплощали смысл мобилизационной экономики, когда потребовались новые точки роста для спасения затухающей индустрии. Ситуацию выправила теория программно-целевых ТК, показавшая способы реализации крупных инвестиционных проектов в увязке с природными и социальными условиями районов сосредоточенного строительства [28].

Научное сопровождение административно-плановой экономики в Республике Коми

С начала 1950-х гг. трансляция советской научно-экономической мысли в Республику Коми стала осуществляться через Коми филиал АН СССР в Сыктывкаре, имеющий в своем составе и отдел экономики. Затем такого рода трансляция дополнилась углубленными исследованиями экономической эффективности хозяйственных мероприятий. При этом стала критически рассматриваться практика северной социально-экономической политики.

Экономическое мышление, совмещенное с географическим и экологическим, «подска-

зывало» ориентировку на ограниченные возможности освоения природных ресурсов вопреки политическим требованиям роста производства любой ценой; на возможность формирования территориально-производственных комплексов на Севере и в Арктике, но только в качестве локальных систем с развитым межрегиональным товарным обменом. Тимано-Печорский ТК, создаваемый по логике министерского самообеспечения, стал в итоге лишь дополнительной строкой пятилетних планов, потеряв сущность территориального комплексирования. Экономисты и географы обратили внимание политического руководства страны на то, что продвижение промышленности в северные широты требует специальной научно-технической подготовки и опережающего развития производственной и социальной инфраструктуры, иначе опять возникает жертвенная экономика со значительным использованием подневольного труда [29; 30].

Экономическая оценка северных условий в обосновании пятилетних планов проводилась с большими погрешностями. Так, сметная стоимость строящихся в республике объектов, по сравнению с аналогичными в Московской области, нормативно увеличивалась в 1,34 раза. Экспертная же оценка с научно обоснованным подходом к анализу природных и экономико-географических условий показала, что такое удорожание составляет по отдельным территориям республики от 1,43 до 2,25 раза [31]. На практике это несоответствие проявлялось в дефиците финансовых ресурсов к концу пятилетки и наличию больших объемов незавершенного строительства.

Однако парадокс заключался в том, что именно несоблюдение сбалансированности в рамках общего планирования национальной экономики в 1960–1980 гг. привело к небывалому ранее росту экономики Республики Коми. Правда, экономическая оценка истощения природно-ресурсного капитала в то время еще не давалась, а такие статистические показатели, как совокупный общественный продукт, валовой национальный доход, номинальная величина денежных доходов и др., не отражали реалии регионального развития.

Экономическая наука и революционное реформирование

На подходе к реформам

В конце 1980-х гг. в экономической науке России произошли значительные изменения, которые оцениваются как революционные [32]. Действительно, в то время экономическая наука заложила теоретические основы новых отношений по поводу собственности, институционализма, системы оптимального функционирования экономики, структурных пропорций общественного воспроизводства, экономической мотивации производительного труда, социальных приоритетов в системе планирования.

Если перефразировать приведенное ранее высказывание П.Б. Струве, то можно образно сформулировать основное кредо российской экономической мысли конца 1980-х гг.: «Чтобы выйти из нашего экономического убожества ... Россия из бедной социалистической страны должна стать богатой социалистической же страной».

Вместе с тем указанные достижения экономической науки России следовало бы дополнить исследованиями по теории и методологии реформирования как специфического управленческого процесса. Но такие исследования не были организованы должным образом. Съезд народных депутатов СССР, как высший орган государственной власти (1989–1991 гг.), не получил от общественных наук знание о порядке проведения реформ. Трудно сказать, помогло бы оно поступательному развитию экономики нашей страны или нет, поскольку последовавшее ее реформирование не нуждалось в научных знаниях.

Революционное реформирование

Термин «реформы» в экономическую науку ввели В.Н. Лексин и Н.А. Швецов; они же пришли к выводу о том, что проводимые в РФ в 1990-х гг. преобразования экономики с научной точки зрения реформами не являются [33]. Если экономические преобразования, предполагавшие хозрасчетное планирование, государственный заказ, экономические нормативы, прямые хозяйственные связи и оптовую торговлю, цены равновесия, хозрасчетно-гарантированную систему распределения фонда оплаты труда, программное и нормативное

финансирование, хозрасчетную кредитную систему, договорную структуру управления, были обозначены Е.Г. Ясиным как «радикальное реформирование» [34], то «шоковую терапию» с одномоментным введением свободных цен, вucherной и залоговой приватизацией, обесценением банковских вкладов населения, легальной спекуляцией на валютном рынке, бартером, экономическим бандитизмом «под крышей государства», запредельным социальным расслоением граждан и т. п. трудно определить каким-либо научным термином. Призывы академической науки к нравственной экономике власть и бизнес игнорировали. Само государство было воинственно настроено на полное уничтожение всего социалистического, и это даже западными авторами трактуется как крушение идей реформаторов [35].

Республика Коми: реакция сдерживания революционного реформирования

Экономическое поведение региональных правительств в 1992–2000 гг. мы оцениваем как период формирования на местах контрмер, противостоящих действиям Центра в части революционного реформирования политико-экономической системы России. Многие региональные руководители, в отличие от федеральных, больше склонялись к последовательным и постепенным преобразованиям. В рамках региональной экономики и социально-экономической географии такая позиция подкреплялась научным анализом проблем формирования региональной собственности, системы территориального хозяйствования и географической экспертизы управленческих решений [36]. На материалах длительного наблюдения за домашними хозяйствами Республики Коми была показана реакция простых людей на проводимые в стране «реформы»: переход к мелкотоварному производству, социальная замкнутость, психология выживания и утрата надежды выбраться из бедности [37].

Принятые в 1990-е гг. законы Республики Коми, защищающие интересы населения и ориентированные на рациональное использование природных ресурсов, не имели механизма использования; в этом отношении более результативными оказались программы территориального и межотраслевого развития. Ключевой стала Программа социально-эконо-

мического развития Республики Коми со своей администрацией в качестве особого органа управления. Но реализация программ наряду с положительным эффектом обострила проблему пространственного разрыва между созданным и потребленным прибавочным продуктом, поскольку управление программами было в основном экстерриториальным, а нормы и правила классического экономического федерализма в региональной политике РФ не применялись. Не имели конструктивной формы реализации и конституционные нормы о местном самоуправлении в части самостоятельного решения ряда задач, связанных с жизнеобеспечением населения. Все это подвергалось научной критике, но без позитивного ответа со стороны государственного управления. Региональные и местные структуры власти вынуждены были работать в режиме «ручного управления».

Экономическая наука и эволюционное развитие

Эволюционное мышление

С 2000 года обозначился переход от революционного реформирования к политике эволюционного развития. Эволюционная ориентация способствовала появлению новой гипотезы интеграционного общества, обозначенной идеями экономической социодинамики, смешанной экономики и социального кластеризма, философии сотрудничества, эволюционной теории в связи с режимами воспроизводства и другими, отражающими мировые тенденции включения в систему государственного и межгосударственного управления факторов устойчивого развития общества.

Эволюционное мышление «рисует» идеальный образ будущего и соответствующие ему методы достижения поставленных целей, но постоянно находится в противоречии с текущими нежелательными обстоятельствами. Экономическая наука и практика государственного управления вынуждены переходить от традиционного анализа и рационального использования факторов развития (наука, техника, труд, территориальное разделение труда, потребности и интересы и др.) на анализ самих обстоятельств (природно-техногенные аварии и катастрофы, эпидемии, рыночные катаклизмы, геополитическая нестабильность, социальная напряженность и т. п.). При таких обстоятельствах не только региональные правительства,

но и федеральное, зачастую используют режим «ручного управления».

Складывается ситуация, когда именно «обстоятельства образа действия» становятся одним из главных предметов социально-экономических исследований. Оказалось также, что эволюционную экономику трудно совместить с ранее сформированной и по сути неизменной политико-экономической базой, при которой «...ориентация денежных властей на обслуживание интересов валютно-финансовых спекулянтов и офшорную олигархию ежедневно усиливает противоречия между властвующей элитой и народом, доводя их до состояния антагонистических» [38, с. 24].

Различия между макро-, мезо- и микроэкономикой

Автор полагает, что представление о роли региональной экономики как науки в системе государственного и муниципального управления будет более правильным, если ее предметом считать организацию территориального хозяйствования, то есть деятельность по поводу формирования и рационального использования муниципальной и субфедеральной собственности, а также межхозяйственной и межрегиональной кооперации [39]. К теме нашей статьи это уточнение имеет отношение, поскольку подчеркивает принадлежность других социально-экономических наук к формированию региональной политики. Более того, региональная экономика не является связующим звеном между предприятиями (фирмами) и национальной экономикой. Изучение регионов и других территориально-хозяйственных систем изначально происходит на междисциплинарной основе. Перевод макроэкономических показателей на уровень региона остается прерогативой самой макроэкономике. Немаловажно и то, что некоторые процессы, которые изучают макроэкономика и экономика фирм, не улавливаются на региональном уровне. Данное обстоятельство необходимо иметь в виду, когда от лица региональной экономики даются научные рекомендации государственному и муниципальному управлению.

Наука и ее заинтересованность в крепкой региональной власти

С надеждой на политическую стабильность, с учетом понимания возрастающей роли субъектов РФ в управлении государством в 2000

году образована Комиссия по изучению естественных производительных сил Республики Коми под председательством академика Н.П. Юшкина. Основная ее задача заключалась в определении научно-технических и социально-экономических проблем, генеральных направлений развития и размещения производительных сил на длительную перспективу, комплексного использования минеральных, топливно-энергетических, водных, лесных и других ресурсов с учетом экологического фактора в Республике Коми и смежных регионах. Невольно возникали аналогии с общероссийской КЕПС 1915 г. и заимствованием форм ее деятельности. Опубликованные труды и научно-аналитические материалы КЕПС РК существенно повысили значение социально-экономических исследований в принятии конкретных решений правительства республики. Возник некий элемент, укрепляющий его самостоятельность, что и было замечено федеральной властью. В конце 2004 года комиссия де-юре перестала существовать.

Пример с КЕПС РК – лишь частный случай общей противоречивой ситуации в отношениях между Центром и регионами. Обратим внимание на возможность появления нового аспекта в толковании данных противоречий. При сложившихся обстоятельствах в области экономического федерализма все существенные, и даже малосущественные, вопросы региональные правительства решают в Москве, в связи с чем социально-экономические исследования в регионах также стали проводиться с московской ориентацией: если научный результат будет воспринят центральными структурами государственного управления, то повышается вероятность его практического применения на местах. Конечно, научное пространство формируется поверх административно-территориальных границ, поэтому процедура внедрения результатов НИР не обязательно должна проходить на принципах «челночной дипломатии» между Центром и регионами.

Вместе с тем, обязательной является процедура «совместного ведения» в части решения наиболее актуальных проблем трансформации территориально-хозяйственных систем, вызванной экстремальными и сложными условиями их дальнейшего функционирования.

В Республике Коми примером тому служит сложившаяся ситуация с арктическими городами Воркутой и Интой, где угольная промышленность теряет свою градообразующую миссию. В определении перспектив их неустойчивого развития может пригодиться логика мобилизационной экономики, когда любые направления по их сохранению целесообразно рассматривать с оглядкой на риски арктической жизнедеятельности. Полагаем, что не исключена ситуация, когда программу переселения из Воркуты и Инты придется выполнять безоговорочно и в режиме эвакуации. Хозяйственные задачи, связанные с национальной безопасностью, освоением крайне необходимых минеральных ресурсов и изучением Арктики, следует решать с применением вахтового метода работы и использованием блок-модулей высокой заводской готовности для возведения уникальных арктических баз.

Перспективы развития территориально-хозяйственных систем таежной части республики обусловлены оптимизацией формирования и воспроизводства их человеческого и природно-ресурсного потенциалов, практическим применением принципов «зеленой экономики», реконструкцией сельского расселения на основе укрепления опорных поселений и передислокации жителей неперспективных деревень, изменением конфигурации землепользования, новой пространственной организацией инфраструктуры и социальных услуг. Решение указанных задач предполагает существенную передислокацию финансовых ресурсов в пользу регионов и муниципальных образований.

Приведенные примеры отражают три аспекта социально-экономических исследований, проводимых в Республике Коми: 1) анализ тенденций на Севере в части народонаселения, природопользования, формирования хозяйственных систем и механизмов регулирования социально-экономических процессов; 2) определение ценности и значения отдельных показателей (характеристик) северных регионов в развитии региональной, национальной и мировой экономики. Оцениваются демографический, природно-ресурсный и экологический потенциалы, этнокультура и традиционное хозяйство, социально-экономическое пространство (периферийное, разреженное, трудно-

преодолимое), климатический дискомфорт и другие природные условия жизнедеятельности; 3) разработка рекомендаций в области стратегического планирования и программирования развития хозяйственных систем на основе северных (арктических) производственных и социальных технологий [40].

Заключение

Замысел автора – показать роль социально-экономических исследований в развитии Республики Коми – по ходу подборки аналитического материала и составления текста статьи был реализован с некоторыми дополнениями при обращении к проблематике «наука и власть». Прежде всего обратим внимание на последствия, возникающие, если теоретические исследования не принимаются во внимание или реализуются в утрированной форме. Так, к 1917 году российская экономическая наука сформировала своего рода теоретический базис для объективно обусловленных социальных преобразований, который служил ориентиром ускоренного развития производительных сил России и роста народного благосостояния. Такой же базис был сформирован и в дореформенный период к 1992 году, когда ключевая идея заключалась в проведении социально-экономических преобразований без революционной перестройки существующего общественно-политического строя. Однако политическая действительность оказалась совершенно противоположной, антинародной. Такая ситуация позволяет дать три рекомендации:

- 1) критика существующего и создание образа будущего должны сопровождаться разработкой соответствующей теории реформирования как управленческого процесса;
- 2) планированию подлежат не только материально-техническая часть производительных сил, но и адекватный социально-экономический механизм их действия, совершенствование социальных отношений в рамках общечеловеческих ценностей и понятий;
- 3) революционное реформирование экономики, связанное с борьбой за политическую власть с помощью «шоковой терапии», лежит за рамками социально-экономических исследований; оно не нуждается в научном обоснова-

нии и лишь прикрывается значимостью выборочно взятых экономических теорий, например регулирующей роли свободного рынка и монетаризма, или проводится с ложной мыслью не придерживаться никакой экономической теории.

Эволюционный путь развития (постепенное и длительное движение к интеграционному обществу социальной справедливости) является более рациональным, но его исполнение сопряжено с разного рода негативными обстоятельствами. Это обуславливает корректировку классической тематики социально-экономических исследований по двум направлениям:

- 1) включение самих обстоятельств в предметное содержание экономики;
- 2) уяснение сущности мобилизационной экономики с учетом того факта, что мобилизационное экономическое мышление возникает и развивается не только в военное, но и в мирное время в силу чрезвычайных обстоятельств или когда политическим руководством страны перед обществом ставятся амбициозные задачи, непосильные для решения в рамках объективно сложившихся пропорций общественного воспроизводства и ограниченных инвестиционных ресурсов.

Обращение социально-экономических наук к региональной тематике обусловлено большим значением конкретики в корректировке всей национальной экономики. Из опыта изучения Республики Коми следует, что:

- 1) включение российской периферии в общую систему хозяйственных и культурных преобразований может быть плодотворным только при условии, если уклад местной жизни становится важнейшим предметом науки и практики управления;
- 2) общая экономическая теория и региональная практика хозяйственной деятельности какое-то время могут развиваться параллельно друг другу. Но наступает момент, когда необходимо осуществить экспертизу научных знаний и практического опыта управления на предмет их соответствия фактическому социально-экономическому положению конкретных регионов. Не исключен вариант существенной перестройки экономического мышления именно под влиянием местной практики.

Литература

1. Русские экономисты (XIX – начало XX века). М.: ИЭ РАН, 1998. 275 с.
2. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб.: Ленанд, 1894. 304 с.
3. Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство: избранные труды / ред. кол. сер.: Л.И. Абалкин (пред.) и др. М.: Экономика, 1989. 492 с.
4. Менделеев Д.И. Проблемы экономического развития России. М.: Соцэкгиз, 1960. 615 с.
5. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. 792 с.
6. Академики-экономисты России. М.: ИЭ РАН, 1999. 281 с.
7. Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. 486 с.
8. Бейрон С.Г. Плеханов, утопизм и российская революция. URL: http://russiabgu.narod.ru/pages/themes/txt/beiron_plehanov.pdf (дата обращения 27.03.2021).
9. Ленин В.И. набросок плана научно-технических работ // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. С. 228–231.
10. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. 526 с.
11. Wittfogel K.A. *Oriental Despotism: a Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press, 1957. 556 p.
12. Нуреев Р.М. Азиатский способ производства и социализм // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 47–58.
13. Ленин В.И. О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 205–245.
14. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. Т. 1. 560 с.; Т. 2. 704 с.
15. Рощевский М.П., Рощевская Л.П., Бровина А.А. Печорская бригада академика А.П. Карпинского. Сыктывкар, 2015. 646 с. (Коми научный центр Уральского отделения РАН).
16. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
17. Александрова Т.Д. Разнообразие работ географов в первые годы Великой Отечественной войны // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 3. С. 100–109.
18. Контарович Л.В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М.: Изд. АН СССР, 1960. 348 с.
19. Сорокин Г.М. Планирование народного хозяйства СССР. М.: Изд. соц.-эконом. лит., 1961. 458 с.
20. Немчинов В.С. Социалистическое хозяйствование и планирование производства // Коммунист. 1964. № 5. С. 74–87.
21. Федоренко Н.П. О разработке системы оптимального функционирования экономики. М.: Наука, 1968. 243 с.
22. Коссов В., Пугачев В. Многоступенчатая система оптимизационных расчетов перспективных народнохозяйственных планов // Плановое хозяйство. 1974. № 10. С. 12–20.
23. Валовой Д.В. Экономика: взгляды разных лет (становление, развитие и перестройка хозяйственного механизма). М.: Наука, 1989. 454 с.
24. Мау В.А. В поисках плановости: из истории развития советской экономической мысли конца 30-х – начала 60-х гг. М.: Наука, 1990. 160 с.
25. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
26. Хорев Б.С. Территориальная организация общества (актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). М.: Мысль, 1981. 320 с.
27. Дмитриевский Ю.Д. Очерки социально-экономической географии. Развитие и проблемы. Л.: Наука, 1990. 163 с.
28. Бандман М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. Новосибирск: Наука, 1980. 256 с.
29. Славин С.В. Освоение Севера Советского Союза. М.: Наука, 1982. 207 с.

30. Агранат Г.А. Возможности и реальности освоения Севера: глобальные уроки // Итоги науки и техники. Сер. Теоретические и общие вопросы географии. 1992. № 10. 188 с.
31. Дмитриева Т.Е. Вопросы географической экспертизы нормативной базы хозяйственного освоения территории // Природа и региональная экономика. Сыктывкар, 1985. С. 14–28. (Коми фил. АН СССР).
32. Макашева Н.А. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х – 1990-е годы): революция и рост научного знания. С. 12–32. URL: ekonomicheskaya-nauka-v-rossii-v-period-transformatsii-konets-1980-h-1990-e-gody-revolyuutsiya-i-rost-nauchnogo-znaniya.pdf (дата обращения 17.03.2021).
33. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформационные процессы в жизни общества: условия успешной организации и причины неудач // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1995–1996 / гл. ред. Д.М. Гвишиани. М.: Эдиториал УРСС, 1996. С. 7–40.
34. Ясин Е.Г. Хозяйственные системы и радикальная реформа. М.: Экономика, 1989. 319 с.
35. Zwaynert J. *When Ideas Fall. Economic Thought, the Failure of Transition and the Rise of Institutional Instability in Post-Soviet Russia*. N.Y.; L.: Routledge, 2018. 138 p.
36. Лаженцев В.Н., Дмитриева Т.Е. География и практика территориального хозяйствования. Екатеринбург: Наука, 1993. 137 с.
37. На пути к рыночной экономике: социальная практика регионального развития. Сыктывкар, 2003. 208 с. (Труды Коми научного центра УрО РАН; № 168).
38. Ильин В.А. Эффективность государственного управления: точка зрения главного редактора. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. 320 с.
39. Лаженцев В.Н. Хозяйство как объект исследований в системе общественных наук // Журнал экономической теории. 2017. № 3. С. 11–22.
40. Лаженцев В.Н. Направления научных исследований в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2018. № 4. С. 102–110.

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Лаженцев — доктор географических наук, член-корреспондент РАН, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vn1940@gmail.com)

Lazhentsev V.N.

Socio-Economic Studies and Political Aspects of Developing the Northern Region (to the Centenary of the Komi Republic)

Abstract. In this work, we show the formation and development of socio-economic studies in the northern periphery. The authors reflect the role of economic science and regional management in the development of territories with difficult natural conditions. During the time of capitalist colonization, socialist planned economy, revolutionary reform and the formation of market relations, scientific recommendations, regarding the forms of organizing production and improving the economic mechanism by the authorities, as a rule, were not received properly and on time. Nevertheless, as shown in the article, all scientific concepts and theories, despite a delay, somehow influenced (and are influencing) vital activity of the population of distant regions, but especially it influences the theory of initial capital accumulation, socialist accumulation, mobilization economy, regional organization of productive forces, economic federalism, a variety of forms of ownership and mixed economy, territorial management. Science forms the theoretical basis for objectively determined social transformations, which serves as a reference point for the accelerated development of productive forces and the growth of people's well-being. However, political activity often ends up in completely opposite positions, preferring to break existing economic relations

to the detriment of public interests. On the other hand, the very socio-economic reality and various circumstances of life suggest the need to introduce new theoretical propositions into science, corresponding to the cyclical nature of the market economy, the diversity of its forms, and extreme political and economic situations. At the same time, the experience of the formation of economic relations in various regions is gaining significant importance that is recommended to consider in the entire problematics of research of the national and world economy.

Key words: economic thought, revolutionary reform, evolutionary preferences, the formation of economic theories, the practice of public administration, the northern periphery, the Komi Republic.

Information about the Author

Vitalii N. Lazhentsev – Doctor of Sciences (Geography), RAS Corresponding Member, Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North of Komi RC the Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: vnl1940@gmail.com)

Статья поступила 16.04.2021.

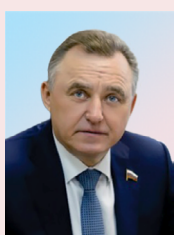
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.5

УДК 330.354 (470), ББК 65.263(2Рос)

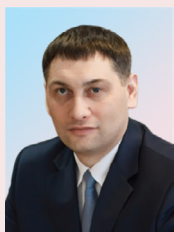
© Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Румянцев Н.М., Лукин Е.В.

Инвестиционная деятельность в российской экономике: проблемы и направления активизации*

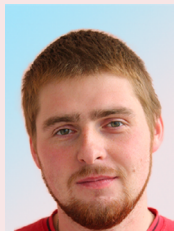
**Евгений Борисович
ШУЛЕПОВ**

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: shulepov@duma.gov.ru
ORCID: 0000-0001-6731-1653

**Константин Алексеевич
ЗАДУМКИН**

Вологодское городское отделение Союза промышленников и предпринимателей
Вологодской области
Вологда, Российская Федерация
e-mail: zk00@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5313-0835

**Никита Михайлович
РУМЯНЦЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: rumnik.95@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5660-8443; ResearcherID: AAC-2818-2019

**Евгений Владимирович
ЛУКИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: lukin_ev@list.ru
ORCID: 0000-0002-1159-281X; ResearcherID: I-8183-2016

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

Для цитирования: Инвестиционная деятельность в российской экономике: проблемы и направления активизации / Е.Б. Шулепов, К.А. Задумкин, Н.М. Румянцев, Е.В. Лукин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 83–98. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.5

For citation: Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Rumyantsev N.M., Lukin E.V. Investment activity in the Russian economy: activation problems and directions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 83–98. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.5

Аннотация. Стоящие перед Россией большие вызовы требуют обеспечения качественного экономического роста, что обуславливает необходимость поиска инвестиционных ресурсов. Однако финансовые кризисы, внешнеполитическое давление вкупе с экспортно-сырьевой моделью российской экономики не позволяют достичь необходимых темпов роста инвестиций в основной капитал. Цель исследования заключается в поиске и научном обосновании путей активизации инвестиционной деятельности в РФ. Для этого была проведена оценка параметров инвестиционной деятельности, выполнен анализ источников финансовых ресурсов для инвестиций, а также разработаны конкретные рекомендации по повышению инвестиционной активности в экономике РФ. Результаты исследования позволили выявить ряд проблем: усиление отраслевых и территориальных диспаритетов, рост зависимости от импорта инвестиционных товаров, ухудшение параметров технологического развития, сокращение доли затрат на НИР и НИОКР в ВВП, снижение возможностей заемного финансирования. В качестве путей активизации инвестиционной деятельности предложены корректировка денежно-кредитной политики, расширение бюджетно-налоговых льгот для поддержки инвестиций и НИОКР, а также развитие цепочек создания стоимости, направленных на сглаживание диспропорций распределения ресурсов, в т. ч. инвестиционных. Научная новизна исследования заключается в разработке прикладных направлений повышения инвестиционной активности в современной российской экономике. Методологической основой послужили теории общественного воспроизводства и национального счетоводства. Информационную базу исследования составили статистические данные и материалы Федеральной службы государственной статистики, Единой межведомственной информационно-статистической службы, таблиц «затраты – выпуск», Банка России, НИУ «Высшая школа экономики», нормативно-правовые акты и программные документы РФ и ее субъектов, публикации российских и зарубежных авторов в различных периодических изданиях, монографии. Дальнейшие научные изыскания будут связаны с исследованием институциональных факторов активизации инвестиционной деятельности и прогнозированием результатов внедрения предложенных рекомендаций.

Ключевые слова: экономика, инвестиции в основной капитал, проблемы, активизация, денежно-кредитная политика, бюджетно-налоговая политика, НИОКР, цепочки создания стоимости.

Введение

В современной динамично изменяющейся геополитической и геоэкономической обстановке перед Российской Федерацией стоит множество больших вызовов: технологическая и цифровая трансформация народного хозяйства, ухудшение климатических и экологических условий, истощение запасов природных ресурсов, обеспечение продовольственной и энергетической безопасности, освоение арктических территорий¹. Их преодоление требует укрепления российской экономики и обеспечения положительной экономической динамики.

Одним из ключевых факторов экономического роста являются инвестиции. В Указе Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»

¹ Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

ставится задача наращивания объемов инвестиций в основной капитал и достижения реального роста капиталовложений к 2030 году не менее чем на 70% по сравнению с показателем 2020 года (т. е. на 5,5% ежегодно).

За последнее десятилетие достичь таких темпов роста инвестиционной активности удалось лишь в 2010, 2011, 2012 гг. Среднегодовой темп прироста в 2009–2020 гг. составил 0,6%. В инвестиционной сфере накопилось множество проблем. Как результат – величина накопления основного капитала в российской экономике недостаточна для ответа на стоящие вызовы².

² В 2005–2019 гг. норма накопления основного капитала не превышала 22,3% ВВП, что является крайне низкой величиной для развивающейся экономики, ставящей перед собой задачу осуществления масштабных преобразований. Справочно: по данным Всемирного банка, среднемировая норма накопления в 2019 году составила 24,4%, в США – 21%, Японии – 24,3%, Индии – 30,2%, Китае – 43,8%.

При этом пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничения усугубляют ситуацию: согласно опросу, проведенному ИНП РАН весной 2020 г., о полной остановке инвестиционной деятельности после начала кризиса, вызванного пандемией коронавируса, сообщили 37,2% респондентов, о частичной – 31,4% [1].

С учетом сказанного цель нашего исследования заключается в поиске и научном обосновании путей активизации инвестиционной деятельности в РФ. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: оценка динамических и структурных параметров инвестиционной деятельности в РФ; анализ источников финансовых ресурсов для инвестиций; разработка направлений повышения инвестиционной активности в экономике РФ и конкретных мероприятий в их рамках.

Теоретические основы исследования

Накопление капитала считается одним из ключевых источников экономического роста со времен А. Смита. Уже тогда трансформация сбережений в инвестиции, а затем в производственные фонды, предназначенные для «содержания производительного труда» [2], выступала драйвером активизации промышленной деятельности. Ставшие классическими модель Харрода-Домара [3; 4] (основанная на идее акселератора инвестиционного процесса) и модель экономического роста Р. Солоу [5] (с экзогенным темпом роста населения и технологического прогресса и эндогенной нормой сбережений), по существу, содержали те же предположения о ключевой роли сбережений и инвестиций для расширения производства. Разработанные позже многочисленные модели эндогенного экономического роста (Узавы-Лукаса, Ромера, Гроссмана-Хеллмана, Агиона-Ховитта и др.), которые учитывали возможность влияния экономической политики на темпы экономического роста в долгосрочном периоде, расширили определение капитала, разделив его на человеческий и физический, и подробно описали оптимальные траектории накопления в зависимости от наличия или отсутствия отдачи от масштаба [6–11].

Важность обеспечения должного уровня накопления капитала в российской экономике обосновывали ведущие отечественные экономисты. А.Г. Аганбегян в своих работах показывал, что экономический рост в России на 80%

зависит от инвестиций [12; 13]. В.В. Ивантер заключил, что приемлемый экономический рост (4–5% в год) может быть достигнут при норме накопления основного капитала в 25–28% [14]. В.П. Оболенский и И.А. Квашнина считали, что отечественной экономике не удалось восстановиться после распада СССР во многом из-за хронического недоинвестирования [15]. По причине недостатка капитальных вложений существенно замедляется преодоление кризисных ситуаций в экономике, что обусловлено нехваткой средств для обновления производственных мощностей. Ввиду сырьевого характера экономики России с момента перехода к рыночной системе хозяйствования возникли отраслевые диспаритеты в сторону сырьевого сектора и обрабатывающей промышленности начальных переделов [16]. Пространственное развитие постсоветской России характеризуется рядом устойчивых тенденций, которые сформировали крайне непропорциональное распределение населения, доходов, ресурсов по регионам страны [17]. И.А. Буданов отмечал, что руководство страны и российское общество видят острую необходимость в повышении инвестиционной активности [18].

На национальном уровне отмечаются высокие риски ведения инвестиционной деятельности [19]. Создаваемые государством институты поддержки инвестиционной деятельности плохо справляются со своими функциями [20]. Остро стоит проблема возвратных офшорных инвестиций, являющаяся следствием утечки российского капитала за рубеж и последующим его инвестированием в экономику РФ, что лишает ее доходов от этих средств [21]. При этом низкая инвестиционная привлекательность российских регионов отрицательно сказывается как на присутствии отечественных инвесторов, так и на объемах привлекаемых зарубежных капиталовложений [22]. Как отмечал В.В. Ивантер, ускорение динамики экономического роста, в т. ч. в инвестиционной сфере, имеет структурные дисбалансы, вызванные разрушением технологических цепочек из-за экспортно-сырьевой модели российской экономики, не устраняемые традиционными рыночными механизмами [15]. Перечисленные проблемы подтверждают актуальность исследования, содержащего поиск дополнительных путей активизации инвестиционной деятельности в РФ.

Методические аспекты исследования

За методологическую основу исследования взяты теории общественного воспроизводства и национального счетоводства, представленные в трудах отечественных и зарубежных ученых-экономистов, а также официальные документы и материалы. В ходе выполнения работы использовались табличные и графические приемы визуализации анализируемых данных.

Информационную базу исследования составили статистические данные и материалы Федеральной службы государственной статистики, Единой межведомственной информационно-статистической службы (ЕМИСС), таблиц «затраты – выпуск», Банка России, НИУ «Высшая школа экономики», нормативные правовые акты и программные документы РФ и ее субъектов, публикации российских и зарубежных авторов в различных периодических изданиях, монографии.

Результаты исследования

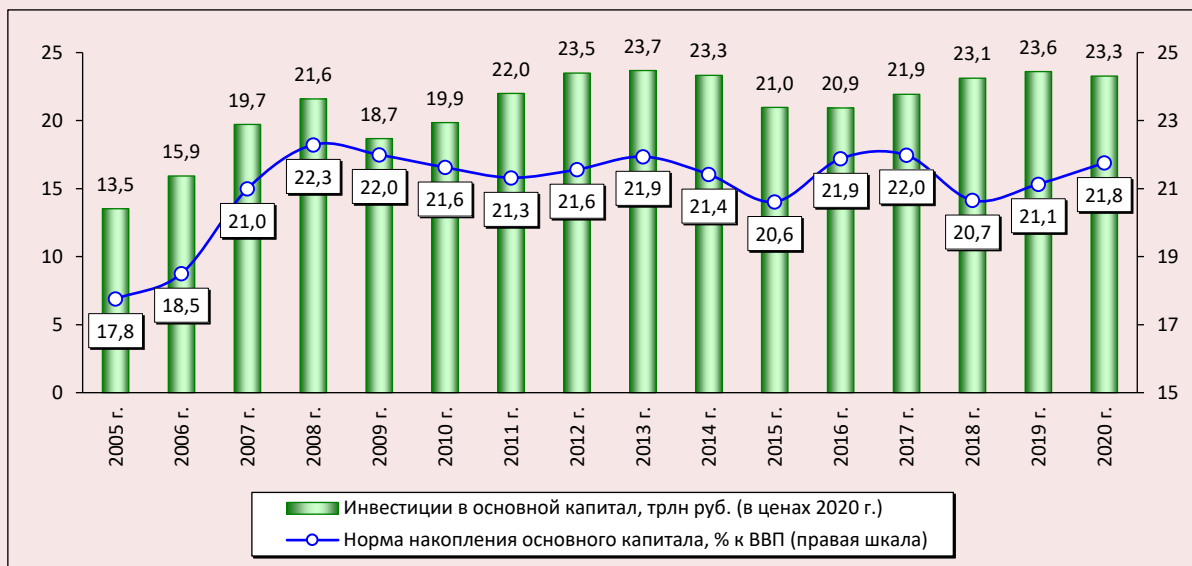
Тенденции инвестиционной активности в экономике России

С 2005 по 2020 год объем инвестиций в основной капитал в российской экономике увеличился почти на 73% (рис. 1). Среднегодовой темп прироста в указанный период составил 3,7%, при этом основной вклад был внесен в

2005–2008 гг., тогда как за 2009–2020 гг. объем инвестиций удалось нарастить лишь на 8%, а норма накопления основного капитала не превышала 22% (что уступает уровню развивающихся государств, проводящих активную технологическую модернизацию). На динамику инвестиционной активности значительное отрицательное влияние оказали кризисы 2008–2009, 2014–2015 и 2020 гг., вызвавшие замедление мировой экономики и ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры, ограничившие доступ к внешним рынкам инвестиций и капитала.

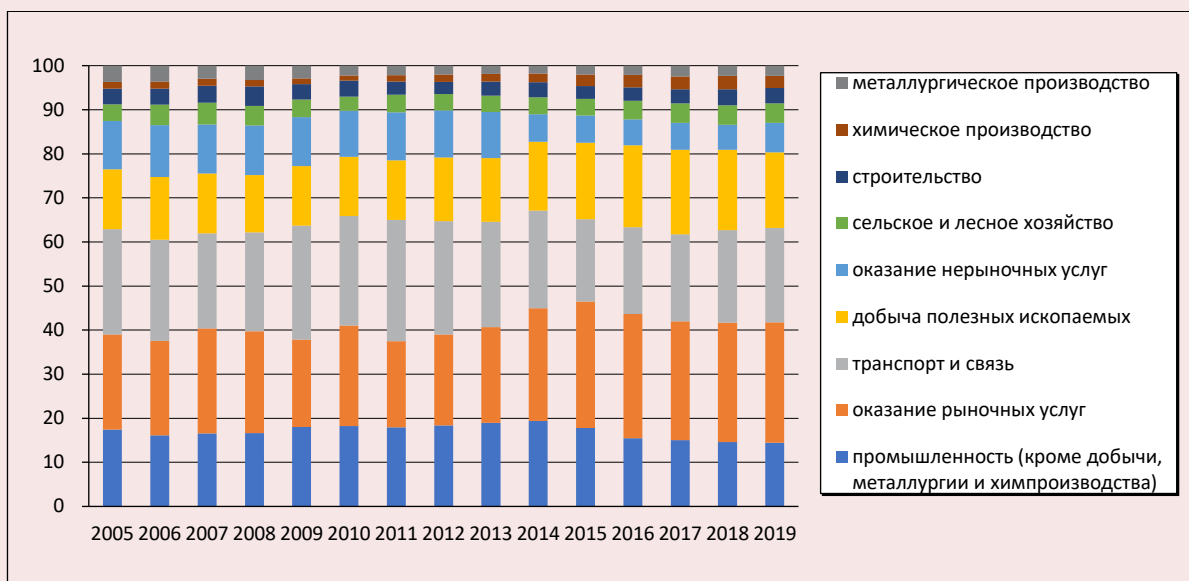
Исследуя причины данных тенденций, рассмотрим некоторые структурные параметры инвестиционного процесса. Анализ отраслевых и территориальных пропорций позволяет выявить его структурные проблемы. Так, ввиду сырьевого характера экономики России с момента перехода к рыночной системе хозяйствования возникли отраслевые диспаритеты в сторону добывающей и обрабатывающей промышленности низких переделов. Это снизило возможности доступа прочих отраслей к инвестиционным ресурсам, сформировало проблему оттока капитала из российской экономики и еще больше обнажило существующие проблемы как в инвестиционном

Рис. 1. Динамика инвестиционной активности в российской экономике

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Рис. 2. Структура инвестиций в основной капитал по укрупненным секторам экономики в 2005–2019 гг., % к итогу

Примечание: к сектору рыночных услуг нами отнесены такие виды экономической деятельности, как оптовая и розничная торговля, деятельность гостиниц и ресторанов, услуги транспортные; услуги почты и электросвязи, финансовое посредничество; страхование, операции с недвижимым имуществом; аренда и предоставление услуг. Сектор нерыночных услуг составляют государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг.

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

процессе, так и народном хозяйстве в целом (рис. 2). Инфраструктурное обслуживание сырьевого сектора требует огромного потока инвестиций, о чем говорит значительный удельный вес транспорта и связи в структуре капиталовложений. В последние годы не наблюдается выравнивания создавшихся диспаритетов в отраслевой структуре инвестиционного процесса. Из-за перечисленных недостатков возникает дефицит инвестиций внутри отраслей обрабатывающей промышленности. Большая часть нефтегазовых доходов остается внутри топливно-энергетического комплекса, активизируя в нем инвестиционную деятельность и повышая его привлекательность для инвесторов. Это негативно отражается на состоянии процесса формирования капиталовложений внутри обрабатывающей промышленности, что в свою очередь отрицательно сказывается на объемах отгруженных товаров. Подобные структурные дисбалансы замедляют процессы технологи-

ческой модернизации экономики, усиливают зависимость от импорта, сокращают возможности цифровизации и увеличения удельного веса высокотехнологической промышленности.

Дисбаланс отраслевого распределения капиталовложений подтверждается низкой нормой накопления промышленного капитала³. Так, объем инвестиций в основной капитал за 2019 год достиг значения в 19,3 трлн рублей. При этом совокупный объем введенных в действие основных фондов в обрабатывающей промышленности был равен 2,2 трлн рублей, т. е. норма накопления промышленного капитала составила всего 2% от ВВП. Для сравнения, в экономике США значение этого индикатора в 2018 году превышало 15%.

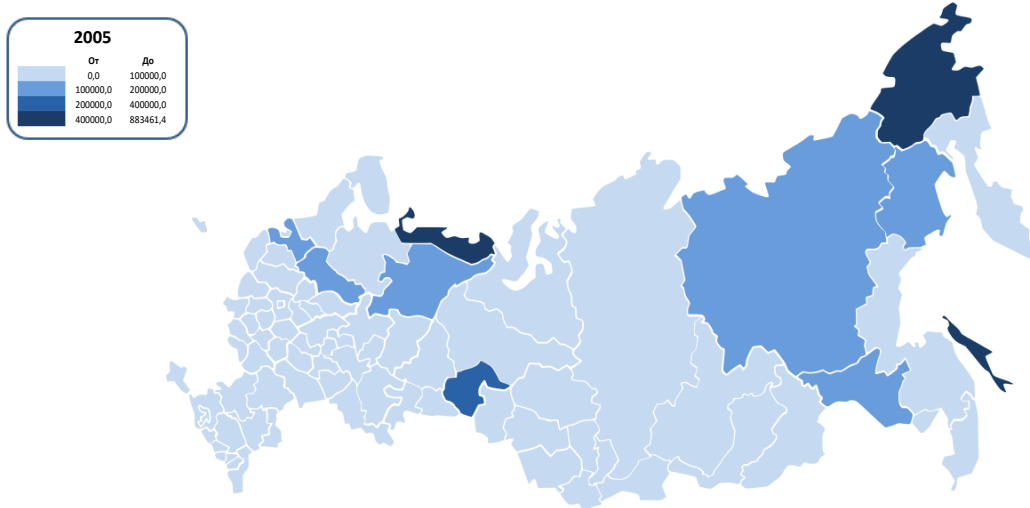
³ Индикатор, показывающий долю обновленных основных фондов промышленных предприятий в ВВП (источник: Ускова Т.В., Лукин Е.В. Экономический рост: сущность, факторы, пути ускорения: учеб. пособие. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 140 с.).

Отдельно стоит отметить высокие темпы роста доли сектора рыночных услуг в структуре инвестиций, которые обусловлены рядом причин: наличие неудовлетворенного спроса на эти услуги из-за резкого перехода к рыночной экономике, их высокая рентабельность, активная цифровизация входящих в него отраслей, высокая инвестиционная привлекательность для банковского сектора и иностранного капитала. Переток инвестиций в сектор рыночных услуг затрудняет решение проблемы нехватки инвестиций в промышленность.

Сформировавшиеся отраслевые диспропорции стали причиной появления территориаль-

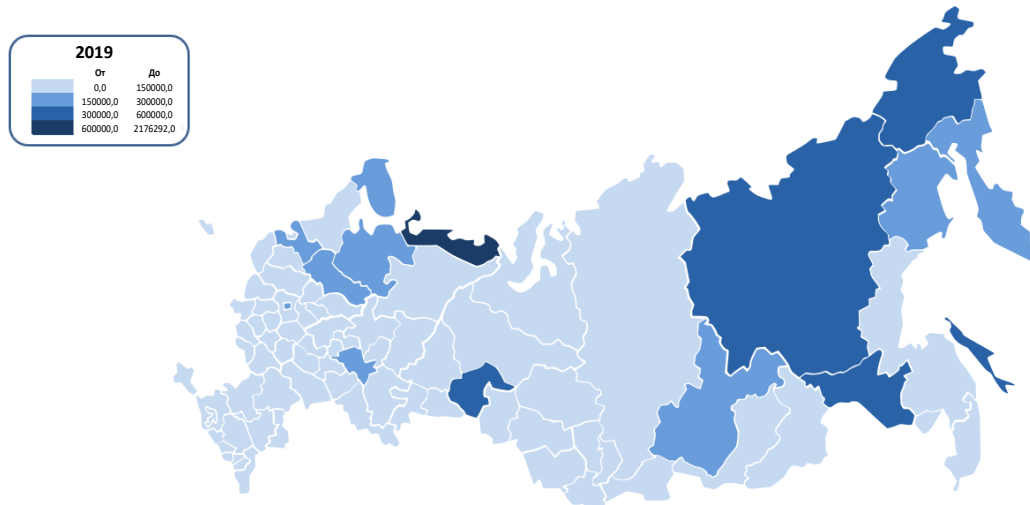
ных диспаритетов инвестиционного процесса. Из-за ряда устойчивых тенденций социально-экономического развития России в постсоветский период пространственное распределение ресурсов, населения, производимых и используемых валовых доходов и, как следствие, инвестиций в основной капитал характеризуется значительной неравномерностью. В пространственной структуре инвестиций традиционно доминируют г. Москва, Тюменская область с автономными округами, другие регионы, получавшие доходы от сырьевого экспорта (рис. 3, 4). Многолетние попытки федеральных властей снизить уровень межрегиональной дифферен-

Рис. 3. Объем инвестиций в основной капитал на душу населения в 2005 г., руб.

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Рис. 4. Объем инвестиций в основной капитал на душу населения в 2019 г., руб.

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

циации путем сглаживания показателей бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации позволяют выровнять индикаторы социальной сферы в отдельных регионах, однако не решают проблему растущих дисбалансов экономического развития территорий.

На фоне замедления инвестиционной активности в российской экономике и сокраще-

ния стимулов для наращивания объемов производства продукции инвестиционного назначения продолжается утрата материально-технической базы инвестиционного машиностроения. Об этом свидетельствует негативная динамика производства и загрузки мощностей по многим видам такой продукции (табл. 1).

Таблица 1. Производство некоторых видов продукции и загрузка производственных мощностей в российском машиностроении

Продукция	Показатель	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.	2019 г. к 2005 г., %
Генераторы переменного тока, МВт	П	1034	9920	4446	974	94,1
	ИМ	-	-	-	-	-
Экскаваторы, шт.	П	3565	2121	1417	2745	77,0
	ИМ	39	28	12	34	-5
Автомобили грузовые, тыс. шт.	П	205	155	128	156	75,9
	ИМ	48	31	34	48	0
Автокраны, шт.	П	4400	2912	2066	2969	67,5
	ИМ	58	43	31	44	-14
Комбайны зерноуборочные, шт.	П	7479	4295	4412	4820	64,4
	ИМ	35	30	40	37	2
Турбины газовые, кроме двигателей турбореактивных и турбовинтовых, тыс. кВт	П	1205	2063	1274	704	58,4
	ИМ	40	54	40	26	-14
Лампы накаливания, газоразрядные, дуговые, млн шт.	П	-	584	345	293	50,2
	ИМ	-	54	62	53	-2
Электродвигатели, тыс. шт.	П	-	2567	1423	1227	47,8
	ИМ	-	46	33	30	-16
Бульдозеры, шт.	П	1774	911	577	744	41,9
	ИМ	61	32	17	30	-31
Вагоны-цистерны, тыс. шт.	П	8,3	12,3	2,3	4	29,2
	ИМ	-	-	-	-	-
Сеялки тракторные (без туковых), шт.	П	6500	2530	2052	1553	23,9
	ИМ	40	14	24	37	-3
Автобусы, тыс. шт.	П	78,2	40,9	36,4	16	20,6
	ИМ	73	29	34	22	-50
Троллейбусы, шт.	П	812	406	62	74	9,1
	ИМ	24	12	6	0	-24
Станки ткацкие, шт.	П	95	5	42	7	7,4
	ИМ	-	-	-	-	-
Турбины на водяном паре и турбины паровые, млн кВт	П	24	4,2	1,8	1,0	4,1
	ИМ	26	41	20	6	-20

Условные обозначения: П – объем производства, ИМ – уровень использования среднегодовой производственной мощности.
Источник: данные ЕМИСС.

Таблица 2. Показатели развития НИР и НИОКР в экономике РФ

Индикатор	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2019 к 2005 г., %	Справочно: уровень за 2018 год		
									Китай	США	Германия
Доля внутренних затрат на НИР, % к ВВП	1,07	1,13	1,10	1,10	1,11	0,98	1,03	0,96	2,20	2,83	3,13
Научно-исследовательские организации, шт.	2115	1840	1708	1673	1577	1574	1618	0,77	-	-	-
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел. на 10 тыс. чел.	64	59	57	51	50	49	49	0,77	56	92*	158

Примечание: из-за разницы в классификации организаций сопоставления по их численности затруднены.
* Данные по США приведены по численности исследователей.
Источники: данные Росстата; Индикаторы науки: 2020: стат. сб. / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 336 с.

По нашему мнению, без восстановления загрузки и ввода новых мощностей машиностроительного комплекса технологическое (т. е. основанное на современных наукоемких технологиях) развитие осуществить трудно. Пока же практикуемая фиксация прибыли на стадии добычи сырья и производства полуфабрикатов ведет к депрессии производства конечной продукции, деградации сферы машинных средств производства. Снижается внутренний спрос на фундаментальную и прикладную науку, НИР и НИОКР, сокращаются объемы затрат на науку, уменьшается число исследовательских организаций и численность их персонала (табл. 2).

Кроме того, усиливается отставание России от промышленно развитых стран в научно-технологическом и инновационном развитии и объемах товарного производства высокотехнологичных отраслей реального сектора экономики. Критических величин достигла зависимость от импорта технологий⁴. По данным последних доступных таблиц ресурсов и использования товаров и услуг за 2018 год, доля импорта в ряде стратегических отраслей превышает 50%, при этом в производстве машин и оборудования составляет более 60%, в производстве компьютеров и электрооборудова-

⁴ В сентябре 2014 г. Правительство РФ утвердило «План содействия импортозамещению в промышленности», содержащий 22 отраслевых плана импортозамещения. По мнению экспертов, большинства индикаторов достичь не удалось. URL: <https://tagilcity.ru/news/economy/06-11-2018/importozameschenie-v-rossii-chto-poluchilos-za-pyat-let>

ния – 60%, легкой промышленности – более 65%, автомобилестроения – 40%, фармацевтической и медицинской промышленности – 55%. При прочих равных условиях динамичный рост импорта способствует созданию конкурентной среды, однако высокая доля импорта в объеме инвестиций в машины, оборудование и транспортные средства усиливает зависимость внутреннего рынка от изменений внешнеэкономической конъюнктуры.

В целом к основным тенденциям развития инвестиционной деятельности в российской экономике в исследуемом периоде можно отнести:

- замедление темпов роста объемов инвестиций и стагнацию нормы накопления основного капитала;
- усиление отраслевого и территориального диспаритета в распределении инвестиций, что обуславливает недостаток капиталовложений в отдельные виды экономической деятельности в регионах, недостаточное насыщение инвестициями ключевых отраслей промышленности;
- спад внутреннего производства продукции инвестиционного назначения и рост зависимости от импорта;
- ухудшение параметров технологического развития, сокращение доли затрат на НИР и НИОКР в ВВП.

Финансовые ресурсы инвестиционного процесса

В структуре источников финансирования наблюдается плавный переход от превалирования привлеченных средств (уменьшение их удельного веса с 55% в 2005 г. до 45% в 2019 г.)

Таблица 3. Структура источников финансирования инвестиционного процесса, % к итогу

Элемент	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.	Изменение, 2005–2019 гг., п. п.
Собственные средства	44,5	41,0	50,2	55,0	10,5
Привлеченные средства	55,5	59,0	49,8	45,0	-10,5
Кредиты банков	8,1	9,0	8,1	9,8	1,7
Заемные средства других организаций	5,9	6,1	6,7	4,8	-1,1
Бюджетные средства	20,4	19,5	18,3	16,2	-4,2
Средства федерального бюджета	7,0	10,0	11,3	7,6	0,6
Средства бюджетов субъектов РФ	12,3	8,2	5,7	7,4	-4,9
Средства местных бюджетов	-	-	1,3	1,2	-
Средства государственных внебюджетных фондов	0,5	0,3	0,3	0,2	-0,3
Средства организаций и населения на доленое строительство	3,8	2,2	3,2	4,3	0,5
Прочие	16,8	21,9	12,1	9,3	-7,5

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

к преобладанию собственных (соответственно, рост с 45 до 55% от итога; табл. 3). Причинами такого перераспределения могут являться сокращение доступа к внешним рынкам инвестиционных ресурсов ввиду геополитического давления, снижение доходной части бюджета из-за нестабильных цен на энергоносители и плавающего курса национальной валюты, высокая стоимость кредитных ресурсов.

Трансформация структуры вызвана значительными изменениями в соотношении привлеченных источников, в первую очередь замедлением темпов роста объемов бюджетных инвестиций. Причинами этого являются сокращение инвестиционных расходов и передача ряда полномочий по финансированию инвестиций на региональный уровень, на котором возможностей для поддержки инвестиционной деятельности заметно меньше.

Зависимость инвестиционной деятельности предприятий от собственных средств приводит к значительной уязвимости для осуществления капиталовложения в период кризисов (что и подтверждается представленными выше данными официальной статистики). Это объясняется, в том числе, и несовершенством реализуемой государством денежно-кредитной политики, вследствие чего для реального сектора экономики характерна циклическая проблематика:

- значительная налоговая нагрузка не дает предприятиям возможностей для направления собственных средств на инвестиции в основной капитал и НИОКР, что не позволяет модернизировать производственную базу;

- высокие ставки по коммерческим кредитам сокращают возможности пополнения финансовых ресурсов для компенсации фискальной нагрузки и инвестирования;

- уменьшение объемов капиталовложений значительно замедляет темпы обновления и модернизации производственно-технологической базы;

- слабая производственная база становится причиной выпуска продукции, недостаточно конкурентоспособной на мировых рынках, что ведет к сокращению спроса на нее;

- снижение числа и объемов заказов вызывает недостаточную загрузку мощностей;

- сокращение выпуска, крепкие позиции зарубежных производителей и низкая инвестиционная привлекательность отечественной промышленности являются причинами получения незначительного объема выручки.

Как итог, перед предприятиями встает вопрос о внешнем финансировании, которое фактически недоступно по следующим причинам:

- проблема доступа к бюджетным инвестициям, не поддерживающим негосударственных инвесторов напрямую, а в большинстве своем формирующим условия для создания частных инвестиционных проектов (инфраструктурные инвестиции);

- банковский капитал очень дорог для предприятий в условиях нестабильной экономической ситуации, поэтому возникают высокие риски при осуществлении капиталовложений за счет кредитов.

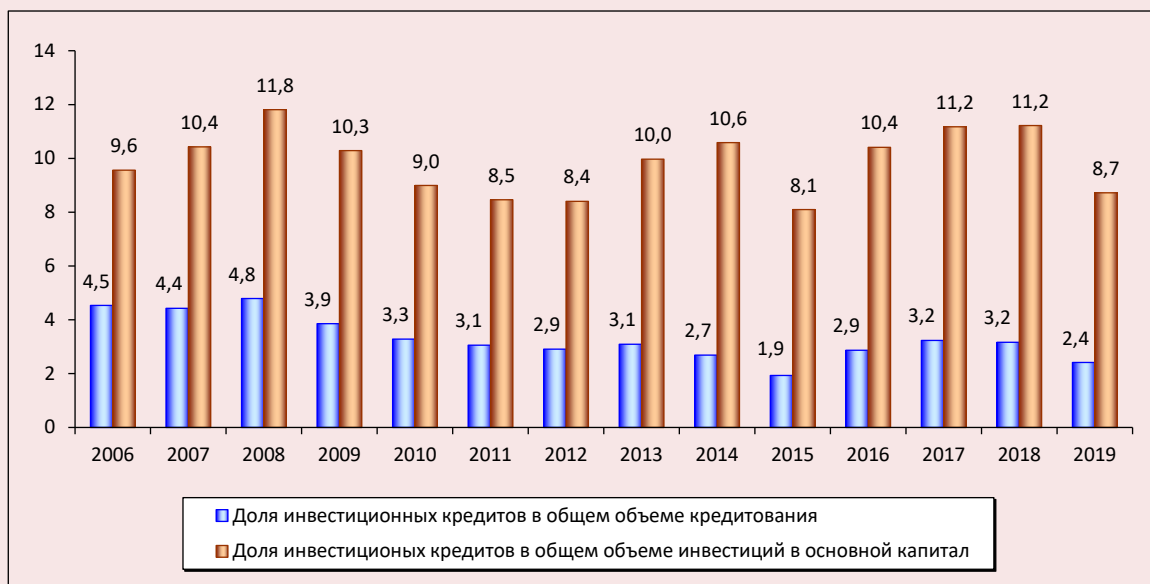
Отметим, что за рубежом структура инвестиций принципиально иная. В развивающихся странах, к примеру в Китае, значительная часть инвестиций осуществляется за счет государственных средств. В развитых странах используются прежде всего инвестиционные кредиты, которые составляют 70–80% от объема внешнего финансирования. Следовательно, велика роль привлеченных средств в инвестициях в основные фонды [23]. Как отмечает А.Г. Аганбегян, один из главных вопросов денежно-кредитной политики в области инвестиций – это формирование механизма вовлечения банковского сектора в инвестиционный процесс, и именно кредитование должно стать приоритетным источником финансирования капиталовложений [12].

Существующий в России кредитный рынок при значительном насыщении активами не заинтересован в финансировании инвестиционных проектов, ориентируясь на выдачу потребительских кредитов ввиду их большей рентабельности и короткого срока оборачиваемости, а также значительных инвестиционных

рисков как со стороны кредиторов, так и заемщиков. При этом структурные параметры инвестиционного кредитования только ухудшаются. Так, за последние годы сокращается доля долгосрочных займов для нефинансовых организаций в общем объеме кредитования, однако доля банковского сектора в финансировании инвестиционного процесса остается примерно в тех же границах (рис. 5). Это создает проблему недофинансирования экономики из-за аккумуляции значительных средств в финансовом секторе.

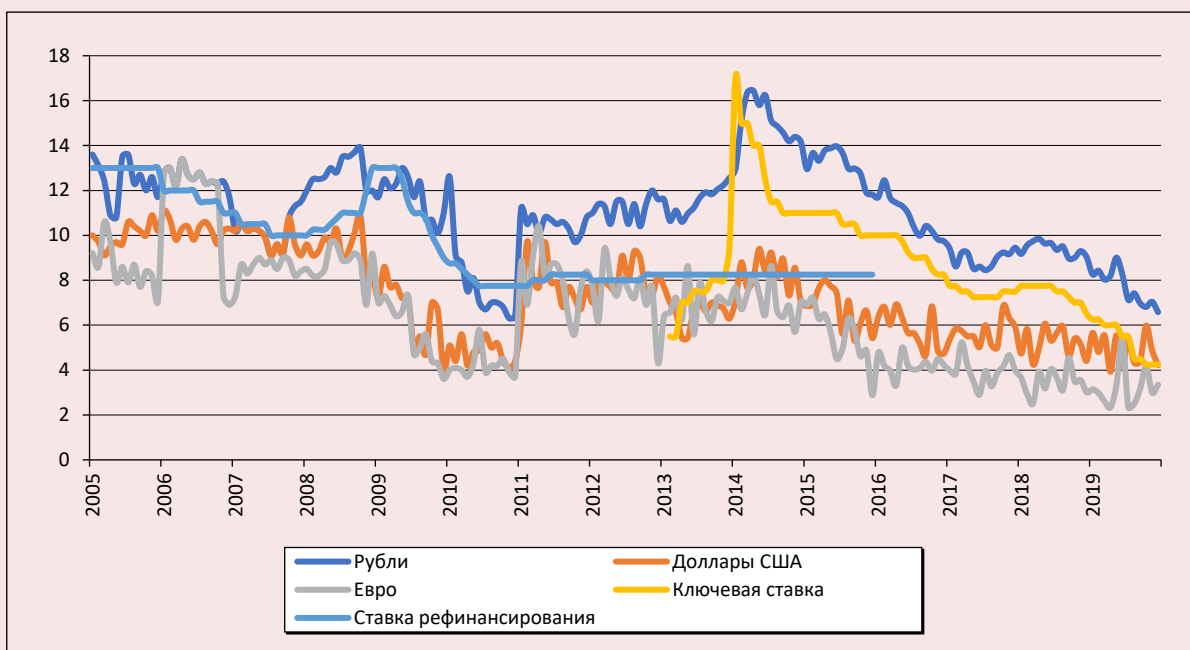
Необходимо отметить и дороговизну заемного финансирования. Несмотря на постепенное снижение ключевой ставки с 2014 года, цена кредита для предприятий остается все еще очень высокой (рис. 6). Для сравнения, за рубежом реальная ставка кредитования значительно ниже, что позволяет наращивать объемы финансирования инвестиционных проектов предприятий за счет кредитных институтов: по данным Всемирного банка, реальная процентная ставка в Японии составляет 1,6%, Италии – 1,9%, США – 3,3%, а в России 4,8% (данные за 2019 г.).

Рис. 5. Структурные показатели инвестиционного кредитования экономики РФ за 2006–2019 гг., % к итогу

Источник: рассчитано авторами по данным Банка России.

Рис. 6. Средневзвешенные процентные ставки по предоставленным нефинансовым организациям инвестиционным кредитам, %

Примечание: Указанием Банка России от 11.12.2015 № 3894-У «О ставке рефинансирования Банка России и ключевой ставке Банка России» ставка рефинансирования приравнена к ключевой. Данные по средневзвешенным ставкам по долгосрочным кредитам доступны только с 2011 года.

Источник: рассчитано авторами по данным Банка России.

Отметим, что ресурсы банковской системы в целом несут в себе значительный потенциал стимулирования инвестиционного процесса, однако высокие кредитные ставки являются существенным барьером на пути вливания финансовых ресурсов в реальный сектор экономики. Необходимы административно-регулятивные меры по стимулированию перетока банковского капитала в инвестиции в основной капитал. Это может дать дополнительный прирост инвестиций, которые необходимы для повышения нормы и темпов накопления.

В целом по итогам исследования источников финансовых ресурсов инвестиционной деятельности были выявлены следующие проблемы:

- зависимость капиталовложений предприятий от их собственных фондов инвестиций, что создает угрозу ведения инвестиционной деятельности в условиях неопределенной экономической ситуации и требует изменить структуру источников финансовых ресурсов;

- недостаток бюджетного финансирования инвестиций, являющихся локомотивом для привлечения частного капитала с помощью реализации инфраструктурных проектов;

- наличие ряда барьеров к наращиванию доли банковского инвестиционного кредита в структуре источников инвестиций: высокие ставки, незаинтересованность банков в долгосрочном кредитовании, непостоянные условия ведения хозяйственной деятельности, повышающие риски как для предприятий, так и для кредитных институтов.

Направления корректировки государственной инвестиционной политики

Решению выявленных по результатам анализа проблем инвестиционной деятельности и обеспечения экономики РФ инвестиционными ресурсами, на наш взгляд, будет способствовать реализация ряда мер государственной политики по следующим направлениям.

1. Корректировка денежно-кредитной политики.

Активизация инвестиционной деятельности требует внесения изменений в осуществляемую денежно-кредитную политику, а именно:

1) Использование целевой кредитной эмиссии облигаций федерального займа для увеличения объемов денежной массы в экономике, что расширит доступ хозяйствующих субъектов к финансовым ресурсам для инвестирования. Например, Федеральная резервная система США применяла эмитированные средства для реализации облигационного займа Министерства финансов, направленного на реализацию крупных инфраструктурных проектов.

2) Отказ Банка России от режима таргетирования инфляции, существенно замедляющего инвестиционную активность, и переход к режиму поддержания экономического роста, для чего целесообразно сокращать объемы средств, привлекаемых на депозиты Банка России и покупку его ценных бумаг.

3) Постепенное снижение ключевой ставки Банка России до 0,5%, что будет способствовать большей востребованности инвестиционного кредита, который станет основным источником капиталовложений для предприятий. Как отмечает С.Ю. Глазьев, «основным источником финансирования капитальных вложений в развитие всех стран, совершивших экономическое чудо, была и остается целевая кредитная эмиссия» [24].

4) Сокращение объемов инвестиций в зарубежные активы и направление этих средств в российскую экономику на основе изменений в чистой международной инвестиционной позиции (ЧМИП) как источника инвестиционных ресурсов, что позволит обеспечить поддержание нормы накопления на уровне 30–35% в течение трех лет. Это особенно актуально в условиях постоянного внешнеполитического и внешнеэкономического давления на РФ, поскольку активы могут быть заблокированы в любой момент. По оценкам ученых ИЭОПП СО РАН, средств от приравнивания ЧМИП к нулю достаточно для обеспечения российской экономики инвестициями на уровне 30–35% от ВВП на три года [25].

Добавим, что выравнивание инвестиционного процесса с использованием инструментов денежно-кредитной политики потребует уси-

лий не только от Банка России, но и от Министерства финансов, институтов законодательной власти, налоговых органов.

2. Расширение бюджетно-налоговых льгот для поддержки инвестиционной деятельности и НИОКР.

Стимулированию роста объемов капиталовложений и повышению нормы накопления способствует совершенствование бюджетно-налоговой политики в области инвестиций и НИОКР. Введение пакета дополнительных бюджетно-налоговых мер, направленных на стимулирование инвестиций и расходов на НИОКР, позволит не только преодолеть долгосрочные стагнационные процессы в российской экономике, но и повысить устойчивость бюджетной системы за счет роста налоговой базы будущих периодов. Предлагаемый набор мероприятий состоит в следующем:

- создание специального налогового режима для предприятий, проектирующих и производящих высокотехнологичную продукцию, в т. ч. образованных и функционирующих в рамках Национальной технологической инициативы⁵, что даст возможность увеличить привлекательность венчурных проектов за счет снижения ряда инвестиционных рисков и выйти на российский рынок большему числу частных инвесторов;

- расширение льгот в рамках «патентного окна» путем снятия с предприятий фискальной нагрузки в виде налога на прибыль, стимулирующих рост инновационно-инвестиционной активности за счет повышения рентабельности НИОКР;

- возврат отмененной ранее инвестиционной налоговой льготы, заключающейся в освобождении предприятий от налогообложения части налоговой базы при условии инвестирования средств в расширение и модернизацию основных фондов производственного назначения;

⁵ Национальная технологическая инициатива – объединение представителей бизнеса и экспертных сообществ для развития в России перспективных технологических рынков и отраслей, которые могут стать основой мировой экономики. Подробнее см.: Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы». URL: <https://nti2035.ru/documents/docs/317.pdf>

– внедрение гибкой системы налоговых зачетов по расходам на НИОКР, способствующей переходу промышленности на более высокие технологические уклады;

– формирование сети региональных фондов поддержки научных разработок и инновационной деятельности, позволяющих существенно нарастить инвестиции в НИОКР [26];

– введение временного инвестиционного налогового стимула как инструмента поддержки предприятий в рамках постпандемического восстановления экономики. Это поможет сократить издержки предприятий в краткосрочном для инвестирования периоде (от 1 до 3 лет). Жесткая временная периодизация стимулирует ускорение текущих инвестиционных расходов с возможностью использования налоговых льгот.

Предложенные меры будут способствовать приращению инвестиций в высокотехнологичные сферы деятельности, что не только повысит конкурентоспособность российских предприятий, но и усилит их инвестиционную привлекательность. Согласно оценкам Международного валютного фонда, изменение налоговой нагрузки на 1% способствует росту инвестиций от 2,6 до 14% [27; 28].

3. Развитие цепочек создания стоимости в рамках корректировки государственной экономической политики.

Стимулирование инвестиционных процессов возможно на основе развития цепочек создания стоимости (ЦСС) в приоритетных секторах экономики. Сформировавшиеся отраслевые и территориальные инвестиционные диспаритеты являются, в том числе, и следствием разрывов ЦСС. Создание отсутствующих в стране стадий производства, стимулирование внутреннего спроса (как конечного, так и промежуточного) вдоль ЦСС, поддержка развития производственной кооперации будут способствовать перераспределению доходов в экономике, тем самым повышая возможности инвестирования.

Внутренняя экономическая политика государства может стать решающим фактором формирования условий для объединения экономических субъектов в ЦСС, поскольку именно государство создает благоприятные условия для взаимодействия фирм, регионов и отраслей с рынками более высокого уровня, а также определяет потенциал совершенствования этих связей. В настоящее время Россия является актив-

ным участником международного разделения труда, однако текущий формат участия страны в глобальных ЦСС далек от оптимального: главным образом РФ – поставщик промежуточной продукции и потребитель готовых конечных товаров. Для изменения ситуации (т. е. для встраивания российских компаний в более выгодные с точки зрения создаваемой добавленной стоимости участки глобальных ЦСС) необходимо:

– формирование системы управления трансформацией ЦСС в российской экономике (возможно, ренессанс специальных государственных макрорегиональных фондов в контексте развития ЦСС; примеры – Европейская межрегиональная инициатива в области умной специализации «Авангард», Межрегиональное партнерство RIS3 «Безопасная и устойчивая мобильность» [29]);

– проведение углубленного анализа существующих в российской экономике ЦСС (в том числе с учетом их внешних участков), проектирование их перспективного развития (на основе технологического сканирования и прогнозирования, конкурентной разведки, реализации концепции умной специализации территорий и др.), формирование системы макрорегионального планирования ЦСС;

– разработка и реализация единой инвестиционной, структурной, технологической политики на макрорегиональном уровне (скоординированные планы привлечения инвестиций); аккумуляция инвестиционных ресурсов в форме макрорегиональных фондов (корпораций) развития (интегрированные территориальные инвестиции);

– инфраструктурное обеспечение реализации проектов в рамках развития ЦСС и др.

По нашему убеждению, создание условий для обеспечения доступа хозяйствующих субъектов к инвестиционным ресурсам, наращивания затрат на НИОКР, устранения отраслевых и территориальных диспаритетов будет способствовать решению сложившихся в инвестиционной сфере проблем и укреплению российской экономики.

Заключение

Инвестиции в основной капитал выступают ключевым драйвером экономического роста. Обновление основных фондов и создание новых производственных мощностей будут спо-

способствовать повышению конкурентоспособности российской экономики и углублению ее внедрения в глобальное разделение труда. Основной причиной текущих ограничений инвестиционного развития стала экспортно-сырьевая модель российской экономики, которая привела к зависимости от внешних рынков сырья и капитала, способствовала разрушению внутренних экономических связей и сокращению внутреннего спроса на многие виды товаров и услуг.

Активизация инвестиционной деятельности требует активного государственного участия. Наши рекомендации могут быть использованы

органами власти при корректировке государственной инвестиционной, денежно-кредитной и структурно-промышленной политики. Вклад исследования в науку видится в выявлении современных закономерностей протекания инвестиционных процессов в российской экономике, а также определении перспективных направлений активизации инвестиционной деятельности. Дальнейшие научные изыскания будут связаны с исследованием институциональных факторов активизации инвестиционной деятельности в экономике РФ и прогнозированием результатов внедрения предложенных рекомендаций.

Литература

1. Кувалин Д.Б., Зинченко Ю.В., Лавриненко П.А. Российские предприятия весной 2020 года: реакция на пандемию COVID-19 и мнения о роли государства в экономике // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1. С. 164–176.
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. / вступит. ст. и комм. В.С. Афанасьева. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. 684 с.
3. Harrod R.F. An essay in dynamic theory. *The Economic Journal*, 1939, vol. 49, no. 193, pp. 14–33.
4. Domar E.D. The «Burden of the Debt» and the national income. *The American Economic Review*, 1944, vol. 34, no. 4, pp. 798–827.
5. Solow R.M. A Contribution to the theory of economic growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 1956, vol. 70, no. 1, pp. 65–94.
6. Romer P.M. Increasing returns and long-run growth. *The Journal of Political Economy*, 1986, vol. 94, no. 5 (October), pp. 1002–1037.
7. Romer P.M. Growth based on increasing returns due to specialization. *American Economic Review*, 1987, vol. 77, no. 2 (May), pp. 56–62.
8. Lucas R.E. On the mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*, 1988, vol. 22, no. 1, pp. 3–42.
9. Grossman M. The Human Capital Model. In: Culyer A.J., Newhouse J.P., editors. *Handbook of Health Economics*, 2000, ed. 1, vol. 1, chapter 7, pp. 347–408.
10. Aghion P.M., Howitt P.W. A model of growth through creative destruction. *NBER Working Paper*, 1990, no. 3223. DOI: 10.3386/w3223
11. Aghion P.M., Howitt P.W. A model of growth through creative destruction. *Econometrica*, 1992, vol. 60, no. 2, pp. 323–351.
12. Аганбегян А.Г. Как возобновить социально-экономический рост в России? // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222. № 2. С. 164–182.
13. Аганбегян А.Г. Инвестиции – основа ускоренного социально-экономического развития России // Деньги и кредит. 2012. № 5. С. 10–16.
14. Ивантер В.В. Структурно-инвестиционная составляющая долгосрочной экономической стратегии России // Общество и экономика. 2017. № 8. С. 5–32.
15. Оболенский В.П., Квашнина И.А. Инвестиции в основной капитал: возможности финансирования // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 4. С. 83–93.
16. Акиндинова Н.В., Бессонов В.А., Ясин Е.Г. Российская экономика: от трансформации к развитию: докл. к XIX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 10–13 апр. 2018 г. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 55 с.

17. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография / под науч. ред. акад. В.В. Ивантера. М.: Научный консультант, 2017. 196 с.
18. Буданов И.А. Россия в ожидании инвестиционного роста: угрозы и возможности // Экономист. 2019. № 1. С. 9–22.
19. Турыгин О.М. Рост инвестиций в основной капитал экономики региона за счет увеличения заемного финансирования // Экономика региона. 2020. Т. 16. №. 4. С. 1348–1361. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-23>
20. Реформа системы отрицательного КРП / А.А. Ивантер [и др.] // Эксперт. 2020. № 49. С. 13–18.
21. Гурова И.П. Офшорные инвестиции в российской экономике // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4. С. 122–132.
22. Румянцев Н.М. Обоснование территориальных приоритетов инвестирования в Северо-Западном федеральном округе // Вопросы территориального развития. 2019. № 5 (50). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28377> DOI: 10.15838/tidi.2019.5.50.3
23. Ускова Т.В., Копытова Е.Д. О роли инвестиций в социально-экономическом развитии территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 72–89. DOI: 10.15838/esc/2015.2.38.4
24. Глазьев С.Ю. Методология опережающего развития экономики: как решить поставленную Президентом России задачу рывка в экономическом развитии // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218. № 4. С. 124–132.
25. Инвестиционный процесс и структурная трансформация российской экономики: монография / под ред. д.э.н. А.В. Алексеева, к.и.н. Л.К. Казанцевой. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. 402 с.
26. Мазилев Е.А., Давыдова А.А. Научно-технологическое развитие России: оценка состояния и проблемы финансирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 55–73. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.3
27. Zwick E., Mahon J. Tax policy and heterogeneous investment behavior. *The American Economic Review*, 2017, vol. 107, no. 1, pp. 217–248.
28. Maffini G., Xing J., Devereux M.P. The impact of investment incentives: Evidence from UK corporation tax returns. *American Economic Journal: Economic Policy*. 2019, vol. 11, no. 3.
29. Котов А.В. Территория требует связной работы: роль межрегиональных взаимодействий в восстановлении экономики (к 100-летию работы И.Г. Александрова «Экономическое районирование России») // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 1. С. 18–34.

Сведения об авторах

Евгений Борисович Шулепов – депутат, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (103265, Российская Федерация, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1; e-mail: shulepov@duma.gov.ru)

Константин Алексеевич Задумкин – кандидат экономических наук, доцент, исполнительный директор, Вологодское городское отделение Союза промышленников и предпринимателей Вологодской области (160013, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Конева, д. 15; e-mail: zk00@mail.ru)

Никита Михайлович Румянцев – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rumnik.95@yandex.ru)

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Rumyantsev N.M., Lukin E.V.

Investment Activity in the Russian Economy: Activation Problems and Directions

Abstract. The big challenges facing Russia require ensuring high-quality economic growth which makes it necessary to search for investment resources. However, financial crises, foreign policy pressure, coupled with the export-raw materials model of the Russian economy, do not allow achieving necessary growth investment rates in fixed assets. The purpose of the research is to find and scientifically substantiate ways to enhance investment activity in the Russian Federation. For this purpose, the authors have evaluated parameters of investment activity, have analyzed the sources of financial resources for investment, and have developed specific recommendations to increase investment activity in the Russian economy. The results of the study revealed a number of problems: strengthening of sectoral and territorial disparities, growing dependence on imports of investment goods, deterioration of technological development parameters, reduction of the share of Research and Development and Research and Technological Development in GDP, and reduction of debt financing opportunities. As ways to boost investment activity, the authors propose monetary policy adjustments, expansion of fiscal and tax incentives to support investment and RTD, and development of value chains aimed at smoothing resource allocation imbalances including investment ones. The scientific novelty of the research is in development applied directions for increasing investment activity in the modern Russian economy. The methodological basis is the theory of social reproduction and national accounting. The information base of the research consists of statistical data and materials of the Federal State Statistics Service, the Unified Interdepartmental Information and Statistical Service, input-output tables, the Bank of Russia, the Higher School of Economics, normative legal acts and program documents of the Russian Federation and its subjects, publications of Russian and foreign authors in various periodicals, monographs. Further scientific research will be related to the study of institutional factors of investment activity activation and forecasting the results of implementing the proposed recommendations.

Key words: economics, investments in fixed assets, problems, activation, monetary policy, fiscal policy, Research and Technological Development, value chains.

Information about the Authors

Evgenii B. Shulepov – Member of the State Duma, the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (1, Okhotny Ryad Street, Moscow, 103265, Russian Federation; e-mail: shulepov@duma.gov.ru)

Konstantin A. Zadumkin – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Executive Director, Vologda City Branch of the Union of Industrialists and Entrepreneurs of the Vologda Oblast (15, Konev Street, Vologda, 160013, Russian Federation; e-mail: zk00@mail.ru)

Nikita M. Rumyantsev – Research Engineer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumnik.95@yandex.ru)

Evgenii V. Lukin – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Статья поступила 08.02.2021.

Оценка предрасположенности территорий к размещению «умных» компаний*

**Александр Александрович
ЧУРСИН**

Российский университет дружбы народов
Москва, Российская Федерация
e-mail: chursin-aa@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0697-5207; ResearcherID: G-1088-2016

**Александр Викторович
ЮДИН**

Российский университет дружбы народов
Москва, Российская Федерация
e-mail: yudinorel@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5098-7796; ResearcherID: A-1665-2014

**Полина Юрьевна
ГРОШЕВА**

Российский университет дружбы народов
Москва, Российская Федерация
e-mail: p.grosheva@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7546-6903; ResearcherID: G-4210-2016

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07348.

Для цитирования: Оценка предрасположенности территорий к размещению «умных» компаний / А.А. Чурсин, А.В. Юдин, П.Ю. Грошева, Ю.Г. Мыслякова, Н.П. Неклюдова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 99–117. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.6

For citation: Chursin A.A., Yudin A.V., Grosheva P.Yu., Myslyakova Yu.G., Neklyudova N.P. Territories' predisposition assessment to "smart" companies' location. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 99–117. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.6

**Юлия Геннадьевна
МЫСЛЯКОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: mysliakova.ug@uiec.ru
ORCID: 0000-0001-7635-3601; ResearcherID: B-6076-2018

**Наталья Павловна
НЕКЛЮДОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: neklyudova.np@uiec.ru
ORCID: 0000-0002-5026-1394; ResearcherID: E-5849-2014

Аннотация. В настоящее время одним из актуальных вопросов для российской экономики является создание в регионах условий экспансии «умных» компаний, от которых зависят переход общества на новый тип технологического уклада, инновационное развитие и конкурентоспособность страны. Гипотеза исследования заключается в том, что одни регионы более предрасположены к появлению на их территориях «умных» компаний, тогда как другие не имеют соответствующих условий для развития инновационных и цифровых технологий. В целях доказательства данной гипотезы авторы раскрывают концепцию региональной 3D-модели «умной» компании и предлагают методику оценки предрасположенности регионов к появлению таких организаций. Особенностью авторской методики является интегрированный показатель, представляющий собой результат синтеза графического и аналитического методов оценки. Методика позволяет выявить территории с благоприятными условиями для экспансии организационной амбидекстрии, инновационного развития и цифровизации предприятий. Она была апробирована на регионах РФ в 2010–2017 гг. В результате выявлена типология регионов по пяти критериям, отражающим предрасположенность к возникновению «умных» компаний, построен их рейтинг. Апробация авторских методических разработок позволила установить, что индустриально развитые регионы можно считать полюсами цифровизации. Показано, что Уральский федеральный округ выступает устойчивым базисом появления и успешного функционирования «умных» компаний, так как все его субъекты, за исключением Курганской области, попадают в двадцатку благоприятных для их развития территорий. Указанная закономерность не характерна для других федеральных округов. В заключение определены принципиальные траектории развития основных элементов 3D-модели «умной» компании на мезоэкономическом уровне исследований по следующим направлениям: «умный» персонал, «умная» среда, «умные» инновации и решения.

Ключевые слова: «умная» компания, организационная амбидекстрия, инновационное развитие компании, цифровизация компаний, 3D-модель компании, оценка, предрасположенность региона.

Введение

В настоящее время одним из актуальных вопросов для российской экономики является создание в регионах условий для экспансии «умных» компаний, от которых зависят переход общества на новый тип технологического уклада, инновационное развитие, качество жизни и конкурентоспособность страны в целом.

Понятие «умная» компания в основном встречается в зарубежных источниках и понимается как организация, функционирующая в качестве открытой системы, принимающая информацию, материальные ресурсы и энергию из окружающей среды, преобразуя эти ресурсы в знания, процессы и структуры, которые производят товары или услуги, в свою очередь потребляемые окружающей средой [1–4]. Отношения между окружающей средой и «умными» компаниями носят как циклический, так и критический характер, обусловленный взаимозависимостью от окружающей среды в плане ресурсов и оправдания своего дальнейшего существования [5].

Поскольку окружающая среда становится все более сложной и изменчивой, сохранение жизнеспособности требует от компаний достаточного знания о ее текущих и вероятных будущих условиях, а также своевременного применения знаний для изменения собственного поведения и позиционирования. В связи с этим безусловный научный интерес представляют модели «умных» компаний. Они исследуются на корпоративном уровне, на котором уточняются структурные элементы, характеристики, поведенческие установки в динамичных условиях внешней среды и разрабатываются рекомендации для конкретной компании касательно того, как повысить уровень знаний сотрудников организации.

Объект исследования – регионы РФ. Предмет исследования – система социально-экономических отношений, возникающих в процессе появления и экспансии «умных» компаний. Цель работы состоит в проектировании 3D-модели «умной» компании и оценке предрасположенности территорий к размещению на них организаций такого типа.

Цель предопределила решение следующих задач: сформировать авторское понимание «умной» компании; разработать модель «умной» компании регионального уровня; разработать

методику оценки предрасположенности региона к зарождению и экспансии «умных» компаний; выявить регионы с максимальной предрасположенностью и определить направления поддержки успешного функционирования таких организаций.

Теоретические аспекты понятия «умная» компания: обзор

В настоящее время понятие «умная» компания содержательно раскрывается в основном на корпоративном или микроэкономическом уровне исследований. Однако однозначного понимания данной дефиниции не сложилось. Так, например, ученые Штутгартского университета определяют ее как производственную систему, которая, будучи осведомленной о контексте, помогает сотрудникам и оборудованию выполнять задания. Присутствует мнение, что это любая роботизированная система, использующая сети датчиков и вычислительных устройств, взаимодействующих между собой для достижения высокоэффективного производства [6], что в свою очередь обуславливает техническое содержание «умной» компании как одной из размерностей многошкального производства, предполагающего использование самых передовых инструментов и технологий повсеместной компьютеризации. Такая точка зрения опирается на представление об «умной» компании как о среде, способной справляться с турбулентностью производственного процесса в режиме реального времени посредством применения децентрализованной информационно-коммуникационной структуры для управления производственным процессом [7].

Л. Капустина и Ю. Кондратенко приходят к выводу о том, что «умная» компания использует результаты работы цифровых фабрик (как входной продукт) и предполагает производство без участия человека на основе искусственного интеллекта и гибкой интеграции (как между подразделениями внутри, так и с внешними партнерами). При этом сами цифровые фабрики являются предшественниками умных предприятий [8].

Э. Филос считает, что «умные» компании имеют своей целью более широкое применение средств автоматизации, улучшенный контроль и оптимизацию процессов. При этом он разделяет понятия «умная», «виртуальная» и «циф-

ровая» компания, полагая, что они отличаются по цели создания, средствам достижения цели и акценте в работе [9].

Несмотря на отсутствие единого определения, к основным критериям «умной» компании уже сейчас можно отнести сбор данных с помощью сенсоров и датчиков, интернет вещей, хранение данных в облачных сервисах, обработку информации на основе алгоритмов больших данных, наличие человеко-машинных интерфейсов и цифровой платформы, которая включает общую базу данных и инструменты управления производственным циклом и составляет экосистему, формирование кастомизированной бизнес-модели. В такой организации теряет смысл эффект масштаба, благодаря возможности быстрой переналадки и перестройки технологических процессов, управляемых децентрализованным искусственным интеллектом, под заказы и потребности конкретных индивидуальных клиентов [8].

Кроме технического аспекта дефиниция «умная» компания в научной литературе рассматривается в двух аспектах: организация, обладающая знанием или его создающая. В первом случае речь идет о смарт-компаниях, способных накапливать и преумножать знания, позволяющие решать проблемы конкурентоспособности в динамичных условиях внешней среды. Кроме того, приставка «смарт» добавляется к понятию компании или организации, когда предполагается, что она использует «умные» технологии. Создание знаний происходит тогда, когда новизна генерируется для решения новых задач, для которых адекватные решения не могут быть найдены в базе знаний. Контекстом интеллектуального поведения организации здесь является решение проблем, которое подразумевает достижение целей и задач. В данном случае ум (интеллект) компании проявляется не в количестве накопленных знаний, а, скорее, в способности находить оригинальные решения для преодоления различных трудностей и разрешения различных жизненных ситуаций или просто точно оценивать их и использовать это в своих интересах. Такие компании называются «*intelligent organizations*», само понятие «умная» компания шире понятия «*smart company*», и первое включает в себя второе [10; 11; 12].

«Ум» компании может быть также понят как качество поведения, являющееся адаптивным в том смысле, что оно представляет собой эффективные способы удовлетворения требований окружающей среды по мере их изменения [13]. Таким образом, умное поведение является одновременно целенаправленным и адаптивным [14; 15], и именно способность организаций обладать знаниями, создавать и применять их будет иметь решающее значение в будущем.

Г. Виленский в серии своих работ рассматривал «умную» компанию с точки зрения сбора, обработки, интерпретации и передачи технической и политической информации, необходимой в процессе принятия решений [16]. По его мнению, только «умная» компания способна защитить себя от информационной патологии, что во многом обусловлено отношением руководителей к процессу получения знаний и возможности специалистов по информационным технологиям влиять на стратегический дискурс.

По мнению Дж. Марка и Дж. Олсена, интеллект «умной» компании обусловлен «рациональным расчетом и обучением на основе опыта». Рациональный расчет — это выбор альтернатив, основанный на оценке их ожидаемых последствий в соответствии с предпочтениями. Это взгляд в будущее, чтобы предвидеть результаты. Обучение на основе опыта — выбор альтернатив, учитывающий правила, выработанные на основе накопления прошлого опыта. Это взгляд в прошлое, чтобы найти руководство для будущих действий. Исследователи заметили, что, по мере того как осознается ограниченность рационального расчета, возрастает интерес к потенциалу организационного обучения как основы организационного интеллекта. Организации и люди в них учатся через свое взаимодействие с окружающей средой — «они действуют, наблюдают последствия своих действий, делают выводы об этих последствиях и делают выводы для будущих действий. Этот процесс адаптивно рационален» [17].

Куинн описал «умную» организацию как «организацию, которая в первую очередь управляет и координирует информацию для удовлетворения потребностей клиентов» [18]. «Ум» организации в большей степени зависит от развития

и использования интеллектуальных ресурсов, чем от управления физическими и финансовыми активами. Его функции разбиты на управляемые интеллектуальные кластеры, так называемую сервисную деятельность. В свое время информационные технологии позволили делегировать и передать на аутсорсинг многие из этих видов деятельности другим организациям, что усилило конкурентные позиции на рынке. Вместо того чтобы сосредоточиться узко на продуктах, «умная» компания преуспевает в нескольких ключевых видах деятельности, основанных на знаниях, критически важных для своих клиентов, и окружает их другими видами деятельности, необходимыми для защиты ядра. Затем она использует передовые информационные, управленческие и интеллектуальные системы для координации многих других разнообразных и часто рассредоточенных центров деятельности, необходимых для удовлетворения потребностей клиентов. В качестве примера можно привести российскую компанию «Dodo Pizza». Открытость и интернет помогли компании из Сыктывкара без большой истории стать лидером на рынке. Собственная информационная система, которую она начала использовать с первого дня работы, позволяет компании перманентно онлайн наблюдать, что происходит в бизнесе. В эту систему можно интегрировать все, что имеет доступ в интернет. Это пример создания ценности за счет использования нескольких важнейших видов услуг, основанных на знаниях, и эффективного применения организационного интеллекта.

Позднее, в 1996 г., Куинн в соавторстве с Андерсоном и Финкельштейном описали интеллект «умной» компании как обладающий: 1) когнитивными знаниями, 2) продвинутыми навыками, 3) системным пониманием и тренированной интуицией, а также 4) самомотивированным творчеством [19].

С. Геккель и Р. Нолан определяют «умную» компанию как организацию, имеющую «способности и возможности справляться со сложными ситуациями в динамических реалиях, то есть улавливать, воспринимать, делиться и извлекать смысл из сигналов рынка» [20].

Сложность управления «умной» организацией, в свою очередь, обусловлена объемом и качеством источников информации, которые необходимы для этого, количеством бизнес-

элементов, которые следует координировать в рамках ее организационной структуры, а также количеством и типом связей этих элементов. Согласно анализу, «уровень интеллекта» (IQ) организации определяется тремя важнейшими атрибутами: способностью получать доступ к знаниям и информации (соединение/connecting); способностью интегрировать информацию и обмениваться ей (совместное использование/sharing) и способностью извлекать смысл из данных (структурирование). Подключение/связь (connecting) означает, что источники информации, средства массовой информации, местоположения и пользователи связаны таким образом, что точная информация может быть получена и доступна нужным пользователям в нужное время и в нужном месте. Совместное использование означает, что люди в организации могут обмениваться данными, интерпретациями данных, а также пониманием основных процессов организации. Структурирование означает, что понимание, или смысл, достигается путем сопоставления и соотнесения информации из нескольких источников таким образом, что возникает некоторая форма паттерна или тенденции. Структурирование достигается путем создания информации об информации, например о том, как данные организованы, связаны и используются. С. Геккель и Р. Нолан считают, что структурирование обладает наибольшим потенциалом в целях стратегического применения информации для создания «умной» компании.

По мнению Т. Ляна, интеллект «умной» компании начинается с интеллекта подразделений и членов организации, поэтому исследования ученого связаны с анализом умственных способностей отдельных людей, а также влияния индивидуальных интеллектуальных характеристик человека, участвующих в формировании коллективного интеллекта [21; 22].

М. Макмастер в своих работах отмечал, что, для того чтобы эффективно конкурировать, компании должны быть адаптивными субъектами, которые прямо приветствуют изменения, постоянно собирая информацию, генерируя новые знания и внедряя инновации на основе этих изменений. Он определил организационный интеллект как функцию количества связей, их сложности и дизайна системы, как основной ресурс «умной» компании [23].

М.А. Glynn наделяет «умную» компанию компетенциями обработки информации, позволяющими адаптироваться к требованиям окружающей среды, инициирующим разработку и внедрение инноваций [24]. W.E. Halal дает следующее определение: организационный интеллект – это функция пяти когнитивных подсистем: организационной структуры, культуры, взаимоотношений с заинтересованными сторонами, управления знаниями и стратегических процессов [25]. По Дж. Лейбовицу, «умная» компания интегрирует коллективную совокупность всех интеллектов, которые вносят свой вклад в построение общего видения, процесса обновления и направления деятельности организации [26].

А. Боллинджер и Р. Смит доказывают, что интеллект «умной» компании – это не просто сумма знаний отдельных индивидуумов, а синергия интерпретаций сотрудниками информации, основанной на личном опыте, навыках, способностях и наблюдениях, а также опыта, полученного со временем. Такие характеристики позволяют понимать его как стратегический актив [27]. Для «умной» организации знания определяются как то, что персонал знает о своих поставщиках, клиентах, продуктах, процессах, ошибках и успехах. Знания могут быть размещены в базах данных или распределены в опыте и информации о практике.

Кроме того, одной из характерных черт «умной» компании является способность быстро реагировать на изменения и сложности. Очевидно, что IQ такой организации будет тем выше, чем сильнее эта способность. С такой точки зрения вызывает интерес модель организаций-амбидекстров, чей организационный дизайн позволяет одинаково успешно извлекать прибыль из текущей экономической деятельности (эксплуатационная деятельность) и исследовать возможности для создания новых видов деятельности посредством производства последовательных и радикальных инноваций (исследовательская деятельность). Эти компании используют различные стратегии производства инноваций как внутри себя, так и с помощью внешних разработок [28].

Z. Simsek с коллегами разработали модель организационной амбидекстрии по двум параметрам: временному (согласно которому амбидекстрия может быть последовательной и

одновременной) и структурному (независимая и взаимозависимая амбидекстрия). Сопоставляя эти параметры, исследователи представили типологию с выделением четырех типов организационной амбидекстрии: гармонической, циклической, разделенной и взаимной [29]. Так, например, при стратегии разделенной амбидекстрии в бизнесе существуют две параллельно работающие линии: группа настоящего, ответственная за текущую деятельность, и группа будущего, которая ищет ответ на вопрос, как трансформировать компанию. Команда, управляющая профильным бизнесом, должна эффективно выполнять свою работу. Другая команда должна отойти от действующей модели и полностью сосредоточиться на способах ее трансформации. Для управленца в данном случае главная трудность заключается в том, чтобы руководить бизнесом и одновременно переосмысливать его.

Таким образом, анализ представленных выше понятий позволяет выделить следующие отличительные черты «умных» компаний:

1. *Способность к «умному» действию и «умному» реагированию* (максимально увеличивается техническая эффективность, эффективность затрат и выгода благодаря планированию, постоянному мониторингу операций и непрерывному обучению).

2. *Оперативные активы «умной» компании* – среда, в которой сотрудники могут использовать любое устройство или режим для выполнения своей работы, иметь прямой доступ к защищенной надежной информации и быть полностью погруженными в бизнес-процесс.

3. *Сотрудники «умной» компании обладают полным доступом к необходимой информации* в любое время.

4. *Необходимой чертой «умной» компании является высококвалифицированная рабочая сила.*

5. *Сотрудники «умной» компании обучены для осуществления действий, обеспечивающих стратегическую эффективность предприятия.*

Однако представленные выше отличительные черты «умной» компании позволяют построить ее модель лишь на микроэкономическом уровне исследования, когда объектом выступает сама компания, а предметом – организационно-экономические отношения, возникающие в процессе проектирования ее модели. Мы предлагаем другой подход,

позволяющий строить 3D-модель «умной» компании на региональном, или мезоэкономическом, уровне исследований с использованием трехмерного пространства, отражающего региональные параметры «умного» развития, т. е. способствующие появлению и экспансии таких компаний.

3D-модель «умной» компании

Итак, уточним, что под «умной» (intelligent) компанией мы будем понимать компанию, характеристики которой включают в себя особенности инновационных организаций, компаний-амбидекстров и смарт-компаний, что обуславливает ее экономическую роль как базового актора технологической трансформации и перехода на более инновационно сложный шестой уклад. Исходя из такого понимания, мы разработали ее модель (рис. 1).

Наиболее значимыми элементами «умной» компании, по которым можно в дальнейшем не только ее идентифицировать на рынке, но и определять предрасположенность регионов к появлению таких организаций, выступают:

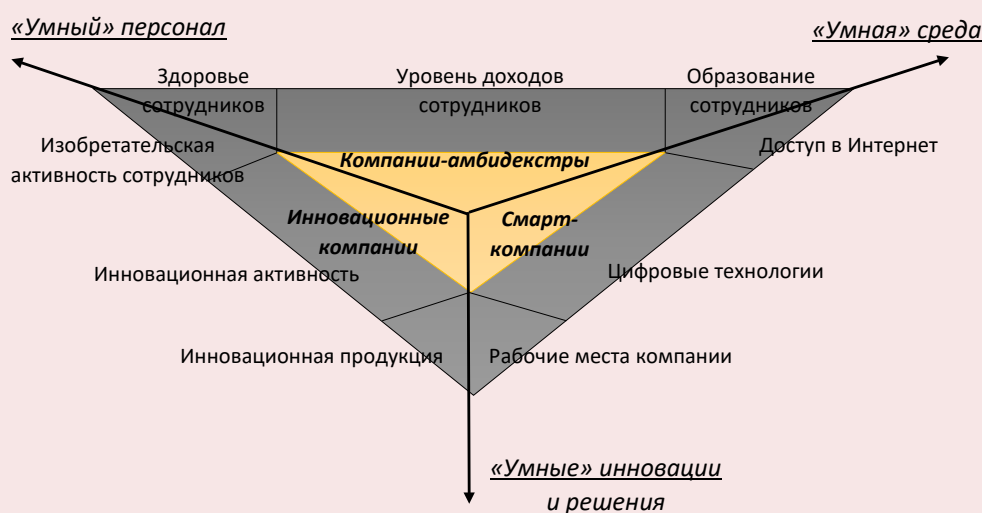
– «умный» персонал (IQ_people), от знаний, навыков и способностей которого зависит уровень производительности и возможности одновременного решения задач различных тематических направлений (элемент компаний-амбидекстров);

– «умные» инновации и решения (IQ_innovative), позволяющие производить востребованную на рынке наукоемкую продукцию, предлагать новые технические и технологические идеи революционного характера, а также совершенствовать производственные цепочки, системы управления, маркетинговые инструменты и т. д. в целях повышения конкурентоспособности компании и обеспечения роста ее прибыльности (элемент инновационных компаний);

– «умная» среда (IQ_digital), организованная с использованием интернет-возможностей, позволяющих работать с большим и сложным объемом информации, при помощи различных платформ, оптимизирующих время и упрощающих технологические цепочки создания добавленной стоимости (элемент смарт-компаний).

Получаем, что «умная» компания на сегодняшний день может вообще не располагать производственными фондами в их традиционном понимании, поскольку материальные активы начинают вытесняться интеллектуальными активами, а текущие активы – информацией [30]. По свидетельству экспертов, в настоящее время в США примерно 45 млн человек используют в качестве средств производства только свой интеллект, подкрепленный персональным компьютером [31].

Рис. 1. 3D-модель «умной» компании

Источник: составлено авторами.

Методология исследования

Если графически представить авторский способ оценки предрасположенности регионов к появлению «умных» компаний, получим следующую пространственную модель, основными элементами которой являются компании, население и органы власти (рис. 2).

Взаимодействие органов власти с населением позволяет увеличивать долю «умного» персонала в общей численности населения путем реализации мер, направленных на поддержку здравоохранения, образования и повышения уровня и качества жизни в региональном обществе. Взаимодействие органов власти с компаниями способствует созданию условий для цифровизации общества путем реализации различных стратегий и программ цифрового развития региона. От взаимодействия компаний с населением зависит качество и количество разработанных и воплощенных в жизнь инновационных продуктов, поэтому важным видится внедрение в практику на всех предприятиях концепции «управления талантами», ориентированной на цели интеллектуального развития персонала и повышение их прикладной результативности.

Вариантов взаимодействия может быть много, а активные точки, которые служат вершинами треугольника, одни и те же. Они выполняют функцию индикаторов предрасположенности регионов к генерированию на их территории «умных» компаний.

С учетом авторского понимания 3D-модели «умных» компаний предлагается методический подход, представляющий собой синтез графического и аналитического расчетных методов оценки, состоящий из трех основных этапов выявления предрасположенности регионов к экспансии «умных» компаний на их территориях.

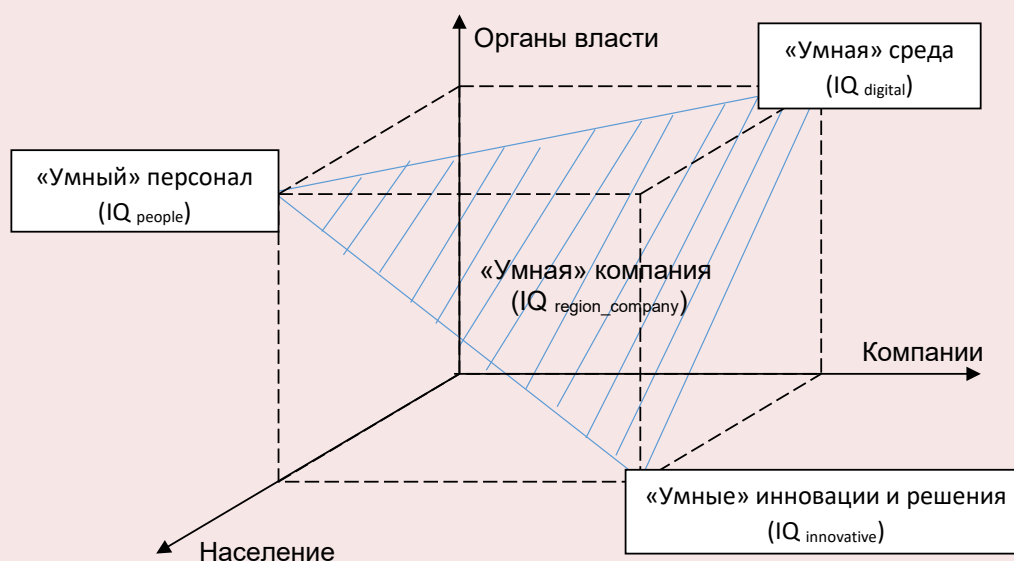
Этап 1. Оценка регионов в контексте их предрасположенности к появлению «умных» компаний:

1.1. Определение предрасположенности регионов к появлению организационной амбидекстрии.

1.2. Определение предрасположенности регионов к активизации инновационного развития.

1.3. Определение предрасположенности регионов к стимулированию применения цифровых технологий в бизнесе.

Рис. 2. Графическое представление оценки предрасположенности региона к появлению «умных» компаний

Источник: составлено авторами.

Этап 2. Типологизация и рейтингование регионов по критерию предрасположенности к появлению «умных» компаний.

Этап 3. Выделение регионов с максимальной ориентированностью на поддержку и экспансию «умных» компаний.

Первый этап является основным и сложным, поэтому для его реализации нами разработан оценочный инструментарий, позволяющий формализовать 3D-модель «умной» компании в комплексном показателе (табл. 1).

Так, предрасположенность региона к организационной амбидекстрии определяется показателем уровня здоровья населения, поскольку доказана зависимость уровня знаний от наличия хронических болезней: чем выше заболеваемость, тем хуже показатели знаний у населения. Кроме того, здоровый человек

имеет большую производительность и может быть привлечен к решению более сложных и разнородных задач. В качестве измеряемого индикатора предлагаем использовать показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении, отражающий долголетие населения, а значит, и уровень здоровья общества.

Уровень образования населения характеризует интеллектуальный потенциал региона, способность людей креативно мыслить и решать одновременно несколько задач. В связи с этим наиболее информативным показателем будет доля занятого населения с высшим образованием в общей численности занятых.

Доходность населения также влияет на условия его саморазвития, в том числе получение дополнительного и непрерывного образования, что положительно воздействует на трудовой

Таблица 1. Оценочные показатели предрасположенности региона к появлению «умных» компаний в контексте 3D-модели

Предрасположенность региона	Базовый элемент	Показатель	Индикатор
К организационной амбидекстрии	«Умный» персонал (I_{people})	Уровень здоровья населения (I_{healthy})	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
		Уровень образования населения (I_{know})	Доля населения с высшим образованием в общей численности занятых
		Доходность населения (G)	Индекс Джини
К инновационному развитию компаний	«Умные» инновации и решения ($I_{\text{innovative}}$)	Изобретательная активность населения ($I_{\text{intelligent}}$)	Число отечественных патентных заявок на изобретения, на одного занятого
		Инновационная активность компаний ($I_{\text{innovative\_technology}}$)	Доля организаций, применяющих инновационные технологии, в общем числе обследованных организаций
		Инновационная продукция ($I_{\text{innovative\_product}}$)	Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции
К цифровизации компаний	«Умная» среда (I_{digital})	Доступность интернета (I_{net})	Доля организаций, использующих доступ к сети Интернет со скоростью не менее 2 Мбит/сек, в общем числе организаций
		Цифровые технологии ($I_{\text{digital\_technology}}$)	Доля организаций, использовавших ERP-системы, в общем числе обследованных организаций; доля организаций, имевших специальные программные средства для управления продажами товаров, в общем числе организаций; доля организаций, использующих информационные и коммуникационные технологии, в общем числе организаций
		Рабочие места ($I_{\text{work\_space}}$)	Удельный вес занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения

Источник: составлено авторами.

потенциал общества. Важным оценочным индикатором здесь, по нашему мнению, является расслоение населения по получаемым доходам. Чем выше расслоение, тем ниже склонность региона к организационной амбидекстрии. Изменяемый показатель — индекс Джини.

Тогда показатель, позволяющий идентифицировать наличие в регионе «умного» персонала (IQ_{people}), будет рассчитываться по формуле 1:

$$IQ_{people} = \sqrt[3]{I_{healthy} * I_{know} / G}, \quad (1)$$

где $I_{healthy}$ — уровень здоровья населения;
 I_{know} — уровень образования населения;
 G — доходность населения в регионе.

Оценивать предрасположенность региона к дальнейшему развитию инновационной активности бизнеса предлагаем на основе измерения такого показателя, как изобретательная активность, рассчитываемого как число отечественных патентных заявок на изобретения, приходящихся на одного занятого, свидетельствующего о результативности применения знаний в производственной практике. Еще один показатель, который рекомендуем использовать, касается инновационной активности предприятий, проявляющейся в разработке и использовании организационных, маркетинговых, технологических и других видов инноваций, что отражает востребованность новых идей для удержания конкурентных позиций на российском рынке. Практическим результатом доведения изобретательских и инновационных решений до потребителя служит востребованность инновационной продукции, поэтому ее долю в общем объеме отгруженной продукции также необходимо учитывать. Получаем, что показатель «умные» инновации и решения ($IQ_{innovative}$) определяется через измерение результативности инновационной деятельности в регионе и востребованности продукции компаний «умными» людьми (формула 2).

$$IQ_{innovative} = \sqrt[3]{I_{intelligent} * I_{innovative\_technology} * I_{innovative\_product}}, \quad (2)$$

где $I_{intelligent}$ — изобретательная активность населения;

$I_{innovative\_technology}$ — инновационная активность компаний;

$I_{innovative\_product}$ — инновационная продукция в регионе.

Оценивать предрасположенность региона к созданию условий для экспансии smart-компаний предлагаем на основе измерения доступности интернета для организаций на базе индикатора доля организаций, использующих доступ к сети Интернет со скоростью не менее 2 Мбит/сек, в общем числе организаций, что будет свидетельствовать об инфраструктурных особенностях цифровизации компаний в регионе. Также предлагаем учитывать применяемые организациями цифровые технологии ведения бизнеса, в контексте долей организаций, использовавших ERP-системы, имевших специальные программные средства для управления продажами товаров и использующих информационные и коммуникационные технологии, в общем числе обследованных организаций. Еще одним показателем, характеризующим условия цифровизации бизнеса, по нашему мнению, является рынок труда с позиции занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения, что свидетельствует, во-первых, о востребованности IT-компетенций, во-вторых, о присутствии в регионе соответствующих рабочих мест. Тогда получаем, что показатель «умная» среда ($IQ_{digital}$) определяется через измерение качества условий, стимулирующих цифровизацию бизнеса в регионе, по формуле 3.

$$IQ_{digital} = \sqrt[3]{I_{inet} * I_{digital\_technology} * I_{work\_space}}, \quad (3)$$

где I_{inet} — доступность интернета;

$I_{digital\_technology}$ — цифровые технологии;

I_{work_space} — рабочие места в секторе ИКТ в регионе.

Важным моментом при расчете индикаторов является их обязательное нормирование в диапазоне [0; 1], что позволяет привести их значения к одной измерительной шкале.

Возвращаясь к 3D-модели «умной» компании, представленной на рисунке 2, получаем, что искомый показатель предрасположенности можно рассчитать как площадь треугольника, графически учитывающую три активные точки — базовые показатели параметров экспансии «умных» компаний на его территории (формулы 4–8).

$$a = \sqrt{IQ_{people}^2 + IQ_{innovative}^2}, \quad (4)$$

$$b = \sqrt{IQ_{people}^2 + IQ_{digital}^2}, \quad (5)$$

$$c = \sqrt{IQ_{innovative}^2 + IQ_{digital}^2}, \quad (6)$$

$$p = a + b + c, \quad (7)$$

$$IQ_{region\_company} = \sqrt{p * (p - a) * (p - b) * (p - c)}, \quad (8)$$

где $IQ_{region\_company}$ — предрасположенность региона к экспансии «умных» компаний;

IQ_{people} — предрасположенность региона к организационной амбидекстрии,

$IQ_{innovative}$ — предрасположенность региона к дальнейшему инновационному развитию компаний,

$IQ_{digital}$ — предрасположенность региона к дальнейшей цифровизации компаний.

После оценки предрасположенности регионов к экспансии на их территории «умных» компаний следует перейти ко второму и третьему методическим этапам исследования, позволяющим выявить наиболее благоприятные территории для создания и развития компаний, характерных более сложному технологическому укладу региональной и национальной экономики.

Таким образом, особенностью авторской методики является интегрированный показатель, представляющий собой результат синтеза графического и аналитического методов оценки, позволяющий определить предрасположенность региона к появлению «умных» компаний на основе измерения площади треугольника, на вершинах которого рас-

полагаются активные элементы компаний-амбидекстров, инновационных предприятий и смарт-организаций.

Результаты исследования

1. *Определяем предрасположенность регионов к появлению на их территории «умных» компаний.*

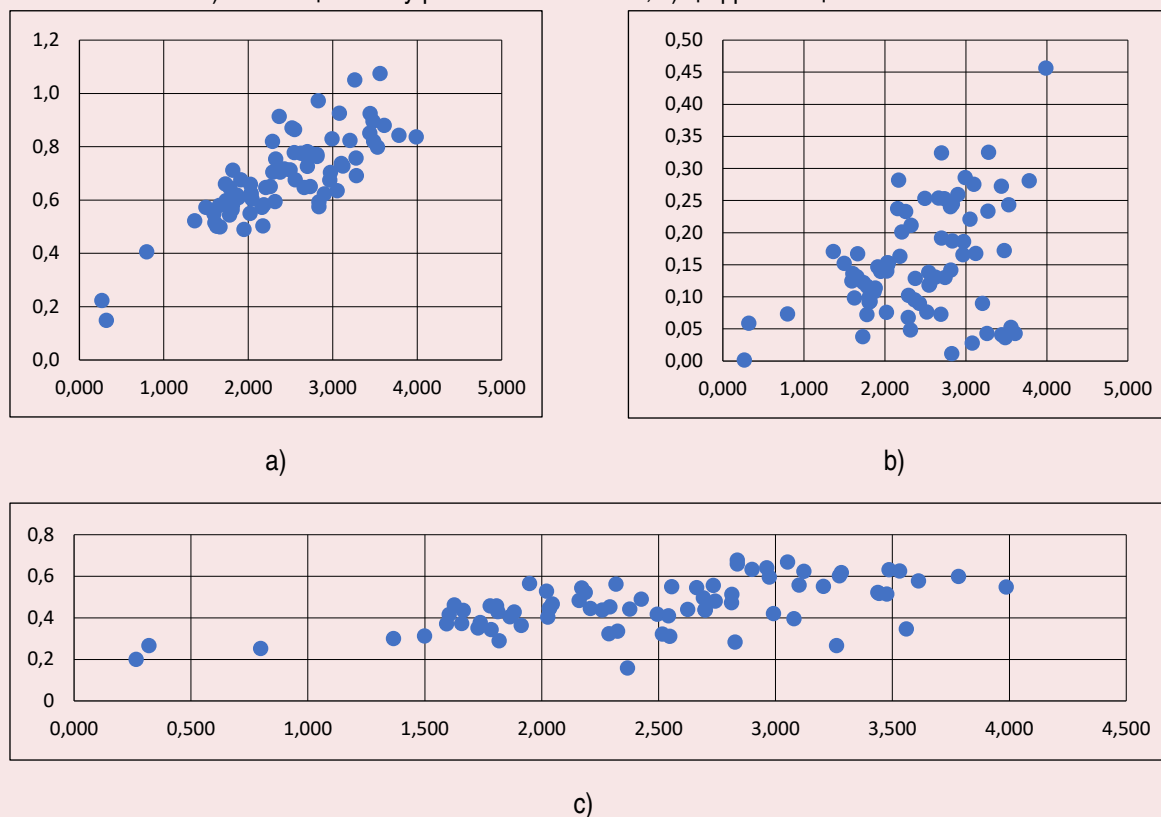
Вначале в исследовании участвовали все регионы, анализируемый период охватывал 2010–2017 гг. Однако затем авторы были вынуждены отсеять часть территорий из-за отсутствия данных по ряду оцениваемых показателей, что определило участие в итоговом анализе лишь 79 из 85 территорий. Далее из исследования были исключены г. Москва, Московская область и г. Санкт-Петербург по причине очевидных максимальных параметров, которые были зафиксированы за ними при оценке предрасположенности.

Полученные оценочные значения регионов представлены на рисунке 3, где по оси X расположены значения показателя $IQ_{region\_company}$, а по Y — соответствующие предрасположенности: к организационной амбидекстрии, к дальнейшему инновационному развитию и дальнейшей цифровизации компаний.

Наибольшее отставание показали Республика Тыва, Забайкальский край, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ. Впоследствии эти регионы были признаны самыми высокорискованными для создания «умных» компаний. Также необходимо отметить, что большинство оставшихся субъектов РФ (72%) обладают значением потенциала к организационной амбидекстрии выше среднего в рассматриваемом диапазоне оценок [0,5; 0,8] при максимально возможном в 1,2 (см. рис. 3(a)). По сравнению с другими показателями предрасположенность к организационной амбидекстрии имеет наибольшее значение, свидетельствуя о необходимости дальнейших мер, направленных на поддержку здоровья, образования и повышение уровня доходов населения в целом.

По показателю, характеризующему предрасположенность регионов к становлению инновационных компаний, около 78% исследуе-

Рис. 3. Предрасположенность регионов РФ к: а) организационной амбидекстрии; б) инновационному развитию компаний; в) цифровизации компаний

Источник: составлено авторами.

мых регионов имеют средние значения в диапазоне $[0,05; 0,25]$ и сложные условия для активизации инновационной деятельности бизнеса (см. рис. 3(b)). Это говорит о важности реализации стратегии научно-технологического развития регионов и усилении соответствующих мер поддержки.

По показателю предрасположенности к становлению смарт-компаний около 35% исследуемых регионов имеют склонность к цифровой трансформации общества, значения показателя лежат в среднем диапазоне $[0,4; 0,5]$, при этом фиксируются выше отметки, характеризующей инновационность компаний (см. рис. 3(c)). Следовательно, наблюдаются первые результаты реализации Государственной программы

«Цифровая экономика Российской Федерации» и усиления соответствующих мер поддержки.

2. *Определяем типологию и ранжируем регионы по критерию «предрасположенность к появлению „умных“ компаний».*

По показателю $IQ_{region\_company}$ была построена типология регионов (табл. 2). Из 76 субъектов 14,47% – регионы, имеющие максимально благоприятные условия, а также опыт поддержки возникновения «умных» компаний; 34,21% – регионы с благоприятными условиями для появления «умных» компаний, в которых такие организации зарождаются; 42,1% – регионы, которые можно рассматривать как устойчивые площадки для возникновения «умных» компаний, однако в которых пока только консор-

Таблица 2. Типология регионов по предрасположенности к возникновению на их территории «умных» компаний

	Критерий типологии	Регионы
5	Регионы, имеющие максимально благоприятные условия для возникновения «умных» компаний, в которых уже присутствуют аналогичные организации: $IQ_{\text{region\_company}} \in [3,21; 4]$	Калининградская область, Ставропольский край, Республика Татарстан, Нижегородская область, Самарская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский авт. округ – Югра, Ямало-Ненецкий авт. округ, Новосибирская область, Томская область, Хабаровский край
4	Регионы с благоприятными условиями для возникновения «умных» компаний, в которых такие компании зарождаются: $IQ_{\text{region\_company}} \in [2,41; 3,2]$	Белгородская область, Владимирская область, Воронежская область, Калужская область, Орловская область, Рязанская область, Тульская область, Ярославская область, Ленинградская область, Мурманская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Пензенская область, Саратовская область, Ульяновская область, Свердловская область, Челябинская область, Приморский край
3	Регионы, которые можно рассматривать как устойчивые площадки для возникновения «умных» компаний, однако в которых пока только консолидируются инновационные, цифровые и социальные силы: $IQ_{\text{region\_company}} \in [1,61; 2,4]$	Брянская область, Ивановская область, Костромская область, Курская область, Липецкая область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Ненецкий авт. округ, Вологодская область, Новгородская область, Псковская область, Краснодарский край, Республика Дагестан, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Пермский край, Курганская область, Республика Алтай, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область, Омская область, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область
2	Регионы, в которых не рекомендуется создавать «умные» компании, так как нет условий для их функционирования, наблюдается высокий риск ведения аналогично организованного бизнеса: $IQ_{\text{region\_company}} \in [0,81; 1,6]$	Кировская область, Оренбургская область, Алтайский край
1	Регионы, в которых не рекомендуется создавать «умные» компании, а предлагается развивать диверсификацию экономики и поддерживать малое предпринимательство: $IQ_{\text{region\_company}} \in [0; 0,8]$	Республика Тыва, Забайкальский край, Еврейская авт. область, Чукотский авт. округ
Источник: составлено авторами.		

лидируются инновационные, цифровые и социальные силы; 3,95% – регионы с высоким риском успешности создания и функционирования «умных» компаний; 5,26% – регионы, в которых не рекомендуется создавать «умные» компании, а предлагается развивать диверсификацию экономики и поддерживать малое предпринимательство.

Двадцать субъектов РФ, характеризующихся наибольшей предрасположенностью к появлению «умных» компаний, представлены на рисунке 4.

3. *Выявление регионов с максимальной ориентированностью на поддержку и экспансию «умных» компаний.*

Итак, в рамках полученной типологии интерес вызывает предрасположенность индустриально развитых регионов. Так, 65% промышленных региональных лидеров имеют высокую склонность к генерированию «умных» компаний (табл. 3). Получаем, что это территории-лидеры не только в занимаемой ими доле в общероссийской величине отгрузки промышленной продукции, но и в цифровом тренде экономического и общественного развития. Их можно считать основными полюсами цифровизации.

Можно отметить еще один примечательный факт: лидирующие позиции заняли почти все территории Уральского федерального округа, за исключением Курганской области. Это, в свою очередь, может служить основанием для государственной поддержки формирования кластера «умных» компаний в регионе.

Так как регионы УрФО обозначены нами в качестве территорий с благоприятными условиями для возникновения «умных» компаний, то интересно увидеть их отрыв от г. Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области, которые были исключены из анализа в связи с безусловным лидерством по искомому показателю. Отставание субъектов УрФО составляет 1–19% за весь исследуемый период, при этом занимаемые позиции в типологии стабильны, что позволяет считать их устойчивым базисом для «умных» компаний, однако актуализирует первоочередность мер их поддержки из-за асимметричного цифрового развития. Такая поддержка должна реализовываться прежде всего за счет «умного» взаимодействия органов государственной власти с институтами гражданского общества, наукой, бизнес-сообществом при реализации программ инновационного, научно-технологического и цифрового

Рис. 4. Рейтинг регионов с наибольшей предрасположенностью к появлению «умных» компаний

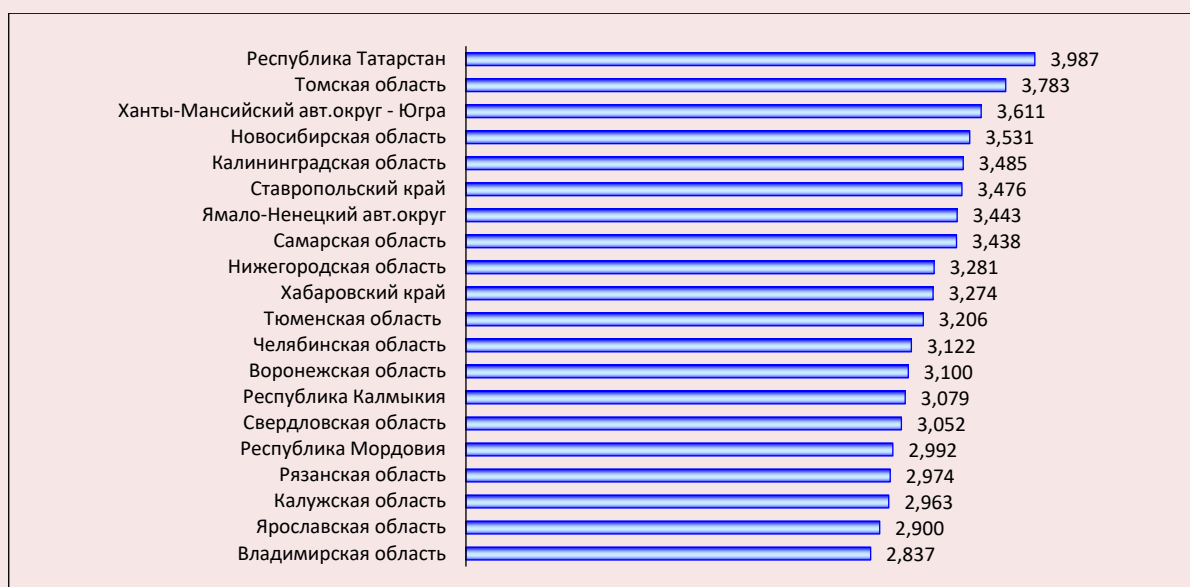

Таблица 3. Предрасположенность регионов – индустриальных лидеров к возникновению «умных» компаний

УрФО и регионы-лидеры	Ю _{регион, отрасль}										Типология регионов									
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017				
Ленинградская область	2,938	2,652	2,624	2,859	2,371	1,603	3,108	2,291	(4)	(4)	(4)	(4)	(3)	(3)	(4)	(3)				
Краснодарский край	2,533	2,612	2,319	2,317	2,120	1,886	2,632	2,591	(4)	(4)	(3)	(3)	(3)	(3)	(4)	(4)				
Ростовская область	2,857	2,851	2,798	3,126	3,164	2,779	2,571	2,357	(4)	(4)	(4)	(4)	(4)	(4)	(4)	(3)				
Республика Башкортостан	2,179	2,139	2,145	2,296	2,169	1,808	2,239	2,306	(3)	(3)	(3)	(3)	(3)	(3)	(3)	(3)				
Республика Татарстан	3,220	3,860	3,797	4,204	3,938	3,748	4,608	4,524	(5)	(5)	(5)	(5)	(5)	(5)	(5)	(5)				
Пермский край	2,179	2,258	1,929	2,681	1,923	1,994	2,292	2,114	(3)	(3)	(3)	(4)	(3)	(3)	(3)	(3)				
Нижегородская область	3,011	3,095	3,002	3,338	3,359	3,704	3,576	3,165	(4)	(4)	(4)	(5)	(5)	(5)	(5)	(4)				
Самарская область	3,925	4,003	3,657	3,131	2,943	3,045	3,438	3,365	(5)	(5)	(5)	(4)	(4)	(4)	(5)	(5)				
Курганская область	1,843	2,037	1,824	2,121	1,696	1,540	1,534	1,309	(3)	(3)	(3)	(3)	(3)	(2)	(2)	(2)				
Свердловская область	2,634	3,018	2,655	3,106	3,323	3,079	3,386	3,215	(4)	(4)	(4)	(4)	(5)	(4)	(5)	(5)				
Тюменская область	3,077	3,186	2,971	3,129	3,418	3,126	3,641	3,097	(4)	(4)	(4)	(4)	(5)	(4)	(5)	(4)				
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	3,717	3,701	3,444	3,217	3,928	3,594	3,953	3,335	(5)	(5)	(5)	(5)	(5)	(5)	(5)	(5)				
Ямало-Ненецкий авт. округ	3,259	3,228	3,344	3,766	3,874	2,945	3,748	3,379	(5)	(5)	(5)	(5)	(5)	(4)	(5)	(5)				
Челябинская область	2,970	3,049	3,073	3,141	3,382	2,979	3,501	2,881	(4)	(4)	(4)	(4)	(5)	(4)	(5)	(4)				
Красноярский край	1,901	2,052	1,961	2,123	2,236	1,968	2,317	1,712	(3)	(3)	(3)	(3)	(3)	(3)	(3)	(3)				
Иркутская область	1,852	1,837	1,915	1,849	1,956	1,485	1,959	1,605	(3)	(3)	(3)	(3)	(3)	(2)	(3)	(3)				
Кемеровская область	1,959	2,104	1,788	2,433	2,268	1,787	1,970	1,852	(3)	(3)	(3)	(4)	(3)	(3)	(3)	(3)				
Омская область	2,481	2,313	2,181	2,239	2,055	1,522	1,905	1,566	(4)	(3)	(3)	(3)	(3)	(2)	(3)	(2)				

Источник: составлено авторами.

развития, в которых необходимо максимально учитывать географические, экономические, социокультурные, экологические и иные особенности муниципальных образований и ориентироваться на удовлетворение интересов местного населения и бизнеса. Важными мерами также служат развитие межрегионального и международного сотрудничества в области реализации проектов «умный город» и «умный регион», направленных на поддержку новых и молодых компаний ИТ-сферы. В рамках федеральной программы «Развитие научной и научно-производственной кооперации» рекомендуем продолжить создание научно-образовательных центров, стимулирующих развитие экономики знаний.

Дальнейшее комплексное решение задачи, связанной с повышением предрасположенности регионов к экспансии «умных» компаний, мы видим в формировании и запуске траекторий развития основных элементов 3D-модели «умной» компании. Так, в качестве приоритетных задач траектории «умный» персонал должны выступать привитие навыков здорового образа жизни, обеспечение доступности дополнительного образования, позволяющего непрерывно учиться всю жизнь, привлечение кадров в сферу разработки передовых технологий. Траектория «умные» инновации и решения должна обеспечивать развитие «умного» управления, в том числе включающего реализацию концепции «управление талантами» на каждом российском предприятии, и концентрацию в вузах центров пространства инноваций, применение цифровых технологий, позволяющих балансировать загруженность персонала, повышать производительность и улучшать качества офлайн и онлайн-обслуживания коллег и клиентов компаний. С помощью траектории «ум-

ная» среда должны решаться задачи создания устойчивой и современной цифровой образовательной среды, обеспечения поддержки малого и среднего предпринимательства и наукоемкого бизнеса во всех регионах.

Предлагаемая триада траекторий будет не только улучшать условия экспансии «умных» компаний, но и укреплять их региональную 3D-модель.

Заключение

В рамках статьи предложена авторская 3D-модель, содержательно раскрывающая основные элементы «умной» компании на региональном уровне исследований. Такое понимание позволило авторам разработать методический подход и инструментарий оценки предрасположенности российских регионов к появлению и экспансии этих организаций. Применение авторских разработок способствовало типологизации регионов, выявляющей пять групп территорий с разными условиями для возникновения «умных» компаний, подчеркивающими специфику их функционирования. Рейтингование субъектов РФ по искомому показателю дает возможность своевременно предпринимать меры по стимулированию цифрового развития индустриально развитых территорий и выявлять устойчивый базис для экспансии «умных» компаний.

Авторский инструментарий имеет практическую значимость для органов власти и бизнеса, участвующих в разработке региональных стратегий и программ по развитию передовых производственных технологий, ориентированных на создание комфортных условий, определяющих появление и успешное существование компаний-амбидекстров, инновационных предприятий и смарт-компаний в регионах России.

Литература

1. Urena Y.C., Quinones E., Carruyo N. Intellectual capital: Strategic model for quality of service in intelligent organizations. *Orbis*, 2016, vol. 12 (35), pp. 3–17.
2. Schwaninger M. Governance for intelligent organizations: A cybernetic contribution. *Kybernetes*, 2019, vol. 48 (1), pp. 35–57. DOI: 10.1108/k-01-2018-0019
3. Gajowiak M. *High-Tech SMEs in the Concept of Intelligent Organizations: The Reconstruction of the Approach in the Light of Empirical Research*. 2016.
4. Hiniesta F.R. Study on intelligent organizations in Andalusia. *Revista Fuentes*, 2016, vol. 18 (1), pp. 15–32. DOI: 10.12795/revistafuentes.2016.18.1.01

5. Adamczewski P. Knowledge management of intelligent organizations in turbulent environment. In: Omazic M.A., Roska V., Grobelna A. (Eds.) *Economic and Social Development*, 2018, pp. 413–422.
6. Кондратенко Ю.Н. «Умное» предприятие в промышленности региона: понятие и перспективы // Урал – XXI век: регион инновационного развития (материалы II Междунар. науч.-практ. конф). 2017. С. 158–164.
7. Княгинин В.Н. «Умные» среды, «умные» системы, «умные» производства: Промышленный и технологический форсайт Российской Федерации на долгосрочную перспективу. CSR North-West. 2013.
8. Капустина Л.М., Кондратенко Ю.Н. К вопросу о понятии «умного предприятия» в цифровой экономике // Вопросы управления. 2020. № 4 (65). DOI: 10.22394/2304-3369-2020-4-33-43
9. Filos E., Helmrath C., Riemenschneider R. «Smart factories» with next Generation of Production Systems. 2011. Available at: http://ec.europa.eu/research/industrial_technologies/pdf/conference2011/fof-1-5-rolf-riemenschneider-christoph-helm-rath-11072011_en.pdf (accessed: 22.12.2020).
10. Espinoza M.P.G., Secaira J.I.M., Roca F.F.L. Knowledge management for the development of intelligent organizations. *Revista Publicando*, 2016, vol. 3 (9), pp. 662–675.
11. Cruz Y.R. Strategic conception of the information and knowledge management for intelligent organizations. *Bibliotecas-Anales De Investigacion*, 2016, vol. 12 (2), pp. 165–181.
12. Bergstein B. From intelligent systems to intelligent organizations. *Research-Technology Management*, 2019, vol. 62 (3), pp. 31–37. DOI: 10.1080/08956308.2019.1587300
13. Anastasi A. Intelligence as a quality of behavior. *What is Intelligence*, 1986, pp. 19–21.
14. Sternberg R.J., Salter W. Conceptions of intelligence. *Handbook of Human Intelligence*, 1982, vol. 1, pp. 3–28.
15. Detterman D.K., Sternberg R.J. (Eds.) *How and how much can Intelligence be Increased*. Praeger, 1982.
16. Wilensky H.L. *Organizational Intelligence: Knowledge and Policy in Government and Industry*. 2015, vol. 19. Quid Pro Books.
17. March J.G., Olsen J.P. *Ambiguity and Choice in Organizations*. Universitetsforlaget, 1979.
18. Quinn J.B. *Intelligent Enterprise: A Knowledge and Service Based Paradigm for Industr.* Simon and Schuster, 1992.
19. Quinn J.B., Anderson P., Finkelstein S. Leveraging intellect. *Academy of Management Perspectives*, 1996, vol. 10 (3), pp. 7–27.
20. Haeckel S.H., Nolan R.A. Managing by wire. *Harvard Business Review*, 1993, vol. 71 (5), pp. 122–132.
21. Liang T.Y. Nurturing intelligent human systems: The nonlinear perspective of the human minds. *Human Systems Management*, 2001, vol. 20 (4), pp. 281–289.
22. Liang T.Y. The inherent structure and dynamic of intelligent human organizations. *Human Systems Management*, 2002, vol. 21 (1), pp. 9–19.
23. McMaster M.D. *The Intelligence Advantage: Organizing for Complexity*. Boston: Butterworth-Heinemann, 1996.
24. Glynn M.A. Innovative genius: A framework for relating individual and organizational intelligences to innovation. *Academy of Management Review*, 1996, vol. 21 (4), pp. 1081–1111.
25. Halal W.E. Organizational intelligence: What is it and how can managers use it to improve performance? *Knowledge Management Review*, 1997, vol. 1 (1), pp. 20–25.
26. Liebowitz J. *Building Organizational Intelligence: A Knowledge Management Primer*. CRC press, 1999.
27. Bollinger A.S., Smith R.D. Managing organizational knowledge as a strategic asset. *Journal of Knowledge Management*, 2001, vol. 5 (1), pp. 8–18. DOI: <https://doi.org/10.1108/13673270110384365>
28. Гусейнова Т.Н. Модели производства инноваций // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-proizvodstva-innovatsiy> (дата обращения 22.12.2020).
29. Simsek Z., Heavey C., Veiga J.F., Souder D. A typology for aligning organizational ambidexterity's conceptualizations, antecedents, and outcomes. *Journal of Management Studies*, 2009, vol. 46 (5), pp. 864–894.
30. Иванова Е.В. Технология и её роль в эволюционном развитии общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 9 (147). С. 42–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-i-eyo-rol-v-evolyutsionnom-razviti-obschestva> (дата обращения 22.12.2020).
31. Мясникова Л. Смена парадигмы. Новый глобальный проект // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 6. С. 3–14.

Сведения об авторах

Александр Александрович Чурсин – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, научный руководитель, Центр управления отраслями промышленности экономического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: chursin-aa@rudn.ru)

Александр Викторович Юдин – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры, Центр управления отраслями промышленности экономического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: yudinorel@gmail.com)

Полина Юрьевна Грошева – кандидат экономических наук, доцент, старший преподаватель кафедры, Центр управления отраслями промышленности экономического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: p.grosheva@yandex.ru)

Юлия Геннадьевна Мыслякова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: mysliakova.ug@uiec.ru)

Наталья Павловна Неклюдова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: neklyudova.np@uiec.ru)

Chursin A.A., Yudin A.V., Grosheva P.Yu.,
Myslyakova Yu.G., Neklyudova N.P.

Territories' Predisposition Assessment to "Smart" Companies' Location

Abstract. Currently, one of the urgent issues for the Russian economy is to create conditions for the expansion of "smart" companies in the regions on which depend on the society transition to a new type of technological structure, innovative development and the country's competitiveness. The hypothesis of the study is that some regions are more predisposed to the appearance of "smart" companies on their territories, while others do not have the appropriate conditions for developing innovative and digital technologies. To prove this hypothesis, the article reveals the concept of a regional 3D model of a "smart" company and offers a methodology for assessing regions' predisposition to the emergence of such organizations. A special feature of the author's methodology is an integrated indicator which is the result of the synthesis of graphical and analytical evaluation methods. The methodology allows identifying territories with favorable conditions for expansion of organizational ambidexterity, innovative development and companies' digitalization. It was tested in Russia's regions in 2010–2017. As a result, the paper has identified the typology of regions according to five criteria reflecting the predisposition to the emergence of "smart" companies, and has built their rating. The approbation of the author's methodological developments allowed establishing that industrially developed regions can be considered digitalization poles. The work shows that the Ural Federal District acts as a stable basis for the emergence and successful functioning of "smart" companies, as all its entities, except the Kurgan Oblast, fall into the top twenty territories favorable for their development. This pattern is not typical for other federal districts. In conclusion, the authors have determined principal development trajectories of the main elements of the 3D model of a "smart" company at the meso-economic research level in the following areas: "smart" personnel, "smart" environment, "smart" innovations and solutions.

Key words: "smart" company, organizational ambidexterity, innovative company development, companies' digitalization, 3D model of the company, assessment, region's predisposition.

Information about the Authors

Alexander A. Chursin – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Department, Research Supervisor, Industrial Management Center of the Faculty of Economics, RUDN University (6, Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: chursin-aa@rudn.ru)

Aleksandr V. Yudin – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Associate Professor of Department, Industrial Management Center of the Faculty of Economics, RUDN University (6, Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: yudinorel@gmail.com)

Polina Yu. Grosheva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Teacher of department, Industrial Management Center of the Faculty of Economics, RUDN University (6, Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: p.grosheva@yandex.ru)

Yulia G. Myslyakova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: mysliakova.ug@uiec.ru)

Natal'ya P. Neklyudova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: neklyudova.np@uiec.ru)

Статья поступила 28.01.2021.

Условия труда как фактор повышения его производительности в регионах России*

Галина Валентиновна

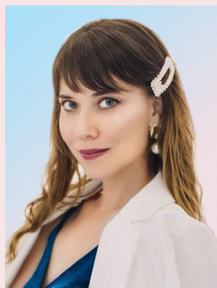
ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: galinaleonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0361-2099; Researcher ID: I-7139-2016

Алена Леонидовна

ИВАНОВСКАЯ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: lelia-iv@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4456-3337; Researcher ID: K-5799-2018

Аннотация. Рост производительности труда зависит от разных факторов: качества трудового потенциала и эффективности его использования, совершенствования организации и условий труда на предприятиях, обновления материально-технической базы предприятий и внедрения современных технологий в реальном секторе экономики и т. д. В рамках данного исследования мы рассматривали воздействие на производительность труда такого фактора, как потери рабочего времени от производственного травматизма. Он тесно увязан с проблемой здоровьесбережения работающего населения, поскольку в России, как фиксирует статистика, наблюда-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 19-310-90047 «Разработка методологических подходов и методического инструментария анализа и оценки качества трудовой жизни занятого населения региона» («Аспиранты»).

Для цитирования: Леонидова Г.В., Ивановская А.Л. Условия труда как фактор повышения его производительности в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 118–134. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.7

For citation: Leonidova G.V., Ivanovskaya A.L. Working conditions as a factor of increasing its productivity in Russia's regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 118–134. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.7

ется сверхсмертность населения в трудоспособном возрасте, вызванная в определенной степени неблагоприятными условиями труда. Цель работы состоит в анализе влияния условий труда на его производительность и оценке потенциальных потерь ВРП от нетрудоспособности работников, получивших травму на производстве. При проведении исследования использовались экономико-статистические методы, методы группировки, сравнения. Информационной базой для анализа послужили данные Федеральной службы государственной статистики и социологического мониторинга по оценке качественных характеристик населения, осуществляемого ФГБУН ВолНИЦ РАН на территории Вологодской области (№ = 1500). В статье дан анализ динамики производительности труда в регионах Северо-Западного федерального округа за 2005–2018 гг., определены доли регионов СЗФО в суммарной производительности труда округа, оценено влияние здоровья занятого населения на производительность труда как на основе социологических данных, так и посредством группировки регионов по производительности труда и оценки уровня постоянного нервного напряжения, стрессов, воздействия производственных факторов и других неудобств рабочих мест. Рассчитаны потери валового регионального продукта от времени нетрудоспособности пострадавших на производстве. Показано, что при наличии даже малого количества дней нетрудоспособности пострадавших на производстве ВРП теряет от 17 до 26%. Практическая значимость исследования заключается в подтверждении гипотезы о влиянии условий труда (базового компонента интегрального показателя качества трудовой жизни) на его производительность, что дает основание при разработке управленческих решений уделять особое внимание качеству рабочих мест.

Ключевые слова: производительность труда, условия труда, качество трудовой жизни, занятое население, травматизм на производстве, дни нетрудоспособности.

Введение

Одной из национальных целей в современный период развития Российской Федерации назван «достойный и эффективный труд», а одним из целевых показателей, характеризующих ее достижение к 2030 году, «обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности»¹. Достижение достойного и эффективного труда должно быть обеспечено решением задач, касающихся устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции, реального роста инвестиций в основной капитал (не менее 70% по сравнению с 2020 годом), реального роста экспорта несырьевых неэнергетических товаров (также не менее 70%) и увеличением численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства (включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых) до 25 млн человек.

¹ О национальных целях развития России до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 01.03.2021).

Исследователи отмечают при этом ряд факторов, воздействие которых может негативно сказаться на реализации указанной цели:

- снижение численности трудоспособного населения;
- существенные структурные и межрегиональные перекосы в оплате труда, а соответственно и производительности труда;
- дисбаланс спроса и предложения рабочей силы по видам экономической деятельности;
- наличие большой доли неформальной занятости, в том числе теневой [1].

К перечисленным рискам необходимо отнести показатели качества трудовых ресурсов, в первую очередь здоровья трудоспособного населения, от которого напрямую зависит трудовая отдача работников.

Важность вопросов здоровья работников озвучила вице-премьер РФ Т. Голикова на III Форуме социальных инноваций регионов. По ее словам, экономика России потеряла в 2018 году более 200 млрд рублей из-за больничных, а «для развития экономики в первую очередь необходимо создание максимально комфортных условий труда, забота о работниках, их здоровье.

... производительность труда выше в тех коллективах, где сотрудники меньше болеют»².

О важности этого индикатора в ракурсе заболеваний от неблагоприятных условий труда свидетельствует мониторинг Роспотребнадзора о санитарно-эпидемиологическом состоянии. В нем на основе анализа факторов среды обитания показано, что «в условиях наибольшего влияния на здоровье факторов, связанных с характером промышленно-экономического развития территории», в 2019 году проживало население 54 российских регионов (97 млн человек) [2; 3].

Исследование Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по оценке наиболее распространенных факторов профессионального риска говорит о том, что не менее 1,6% бремени болезней в Европе определяется условиями труда³. Проблемы здоровья работников, вызванные неблагоприятными условиями труда, вносят в большинстве стран, по оценкам ВОЗ, значительный вклад в потери ВВП (от 4 до 6%)⁴ [4].

Целью нашего исследования является анализ производительности труда в субъектах Северо-Западного федерального округа РФ, включая расчет потенциальных потерь производительности труда вследствие нетрудоспособности работников, связанной с неблагоприятными условиями труда.

Теоретические аспекты производительности труда и факторов, ее определяющих

В общем виде производительность труда представляет собой отношение объема выпуска продукции к затраченному объему ресурсов труда и рассчитывается для определения эффективности функционирования отдельных предприятий, регионов, отраслей, национальной экономики [5; 6; 7].

² Шабрукова Н. Названы потери российской экономики из-за больничных. URL: <https://gorodrabot.ru/news/104598> (дата обращения 05.03.2021).

³ Глобальные факторы риска для здоровья: смертность и бремя болезней, обусловленные некоторыми основными факторами риска: доклад ВОЗ. 2015. URL: www.who.int/evidence/bod (дата обращения 01.03.2021).

⁴ Потеряева Е.Л. Экспертные подходы к диагностике профессиональных заболеваний: отечественный и зарубежный опыт: презентация доклада. URL: https://iri.oh.ru/doc/events/2018/RNZ-2018/01_Poteriaeva.pdf (дата обращения 01.03.2021).

Теоретические идеи о производительности труда известны еще со времен древнего мира. Однако оформилась теория в трудах классиков политэкономии (А. Смит, Д. Рикардо). Они сформулировали понятие «производительность труда», раскрыли ее роль в экономике, определили основные факторы, влияющие на ее рост. В сущность понятия вкладывалось не только рациональное разделение и распределение труда, но и фактор времени, применение технологий и навыки работников. «Развитие ловкости рабочего обязательно увеличивает количество работы, которое он в состоянии выполнить, а разделение труда, сводя работу каждого рабочего к какой-нибудь простой операции и делая эту операцию единственным занятием всей его жизни, в значительной мере увеличивает ловкость рабочего» [8]. А. Смит выдвинул идею разграничения непроизводительного и производительного труда. Под производительным трудом он понимал труд, занятый в материальном производстве. Критерием, определяющим производительный труд, А. Смит считал способность увеличивать стоимость объекта, то есть производить прибыль.

Идеи А. Смита были развиты в трудовой теории стоимости Д. Рикардо. Он считал, что полезность товара необходима для наличия меновой стоимости, а источниками меновой стоимости товаров являются редкость товара и количество труда, необходимое для его производства [9].

Дальнейшую проработку теории производительности труда осуществили классики марксизма-ленинизма. К. Маркс значительно развил теорию производительности труда положением о прибавочной стоимости: производительным является труд, производящий прибавочную стоимость [10].

Развитие экономической мысли в области труда впоследствии нашло отражение в двух основных направлениях: трудовой теории стоимости и теории факторов производства, начало которой положил Ж.-Б. Сэй. Он обозначил труд как отдельный фактор деятельности человека по приданию ценности (полезности) вещам [11]. Также значительный вклад в науку о труде внесли представители неоклассической экономической теории Дж.Б. Кларк, А. Маршалл.

В отечественной литературе теме производительности труда также уделялось значительное внимание. В работах ученых советского периода превалировал марксистский подход к пониманию производительного труда. Современные отечественные исследователи придерживаются идей, характерных для западной, прежде всего неоклассической, экономической мысли.

Исследованию *факторов, определяющих производительность труда*, посвящено большое число опубликованных работ. Например, широко известен труд американского инженера – рационализатора организации производства Г. Эмерсона «Двенадцать принципов производительности» [12]. Реализация разработанных им принципов позволяет устранить потери в производственной деятельности, привести к повышению эффективности деятельности человека вообще. Это правильные цели труда, здравый смысл в руководстве процессами труда, компетентность и эффективное консультирование по возникающим вопросам в процессе производства и управления, дисциплина и порядок, справедливое и беспристрастное отношение к работникам, оперативный и непрерывный учет, диспетчирование, применение определенных принципов и расписаний, условия работы, при которых результат деятельности будет максимальным, нормирование рабочих операций, стандартные письменные инструкции, касающиеся порядка выполнения различных работ и обязательная награда за производительность. Эти принципы применяются на предприятиях и сегодня. Многие из них легли в основу современных концепций в социально-трудовой сфере, например, научной организации труда (НОТ). Так, Ф. Тейлор предложил и обосновал систему нормирования труда как основу для определения размера оплаты труда работника [13], названную впоследствии «„научной” системой выжимания пота» [14]. Ф. Тейлор доказал, что к росту производительности труда приводит рациональная организация трудового процесса, рабочих мест и трудовых функций.

Принципы Г. Эмерсона в дальнейшем были развиты А. Файолем, который в начале XX века разработал основы рациональной организации производства [15]. В современной науке они созвучны японской концепции «бережливого

производства» [16]. Концепция бережливого производства содержит описание потерь, т. е. действий, потребляющих ресурсы, но не создающих ценности для конечного потребителя: перепроизводство, время (ожидание), ненужная транспортировка, лишние этапы обработки, лишние запасы, ненужные перемещения, выпуск дефектной продукции. Последователи теории добавляют к этому списку потери от нереализованного творческого потенциала работников. Внедрение новых концепций, в том числе и «бережливого производства», должно, по мнению П. Друкера, обеспечивать рост производительности труда на промышленных предприятиях [17; 18]. Необходимо отметить, что в национальном проекте «Производительность труда и поддержка занятости», реализуемом в России с 2019 года, поставлена цель повышения эффективности отечественных компаний с использованием инструментов бережливого производства⁵.

Анализ научной литературы позволяет выделить факторы, способствующие повышению производительности труда. В ряде исследований с помощью математических моделей определено, что повышение производительности труда может быть обусловлено уровнем благосостояния и качества жизни населения и даже количеством технических вузов в регионе [19]. Выделяются также фондовооруженность труда, инвестиции в основной капитал, иностранные инвестиции, количество государственных служащих территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и заработная плата [20].

К увеличению производительности труда ведут, по мнению исследователей, применение более совершенных техники и технологий, улучшение системы организации и управления производством, повышение квалификации работников [21]. Наряду с материальными и финансовыми ресурсами значимую роль в повышении производительности труда играют именно человеческие ресурсы. Экономика вынуждена «считаться с человеком, как активным фактором производственного процесса» [22].

⁵ Национальный проект «Производительность труда». URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_proizvoditelnost_truda/ (дата обращения 11.03.2021).

Повышение интенсивности труда, которая представляет собой количество физических и умственных усилий, прикладываемых занятым населением в процессе трудовой деятельности, также влечет за собой рост производительности труда. При этом интенсивность труда, имея физиологический предел расхода человеческой энергии, требует создания благоприятной рабочей среды, безопасных условий труда, приемлемого уровня тяжести и напряженности трудового процесса, позитивного морально-психологического климата в коллективе и т. п. [23].

Э. Мэйо отмечал, что повышению производительности труда способствует морально-психологический климат в коллективе, который одновременно выступает одним из критериев удовлетворенности трудом [24]. Удовлетворенность трудом, появляющаяся вследствие улучшения условий труда работника, в свою очередь, как показывают исследования Дж. Сигела и Д. Бауэна, влияет на рост производительности труда [25]. В содержательной теории Ф. Герцберга отмечена важность гигиенических факторов, так как плохие условия труда и низкая зарплата ведут к неудовлетворенности человека своей работой⁶. К таким же выводам приходят и отечественные исследователи, говоря о том, что со временем действие этого фактора (удовлетворенности трудом) снижается. Ф.Н. Ильясов объясняет это теснотой связи между проведенными мероприятиями и значимостью изменений в трудовой среде для работника [26]. О влиянии условий труда и оснащения рабочих мест на рост производительности труда свидетельствуют исследования Е.С. Узиковой [27]. Ключевыми факторами роста эффективности труда она называет уровень технологического развития, соответственно, как производства, так и рабочих мест; уровень оплаты труда (мотивационный аспект); структурные сдвиги в экономике и структуре занятости.

Вышесказанное определяет, что одним из факторов роста производительности труда выступает такой интегральный показатель,

⁶ Галаяудинов Р.Р. Содержательные теории мотивации: краткий обзор. URL: <http://galyautdinov.ru/post/soderzhatelnye-teorii-motivacii> (дата обращения 11.03.2021).

как качество трудовой жизни. Он отражает весь комплекс условий трудовой деятельности работника, так или иначе воздействующих на эффективность реализации трудового потенциала занятого населения. В рамках нашего исследования к содержательному наполнению дефиниции «качество трудовой жизни» (КТЖ) относятся: оплата труда, условия труда, возможности для карьерного роста, устойчивость занятости, психологический климат в трудовом коллективе, социальная значимость труда [28]. Среди вышеназванных аспектов ключевым фактором и одновременно наиболее проблемной зоной в оценке КТЖ многие исследователи (как отечественные [29], так и зарубежные [30–34] называют именно условия труда. Отмечается, что «заработная плата хотя и имеет значение, но зачастую на первое место по значимости выходят социальные условия», установлено, что «существует прямая корреляция между определенными комплексами социальных условий организаций и производительностью и качеством труда персонала» [35].

С точки зрения санитарно-гигиенических параметров и социально-психологического их проявления практически во всех концепциях и теориях повышения производительности труда фигурируют условия труда работников. В данном исследовании нас интересуют параметры здоровья работников в связи с неблагоприятными условиями труда, которые имеют негативное влияние на эффективность реализации трудового потенциала. Экономическую оценку здоровья на уровне общества (макроуровень) можно рассматривать посредством оценки недопроизводства ВВП по причине сокращения продолжительности трудовой жизни. На уровне предприятия (микроуровень) — «посредством оценки потерь рабочего времени из-за болезней и травм, дополнительных издержек, связанных с выплатой по больничным листам, издержек, связанных с поиском замены заболевшего работника», и т. д. [36]. По мнению И.Б. Назаровой, например, в основе «идеальной модели самосохранительного поведения занятых» лежат не только здоровый образ жизни и профилактика заболеваний при своевременном обращении к врачу, но и возможность выбора безопасных рабочих мест

или, при отсутствии выбора, рабочих мест с минимизированным влиянием негативных факторов (рисков) [37]. Т.В. Чубарова, анализируя основные формы участия работодателей в охране здоровья работников, особый акцент делает на необходимости взаимодействия работодателей и государства в вопросе, основанном на взаимном интересе в развитии современной экономики [38]. Проблеме детерминированных потерь здоровья экономически активного населения России посвящены работы Н.А. Лебедевой-Несеври [39].

Материалы и методы

Информационной базой исследования послужили документальные источники федеральных и региональных органов власти, данные Федеральной службы государственной статистики, базы данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), а также российского медиахолдинга РБК.

Методологическую основу составили подходы и научные результаты российских и зарубежных авторов по проблеме поиска резервов роста производительности труда.

В исследовании использованы общенаучные и специальные методы. Для изучения региональных особенностей динамики производительности труда и некоторых аспектов качества трудовой жизни применялись методы анализа и диагностики, для оценки текущей ситуации – сравнительный метод.

Расчет производительности труда проведен путем соотношения валового регионального продукта (млн руб.) и среднегодовой численности занятых (тыс. чел.) в экономике региона.

$$Q = \frac{V}{L}, \quad (1)$$

где Q – уровень среднегодовой производительности труда, тыс. руб. / чел.; V – величина валового регионального продукта, млн руб.; L – среднегодовая численность занятых, тыс. чел.

Для оценки влияния здоровья на производительность труда работников использован социологический метод. В статье приведены данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области за 2020 год. Опросы осуществляются в городах Вологде и Череповце и 8 районах Вологодской области с 1996 года. Объем выборки – 1500 респондентов. Методика оценки влияния здоровья на производительность труда заключалась в выделении на основе вопроса «Как часто и тяжело Вы болеете?» (табл. 1) следующих групп:

– условно здоровые работники (позиция ответа: раз в год и реже; никогда);

– часто болеющие работники с потерей трудоспособности, требующей оформления больничного листа (позиция ответа: очень часто, в связи с погодой и т. д.; довольно часто (несколько раз в год));

Таблица 1. Как часто и как тяжело Вы болеете?

Вариант ответа	Очень часто, в связи с погодой и т. д.	Довольно часто (несколько раз в год)	Раз в год и реже	Никогда
Недомогания (головные боли, общая слабость, обострение хронических болезней, травм, ран и т. д.), быстро проходящие под воздействием массажа, лекарств или сами по себе, не снижающие трудоспособности в целом	Часто болеющие работники с потерей трудоспособности, не требующей оформления больничного листа		Условно здоровые	
Недомогания, снижающие возможность нормально работать, однако не требующие больничного листа				
Болезни, приводящие к потере способности работать на производстве, учиться и т. д., но не лишающие возможности заниматься самообслуживанием, делать домашние дела, готовить пищу и т. д.	Часто болеющие работники с потерей трудоспособности, требующей оформления больничного листа			
Болезни, приковывающие к постели, приводящие к полной потере дееспособности, требуется обслуживание со стороны близких или других людей – сиделок и т. д., лечение в санатории				

– часто болеющие работники с потерей трудоспособности, не требующей оформления больничного листа (позиция ответа: очень часто, в связи с погодой и т. д.; довольно часто (несколько раз в год).

В дальнейшем проводилось сопоставление оценочных суждений выделенных групп работников и самооценки их производительности труда на основе среднего балла по 10-балльной шкале.

Также в работе использовались данные по оценке условий труда статистического наблюдения Росстата «Комплексная оценка условий жизни» (исследование 2018 г.; вариант ответа на вопрос об условиях труда: постоянно испытываю на своей основной работе нервное напряжение, стрессы, воздействие вредных производственных факторов, другие неудобства).

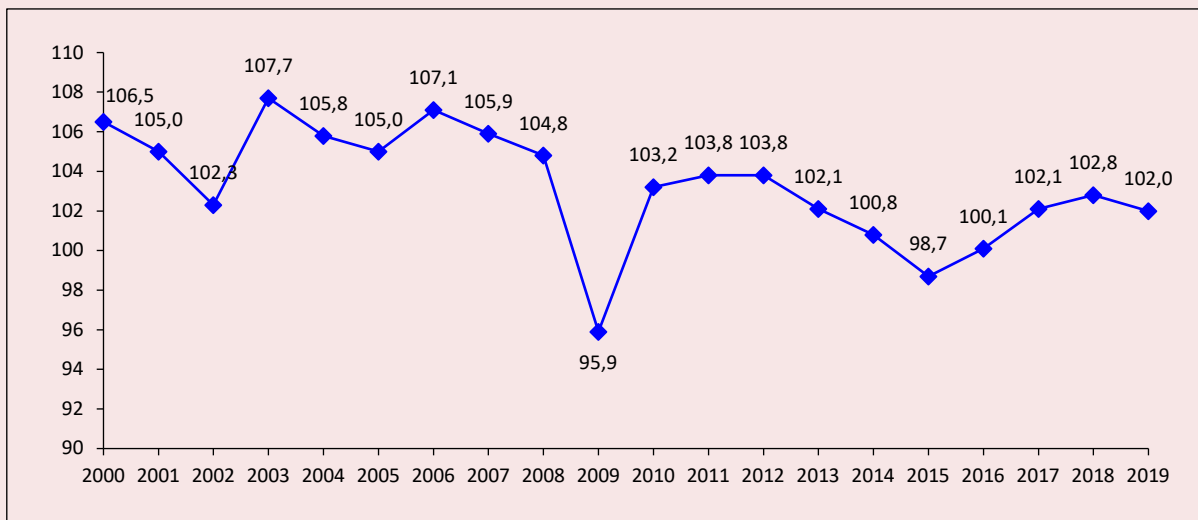
Результаты и обсуждение

Данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) показывают, что производительность труда в России, несмотря на некоторый рост к 2017 году, все еще в разы отстает от уровня развитых стран (\$26,5 в час, при этом у лидера по уровню производительности труда (Ирландии) этот показатель в 3,8 раза больше и составляет порядка \$99 в час⁷).

Согласно данным Росстата, индекс производительности труда в целом по стране за период 2000–2019 гг. снизился с 106,5 до 102,0%. Его значительное снижение в 2009 и 2015 гг. особенно ярко демонстрирует воздействие кризисных явлений в экономике в предшествующие годы (рис. 1).

Однако динамика индекса производительности труда не дает представления об абсолютных показателях производительности труда, поэтому в исследовании показатель среднегодовой производительности труда рассчитан как соотношение валового регионального продукта (млн. руб.) и среднегодовой численности занятых (тыс. чел.). Анализ изменения абсолютных показателей производительности труда, проведенный в субъектах Северо-Западного федерального округа (табл. 2), показал, что на протяжении тринадцати лет (2005–2018 гг.) производительность труда имела тенденцию к росту, как в целом по федеральному округу, так и на уровне отдельных его регионов. За анализируемый период производительность труда увеличилась в среднем в 1,6 раза. В большинстве регионов (Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Калининградская область, Ленинградская область, Псковская

Рис. 1. Динамика индекса производительности труда в РФ, % к предыдущему году

Источник: данные Росстата.

⁷ Россия отстала в 3,8 раза от Ирландии по производительности труда: данные РБК. 2019. URL: www.rbc.ru/economics/05/02/2019/5c5872889a794725eb8d815e (дата обращения 08.04.2020).

Таблица 2. Динамика среднегодовой производительности труда в субъектах СЗФО в 2005–2018 гг., тыс. руб. / чел. в год. (в сопоставимых ценах)

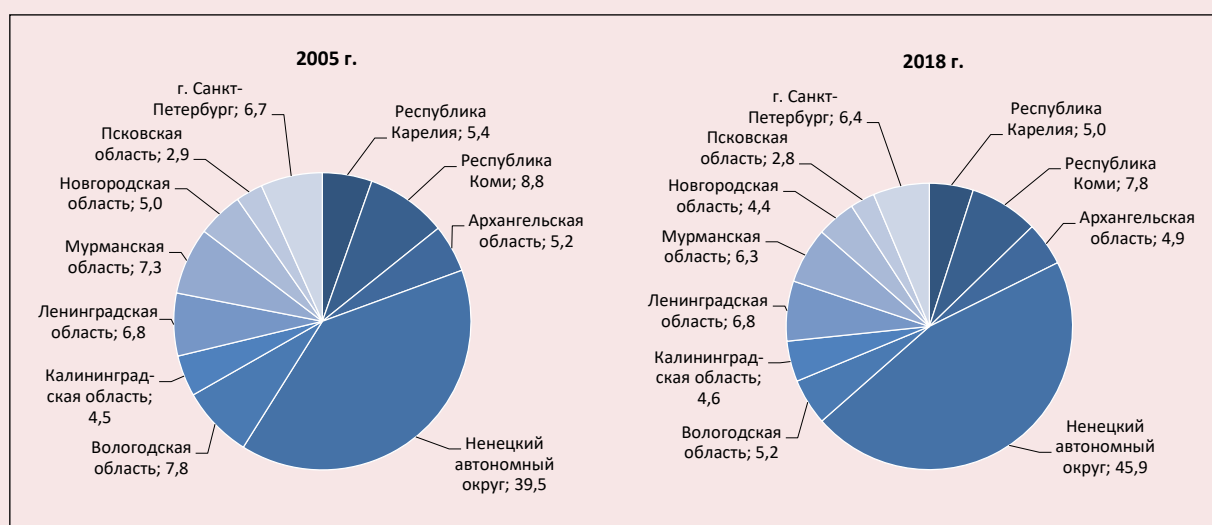
Субъект РФ	2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2018 г. к 2005 г., раз
Северо-Западный федеральный округ	267,1	299,4	346,4	334,4	360,6	369,2	386,8	428,2	1,60
Республика Карелия	221,0	214,6	277,1	271,7	272,6	282,8	318,6	349,0	1,58
Республика Коми	360,7	414,2	479,4	446,8	440,8	449,9	485,5	547,5	1,52
Архангельская область	212,1	231,1	281,0	277,3	278,5	286,7	316,1	346,6	1,63
Ненецкий автономный округ	1614,4	2484,2	2381,4	2308,5	2491,4	2659,7	2929,6	3227,5	2,00
Вологодская область	320,2	238,6	284,4	287,8	315,6	297,1	325,8	369,5	1,15
Калининградская область	183,2	223,5	265,9	271,0	267,1	280,1	303,0	322,9	1,76
Ленинградская область	278,9	324,0	367,8	343,9	368,4	387,1	423,1	477,1	1,71
Мурманская область	298,0	309,0	347,3	341,8	382,7	394,4	420,4	445,9	1,50
Новгородская область	203,4	223,8	266,1	283,7	286,2	286,8	323,2	309,8	1,52
Псковская область	120,6	155,1	167,5	165,0	167,1	173,2	187,4	195,3	1,62
г. Санкт-Петербург	274,6	318,3	366,2	348,7	390,8	399,5	420,4	447,4	1,63

Источник: расчеты авторов по данным Росстата.

область, г. Санкт-Петербург) рост показателя был несколько выше, чем в среднем по СЗФО. Наибольшее увеличение производительности труда отмечено в Ненецком автономном округе (в 2 раза) и Калининградской области (в 1,76 раза). Наименьший рост показала Вологодская область, в которой показатель производительности труда почти не изменился (прирост составил 15%).

На рисунке 2 представлены доли регионов СЗФО в суммарной производительности труда по округу. Здесь значительна доля Ненецкого автономного округа (39,5% в 2005 г. и 45,9% в 2018 г.). Это объясняется тем, что для него характерна моноотраслевая экономика с высокой долей добычи нефтегазовых ресурсов при относительно небольшой численности занятого населения (31,8 тыс. чел. в 2018 г.).

Рис. 2. Доля регионов в суммарном объеме производительности труда в Северо-Западном федеральном округе в 2005 и 2018 гг., %

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Также в 2018 году отмечена существенная доля Республики Коми (7,8%), Ленинградской области (6,8%), г. Санкт-Петербурга (6,4%) и Мурманской области (6,3%) в суммарной производительности труда округа. Вместе с тем высокий уровень производительности труда в Республике Коми и Мурманской области обеспечен эффектами добывающих отраслей (в Коми в структуре экономики преобладает добыча углеводородного сырья, в Мурманской области – добыча металлических руд и неметаллических полезных ископаемых, а также большой объем рыбной отрасли). Санкт-Петербург и Ленинградская область отличаются диверсифицированной структурой экономики, где одной из ведущих отраслей выступают обрабатывающие производства, машиностроение. Самая низкая доля в общем объеме приходится на Псковскую область (2,8%). Доля Вологодской области составила в 2018 году 5,2%, что обеспечено преобладанием в структуре ее экономики обрабатывающих отраслей промышленности (металлургическое производство, производство химических веществ и химических продуктов, обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, производство готовых металлических изделий, производство пищевых продуктов).

Можно предположить, что на производительность труда значительное влияние оказывает отраслевая структура экономики регионов [42]. Однако, будучи во многом определяющим, она не является единственным фактором, объясняющим различия в уровнях производительности труда в субъектах РФ.

Как было сказано выше, качество трудовой жизни, в частности основной его компо-

нент – условия труда, от которых зависит здоровье работающих и их трудоспособность, может воздействовать на уровень производительности труда в регионе. Для подтверждения этой гипотезы были использованы данные социологического мониторинга качества трудового потенциала населения, осуществляемого Вологодским научным центром РАН на территории Вологодской области с 1996 года.

Для того чтобы оценить влияние здоровья на производительность труда, нами выделены, как было указано выше, группы работников по частоте и тяжести заболеваний (условно здоровые, болеющие с потерей трудоспособности и без потери трудоспособности). Проведенные расчеты показали, что наиболее высокий уровень самооценки производительности труда характерен для группы условно здоровых работников (табл. 3), причем по сравнению с данными 2011 г. оценочные суждения существенно выросли.

Хотя, на первый взгляд, различия в оценках производительности труда между выделенными группами небольшие, все же предположим, что часто болеющие работники с потерей трудоспособности вынуждены усиленно и напряженно наверстывать упущенное, бороться за сохранение рабочего места и т. п. Это определяет их напряженный труд и, соответственно, достаточно высокую самооценку. Вместе с тем данные красноречиво свидетельствуют в пользу того, что здоровые работники более эффективно используют свой трудовой потенциал.

Чаще всего проблемы, связанные с производительностью труда, возникают из-за плохого самочувствия работников (табл. 4). При этом наибольшие проблемы отмечала пять лет

Таблица 3. Самооценка производительности труда (на примере Вологодской области), средний балл по 10-балльной шкале

Показатель	2011 г.			2020 г.		
	Условно здоровые	Часто болеющие		Условно здоровые	Часто болеющие	
		С потерей трудоспособности	Без потери трудоспособности		С потерей трудоспособности	Без потери трудоспособности
Численность категории в выборке, чел. (%)	593 (39,5)	897 (59,8)	344 (22,9)	510 (34,0)	984 (65,6)	374 (24,9)
Средний балл	7,2	7,1	7,2	8,5	8,3	8,4
Источник: данные мониторинга «Качество трудового потенциала населения Вологодской области», 2011–2020 гг.						

Таблица 4. Динамика суждений трудоспособного населения Вологодской области о барьерах в реализации трудового потенциала, %

Вариант ответа	2016 г.			2020 г.		
	Условно здоровые	Часто болеющие		Условно здоровые*	Часто болеющие	
		С потерей трудоспособности	Без потери трудоспособности		С потерей трудоспособности	Без потери трудоспособности
Неблагоприятные условия труда	8,4	7,8	7,4	7,5	10,2	6,8
Неудобный график работы	7,8	10,2	9,1	6,4	8,8	6,8
Напряженная атмосфера в коллективе	4,3	6,0	6,5	5,9	5,7	4,8
Проблемы со здоровьем	4,3	16,2	21,2	5,1	15,4	12,7
Невозможность влиять на управление предприятием	7,6	8,4	9,1	4,8	7,2	7,5
Низкая интенсивность труда	5,3	4,7	3,5	4,6	1,9	1,4
Плохие отношения с руководством	1,4	3,1	3,0	2,1	3,3	3,4
Другое	3,5	2,1	2,2	0,5	0,9	1,0
Затрудняюсь ответить	37,1	30,7	26,8	43,2	35,9	40,8

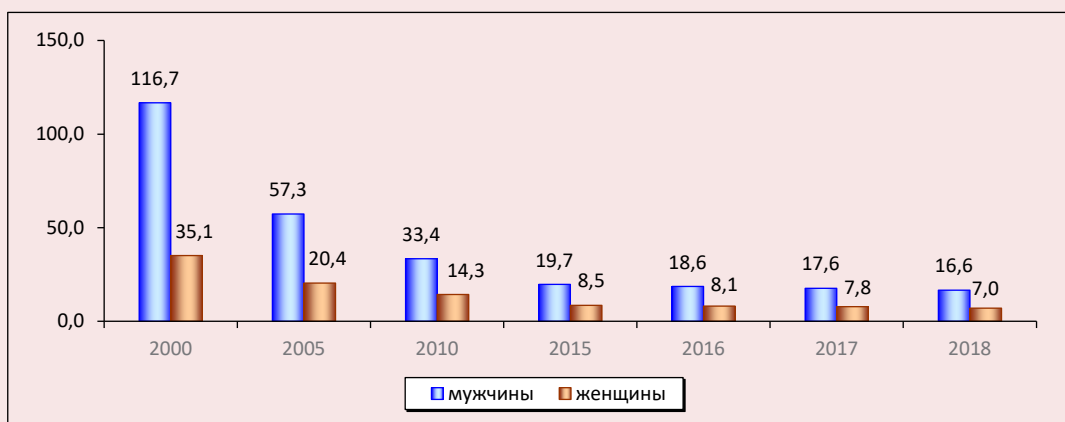
* Ранжировано по столбцу «условно здоровые» 2020 г.
Источник: данные мониторинга «Качество трудового потенциала населения Вологодской области», 2016–2020 гг.

назад группа часто болеющих работников без потери трудоспособности, т. е. без оформления больничного листа (21%), в 2020 году на помехи, связанные со здоровьем, указывала группа работников, которые часто берут больничный лист (15%). Необходимо отметить, что здоровые работники в качестве барьера эффективной реализации трудового потенциала чаще называют фактор «неблагоприятных условий труда» (8,4% в 2016 г., 7,5% в 2020 г.).

Одним из показателей, отражающих неблагоприятные условия труда как основного компонента качества трудовой жизни, выступает доля пострадавших при несчастных случаях на производстве, а также число человеко-дней их нетрудоспособности.

Как показано на рисунке 3, наибольшей травмоопасностью характеризуются мужские виды экономической деятельности. В начале 2000-х гг. число пострадавших на производ-

Рис. 3. Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве в РФ, тыс. чел.

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru

стве мужчин превышало соответствующий показатель среди женщин более чем в три раза. Необходимо заметить, что динамика численности пострадавших на производстве работников имеет положительный тренд. К 2018 году число мужских травм сократилось в 10 раз (до 16,6 тыс. чел.), число женских – в 5 раз (до 7 тыс. чел.).

Общее число человеко-дней нетрудоспособности у пострадавших на производстве снизилось с 2000 года более чем в 3,5 раза. Однако этот показатель в расчете на 1 пострадавшего вырос более чем в 1,5 раза (рис. 4).

Согласно результатам Комплексного наблюдения условий жизни населения (Росстат), регионы характеризуются разным уровнем восприятия работниками присутствия на рабочем месте ситуаций нервного напряжения, стрессов, неблагоприятного воздействия производственных факторов и других неудобств. Так, в 2018 году 19,5% занятых в РФ постоянно испытывали на работе нервное напряжение и стрессы, 18,6% – воздействие вредных производственных факторов, а 11,4% респондентов указали на постоянное наличие таких неудобств, как холод, сырость и др. С учетом того что регионы дифференцированы и по уровню производительности труда (например, разница

между Республикой Коми и Псковской областью составляет 2,8 раза), возникает вопрос о взаимосвязи производительности труда и оценок уровня постоянного нервного напряжения, стрессов, воздействия производственных факторов и других неудобств.

Для ответа на данный вопрос проведем группировку регионов СЗФО по указанным признакам. Для этого определим оптимальное количество групп с помощью формулы Стерджесса:

$$n = 1 + 3,322 \lg N, \quad (2)$$

где n – число групп; N – численность единиц совокупности.

Северо-Западный федеральный округ включает 11 регионов ($N = 11$), тогда оптимальное количество групп (n) будет равно 4,4. Так как колебания величины производительности труда невысоки, то мы выделили 4 группы (с низким, средним, выше среднего и высоким уровнями производительности труда и уровнями постоянного воздействия производственных факторов).

Для отнесения региона в ту или иную группу, нами была рассчитана средняя арифметическая по трем признакам, характеризующим условия труда: наличие постоянного нервного

Рис. 4. Число человеко-дней нетрудоспособности у пострадавших на производстве в РФ

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru

напряжения, стресса; воздействие вредных производственных факторов; наличие других неудобств. Согласно полученным результатам, на лидирующих позициях по этому показателю находятся Республика Коми, Архангельская и Вологодская области, занятое население которых, в большей степени, чем в остальных регионах, отмечают неудовлетворительные условия труда.

Сравнив оценочные характеристики рабочих мест и уровень производительности труда в регионах СЗФО (табл. 5), можно увидеть, что наличие рабочих мест, характеризующихся ситуациями нервного напряжения, стрессов, неблагоприятного воздействия производственных факторов и другими неудобствами⁸, оказывают влияние на результат хозяйственной деятельности. Так, при уровне неблагоприятного фона рабочих мест выше среднего Псковская область входит в группу регионов с низким уровнем производительности труда, а Ленинградская область и г. Санкт-Петербург, имея низкий уровень стрессовых и других негативных факторов на рабочих местах, занимают места в группе с уровнем производительности труда выше среднего. То есть в регионах с высоким уровнем неблагоприятных условий труда,

согласно оценкам населения⁹, наблюдается более низкий уровень производительности труда. Следует оговориться, что такие тенденции прослеживаются не по всем регионам (например, при достаточно высоких оценках неблагоприятных условий труда в Ненецком автономном округе производительность труда имеет высокий уровень, что обуславливается моноотраслевой экономикой с высокой долей добывающих отраслей промышленности). Однако мы допускаем, что для более фундаментальных выводов необходимо анализировать большее количество точек обследования (в данном случае мы ограничились одним федеральным округом за один год).

Производственный травматизм напрямую связан с неудовлетворительными условиями и охраной труда. Невнимание к этим факторам приводит к значительным потерям в экономике [15]. Для подтверждения данного предположения рассчитаем возможный ущерб для экономики каждого из субъектов СЗФО от числа человеко-дней нетрудоспособности, т. е. определим, на сколько процентов может снижаться уровень производительности труда при снижении валового регионального продукта вследствие нетрудоспособности занятого населения.

Таблица 5. Матрица влияния неблагоприятных условий труда на уровень производительности труда в регионах Северо-Западного федерального округа

Оценка уровня постоянного нервного напряжения, стрессов, воздействия производственных факторов и других неудобств рабочих мест	Уровень производительности труда в регионах СЗФО			
	Высокий	Выше среднего	Средний	Низкий
Высокий		Республика Коми	Архангельская область Вологодская область	
Выше среднего	Ненецкий АО	Мурманская область		Псковская область
Средний			Республика Карелия Калининградская область	Новгородская область
Низкий		Ленинградская область г. Санкт-Петербург		

Источники: расчеты авторов по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения (Росстат). URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения 19.03.2021); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 242 с.

⁸ Условия труда. Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения 19.03.2021).

⁹ Использована позиция ответов населения «Испытываю на своей работе постоянно нервное напряжение, стрессы, воздействие вредных производственных факторов и другие неудобства (холод, сырость и др.)».

Потери ВРП от дней нетрудоспособности пострадавших на производстве рассчитаем по следующей формуле:

$$P_{\text{врп}} = \frac{\text{ВРП}}{247} \times \text{НТ}, \quad (3)$$

где:

$P_{\text{врп}}$ – потери валового регионального продукта (ВРП);

ВРП – валовый региональный продукт;

247 – количество рабочих дней в 2018 году согласно производственному календарю;

$\frac{\text{ВРП}}{247}$ – среднедневная выработка на одного работника;

НТ – количество дней нетрудоспособности пострадавших на производстве.

Проведенный нами расчет показал, что при наличии даже малого количества дней нетрудоспособности пострадавших на производстве ВРП теряет от 17 до 26% (табл. 6).

Наибольшие потери валового регионального продукта наблюдаются в Псковской области (26,3%). Здесь отмечается наибольшее количество дней нетрудоспособности (65 дн.) пострадавших в отраслях, характеризующихся высоким уровнем травматизма (производства неметаллических минеральных продуктов, маши-

ностроение и металлообработка). При этом в Псковской области не самая высокая доля работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда (35%; табл. 7). Соответственно, в этом регионе требуется обратить внимание на охрану труда.

Самые низкие показатели потерь от травматизма на производстве среди регионов СЗФО наблюдаются в Республике Карелии и Вологодской области (в среднем на 3 процентных пункта ниже, чем по округу).

Таким образом, рост производительности труда можно обеспечить за счет существенного сокращения травматизма на производстве и потерь от нетрудоспособности пострадавших на производстве. Здесь наиболее важно обратить внимание на охрану и безопасность труда, минимизацию стрессов и других неблагоприятных факторов рабочего места, в целом повышение качества трудовой жизни работников. Согласно отчету Wellness Council of America, оздоровительные программы для сотрудников организаций почти на 30% сокращают медицинские расходы и значительно снижают количество прогулов, а каждый доллар, потраченный компанией на оздоровление своих сотрудников, окупается в 24 раза¹⁰. Это тем более важно в условиях существующих демографиче-

Таблица 6. Расчет потерь ВРП в регионах СЗФО в 2018 году

Субъект РФ	Фактический ВРП (в ценах 2018 г.), млн руб.	Среднедневная выработка на 1 работника, млн руб.	Дни нетрудоспособности по причине травматизма на производстве	Потери в ВРП, млн руб.	Доля потерь в ВРП, %	Потенциально возможный ВРП (в ценах 2018 года), млн руб.
Северо-Западный федеральный округ	9015190,0	36498,7	49	1788439,0	19,8	10803629,0
Республика Карелия	280012,4	1133,7	42	47613,4	17,0	327625,8
Республика Коми	665735,7	2695,3	61	164412,5	24,6	830148,2
Архангельская область	514033,4	2081,1	44	91568,7	17,8	605602,1
Ненецкий автономный округ	305213,6	1235,7	50	61784,1	20,2	366997,7
Вологодская область	582630,4	2358,8	42	99070,8	17,0	681701,2
Калининградская область	460854,9	1865,8	58	108216,9	23,5	569071,8
Ленинградская область	1104436,0	4471,4	48	214627,2	19,4	1319063,0
Мурманская область	482547,9	1953,6	45	87913,6	18,2	570461,5
Новгородская область	262008,0	1060,8	47	49855,8	19,0	311863,8
Псковская область	164228,5	664,9	65	43218,0	26,3	207446,5
г. Санкт-Петербург	4193490,5	16977,7	48	814929,1	19,4	5008419,0

Источник: расчеты авторов по данным Росстата.

¹⁰ World Health Statistics 2015. URL: http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2015/en/ (дата обращения 23.03.2021).

Таблица 7. Доля работников организаций сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, % от общей численности работников организаций, без субъектов малого предпринимательства

Регион	Занятые на работах с вредными и (или) опасными условиями труда	
	2017 г.	2018 г.
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>	40,2	41,6
Мурманская область	71,5	67,9
Архангельская область	56,9	62,1
в том числе Ненецкий АО	45,3	47,7
Вологодская область	48,6	48,4
Новгородская область	43,0	46,3
Калининградская область	30,0	39,3
Республика Коми	35,4	35,3
Псковская область	30,6	34,7
Республика Карелия	29,2	27,4
Ленинградская область	26,7	27,0
г. Санкт-Петербург	31,0	22,8

Источник: Труд и занятость в России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 135 с.

ских тенденций, основной из которых является постепенное снижение численности трудоспособного населения. Согласно прогнозу, доля этой группы в общей численности населения сократится с 57% в 2017 году до 53% в 2027 году (или с 83,2 до 78,8 млн чел.). Кроме того, наблюдаются серьезные проблемы ухудшения качественных характеристик населения (здоровья, профессионально-образовательного и квалификационно-интеллектуального потенциала).

Заключение

Решение проблемы, связанной с ростом производительности труда, — важнейшая задача всех российских регионов. Исследование показывает, что она зависит от целого ряда как внешних, так и внутренних факторов. Последние являются управляемыми, а, значит, воздействуя на них, можно влиять на производительность труда [41; 42]. Среди таких управляемых факторов — безопасные условия труда как один из компонентов качества трудовой жизни. В числе последствий отсутствия безопасности условий труда находится производственный травматизм, выражающийся в количестве дней нетрудоспособности у пострадавших на производстве. Анализ показал, что в среднем в субъектах СЗФО при имеющемся уровне травматизма потери ВРП составляют от 17 до 26% от потенциально возможного.

Учитывая задачи национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» (разработка эффективных мер повышения производительности труда, распространение знаний в области повышения производительности труда, стимулирование интереса к повышению производительности труда со стороны предприятий, региональных и федеральных органов власти), внимание руководителей предприятий и органов государственной власти должно быть направлено и на повышение безопасности труда. Необходимо инвестировать в современное оборудование или же технологии (сегодня на российских предприятиях очень высокий износ основных фондов, порядка 48%).

Можно сделать вывод о том, что улучшение условий труда как базового компонента качества трудовой жизни имеет потенциал для повышения производительности труда.

Таким образом, проведенная комплексная оценка влияния условий труда на его производительность позволила получить новое знание об аспектах качества трудовой жизни, рассмотренных в региональном разрезе, и показала необходимость уделять особое внимание качеству рабочих мест при разработке управленческих решений.

Литература

1. Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Экономический блок: науч.-аналит. издание / кол. авторов под науч. рук. чл.-корр. РАН В.А. Ильина, д.э.н. Т.В. Усковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 93 с.
2. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2019 году: государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2020. 299 с.
3. Каткова И.П., Рыбальченко С.И. Преждевременная смертность и ожидаемая продолжительность здоровой жизни населения в контексте задач национального развития России // Народонаселение. 2020. № 4. С. 83–92. DOI: 10.19181/population.2020.23.4.8
4. Короленко А.В., Калачикова О.Н. Детерминанты здоровья работающего населения: условия и характер труда // Здоровье населения и среда обитания. 2020. № 11. С. 22–30. DOI: 10.35627/2219-5238/2020-332-11-22-30
5. Бельчик Т.А. Повышение производительности труда как основной фактор экономического роста // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 2. С. 29–33.
6. Рачек С.В., Мирошник А.В. Производительность труда как основной показатель эффективности трудовой деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=11461> (дата обращения 19.04.2020).
7. Миролюбова Т.В. Производительность труда в регионах России: пространственные аспекты и взаимосвязь с информационными ресурсами // Вестник Пермского университета. 2016. № 3 (30). С. 120–131.
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: АСТ, 2019. 1072 с.
9. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения / пер. с англ. П. Сраффа. М.: Эксмо, 2007. 953 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 26. Ч. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1966. 476 с.
11. Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии // Бастиа Ф. Экономические софизмы. Экономические гармонии / сост., вступ. ст. и коммент. М.К. Бункиной и А. М. Семенова. М.: Дело, 2000. 229 с.
12. Emerson G. *Twelve Principles of Efficiency*. New York: The Engineering Magazine Co, 1913. 449 p.
13. Taylor F.W. *The Principles of Scientific Management*. New York: Harper & Brothers, 1911. 144 с.
14. Ленин В.И. «Научная» система выжимания пота // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1973. Т. 23. С. 18–19.
15. Fayol H. *General and Industrial Management*. Constance Storrs, Pitman: London, 1949. 110 p.
16. Тайити О. Производственная система Тойоты: уходя от массового производства / пер. с англ. А. Грязновой и А. Тягловой. 4-е изд. М.: ИКСИ, 2012. 194 с.
17. Друкер П. Друкер на каждый день. 366 советов по мотивации и управлению временем: пер. с англ. М.: И.Д. Вильямс, 2007. 416 с.
18. Drucker P.F. *The Effective Executive: The Definitive Guide to Getting the Right Things Done (Harper business Essentials)*. Harper Business. 2006. 208 p.
19. Оценка эффективности регионов РФ с учетом интеллектуального капитала, характеристик готовности к инновациям, уровня благосостояния и качества жизни населения / В.Л. Макаров, С.А. Айвазян, М.Ю. Афанасьев, А.Р. Бахтизин, А.М. Нанавян // Экономика региона. 2014. № 4. С. 9–30.
20. Факторы производительности труда в регионе / Т.Н. Аверина, А.Н. Шишкин, Е.Н. Басовская, Л.Е. Басовский // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 1. С. 225–229. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-1.18>.
21. Афанасьев В.С. Великое открытие Карла Маркса: Методологическая роль учения о двойственном характере труда. М.: Мысль, 1980. 76 с.

22. Лаптева Е.В., Остроумов В.В. Н.А. Витке и «Школа человеческих отношений» // Управленческие науки. 2020. № 10 (3). С. 78–85. DOI: <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-3-78-85>
23. Радостева М.В. К вопросу о производительности труда. Научные ведомости. 2018. Т. 45. № 2. С. 268–272.
24. Mayo E. *The Human Problems of an Industrial Civilisation*. Viking Press, New York, 1960. Pp. 180–189.
25. Siegal J.P., Bowen D. Satisfaction and performance: causal relationships and mediating effects. *Journal of Vocational Behavior*, 1971, no. 1, pp. 263–269.
26. Ильясов Ф.Н. Удовлетворенность трудом (анализ структуры, измерение, связь с производственным поведением). Ашхабад: Ылым (Наука), 1988. 100 с.
27. Узякова Е.С. Производительность труда и возможности роста экономики // ЭКО. 2020. № 6. С. 87–110. DOI: [10.30680/ЕСО0131-7652-2020-6-87-110](https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2020-6-87-110)
28. Белехова Г.В. Субъективистский подход к оценке качества трудовой жизни трудоспособного населения региона // Науч. иссл. и разработки. Экономика. 2019. Т. 7. № 6 (42). С. 9–19. DOI: [10.12737/2587-9111-2019-9-19](https://doi.org/10.12737/2587-9111-2019-9-19)
29. Качество трудовой жизни в регионе: вопросы теории и практики управления / О.А. Козлова [и др.]; под общ. ред. О.А. Козловой. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2013. 170 с.
30. Mirvis P.H., Lawler E.E. Accounting for the Quality of Work Life. *Journal of Occupational Behaviour*, 1984, no. 5, pp. 197–212.
31. Roethlisberger F.J., Dickson W.J. *Management and the Worker*. Cambridge: Harvard University Press, 1941. Pp. 615–631.
32. Goode D.A. *Quality of Life, Quality of Work Life. Economics, Industry and Disability: A Look Ahead*, 1989. Pp. 337–349.
33. Stephen A. Quality of work life in small scale industrial units. *Employers and Employees Perspectives*, 2012, no. 28 (2), pp. 262–271.
34. Swamy D.R. Quality of worklife of employees in private technical institutions. *International Journal for Quality Research*, 2013, no. 7 (3), pp. 3–14.
35. Перфильева М.Б. Предпосылки управления качеством трудовой жизни // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 2. С. 116–125.
36. Попова И.В., Котлярова Л.Д., Котлярова О.А. Здоровье работников как фактор производительности труда. Проблемы измерения // Вестник КГУ. 2014. № 6. С. 284–289.
37. Назарова И.Б. Здоровье занятых: причины потерь и возможности сбережения // Управление здравоохранением. 2007. № 20. С. 9–22.
38. Чубарова Т.В. Здоровье работающих как сфера взаимодействия современного государства и работодателей // «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перегрузка»: сборник докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2017) / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2018. Т. 2. С. 577–587.
39. Микросоциальные факторы риска здоровью различных субгрупп экономически активного населения России (на материалах всероссийского опроса) / Н.А. Лебедева-Несевря, С.С. Гордеева, С.С. Соловьев // Актуальные вопросы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на уровне субъекта федерации: мат-лы межрегион. науч.-практ. интернет-конф. / под ред. А.Ю. Поповой, Н.В. Зайцевой. 2017. С. 320–326.
40. Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 166–181. DOI: [10.15838/esc.2019.6.66.9](https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.9)
41. Ильин В.А., Гулин К.А., Ускова Т.В. Стратегические резервы роста производительности труда в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 1 (9). С. 24–38.
42. Проблемы экономического роста территории: монография / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.

Сведения об авторах

Галина Валентиновна Леонидова — кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Алена Леонидовна Ивановская — младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lelia-iv@mail.ru)

Leonidova G.V., Ivanovskaya A.L.

Working Conditions as a Factor of Increasing Its Productivity in Russia's Regions

Abstract. Labor productivity growth depends on various factors: labor potential quality and its use efficiency, improving management and working conditions at enterprises, updating material and technical base of enterprises and introduction of modern technologies in real economic sector, etc. In the study, we considered the impact on labor productivity of such factors as the loss of working time from industrial injuries. It is closely linked to the health-saving problem of working population, as in Russia, according to the statistics there is a super-mortality of working-age population, caused to a certain extent by unfavorable working conditions. The purpose of the study is to analyze the impact of working conditions on its productivity and to assess the potential GRP losses from workers' disability injured at work. The research used economic and statistical methods, grouping methods, and comparison methods. The information base for the analysis was the data of the Federal State Statistics Service and sociological monitoring on the assessment of population's qualitative characteristics carried out by the FSBIS VolRC RAS in the Vologda Oblast (no. = 1500). The article analyzes the dynamics of labor productivity in the regions of the Northwestern Federal District in 2005–2018, determines the share of the NWFD regions in the district's total labor productivity, evaluates health impact of employed population on labor productivity both on the basis of sociological data, and by grouping the regions by labor productivity and assessing the level of constant nervous tension, stress, the impact of production factors and other inconveniences of workplaces. The paper calculates the losses of gross regional product from disability time of injured at work. The authors prove that GRP loses from 17 to 26% in the presence of even a small number of disability days of injured at work. The practical significance of the research is to confirm the hypothesis about the influence of working conditions (the basic component of the integral indicator of the quality of working life) on its productivity which gives grounds for developing management decisions to pay special attention to the quality of workplaces.

Key words: labor productivity, working conditions, quality of working life, employed population, industrial injuries, disability days.

Information about the Authors

Galina V. Leonidova — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of Laboratory, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Alena L. Ivanovskaya — Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lelia-iv@mail.ru)

Статья поступила 25.03.2021.

Влияние новой модели диверсификации атомной отрасли на развитие территорий присутствия (теоретические и практические аспекты)

**Дмитрий Юрьевич
ФАЙКОВ**

Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики
Саров, Российская Федерация
e-mail: cat1611@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3532-1352; ResearcherID: AAN-6046-2020

**Дмитрий Юрьевич
БАЙДАРОВ**

Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»
Москва, Российская Федерация
e-mail: d_baydarov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7089-7015; ResearcherID: AAN-6139-2020

Аннотация. Перед предприятиями оборонно-промышленного комплекса государством поставлена задача расширить выпуск высокотехнологичной гражданской продукции. Многие оборонные предприятия расположены в моногородах, что делает актуальным анализ взаимовлияния диверсификации градообразующих предприятий и развития городов. Цель исследования — оценка влияния новой модели диверсификации на развитие территорий присутствия на примере атомной отрасли. Методология исследования базируется на принципах системного анализа и институциональной экономической теории. В работе использованы методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, логического моделирования. Основой послужила теория социального

Для цитирования: Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. Влияние новой модели диверсификации атомной отрасли на развитие территорий присутствия (теоретические и практические аспекты) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 135–149. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.8

For citation: Faikov D.Yu., Baydarov D.Yu. The impact of the new model of nuclear industry diversification on the development of the territories of presence (theoretical and practical aspects). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 135–149. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.8

контракта. Предложена трехуровневая модель социального контракта, детализирующая взаимодействие индивида с тремя уровнями публичной власти – федеральной, региональной, местной. Выделена особенность муниципальной части социального контракта для моногородов: его третьей стороной выступает градообразующее предприятие, создающее ряд основных благ. В моногородах, где градообразующими являются предприятия атомной отрасли, муниципальная часть социального контракта меняется: вместо градообразующего предприятия одной из сторон контракта становится госкорпорация. Это обусловлено внедрением новой модели диверсификации деятельности госкорпорации. Обосновано, что изменение социального контракта может дать городам присутствия новые квалифицированные рабочие места, а госкорпорации – помочь сформировать кадровый резерв, выполнить цели в области диверсификации оборонного производства и создания новых высокотехнологичных бизнесов. Апробация измененной модели социального контракта на примере закрытых административно-территориальных образований атомной промышленности показала интерес к ней со стороны органов местного самоуправления и населения, возможность долгосрочного устойчивого развития городов, включая повышение комфортности проживания. Результаты исследования могут быть использованы для разработки стратегических документов пространственного развития, программ развития моногородов, градообразующих предприятий и холдингов разных отраслей.

Ключевые слова: социальный контракт, моногород, закрытое административно-территориальное образование, градообразующее предприятие, диверсификация оборонно-промышленного комплекса, государственная корпорация «Росатом».

Введение

Курс на увеличение доли выпуска гражданской продукции предприятиями оборонно-промышленного комплекса (ОПК), объявленный Президентом Российской Федерации¹, заметно активизировал научный интерес к данной тематике в последние годы. Принципиальная необходимость диверсификации ОПК не подвергается сомнению, подтверждаясь, в том числе, и обширным мировым опытом [1; 2]. В то же время исследование отдельных аспектов этого процесса представлено в разном объеме. В частности, пока еще недостаточно проработан вопрос о влиянии диверсификации деятельности оборонных предприятий, которые являются градообразующими в моногородах, на развитие территорий присутствия.

Указанная проблема актуальна и имеет серьезное практическое значение, поскольку к 2030 году оборонные предприятия должны увеличить выпуск продукции гражданского назначения до 50% от общего объема выпуска. Налицо потребность в «связке» исследуемых в основном отдельно вопросов диверсификации ОПК и развития территорий их нахождения.

Поставленный в статье вопрос, отражающий авторский подход к исследуемой проблеме, можно рассматривать как один из аспектов более широкой темы – пространственное размещение высокотехнологичного производства и науки, по которому сегодня наблюдается определенное разногласие даже в базовых стратегических документах. Так, в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации указывается на необходимость «поддержки отдельных территорий с высокой концентрацией исследований, разработок, инновационной инфраструктуры, производства»², в Стратегии пространственного развития Российской Федерации развитие высокотехнологических и наукоемких отраслей, а также передовой исследовательской и инновационной инфраструктуры (в том числе уникальных научных установок класса «мегасайенс») предполагается только в *крупных и крупнейших городских агломерациях*³. Однако установки класса

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 01.12.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550> (дата обращения 16.12.2020).

² Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642.

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

«мегасайенс» и в России (коллайдер NICA в Дубне, лазерная установка УФЛ-2М в Сарове и др.), и в других странах (например, крупные научные установки в национальных лабораториях США⁴) как раз могут и должны (в силу размеров, особых условий эксплуатации и пр.) находиться вне крупных городов и агломераций. К тому же акцент на развитие фундаментальной науки — одна из приоритетных форм диверсификации оборонных научно-исследовательских институтов, ряд из которых расположен в закрытых городах.

Авторский подход обусловил цель исследования — дать оценку влияния новой модели диверсификации атомной отрасли на развитие территорий присутствия в теоретическом и практическом плане. Теоретические аспекты работы детализируют теорию социального контракта (обоснование трехуровневой модели социального контракта, выделение его особенностей на муниципальном уровне, в частности в моногородах и закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО)). Модель связывает исследование вопросов диверсификации оборонных и иных организаций, то есть развития градообразующих предприятий и отраслей, и развитие территорий присутствия. В работе рассмотрены изменения муниципальной части социального контракта, заключающиеся в замене градообразующего предприятия на госкорпорацию в качестве одной из сторон контракта в моногородах (в частности в ЗАТО), где градообразующими являются предприятия государственной корпорации «Росатом».

Обзор ранее выполненных исследований

Исследования социального контракта, как развитие идеи общественного договора, находятся в поле внимания ученых уже не одно столетие. В рамках настоящей работы представляет интерес детализация социального контракта, выделение в нем ожиданий и обязательств индивида в отношении трех уровней публичной власти — федеральной, региональной и местной, которые чаще называются макро-, мезо- и микроуровнями социального контракта [3]. В отличие от «регионального контракта», касающегося в основном отношений региональ-

ной власти и бизнеса [4], муниципальный контракт представляет собой «модель, основанную на социальном контракте между населением и муниципальными властями» [3]. В зарубежных исследованиях внимание уделяется «новому социальному контракту», складывающемуся в изменившихся условиях открытой экономики и общества, в том числе указывается на особенности локального контракта для разных обществ⁵, государств, городов [5], а также в условиях меняющихся технологий и широкого внедрения искусственного интеллекта [6]. В отечественном экономическом дискурсе детализированный подход к рассмотрению социального контракта пока еще только начинает развиваться. Стратегический интерес к исследованию общественных явлений с применением модели социального контракта подчеркивается его значением для развития человеческого капитала, т. к. именно «конкуренция за высококачественный человеческий капитал ... будет определять положение страны в мировом экономическом обороте в 2020-е годы» [7]. Такой акцент важен для нашей работы, поскольку в ней рассматриваются отрасли и города, где сосредоточены высокотехнологичные сферы деятельности.

Проблемы развития моногородов являются полем для многочисленных исследований ученых разных специальностей: экономистов, социологов, географов, историков и пр. Среди основных проблем называются зависимость рынка труда от градообразующего предприятия, преобладающее влияние внешних экономических процессов на все сферы жизнедеятельности города; отток экономически активного населения, не вписавшегося в деятельность градообразующего предприятия, или в связи с его нестабильной деятельностью; зависимость муниципального бюджета от результатов работы градообразующего предприятия и пр. [8].

Что касается закрытых городов, то научные дискуссии последних лет сосредоточены больше вокруг правового режима ЗАТО [9], особенностей местного самоуправления в них и бюджетного процесса. Эти подходы необходимым образом дополняют рассмотрение ЗАТО как центров инновационного развития [10].

⁴ Office of Science. Acknowledging User Facilities. URL: <https://science.osti.gov/User-Facilities/User-Resources/Acknowledging-User-Facilities> (дата обращения 11.06.2020).

⁵ Krupansky J. Elements of a Social Contract. 2017. URL: <https://jackkrupansky.medium.com/elements-of-a-social-contract-69572b4bba11> (дата обращения 12.04.2021).

В научных исследованиях [11, с. 12–14] и в государственном стратегировании⁶ популярным рецептом ухода от моноспециализации города определенное время являлась диверсификация экономики путем развития малого бизнеса, не связанного с градообразующей отраслью. Сегодня все больше внимания уделяется необходимости дифференцированного подхода к диверсификации экономики моногородов [12; 13], ориентации в этом процессе на стратегические приоритеты развития страны [14]. Вопросы развития моногородов стали чаще рассматриваться через призму деятельности градообразующего предприятия [15, с. 44–46], в том числе (хотя пока и редко) через возможность диверсификации его деятельности [16]. Подобный подход (развитие моногородов через использование возможностей градообразующей отрасли или предприятия, а не только диверсификацию или ликвидацию) присутствует в трудах зарубежных авторов [17; 18]. Как результат, в исследованиях обозначился интерес к теме социальной ответственности крупного бизнеса на территориях присутствия [19] и переходу этой функции с отдельных предприятий на уровень холдингов [20]. Вместе с тем отмечается, что вопросы комплексного развития территорий присутствия пока находятся в поле зрения только государственных корпораций [21]. Уделяя внимание исследованию научно-технологических [22], организационных [23], государственно-регуляторных [24] функций госкорпораций, российские авторы оставляют в тени анализ их градообразующего значения.

Интерес к градообразующей функции госкорпораций в нашей статье обусловлен тем, что диверсификация оборонных производств эффективнее проходит именно в рамках холдинга или госкорпорации [25; 26]. Однако связь диверсификации оборонных предприятий, в том числе в составе госкорпораций, с диверсификацией экономики моногородов (территорий присутствия) пока не нашла должного отражения в научной литературе.

⁶ Приоритетная программа «Комплексное развитие моногородов» (паспорт программы утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 30 ноября 2016 г. № 11)). Признана Счетной палатой неэффективной, досрочно закрыта в 2019 году.

Материалы и методика исследования

Методология исследования основывается на принципах системного анализа и институциональной экономической теории. В работе использованы такие общенаучные методы и приемы, как анализ и синтез, индукция и дедукция, применен метод логического моделирования. Теоретической базой исследования послужила теория социального контракта. Социальный контракт является триединым, т. к. индивид ожидает каких-то благ от государства в целом, выполняя свои обязательства перед каждым из уровней власти – федеральным, региональным, местным. С формальной точки зрения это определенное моделирование ситуации, поскольку органы местного самоуправления (ОМС) не входят в систему государственной власти (ст. 12 Конституции Российской Федерации). Однако и федеральная, и региональная, и местная власть в пределах своих полномочий занимаются созданием общественных благ, что с точки зрения гражданина позволяет представить их как три уровня публичной власти. В статье рассматривается муниципальная часть социального контракта, в рамках которой житель ожидает от местной власти, как минимум, следующих благ: возможности работать и зарабатывать; комфортных условий жизни, включая организацию и предоставление социальных благ; охраны права собственности; личной и имущественной безопасности; возможности удовлетворения социальных, культурных и экономических потребностей. В моногородах в социальном контракте появляется третье лицо – градообразующее предприятие, поскольку именно оно создает такое важное благо (и для жителей, и для местной власти), как рабочие места; обеспечивает повышенную оплату труда (как внешний эффект – развивается торговля, сфера услуг и пр.); развивает культурные, спортивные, рекреационные возможности города, владея соответствующими объектами, и т. д. В политическом плане градообразующее предприятие формирует сильные общественные группы (руководство и коллектив, профсоюз и т. д.), имеющие серьезное, иногда ключевое, значение в городе. Особенностью муниципальной части социального контракта в ЗАТО является наличие

формальных правил⁷, в соответствии с которыми местная власть передает градообразующему предприятию часть своих полномочий, тем самым разделяя с ним ответственность за принимаемые решения и достигаемые результаты в контексте социально-экономического развития территории.

Исследование проводилось на базе закрытых административно-территориальных образований с градообразующими предприятиями атомной промышленности. Выбор этих городов обусловлен сосредоточением в них интеллектуального ресурса, технологий, экспериментальной и производственной базы. Формально не все «атомные» закрытые города входят в список монопрофильных муниципальных образований⁸, но их фактическая зависимость от предприятий атомной отрасли делает возможным рассматривать их как моногорода. Считаем такой подход необходимым, поскольку всем ЗАТО присущи проблемы моногородов и выработка решений для развития их экономики не может осуществляться без учета влияния градообразующей отрасли. Апробация теоретических положений исследования проводилась путем анализа социально-экономической ситуации в ЗАТО, выявления тенденций развития, сопоставления их с теоретическими выводами.

Информационной базой работы послужили официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, органов власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления рассматриваемых городов (показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления за соответствующие годы, отчеты глав городов, стратегии социально-экономического развития ЗАТО, отчеты об исполнении

бюджетов). Данные о деятельности госкорпорации «Росатом» взяты из годовых отчетов, опубликованных на ее официальном сайте.

Результаты

В настоящее время в Российской Федерации насчитывается более 40 населенных пунктов, имеющих статус ЗАТО. В десяти из них градообразующими выступают организации атомной промышленности. Кроме ЗАТО предприятия госкорпорации «Росатом» являются градообразующими еще в 16 городах. Среди градообразующих есть как оборонные, так и стратегически важные гражданские предприятия.

Современная модель диверсификации деятельности госкорпорации «Росатом», которую мы называем «новой моделью» (подробнее см. [27]), начала формироваться с 2014 года. Основными причинами ее появления можно назвать следующие: 1) необходимость увеличения выпуска гражданской продукции оборонными предприятиями, использование их потенциала для развития отечественной высокотехнологичной промышленности; 2) обеспечение стабильности деятельности оборонных предприятий в случае снижения государственного оборонного заказа (ГОЗ); 3) управление товарным портфелем корпорации в основной не оборонной сфере — атомной энергетике, поскольку существуют серьезные риски, связанные с политикой, активностью зарубежных конкурентов, изменениями технологий и т. д.; 4) выполнение задач государственной промышленной, научно-технической, социальной и региональной политики, что подразумевает статус государственной корпорации. Модель основана на следующих принципах: организация процесса диверсификации на трех взаимосвязанных уровнях (корпорация, дивизион, предприятие); производство новых продуктов, соответствующих перспективным направлениям развития экономики; применение компаний-интеграторов, организующих деятельность по выпуску новых продуктов; применение принципа «открытых инноваций». Известно, что для предприятий, имеющих значительный устойчивый гособоронзаказ, налаживание выпуска гражданской продукции становится непростым процессом [28]. Трехуровневая модель диверсификации помогает перенести ряд организационных

⁷ Формальные правила определены в Законе Российской Федерации от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании», в частности участие в назначении главы местной администрации (через федеральный орган исполнительной власти, в ведении которого находится расположенное в ЗАТО предприятие), участие в деятельности по обеспечению пропускного режима и т. д.

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р «О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)».

вопросов на уровень госкорпорации и дивизионов, что упрощает процесс для предприятия и в то же время позволяет использовать его ресурсы в целях развития новых производств.

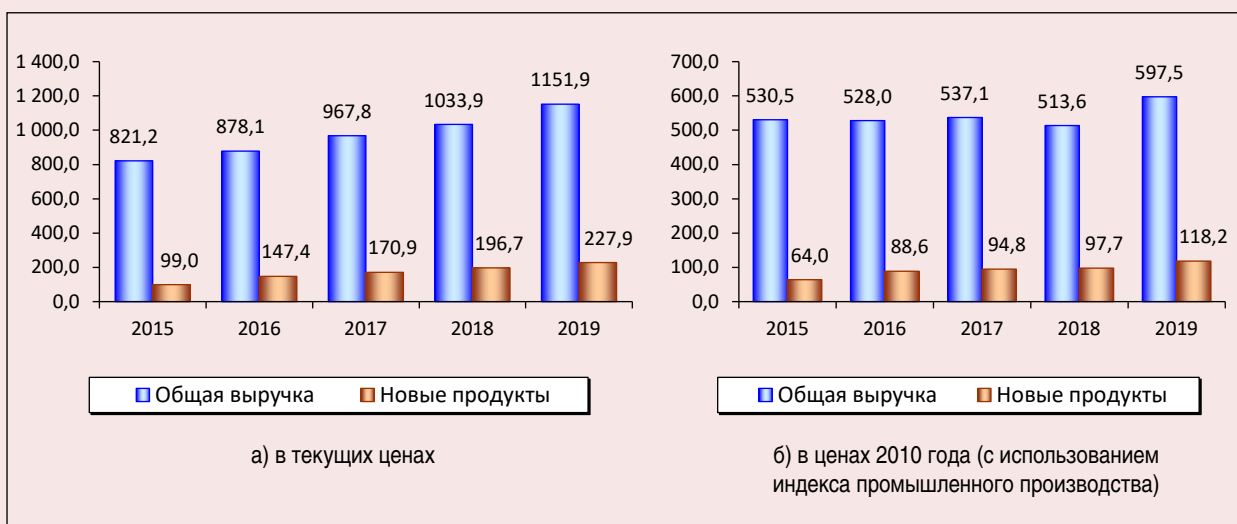
Модель показала свою состоятельность, выручка от новых гражданских направлений деятельности госкорпорации (ветроэнергетика, ядерная медицина, новые материалы, цифровые продукты, аддитивные технологии, АСУ ТП и электротехника, атомный ледокольный флот, экологические решения и др.) стабильно увеличивается (рис. 1а), в том числе в сопоставимых ценах (рис. 1б).

Новая модель диверсификации вносит изменения в пространственное размещение производств: филиалы и обособленные подразделения интеграторов организуются в местах расположения крупных предприятий отрасли, обладающих необходимыми ресурсами (например, подразделения и филиалы ООО «РАСУ», АО «ФЦНИВТ СНПО «Элерон» в Озерске, Сарове, Железногорске и пр.), в том числе в ТОСЭР (НПО «Центротех», ООО «Экоальянс»

в Новоуральске). Создание новых производств дополнило ряд ранее осуществленных госкорпорацией мероприятий по развитию территорий присутствия: дополнительное финансирование городов за счет отчисления на эти цели части налоговых поступлений предприятий (в рамках соглашений между госкорпорацией «Росатом» и регионами присутствия, в частности Челябинской, Тверской, Смоленской областями и пр.)⁹; отдельные мероприятия в области культуры, образования, цифрового развития и т. д.; участие в общественно-политической жизни и пр.

Обобщая действия госкорпорации, можно говорить об изменении муниципальной части социального контракта в моногородах, где градообразующими являются предприятия атомной отрасли. Госкорпорация заменяет собой градообразующее предприятие и берет на себя одно из основных обязательств (ожиданий населения и органов местного самоуправления) – создание квалифицированных, высокооплачиваемых рабочих мест (рис. 2).

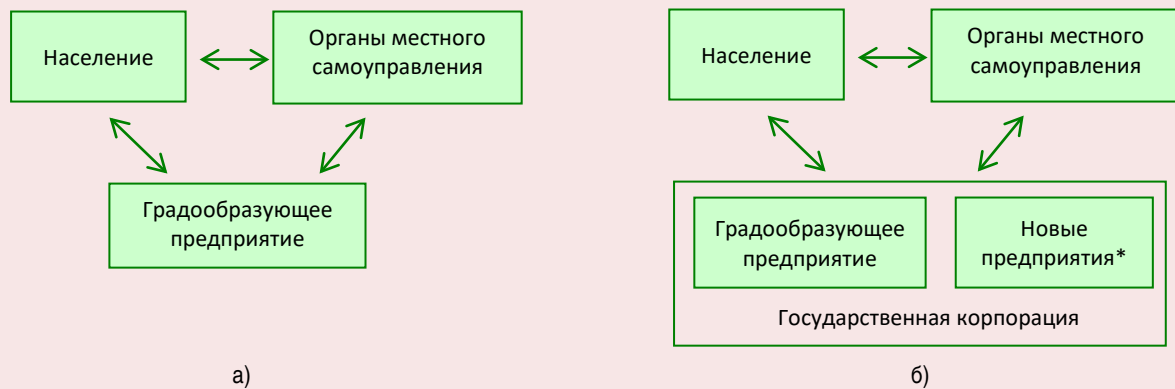
Рис. 1. Общая выручка и выручка по новым продуктам госкорпорации «Росатом», млрд руб.

Составлено по: публичные отчеты госкорпорации «Росатом» за соответствующие годы. URL: <https://rosatom.ru/about/publicnaya-otchetnost/>; Индексы промышленного производства / Росстат. URL: gks.ru/bgd/free/b00_24/isswww.exe/stg/d000/i000850r.htm (дата обращения 25.04.2021).

⁹ Публичный отчет госкорпорации «Росатом» за 2016 год. URL: <https://rosatom.ru/about/publicnaya-otchetnost/> (дата обращения 25.12.2020).

Рис. 2. Муниципальная часть социального контракта в моногородах присутствия госкорпорации «Росатом»: а) с участием градообразующего предприятия; б) с участием госкорпорации

* Новые предприятия – предприятия, созданные в процессе диверсификации деятельности госкорпорации «Росатом».

Источник: составлено авторами.

Социальный контракт относится к неформальным институтам, которые, как известно, меняются медленно. В данном случае к изменениям неформального института привел ряд формальных институциональных действий (госкорпорации, субъектов Федерации, органов местного самоуправления), соответствующих ожиданиям и мотивации каждой из сторон. В итоге каждая сторона получает выгоды:

- госкорпорация – новые производства, что способствует достижению трех ее целей: повышение устойчивости основных предприятий отрасли, выпуск гражданской продукции и развитие территорий присутствия;
- город (органы местного самоуправления) – высокооплачиваемые рабочие места, что повышает авторитет местной власти, возможности продления ее полномочий;
- работники предприятий – возможность работать в соответствии со своей квалификацией, хорошую оплату труда, возможности карьерного роста;
- остальное население – ожидания в отношении таких же новых рабочих мест, увеличение денежной массы в городе, развитие торговли, сферы услуг и пр.

Рассмотрим причины, способствующие изменению социального контракта и его поддержке всеми сторонами. Наблюдения пока-

зывают, что численность населения ЗАТО зависит от состояния дел на градообразующем предприятии. Так, в городах, где в рамках проводимой госкорпорацией «Росатом» реструктуризации производств сократилась численность персонала градообразующего предприятия (Северск, Новоуральск, Зеленогорск), произошло соответствующее уменьшение численности населения (табл. 1). В целом за 2004–2020 гг. население этих ЗАТО сократилось на 11–15% (табл. 2). Предприятия по формальным признакам перестали соответствовать статусу градообразующих (в Северске на предприятиях «Росатома» работает 5,7% от занятого в экономике города населения, в Зеленогорске – 8%, в Новоуральске – 10,4%)¹⁰.

В образованиях, где расположены предприятия ядерно-оружейного комплекса, сложилась принципиально иная ситуация. Численность работников этих предприятий или не изме-

¹⁰ Стратегия социально-экономического развития Новоуральского городского округа до 2030 года. URL: <http://duma-ngo.ru/strategia-ngo-2030>; Годовой отчет АО «СХК» за 2018 год. URL: http://atomsib.ru/files/2019/annual_report_SHK_2018.pdf; Пояснительная записка к годовому бухгалтерскому отчету АО ПО «ЭХЗ» за 2018 год. URL: <http://www.ecp.ru/about/info>; Показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления Северска, Новоуральска, Зеленогорска за 2019 год (дата обращения 11.01.2021).

Таблица 1. Изменение численности населения ЗАТО Северск, Новоуральск, Зеленогорск и градообразующих предприятий, 2009–2019 гг., тыс. чел.

	Северск		Новоуральск		Зеленогорск	
	АО «СХК»	Город	АО «УЭХК»	Город	АО «ЭХЗ»	Город
2009	12,7	113,8	12,1	107,5	9,5	68,5
2019	3,3	106,5	2,1	80,4	1,9	61,6

Составлено по: [29]; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>; Годовой отчет АО «СХК». URL: http://atomsib.ru/files/2019/annual_report_SHK_2018.pdf; Годовой отчет АО «УЭХК». URL: <https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=17109&type=3&attempt=1>; Годовой отчет АО «ЭХЗ». URL: <https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=17608&type=3> (дата обращения 12.05.2021).

Таблица 2. Показатели социально-экономического развития ЗАТО и городов соответствующих регионов

Регион/город	Изменение численности населения, 2004–2020 гг., %	Бюджетная обеспеченность, тыс. руб./чел., 2019 год	Средняя заработная плата по крупным и средним предприятиям, тыс. руб., 2019 год
Нижегородская область			35,2
ЗАТО Саров	+9,1	36,7	61,6
Нижний Новгород	-2,0	23,6	49,7
Дзержинск	-11,2	24,1	
Арзамас	-4,0	28,6	
Пензенская область			30,7
ЗАТО Заречный	+4,6	35,0	36,4
Пенза	+1,0	27,5	36,9
Кузнецк	-12,6	20,3	
Челябинская область			37,4
ЗАТО Снежинск	+2,4	49,5	45,8
ЗАТО Озерск	-14,4	43,0	47,5
ЗАТО Трехгорный	-5,2	44,1	44,3
Челябинск	+11,7	38,0	43,7
Златоуст	-14,9	30,0	
Троицк	-12,5	31,0	
Свердловская область			41,1
ЗАТО Новоуральск	-15,5	59,6	44,7
ЗАТО Лесной	-7,5	49,5	39,2
Екатеринбург	+14,4	32,2	54,8
Первоуральск	-8,1	31,0	
Каменск-Уральский	-9,1	39,6	
Красноярский край			49,9
ЗАТО Железногорск	-11,9	40,6	53,1
ЗАТО Зеленогорск	-11,2	41,9	42,4
Красноярск	+19,8	31,46	54,6
Ачинск	-9,7	30,7	
Канск	-13,0	29,0	
Томская область			45,5
ЗАТО Северск	-11,0	40,1	47,1
Томск	+22,4	30,8	51,8

Составлено по: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов / ФСГС. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>; Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике по субъектам Российской Федерации с 2018 года / ФСГС. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries; Сводные доклады регионов о результатах мониторинга эффективности деятельности ОМСУ по итогам 2019 года (сайты правительств субъектов Федерации); Показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов за 2019 год, отчеты глав администраций за 2019 год, отчеты об исполнении бюджетов за 2019 год (сайты администраций городов: <https://adm-sarov.ru>, <http://www.snzadm.ru>, <http://www.ozerskadm.ru>, <http://adm-ngo.ru>, <http://www.gorodlesnoy.ru>, <http://www.zarechny.zato.ru>, <http://admintrg.ru>, <https://xn----7sbhlbh0a1awgee.xn--p1ai>, <http://www.admk26.ru>, <https://www.zeladmin.ru>, <https://penza-gorod.ru>, <https://xn--80aaa0a0avl.xn--p1ai>, <https://vr-vyksa.ru>, <http://dzadm.ru>, <https://admgor.nnov.ru>, <https://cheladmin.ru>, <https://xn--80acgfb1s1azdqr.xn--p1ai>, <http://www.admkrsk.ru>, <https://admin.tomsk.ru>) (дата обращения 05.01.2021).

нилась, или несколько увеличилась, составив 32–50%¹¹ от общего числа занятых в экономике города. Население таких городов с 2004 по 2020 год или увеличилось (Саров, Заречный, Снежинск), или незначительно сократилось (Трехгорный, Лесной).

Определяющими являются миграционные процессы, поскольку практически во всех ЗАТО в течение последних 15 лет наблюдается естественная убыль населения. Моногорода покидают специалисты в трудоспособном возрасте и выпускники школ после получения высшего образования в вузах крупных городов, а пополняют преимущественно жители близлежащих сельских районов¹². Снижение количества рабочих мест на градообразующих предприятиях привело к появлению новой тенденции для ЗАТО – заметной маятниковой миграции в города, расположенных относительно недалеко от региональных центров: из Новоуральска ежедневно в Екатеринбург и Нижний Тагил на работу уезжает до 7–8 тысяч человек¹³; из Северска – порядка 18 тысяч¹⁴; из Заречного – 6–8 тысяч¹⁵. В то же время в ЗАТО ежедневно въезжает по несколько тысяч человек низкоквалифицированной рабочей силы¹⁶.

¹¹ Стратегии социально-экономического развития до 2035: Сарова. URL: <https://adm-sarov.ru/city/economy/strategicheskoe-planirovanie/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-/>; Заречного URL: <http://www.zarechny.zato.ru/otrasli/strategicheskoe-razvitie-goroda/strategia-2035/>; Снежинска. URL: <http://www.snzadm.ru/?art=22505>; Трехгорного. URL: <http://admintrg.ru/strategia-2035.html>; Лесного. URL: <http://www.gorodlesnoy.ru/city/economica/strategiya-2035/> (дата обращения 09.01.2021).

¹² Стратегии развития ЗАТО до 2035 года, отчеты глав администраций ЗАТО.

¹³ До конца года на ТОСЭР Новоуральска должно быть уже 11 резидентов // МК.ру Екатеринбург. 21.02.2020. URL: <https://eburg.mk.ru/economics/2020/02/21/do-konca-goda-na-toser-novouralska-dolzhen-byt-uzhe-11-rezidentov.html> (дата обращения 26.12.2020).

¹⁴ ЗАТО Говорим. Первое интернет-издание ЗАТО Северск. 11.11.2020. URL: <https://zato-govorim.ru/37029-2/> (дата обращения 26.12.2020).

¹⁵ ЗАТО там делают ракеты. Как живет засекреченный город Заречный // Аргументы и факты. 27.01.2020. URL: https://aif.ru/society/people/zato_tam_delayut_rakety_kak_zhivoyot_zasekrenchennyy_gorod_zarechnyy (дата обращения 26.12.2020).

¹⁶ Главное в Сарове – ядерное оружие и национальная безопасность, остальное вторично // Коммерсантъ-Приволжье-Online. 02.10.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4512943> (дата обращения 12.01.2021).

Динамика изменения численности населения ЗАТО в целом соответствует тенденциям, присущим другим городам регионов их нахождения. Исключения составляют Саров и Заречный, где темпы увеличения населения даже больше, чем в областных центрах (см. табл. 2).

Средняя заработная плата в большинстве ЗАТО выше средней по региону нахождения. В ЗАТО, градообразующие предприятия которых относятся к ОПК (Саров, Снежинск, Озерск, Трехгорный и пр.), средние зарплаты выше или сопоставимы с уровнем соответствующих региональных центров.

Основой экономики ЗАТО выступают градообразующие предприятия, которые (включая прошедшие реструктуризацию) в последние годы работают стабильно. Малый бизнес в большинстве ЗАТО развивается медленнее по сравнению с регионом нахождения и не является ресурсом развития для города (табл. 3). Такая ситуация устойчиво сохраняется с 1990-х годов. Ее причины мы рассматривали ранее [30].

Создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) в ЗАТО пока также не привело к заметному развитию малого и среднего бизнеса. Количество резидентов в них по состоянию на ноябрь 2020 года было незначительным и примерно соответствовало средним значениям в других ТОСЭР регионов нахождения (от 2 до 9 резидентов), что значительно отличается от показателей некоторых ТОСЭР в похожих по количеству населения и специализации (атомная промышленность, ОПК) городах: Димитровград, Сарапул, Кумертау и пр. (рис. 3).

Бюджетная обеспеченность в ЗАТО выше, чем в других городах регионов нахождения (см. табл. 2). Дополнительные бюджетные трансферты обусловлены статусом ЗАТО. В целом повышенная бюджетная обеспеченность сохранялась последние 15 лет [31, с. 153, 214]. Дополнительные доходы бюджета помогают местной власти выполнять текущие обязательства, но не могут обеспечить решения сложных задач по модернизации инфраструктуры, прорывному развитию и пр. [25].

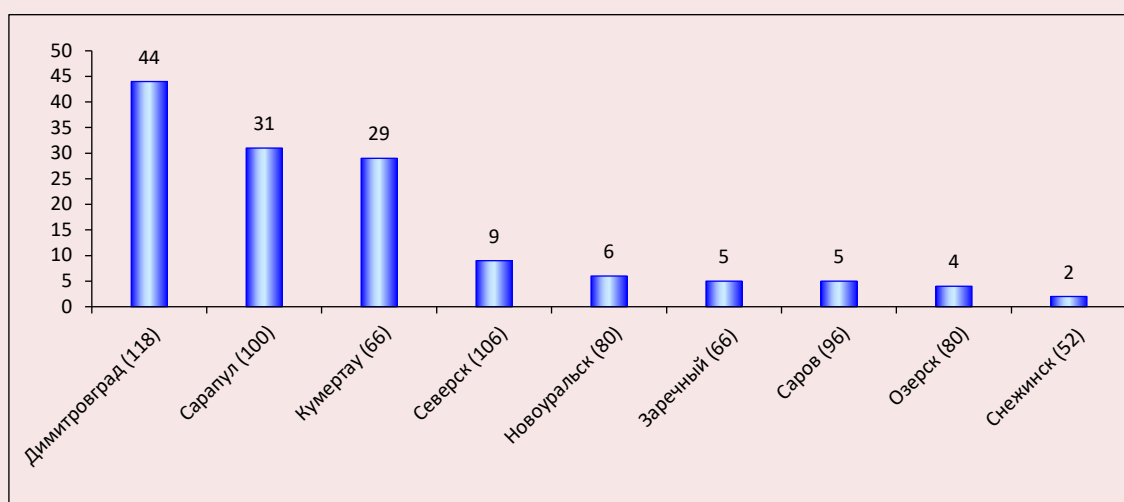
Таблица 3. Доля работающих на предприятиях малого и среднего бизнеса, 2015–2019 гг., % от среднесписочной численности работников всех предприятий и организаций

Регион/город	2015	2016	2017	2018	2019
Нижегородская область	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	33,3
ЗАТО Саров	22,8	22,3	19,1	13,9	17,6
Дзержинск*	45,3	44,7	45,2	38,6	38,6
Арзамас*	19,1	17,9	18,4	18,0	16,7
Пензенская область	44,1	н.д.	26,09	21,17	27,14
ЗАТО Заречный	13,6	15,2	20,5	20,9	21,5
Челябинская область	н.д.	н.д.	25,5	25	24,5
ЗАТО Озерск	14,7	14,8	21,5	21,5	21,3
ЗАТО Трехгорный	н.д.	24,1	26,0	30,4	16,5
Свердловская область	31,3	н.д.	н.д.	31,2	31,5
ЗАТО Новоуральск	25,6	25,6	25,5	25,4	25,3
ЗАТО Лесной	21,4	21,4	21,5	21,8	21,6
Красноярский край	31,3	30,6	22,0	32,5	31,1
ЗАТО Железногорск	33,2	33,8	21,6	20,6	20,1
ЗАТО Зеленогорск	27,1	28,3	25,7	25,6	25,4
Томская область	37,5	26,0	28,9	27,1	н.д.
ЗАТО Северск	41,2	42,1	42,3	42,4	43,3

* Приведены данные по сопоставимым городам в связи с недостатком данных по региону в целом.

Составлено по: Сводные доклады регионов о результатах мониторинга эффективности деятельности ОМСУ по итогам соответствующих лет (сайты правительств субъектов Федерации); Показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов за соответствующие годы (сайты администраций городов: <https://adm-sarov.ru>, <http://www.ozerskadm.ru>, <http://adm-ngo.ru>, <http://www.gorodlesnoy.ru>, <http://www.zarechny.zato.ru>, <http://admintrg.ru>, <https://xn--7sbhlbh0a1awgee.xn--p1ai>, <http://www.admk26.ru>, <https://www.zeladmin.ru>, <https://xn--80aaa0a0avl.xn--p1ai>, <https://vr-vyksa.ru>, <http://dzadm.ru>, <https://xn--80acgfbst1azdqr.xn--p1ai>) (дата обращения 10.05.2021).

Рис. 3. Количество резидентов в ТОСЭР ЗАТО и похожих по численности населения и специализации городах, ноябрь 2020 года, ед.

В скобках указана численность населения городов, тыс. чел.

Составлено по: Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor/; Реестр резидентов ТОСЭР в ЗАТО атомной отрасли. URL: <https://atomtor.ru/reestr/> (дата обращения 21.12.2020).

Обсуждение

Рассмотренные процессы позволяют сделать ряд обобщений. Социально-экономическая ситуация в ЗАТО принципиально зависит от градообразующего предприятия. Сокращение численности его персонала приводит к уменьшению численности населения города и среднегородских зарплат (соответственно, покупательной способности населения в целом, что не способствует развитию бизнеса), увеличению маятниковой миграции. Таким образом, снижается привлекательность города для работы и жизни. Малый бизнес в ЗАТО развивается медленно. Низкоквалифицированные рабочие места для жителей ЗАТО не привлекательны.

Можно предположить, что и в дальнейшем, в случае сокращения рабочих мест или иных негативных изменений, квалифицированная рабочая сила будет искать работу в других городах. В то же время градообразующие предприятия, имеющие стратегическое значение и, исходя из прогнозов, востребованные еще в длительном периоде¹⁷, нуждаются как в текущем восполнении рабочей силы, так и в возможном (учитывая зависимость деятельности этих предприятий от политики) расширении объемов производства. В таких условиях они должны обладать резервом квалифицированной рабочей силы и налаженными путями ее привлечения (как минимум, выпускников университетов необходимых специальностей и квалификации).

Одной из возможностей для формирования такого резерва может быть создание в ЗАТО предприятий, близких по технологическому уровню к градообразующим. Практика показала, что частный бизнес подобные предприятия в ЗАТО не создает. Возможным способом видится инициирование этого процесса государственной корпорацией «Росатом», которая, с одной стороны, проводит активную работу по диверсификации своей деятельности, с другой

стороны, имеет значительный опыт деятельности в ЗАТО и обязательства по поддержке территорий. Новые компании могут создаваться как интеграторами, так и градообразующими предприятиями путем выделения отдельных гражданских направлений. В данном случае речь идет не о реструктуризации, то есть выведении в отдельные юридические лица обслуживающих видов деятельности (транспорт, общественное питание, ремонт и пр.), а именно о выделении производств высокотехнологичной гражданской продукции.

Такой процесс с теоретической точки зрения приводит к изменениям в муниципальной части социального контракта, формирующим соответствующий баланс выгод и издержек для его сторон.

Для населения (персонала предприятий и претендентов на рабочие места) занятость на высокотехнологичных предприятиях, находящихся в общем контуре управления «Росатома», привлекательнее, чем в частном бизнесе. В обмен на это благо население предлагает квалифицированный труд, лояльность госкорпорации (и в ее лице государству), в том числе политическую стабильность и предсказуемость.

Для градообразующих предприятий, особенно оборонных, процесс создания госкорпорацией гражданских производств позволяет не отвлекаться на формирование параллельной системы управления. Не секрет, что система управления в рамках ГОЗ и рынка заметно различается, причем далеко не всегда руководители оборонных предприятий заинтересованы в замене гособоронзаказа на гражданскую продукцию [23].

Для органов местного самоуправления ЗАТО формирование новых предприятий важно, поскольку привлечь бизнес на территорию крайне сложно. В этом аспекте госкорпорации «Росатом» создать новый бизнес в ЗАТО проще, чем городу и даже региону: у ОМС чаще всего нет на это средств, заинтересованных и опытных организаторов производства, способов для мотивации инвесторов; у региона в приоритете, скорее всего, будут менее развитые муниципалитеты, чем ЗАТО. Госкорпорация же может привлечь не только инвестиции, но и необходимых специалистов, технологии. Ей проще взаимодействовать с крупными заказчиками и поставщиками.

¹⁷ Несмотря на различные точки зрения, эксперты в ближайшие несколько десятков лет не видят замены и атомной энергетике: World Economic Situation and Prospects 2020. United Nations, New York, 2020. URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/wesp-2020.html> (дата обращения 12.12.2020), и ядерному оружию: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.

Расширение производств усиливает проблему привлечения и удержания кадров. Наукоёмкие производства требуют высококлассных специалистов и выпускников ведущих вузов, за которых ЗАТО начинают конкурировать с крупнейшими мегаполисами. Чтобы работа в ЗАТО была интересна специалистам, необходим не только соответствующий уровень заработной платы, но и комфортные условия проживания. Малый город значительно уступает крупным агломерациям по качеству и количеству социальных услуг, досуговой привлекательности и пр. В ЗАТО к этому добавляется ряд формальных ограничений. Для того чтобы в некоторой степени нивелировать такие различия, необходимо целенаправленно развивать сильные стороны, в частности строить комфортное жилье, по цене доступное специалисту (здесь могут помочь градообразующее предприятие и город); обеспечить безопасность (что в рамках ЗАТО сделать проще); благоустроить территорию города, делая акцент на естественной рекреации; обеспечить высокий уровень образования детей; развивать медицину и пр. Зарубежные исследования подтверждают выводы о необходимости благоприятного качества жизни для привлечения ученых и специалистов высокотехнологичных отраслей [32; 33].

Формирование комфортных условий проживания в рамках социального контракта является обязанностью ОМС. Однако самостоятельно создать условия, конкурирующие с мегаполисами, им практически невозможно. Помощь в этом также может оказать госкорпорация. Прежде всего она обеспечивает лоббистскую поддержку на уровне высшего руководства страны, федеральных органов исполнительной власти. Понятно, что ключевым условием со стороны ОМС будет полная лояльность госкорпорации. Вопрос создания комфортных условий проживания входит в сферу не только муниципальной, но и региональной части социального контракта, что подразумевает включение в нее госкорпорации.

Заключение

Обоснование трехуровневой модели социального контракта, выделение его особенностей на муниципальном уровне для моно-

родов определило научную новизну работы и ее вклад в общую теорию социального контракта.

Совместное исследование вопросов диверсификации в атомной отрасли и развития территорий присутствия позволило сделать вывод об адаптивности предложенной модели социального контракта к меняющимся условиям. В частности, — замена в муниципальной части контракта градообразующего предприятия на госкорпорацию, в которую оно входит, не искажает суть социального контракта, но расширяет возможности для развития территории присутствия за счет создания новых рабочих мест, увеличения поступлений в местный бюджет, развития городской инфраструктуры и пр., в целом повышая комфортность жизни. Такие изменения, рассмотренные на примере атомной отрасли, обусловлены внедрением новой модели диверсификации, в рамках которой создание новых гражданских продуктов организуется на территориях присутствия. С учетом планируемой динамики производства новых продуктов «Росатомом»¹⁸ новая редакция социального контракта видится перспективной. Представленная модель подтверждает свою жизнеспособность и востребованность на практике, может быть интересна для моногородов, градообразующих предприятий и холдингов других отраслей¹⁹. Основные принципы исследования прошли апробацию в ЗАТО атомной промышленности и могут использоваться для разработки стратегических документов пространственного развития, программ развития моногородов, градообразующих предприятий и холдингов.

¹⁸ Стратегическая цель — выручка от новых продуктов в 2030 году 1,6 трлн руб. Отчет госкорпорации «Росатом». 2019 год. URL: <https://rosatom.ru/about/publicnaya-otchetnost/> (дата обращения 25.01.2021).

¹⁹ Похожий подход можно отметить, например, в комплексной заявке Кемеровского НОЦ в КНТП, которая включает создание современных производств глубокой переработки угля и углехимии (как диверсификацию угледобычи). Пример характерный, поскольку большинство городов Кемеровской области моноспециализированы. URL: <https://ako.ru/news/detail/zayavkuna-gazrabotku-kompleksnoy-nauchno-tekhnicheskoy-programmy-polnogo-innovatsionnogo-tsikla-nots> (дата обращения 18.01.2021).

Литература

1. Lynn III W. The end of the military-industrial complex. How the Pentagon is adapting to globalization. *Foreign Affairs*, 2014, no. 93, pp. 104–110.
2. Matelly S., Lima M. The influence of the state on the strategic choices of defense companies: The cases of Germany, France and the UK after the Cold War. *Journal of Innovation Economics & Management*, 2016, vol. 2, no. 20, pp. 61–88.
3. Шербакова Л.И. Институт местного самоуправления в трансформирующемся российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7. С. 374–380.
4. Сурцева А.А. Региональный социальный контракт власти и бизнеса (на примере Кемеровской области) // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3. № 3. С. 94–102.
5. Shafik N. A new social contract. *Finance & Development*, 2018, vol. 0055, iss. 004. DOI: <https://doi.org/10.5089/9781484386194.022>
6. Snyder M., Gupta A. The Social Contract for AI. *Computers and Society*. 15.06.2020. Available at: <https://arxiv.org/abs/2006.08140> (accessed: 11.05.2021).
7. Аузан А.А. О возможности перехода к экономической стратегии, основанной на специфике человеческого капитала в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2. С. 243–248.
8. Иванова М.В. Тенденции и особенности развития моногородов в России и повышение их конкурентоспособности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 86–91. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-86-91
9. Проскурнин С.Д. Основные предпосылки и тенденции развития ЗАТО ГК «Росатом» // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. № 1 (57). С. 1–27.
10. Анимица Е.Г., Кузнецов В.Н., Ергунова О.Т. Создание территорий опережающего социально-экономического развития в границах закрытых административно-территориальных образований Свердловской области // Успехи современной науки и образования. 2016. № 12. Т. 4. С. 92–95.
11. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Э.В. Пешина, Е.Г. Анимица, В.С. Бочко, П.Е. Анимица; под науч. ред. А.И. Татаркина, М.В. Фёдорова. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010. 81 с.
12. Шаститко А.Е., Фатихова А.Ф. Моногорода России: возможные варианты развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. Вып. 76. С. 109–135. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10006
13. Бухвальд Е.М. Моногорода в системе стратегического планирования в России // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 75–78. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.12.16>
14. Вахтина М.А., Игнатова Т.В. Институциональные ограничения на пути комплексного развития российских моногородов // Вестник Академии знаний. 2020. № 36 (1). С. 43–47. DOI: 10.24411/2304-6139-2020-00008
15. Развитие моногородов России: монография / колл. авт.; под ред. д-ра экон. наук проф. И.Н. Ильиной. М.: Финансовый университет, 2013. 168 с.
16. Колесник Е.А. Угрозы и риски диверсификации экономики моногорода // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3 (413). Экономические науки. Вып. 60. С. 47–52.
17. O’Hagan S., Cecil B. A macro-level approach to examining Canada’s primary industry towns in a knowledge economy. *Journal of Rural and Community Development*, 2007, no. 2, pp. 18–43. Available at: <https://journals.brandou.ca/jrcd/article/view/84/31>
18. Vole D., Kozina J., Tiran J. The variety of industrial towns in Slovenia: A typology of their economic performance. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, 2019, vol. 46, iss. 46, pp. 71–83. DOI:10.2478/bog-2019-0035
19. Трапезникова И.С. Современная модель социальной ответственности российского бизнеса в разрезе формирования квалифицированного трудового ресурса территории присутствия // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 2. С. 689–698. DOI: 10.18334/et.6.2.39794
20. Лазаренко В.А. Корпоративная социальная ответственность крупного бизнеса в России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. № 1. С. 66–72.

21. Коржевская А.А. Взаимодействие органов власти и корпоративных структур – одна из моделей инновационного регионального развития // Урал – XXI век: регион инновационного развития: мат-лы II Междунар. научно-практ. конф. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2017. С. 119–122.
22. Земцов С.П., Чернов А.В. Какие высокотехнологичные компании в России растут быстрее и почему // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 1 (41). С. 68–99. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-41-1-3
23. Кузнецов Н.В., Котова Н.Е. Использование института государственных корпораций для обеспечения экономического роста // Фундаментальные исследования. 2020. № 8. С. 40–44.
24. Маилян С.С. О некоторых аспектах экономической сущности государственных корпораций // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 314–317. DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10264
25. Çağlar K., Bitzinger R. Defense industries in the 21st century: A comparative analysis – The second e-workshop. *Comparative Strategy*, 2018, vol. 37, iss., 4, pp. 255–259. DOI: 10.1080/01495933.2018.1497318
26. Ивантер В.В., Семикашев В.В. Роль атомной промышленности в экономике страны и стоящие перед ней вызовы // Энергетическая политика. 2017. № 3. С. 3–11.
27. Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. Диверсификация производства в атомной отрасли // Экономическое возрождение России. 2020. № 3. С. 96–109. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-3-65-96-109
28. Розмирович С.Д., Манченко Е.В., Механик А.Г., Лисс А.В. Диверсификация ОПК: как побеждать на гражданских рынках: доклад Экспертного совета Председателя коллегии Военно-промышленной комиссии РФ для V Междунар. Форума технол. развития «Технопром». Новосибирск, 2017. URL: <http://www.instrategy.ru/pdf/367.pdf> (дата обращения 21.12.2020).
29. Чернятин Д.М., Белякова Г.Я. Особенности реструктуризации непрофильных подразделений предприятий ЗАТО Госкорпорации «Росатом» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 1. С. 46–53.
30. Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. Новые тенденции в развитии закрытых административно-территориальных образований (на примере ЗАТО атомной промышленности) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. Вып. 6. С. 120–131.
31. Файков Д.Ю. Закрытые административно-территориальные образования. Системные трансформации. Саров: ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2012. 394 с. URL: <http://book.sarov.ru/product/zato/> (дата обращения 20.11.2020).
32. Salvesen D., Renski H. *The Importance of Quality of Life in the Location Decisions of New Economy Firms*. Report 99–07–13815. Chapel Hill : Center for Urban and Regional Studies. 2003. Available at: https://www.researchgate.net/profile/David-Salvesen/publication/228494438_The_importance_of_quality_of_life_in_the_location_decisions_of_new_economy_firms/links/55ad37d408aed9b7dcdad66d/The-importance-of-quality-of-life-in-the-location-decisions-of-new-economy-firms.pdf
33. Vajpai N., Prasad A., Pandey P. Work Life balance retention (WLBR) model – a weapon to retain hi-tech employees. *International Journal of Management Sciences and Business Research*, 2013, vol. 2, iss. 12, pp. 92–102. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2715356

Сведения об авторах

Дмитрий Юрьевич Файков – доктор экономических наук, доцент, начальник отдела, Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (607188, Российская Федерация, Нижегородская область, г. Саров, пр. Мира, д. 37; e-mail: cat1611@mail.ru)

Дмитрий Юрьевич Байдаров – кандидат юридических наук, директор Департамента поддержки новых бизнесов, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» (119017, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Ордынка, д. 24; e-mail: d_baydarov@mail.ru)

Faikov D.Yu., Baydarov D.Yu.

The Impact of the New Model of Nuclear Industry Diversification on the Development of the Territories of Presence (Theoretical and Practical Aspects)

Abstract. The state has set a task to expand the production of high-tech civilian products for the enterprises of the military-industrial complex. Many defense enterprises are located in single-industry towns, which makes it relevant to analyze the mutual influence of the diversification of city-forming enterprises and cities' development. The purpose of the study is to assess the impact of the new model of diversification on the development of the territories of presence in the context of the nuclear industry. The research methodology is based on the principles of system analysis and institutional economic theory. The authors use the methods of analysis, synthesis, induction, deduction, and logical modeling. The basis is the theory of the social contract. The research proposes a three-level model of the social contract, detailing the interaction of an individual with three levels of public power – federal, regional, and local. The feature of the municipal part of the social contract for single-industry towns is highlighted: its third party is the city-forming enterprise that creates a number of basic benefits. In single-industry towns, where the nuclear industry enterprises are the main city-forming enterprises, the municipal part of the social contract changes: a state corporation becomes one of the contract parties instead of a city-forming enterprise. This is due to the introduction of a new model of diversification of the state corporation's activities. The authors prove that changing the social contract can give the cities of presence new qualified jobs, and state corporations can help to form a personnel reserve, fulfill the goals in the field of defense production diversification and the creation of new high-tech businesses. Testing the modified model of the social contract on the example of closed administrative-territorial entities of the nuclear industry revealed local governments' and the population's interest in it, the possibility of cities' long-term sustainable development, including improving the comfort of living. The results of the study can be used to develop strategic documents for spatial development, programs for single-industry towns' development, city-forming enterprises and holdings in various industries.

Key words: social contract, single-industry town, closed administrative-territorial formation, city-forming enterprise, diversification of the military-industrial complex, State Corporation Rosatom.

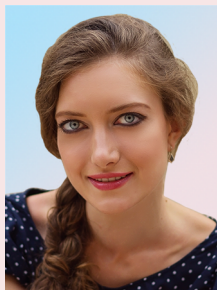
Information about the Authors

Dmitriy Yu. Faikov – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Department, Russian Federal Nuclear Center – All-Russian Scientific Research Institute of Experimental Physics (37, Mira Avenue, Sarov, Nizhny Novgorod Oblast, 607188, Russian Federation; e-mail: cat1611@mail.ru)

Dmitry Yu. Baydarov – Candidate of Sciences (Law), Director of the New Business Support Department, State Atomic Energy Corporation Rosatom (24, B. Ordynka Street, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: d_baydarov@mail.ru)

Статья поступила 03.02.2021.

Металлургические корпорации и государство: тенденции финансового взаимодействия последнего десятилетия*

Мария Александровна

ПЕЧЕНСКАЯ-ПОЛИЩУК

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: 5164088@bk.ru

ORCID: 0000-0002-6067-2103; ResearcherID: I-6618-2016

Михаил Константинович

МАЛЫШЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: mmk1995@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1311-1888

Аннотация. Доминирующая роль крупного бизнеса в формировании ВВП России обуславливает его высокую значимость как для экономики страны в целом, так и для экономик отдельных регионов. В связи с этим исследования, затрагивающие вопросы оценки финансового взаимодействия крупных корпораций с государством, актуальны и необходимы. Взаимодействие данных экономических агентов друг с другом сложно и противоречиво, поскольку в современных рыночных условиях интересы государства и хозяйствующих субъектов являются разнонаправленными. Изучение влияния крупных корпораций на региональное развитие, в частности на

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-2003.2020.6 «Финансовые механизмы стимулирования муниципального развития в контексте обеспечения экономического роста государства».

Для цитирования: Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. Металлургические корпорации и государство: тенденции финансового взаимодействия последнего десятилетия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 150–166. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.9

For citation: Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. Metallurgical corporations and the state: trends in financial interaction of the last decade. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 150–166. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.9

формирование бюджетных доходов, находится в центре внимания сотрудников Вологодского научного центра Российской академии наук. В результате их многолетних исследований сформирована серьезная фактологическая база, позволяющая понять основные особенности взаимодействия крупного бизнеса с региональным и федеральным бюджетами, определить системные недостатки налоговой политики государства, в том числе касающиеся налогообложения прибыли и доходов владельцев корпораций. Однако в настоящее время в научной литературе отсутствует единый механизм, с помощью которого можно наиболее комплексно оценить финансовое взаимодействие крупного бизнеса с регионом. Вместе с тем результаты такой оценки могут стать серьезным фундаментом для обоснования многих управленческих решений. Цель исследования – оценка тенденций финансового взаимодействия государства и корпораций на основе разработанного методического инструментария. Апробация методики проведена на примере отрасли черной металлургии. Объектом исследования является финансовое взаимодействие крупных корпораций черной металлургии (ПАО «Северсталь», ПАО «ММК» и ПАО «НЛМК») с государством. При создании методического инструментария оценки использовались методы структурного (весового) анализа, коэффициентный анализ, связывающий микроэкономические показатели предприятий с макроэкономическими показателями регионов базирования, индексный метод, метод уровневой оценки.

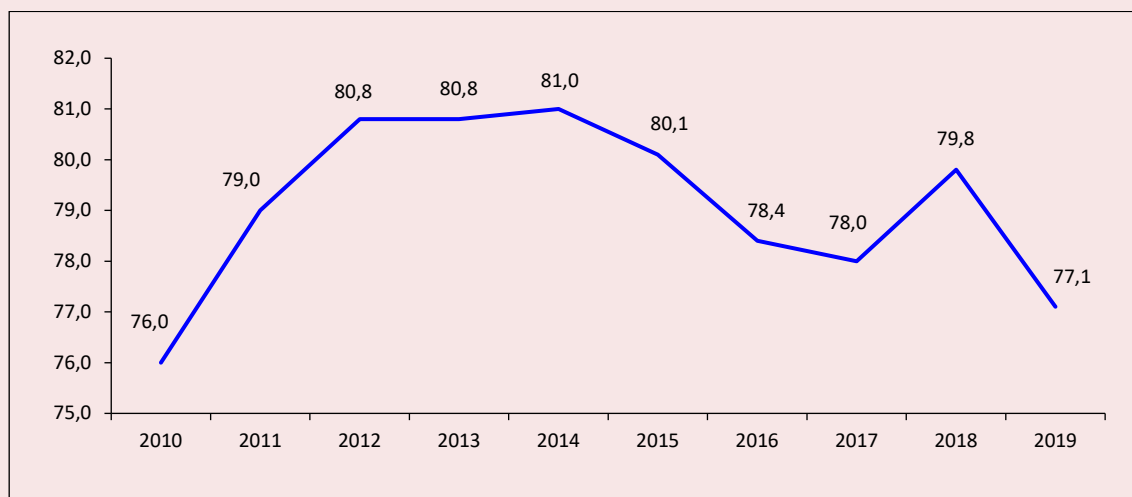
Ключевые слова: оценка взаимодействия, экономика региона, бюджетная система, налогообложение крупных корпораций, черная металлургия, методы и инструменты оценки.

Введение в проблематику

Крупные корпорации имеют важнейшее значение для экономики России. Об этом свидетельствует растущая с 2010 года, по данным Росстата, доля крупного бизнеса в ВВП страны.

Так, по состоянию на 2019 год доля крупного бизнеса в ВВП России составила 77,1%, что на 1,1 п. п. больше показателя 2010 года, а его средняя величина за 10 лет – чуть меньше 80%¹ (рис. 1).

Рис. 1. Доля крупного бизнеса в ВВП России с 2010 по 2019 год, %

Источник: данные ЕМИСС и Росстата.

¹ Доля крупного бизнеса в ВВП России рассчитывалась путем вычитания удельного веса субъектов малого и среднего предпринимательства из общего ВВП. Источник: Доля малого и среднего предпринимательства в валовом внутреннем продукте. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59206>

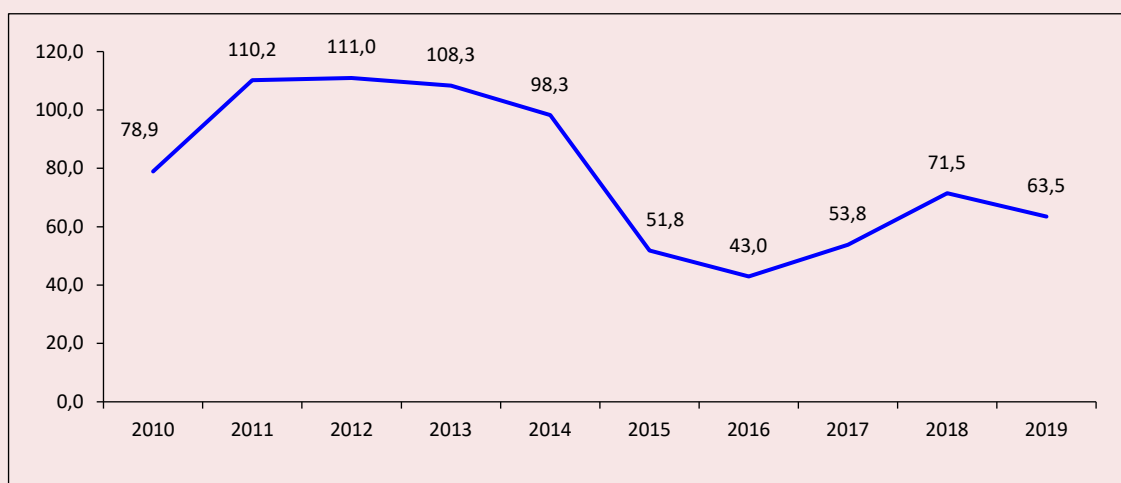
Этот показатель в РФ существенно выше, чем в развитых странах Европы. Так, по данным Eurostat², в Германии, Швеции, Франции, Великобритании, Нидерландах доля крупного бизнеса за аналогичный период варьировалась от 32 до 45–50%.

Исследование роли крупного бизнеса становится особенно актуальным в современной социально-экономической ситуации, которая сопряжена с трудными условиями из-за сравнительно низких мировых цен на углеводороды. Так, цена на нефть, довольно высокая в 2011–2014 гг. (в среднем 106,9 доллара за баррель), за последующие два года сократилась более чем в два раза и к 2016 году составила примерно 43,0 доллара за баррель (рис. 2).

В ответ на такую рыночную конъюнктуру с 2014 года ЦБ РФ ввел так называемый «плавающий курс рубля», что усилило зависимость курса от событий на внешних рынках и геополитических обстоятельств. В условиях высокого курса доллара крупные российские корпорации, имеющие внушительные доли продаж на внешних рынках, смогли увеличить свои экспортные выручки и влияние на формирование бюджетных доходов.

О высокой значимости исследования эффективности финансового взаимодействия государства и крупных российских корпораций свидетельствуют научные работы. Проблемы и возможности реализации так называемой государственно-корпоративной экономики подробно изучались Н.А. Хилько и В.В. Каргиновой [1]. Е.В. Добролежа относительно влияния крупного бизнеса на устойчивое территориальное развитие указала, что потенциал крупных компаний в значительной мере формирует территориальный потенциал [2]. Исследованию данной тематики посвящены научные труды ученых Вологодского научного центра РАН В.А. Ильина и А.И. Поваровой [3–6]. Авторы провели комплексный анализ производственно-финансовой деятельности на примере российских и бразильских металлургических комбинатов с целью оценки их вклада в формирование бюджетных доходов регионов базирования. В работах Института народнохозяйственного прогнозирования РАН подробно изучается тематика эффективного управления металлургической отраслью. Так, И.А. Буданов на основании проведенных исследований сделал важный вывод: «Пока рано рассчитывать

Рис. 2. Средняя цена* нефти марок Brent и Urals за баррель, долл. США

* Цена нефти марки Brent больше, чем Urals, в среднем на 1,4\$ за исследуемый период.

Источник: данные сайта global-finances.ru

² Статистическая служба Европейского союза. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database>

на то, что в России будет создан механизм, интересный металлургии не в меньшей степени, чем вертикально-интегрированное корпоративное управление. Формирование механизма межгосударственного и межкорпоративного сотрудничества в сферах деятельности, связанных с металлургией, имеет не только определенные предпосылки, но и достаточно серьезные ограничения. В быстро меняющейся экономике необходимы гибкие способы удовлетворения спроса на качественно ином уровне и возникает потребность в механизмах добровольного сотрудничества. Область совместных интересов участников рынка в эффективном использовании ресурсов гораздо шире области потенциальных конфликтов, связанных с необходимостью отдельных компаний повышать свою эффективность по мере роста требований к участникам сотрудничества» [7].

Таким образом, проблема заключается в отсутствии методик, с помощью которых можно комплексно оценить финансовое взаимодействие государства и корпораций. На этом основании целью нашего исследования является оценка тенденций финансового взаимодействия государства и корпораций на основе разработанного методического инструментария (на примере корпораций черной металлургии).

Исходя из поставленной цели, необходимо решить следующие задачи:

- провести анализ отечественной и зарубежной литературы, где представлена попытка оценить финансовое взаимодействие предприятий с государством;
- рассчитать ряд аналитических коэффициентов, характеризующих финансовое взаимодействие предприятий с государством, на предмет формирования бюджета, налоговой нагрузки и управленческого воздействия;
- с помощью коэффициентов рассчитать индексы и интегральные индексы;
- произвести оценку финансового взаимодействия предприятий с государством по уровневой шкале (на примере крупных корпораций черной металлургии).

Теоретические основы исследования

Для повышения эффективности взаимодействия различных экономических агентов необходим комплекс организационных, правовых, экономических и иных мер, способствующих данному процессу. С этой точки зрения следу-

ет понять, какой уровень эффективности достигнут на текущий момент. При этом в целях прогнозирования и планирования будущих управленческих решений требуется провести мониторинг оценки взаимодействия между экономическими агентами. Так, Ю.Г. Тюрина считает, что оценка налоговых поступлений в бюджеты разных уровней необходима для создания эффективного механизма формирования налогового потенциала и прогнозирования будущих поступлений [8].

Анализ зарубежной и отечественной литературы свидетельствует, что существующие показатели, так или иначе указывающие на влияние крупного бизнеса на развитие страны и ее регионов, сконцентрированы вокруг индикаторов налоговой нагрузки, прибыли и различных величин ставок. Например, J. Creedy и N. Gemmell рассматривают асимметрию корпоративного налога и эффективные налоговые ставки [9]. J. Park и Y. Lee выявили закономерность роста кредиторской задолженности корпораций при повышении корпоративного налога [10]. F. Reito и S. Spagano использовали показатели, характеризующие преимущества и недостатки налогообложения совместной деятельности налогоплательщиков [11]. A. Abdullahi провел оценку влияния финансовой либерализации на экономический рост и развитие некоторых стран Африки. Эконометрические расчеты показали, что в среднем финансовая либерализация негативно повлияла на рост доходов и привела к дестабилизации, стимулируя внутренний отток капитала и увеличивая риск финансовой нестабильности. В ходе исследования автором была применена система оценки, именуемая «обобщенный метод моментов» (GMM), показавшая свою эффективность при оценивании полупараметрических моделей, где интересующий параметр конечномерен [12]. Коллектив голландских ученых осуществил оценку взаимодействия бизнеса и системы «Электронное правительство» на примере Нидерландов. Результаты указанного исследования помогли понять существующие различия в оценке успешности проектов электронного правительства в сфере снижения административной нагрузки на бизнес [13]. I. Leibus сосредоточила внимание на изучении динамики и структуры налоговых платежей в сельском хозяйстве Латвии с целью выявления

факторов, способствующих увеличению налоговой нагрузки. В результате исследования сделан вывод о том, что налоговая нагрузка в сельском хозяйстве растет за счет производства или себестоимости продукции, в то время как налоговая нагрузка на капитал в последние годы снижается [14]. В работе G. Giriniene проведен сравнительный анализ налоговой нагрузки налоговых систем разных стран с помощью индексного метода. Индекс налоговой нагрузки выступает важным показателем для сравнения международной эффективности налоговых систем. Ученый также выявил и охарактеризовал методы оценки налоговой нагрузки, наиболее часто встречающиеся в литературе [15]. В исследовании литовских ученых университета Миколаса Ромериса рассмотрены теоретические и практические аспекты взаимодействия государственного управления и управления бизнесом. На основе анализа авторы предлагают комплексную модель взаимодействия государственного и частного секторов, состоящую из пяти измерений [16].

Систематизацию методик для расчета налоговой нагрузки хозяйствующих субъектов проводит Т.В. Максимова [17]. Она рассматривает их преимущества и недостатки, обращая внимание на триаду ключевых факторов налоговой нагрузки, в числе которых методы учетной политики, виды деятельности организации и режимы налогообложения.

Е.А. Кирова выделила два вида расчета налоговой нагрузки – абсолютный и относительный [18]. Так, абсолютная налоговая нагрузка рассчитывается как сумма налоговых платежей, уплаченных организацией, платежей во внебюджетные фонды и недоимки по платежам. Относительная налоговая нагрузка представляет собой отношение абсолютной налоговой нагрузки к вновь созданной стоимости. При этом исследователь поясняет, что абсолютная налоговая нагрузка не отражает всю тяжесть налогового бремени, а лишь показывает сумму налоговых обязательств организации.

М.И. Литвин рассчитывает налоговую нагрузку предприятия как отношение суммы начисленных налоговых платежей и отчислений во внебюджетные фонды к сумме источника средств, предназначенных для оплаты налогов. Следует отметить, что данная методика обла-

дает высоким уровнем практической значимости, так как с ее помощью определяется доля налогов в общей сумме выручки организации, прибыли и заработной платы, амортизации, налогов и чистой прибыли в каждом рубле созданной продукции. Недостатком метода является отсутствие НДС в составе налоговых платежей [19].

Оценку проблемы развития региональной политики проводили известные ученые-регионалисты. Так, О.С. Пчелинцев и М.М. Минченко проанализировали состояние современной инфраструктуры и его влияние на экономику региона. Стремительный рост износа основных средств в сфере ЖКХ, дорог, теплосетей замедляет экономическое развитие. Авторы обращают внимание на то, что к модернизации объектов инфраструктуры могут быть привлечены частные инвестиции и бизнес в обмен на снижение налоговой нагрузки [20].

В цикле работ В.А. Ильина, А.И. Поваровой в качестве методов научного исследования активно применялся анализ удельных весов показателей налога на прибыль и их отклонения от нормы. При этом важным компонентом исследований стал расчет разницы между расчетным налогом на прибыль по ставке 20% и фактически уплаченным налогом на прибыль. Кроме того, авторами был проведен анализ показателей дивидендных выплат, управленческих и коммерческих расходов и вознаграждений, а также их соотношения с выручкой и чистой прибылью предприятий [21–24].

Е.С. Андреевой оценена эффективность проектов государственно-частного партнерства. Автор отмечает, что их реализация предполагает наличие тщательного контроля над эффективным использованием средств. В связи с этим оценка общеэкономической эффективности проектов включает прирост внутреннего регионального продукта, рост бюджетной и финансовой эффективности проекта. Для анализа проектов используются такие показатели, как чистый дисконтированный доход, индекс рентабельности инвестиций, внутренняя норма доходности инвестиций, дисконтированный срок окупаемости [25].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в существующих отечественных и зарубежных работах содержится значи-

тельное количество показателей, которые могут отразить эффективность финансового взаимодействия государства и крупных корпораций. Вместе с тем методические вопросы, касающиеся оценки эффективности такого взаимодействия, остаются актуальной научной задачей.

Методические положения

В исследовании предлагается осуществлять оценку по определенному алгоритму. Ее линейную блок-схему целесообразно представить в виде четырех последовательных этапов (рис. 3).

На *первом этапе* необходимо рассчитать коэффициенты, выбор которых, по нашему мнению, должен быть обусловлен возможностью с их помощью определить роль корпораций в доходах региональных бюджетов, «тяжесть» исполнения налоговых обязательств, а также степень использования финансовых результатов корпораций в интересах акционеров и управленцев.

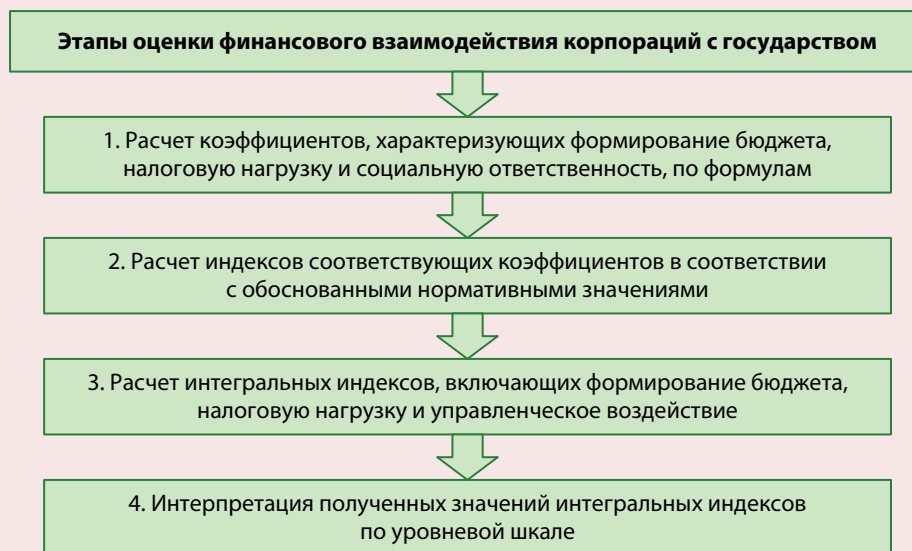
В связи с этим представленные выше показатели могут быть положены в основу методического инструментария оценки эффективно-

сти финансового взаимодействия государства и крупных корпораций. Однако важно отметить, что большинство из них характеризует налоговую нагрузку хозяйствующих субъектов, практически оставляя без внимания сам процесс формирования бюджетных доходов и социальную ответственность бизнеса [26; 27].

Вместе с тем именно эти вопросы позволяют оценить полноту и действенность различных направлений сотрудничества. Следовательно, предлагается выделить три группы коэффициентов, которые будут характеризовать налоговую нагрузку хозяйствующих субъектов, их способность формировать бюджет, а также степень управленческого влияния.

При этом нормативные значения коэффициентов следует установить на основе ключевых российских нормативно-законодательных актов³, касающихся налогообложения хозяйствующих субъектов, и данных в научной литературе рекомендаций, затрагивающих распределительную и дивидендную политику компаний.

Рис. 3. Этапы оценки эффективности финансового взаимодействия корпораций с государством

Источник: составлено авторами.

³ В частности, Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 23.11.2020), Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 22.12.2020), Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об акционерных обществах» (напр. статьи 42 «Порядок выплаты обществом дивидендов» и 43 «Ограничения на выплату дивидендов») и др.

Система коэффициентов оценки с учетом указанных позиций представлена в *таблице 1*.

На *втором этапе* оценки предлагается рассчитать индексы для выявленных коэффициентов в соответствии с нормативными значениями. Следует отметить, что при обосновании расчетов мы опирались на разработанные ранее методические инструментари, успешно апробированные на регионах Российской Федерации [28–32]. Для первой и второй групп рост коэффициента приводит к увеличению уровня финансового взаимодействия, поэтому их индексы рассчитываются по формуле:

$$I_{xi} = X_i - X_{min} / X_{max} - X_{min}, \quad (1)$$

где I_{xi} – индекс для коэффициента;
 X_i – значение коэффициента;
 X_{min} – нижняя граница нормы;
 X_{max} – верхняя граница нормы.

В связи с тем что рост коэффициентов в третьей группе отрицательно сказывается на уровне финансового взаимодействия, формула для расчета индексов будет иметь следующий вид:

$$I_{xi} = X_{max} - X_i / X_{max} - X_{min}. \quad (2)$$

Таблица 1. Система коэффициентов для оценки эффективности финансового взаимодействия корпораций с государством

№	Название коэффициента	Формула расчета	Нормативное значение	Описание
Группа 1: Коэффициенты формирования бюджета				
1.	Коэффициент налогового потенциала предприятия $K_{н.п.}$	Выручка предприятия / Налоговые доходы бюджета региона	2–10	Показывает соотношение выручки предприятия к налоговым доходам регионального бюджета. Значение больше нормы свидетельствует о высоком налоговом потенциале предприятия в формировании бюджета. При этом десятикратное превышение говорит о сильной зависимости региона от финансового результата корпорации.
2.	Коэффициент формирования налога на прибыль региона $K_{ф.н.п.}$	Налог на прибыль предприятия / Общие поступления налога на прибыль в бюджете региона	0,2–0,5	Определяется как отношение налога на прибыль к общим поступлениям налога на прибыль по региону. Пышение нормативного значения говорит о сильной зависимости регионального бюджета от деятельности корпораций.
3.	Коэффициент формирования бюджетных доходов по налогу на прибыль $K_{ф.б.д.}$	Налог на прибыль предприятия / Доходы бюджета региона	0,05–0,2	Показывает долю налога на прибыль в общих доходах бюджета региона. Если расчетное значение превышает 0,05, то можно говорить о значимости предприятия в формировании доходов регионального бюджета.
4.	Коэффициент формирования налога на имущество региона $K_{ф.н.им.р.}$	Налог на имущество предприятия / Общие поступления налога на имущество в бюджете региона	0,1–0,3	Показывает долю налога на имущество предприятия в общих поступлениях налога на имущество по региону. Чем больше данный показатель, тем выше стоимость производственных активов предприятия.
5.	Коэффициент формирования НДФЛ региона $K_{ф.ндфл.р.}$	НДФЛ предприятия / Общие поступления НДФЛ в бюджете	0,1–0,2	Показывает долю НДФЛ предприятия в общих поступлениях НДФЛ по региону. Расчетное значение, превышающее 0,2, свидетельствует о высоком уровне заработной платы на предприятии, а также о большой численности рабочих.
6.	Коэффициент сбалансированности федерального бюджета по НДС $K_{сб.ф.б.ндс}$	НДС предприятия / Налог на прибыль в федеральный бюджет	0–100	Показывает соотношение налога на добавленную стоимость к налогу на прибыль предприятия, перечисляемого в федеральный бюджет. Положительное расчетное значение говорит о том, что федеральный бюджет не возмещает НДС в пользу предприятия.

Окончание таблицы 1

№	Название коэффициента	Формула расчета	Нормативное значение	Описание
Группа 2: Коэффициенты налоговой нагрузки				
1.	Коэффициент налоговой нагрузки по выручке $K_{н.н.в.}$	Налог на прибыль предприятия / Выручка предприятия	0,02–0,1	Определяет долю налога на прибыль предприятия в общем объеме его выручки.
2.	Коэффициент налоговой нагрузки по валовой прибыли $K_{н.н.вал.пр.}$	Налог на прибыль предприятия / Валовая прибыль предприятия	0,06–0,15	Рассчитывается как отношение налога на прибыль к объему валовой прибыли.
3.	Коэффициент налоговой нагрузки по налогооблагаемой базе $K_{н.н.нал.б.}$	Налог на прибыль предприятия / Прибыль до налогообложения предприятия	0,17–0,2	Показывает долю налога на прибыль в прибыли до налогообложения. Законодательно установленная ставка налога на прибыль составляет 20%, то есть 0,2. Однако доля налога на прибыль в пределах от 0,17 до 0,2 также является нормой, поскольку такая ситуация может быть связана с переносом платежей по налогу на прибыль на будущие периоды или предоставлением налоговых льгот по инвестиционным соглашениям, совместным проектам региональных властей и корпораций.
Группа 3: Коэффициенты управленческого влияния				
1.	Коэффициент распределения чистой прибыли на дивиденды $K_{ч.пр.див.}$	Дивиденды акционерам / Чистая прибыль предприятия	0,4–0,6	Показывает долю дивидендов в объеме чистой прибыли. Превышение нормативного значения говорит об использовании чистой прибыли предприятия в интересах собственников и снижении инвестиционного потенциала предприятия. Однако если на выплату дивидендов направляется меньше 40% чистой прибыли, то снижается инвестиционная привлекательность компании для акционеров и инвесторов.
2.	Коэффициент управленческой нагрузки по выручке $K_{упр.н.в.}$	Управленческие расходы предприятия / Выручка предприятия	0,03–0,09	Показывает долю управленческих расходов в общей сумме выручки. Превышение нормативного значения говорит об использовании выручки с целью обогащения управленческого персонала предприятия.
3.	Коэффициент управленческой нагрузки по валовой прибыли $K_{упр.н.вал.пр.}$	Управленческие расходы предприятия / Валовая прибыль предприятия	0,1–0,2	Рассчитывается как отношение управленческих расходов к общей сумме валовой прибыли. Превышение нормативного значения свидетельствует об использовании валовой прибыли в интересах управленцев.
Источник: составлено авторами.				

Получение расчетных значений индексов позволяет перейти к *третьему этапу оценки*, заключающемуся в расчете групповых индексов финансового взаимодействия ($I_{ФБ}$, $I_{НН}$, $I_{УВ}$). Отсутствие дополнительных весовых коэффициентов, наделение индексов равной значимостью и установление единого норматива предопределили использование среднего арифметического значения индексов по формулам 3–5:

$$I_{ФБ} = \sum (I_{н.п.} + I_{ф.н.пр.} + I_{ф.б.д.} + I_{ф.н.им.р.} + I_{ф.ндфл.р.} + I_{сб.ф.б.ндс}) / n, \quad (3)$$

$$I_{НН} = \sum (I_{н.н.в.} + I_{н.н.вал.пр.} + I_{н.н.нал.б.}) / n, \quad (4)$$

$$I_{УВ} = \sum (I_{ч.пр.див.} + I_{упр.н.в.} + I_{упр.н.вал.пр.}) / n, \quad (5)$$

где $I_{ФБ}$ – частный индекс формирования бюджета,

$I_{НН}$ – частный индекс налоговой нагрузки,

$I_{УВ}$ – частный индекс управленческого воздействия,

n – количество индексов в группе.

Итоговый *четвертый этап* заключается в расчете и интерпретации интегральной оценки уровня финансового взаимодействия между крупным бизнесом и государством (I) на основании формулы 6:

$$I = \sum(I_{\text{ФБ}} + I_{\text{НН}} + I_{\text{УВ}}) / n. \quad (6)$$

Для определения уровня финансового взаимодействия между крупным бизнесом и государством в соответствии со значениями интегрального показателя нами предложена шкала интервалов и выделено семь уровней эффективности.

Первый уровень — «критический»: расчетное значение интегрального индекса ниже 0.

Роль предприятия в бюджетных доходах региона очень мала, возмещаемый из федерального бюджета НДС в пользу предприятия намного больше поступлений налога на прибыль в федеральный бюджет, у предприятия низкая налоговая нагрузка, ставка налогообложения прибыли меньше 5%, дивидендные выплаты осуществляются даже при убыточном финансовом результате.

Второй уровень — «низкий»: расчетное значение интегрального индекса находится в пределах от 0 до 0,2.

Роль предприятия в бюджетных доходах региона мала, возмещаемый НДС в пользу предприятия больше поступлений налога на прибыль в федеральный бюджет, ставка налогообложения прибыли варьируется от 5 до 8%, на дивиденды направляется либо вся чистая прибыль, либо чуть больше, расходы на управление приводят к существенному снижению налогооблагаемой базы.

Третий уровень — «удовлетворительный»: расчетное значение интегрального индекса находится в пределах от 0,2 до 0,4.

Роль предприятия в бюджетных доходах региона незначительна, возмещаемый НДС по сумме равен поступлениям налога на прибыль, ставка налогообложения прибыли варьируется от 8 до 11%, на дивиденды направляется от 80 до 100% чистой прибыли. Достаточно высокая управленческая нагрузка.

Четвертый уровень — «средний»: расчетное значение интегрального индекса находится в пределах от 0,4 до 0,6.

Предприятие имеет среднюю значимость в формировании доходов бюджета, возмещаемый НДС по сумме ниже поступлений налога на прибыль в федеральный бюджет, ставка налогообложения прибыли варьируется от 11 до 14%, на дивиденды направляется от 60 до 80% чистой прибыли. Расходы на управление в пределах нормы.

Пятый уровень — «достаточный»: расчетное значение интегрального индекса находится в пределах от 0,6 до 0,8.

Предприятие в значительной степени формирует доходы регионального бюджета, объем возмещаемого НДС из федерального бюджета не превышает поступления налога на прибыль, достаточная налоговая нагрузка, ставка налогообложения прибыли варьируется от 14 до 17%, на дивиденды направляется от 50 до 60% чистой прибыли.

Шестой уровень — «высокий»: расчетное значение интегрального индекса находится в пределах от 0,8 до 1.

Доходы регионального бюджета существенно зависят от результатов производственно-финансовой деятельности предприятия, объем возмещаемого НДС значительно меньше поступлений налога на прибыль в федеральный бюджет, высокий уровень налоговой нагрузки, ставка налогообложения прибыли в пределах от 17 до 20%, расходы на управление незначительны, на дивиденды направляется до 50% чистой прибыли.

Седьмой уровень — «очень высокий»: расчетное значение интегрального индекса выше 1.

Предприятие является основным донором доходов бюджета региона базирования, НДС из федерального бюджета не возмещается, высокая налоговая нагрузка, ставка налогообложения в пределах 20%, интересы акционеров и управленцев не идут в разрез с социально-экономическим развитием территорий. Дивиденды составляют около 40% от чистой прибыли, что позволяет предприятию иметь высокий инвестиционный потенциал и накапливать нераспределенную прибыль.

Таким образом, результаты интерпретации значений интегрального индекса станут основой для принятия мер государственной политики, направленных на расширение сотрудничества и повышение эффективности взаимодей-

ствия с крупным бизнесом в целях реализации задач экономического развития страны и ее территорий.

Результаты исследования

Апробацию разработанной методики предлагается провести на российских корпорациях черной металлургии. Это связано с тем, что черная металлургия представляет собой одну из наиболее развитых и важных отраслей промышленного производства, успешное развитие которой определяет индустриальный потенциал и возможности многих государств, в том числе России. Отрасль включает в себя добычу и переработку сырья, производство чугуна, стали, проката, кровельного железа, рельс и т. д. Потребителями ее продукции являются военно-промышленный комплекс, машиностроение, автомобилестроение, строительство, производство труб, нефтегазовая и многие другие отрасли⁴. Неслучайно объектами исследования выбраны ПАО «Северсталь», ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» и ПАО «Новолипецкий металлургический

комбинат» – российские предприятия отрасли черной металлургии, имеющие большую значимость в своем сегменте по показателям производства стали и формирования региональных бюджетов.

Отечественные сталелитейные компании Северсталь, ММК, НЛМК являются лидерами российского производства и входят в ТОП-50 мировых компаний (табл. 2).

Среди российских корпораций лидером по росту производства за исследуемый период стал Новолипецкий металлургический комбинат (+4,7%). Северсталь сократила объемы производства почти на 20%, что во многом объясняется ликвидацией производственных активов Severstal Columbus и Severstal Deaborn в Северной Америке. У Магнитогорского металлургического комбината сокращение объемов выплавки стали было незначительным и составило 3,8% от уровня 2012 года. В результате доля российских компаний в общемировом производстве стали уменьшилась с 2,7 до 2,1% соответственно.

Таблица 2. Производство стали крупнейшими мировыми компаниями в 2012–2019 гг.

Компания	2012 г.			2015 г.			2019 г.			Изменение, 2019 г. к 2012 г.	
	Млн тонн	%*	Место**	Млн тонн	%*	Место**	Млн тонн	%*	Место**	%	Место
Пять крупнейших компаний											
ArcelorMittal (Люксембург)	93,6	6,0	1	97,1	6,0	1	97,3	5,2	1	104,0	без. изм.
China Baowu Group (Китай)	79,1	5,1	4	60,7	3,7	5	95,5	5,1	2	120,7	+2
NSSMC (Япония)	47,9	3,1	2	46,4	2,9	3	51,7	2,8	3	107,9	-1
HBIS Group (Китай)	42,8	2,7	3	47,8	2,9	2	46,6	2,4	4	108,8	-1
POSCO (Южная Корея)	39,9	2,6	5	41,9	2,6	4	43,1	2,3	5	108,1	без. изм.
Российские компании											
НЛМК	14,9	0,95	20	16,1	0,99	19	15,6	0,83	21	104,7	-1
ММК	13,0	0,80	26	12,2	0,75	31	12,5	0,67	32	96,2	-6
Северсталь	15,1	0,96	19	11,5	0,70	33	11,9	0,63	37	78,8	-18
Итого	43,0	2,7	-	39,8	2,4	-	40,0	2,1	-	93,0	-
* Доля в мировом производстве стали.											
** Место в рейтинге 50 крупнейших мировых компаний.											
Источник: данные Всемирной ассоциации стали.											

⁴ Роль черной металлургии в мировой экономике. URL: <https://fabricators.ru/article/chernaya-metallurgiya>

На основе разработанной методики оценим уровень финансового взаимодействия государства и крупных корпораций на примере ПАО «Северсталь», ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» и ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» в период с 2010 по 2019 год. Для проведения оценки использованы финансовая отчетность компаний⁵, находящаяся в открытом доступе в сети Интернет, а также данные ФНС⁶ и Росстата по Вологодской⁷, Челябинской⁸ и Липецкой⁹ областям.

Расчеты коэффициентов, предложенных в методическом инструментарии, указывают на следующие ключевые тенденции.

Во-первых, из-за десятикратного роста налога на прибыль в ПАО «Северсталь» увеличилась роль корпорации в формировании доходов регионального бюджета, что повлекло увеличение коэффициента формирования налога на прибыль региона, а также коэффициента формирования бюджетных доходов по налогу на

прибыль. Отметим, что период с 2012 по 2015 год, который характеризовался введением КГН и убыточным финансовым результатом некоторых комбинатов, привел к снижению роли данных корпораций в формировании региональных бюджетов (табл. 3).

Во-вторых, существенно возросли значения коэффициентов налоговой нагрузки относительно выручки и валовой прибыли у ПАО «Северсталь» (рост в 1,5 и 1,6 раза соответственно; табл. 4). Наибольшая средняя налоговая нагрузка как по выручке, так и по валовой прибыли характерна для ПАО «НЛМК» (3,8 и 15,8%), на втором месте – ПАО «ММК» (2,5 и 9,0%), на третьем – ПАО «Северсталь» (2,0 и 7,7%) соответственно. Причина выявленных расхождений между компаниями заключается в отсутствии режима консолидированного налогообложения в отношении Магнитогорского комбината, и его незначительном влиянии на налогооблагаемую базу Новолипецкого комбината.

Таблица 3. Доля налога на прибыль металлургических комбинатов в общих поступлениях налога на прибыль по региону и в региональных бюджетных доходах с 2010 по 2019 год

Период	Доля налога на прибыль предприятия в общих поступлениях налога на прибыль по региону, %			Доля налога на прибыль предприятия в бюджетных доходах региона, %		
	ПАО «Северсталь»	ПАО «ММК»	ПАО «НЛМК»	ПАО «Северсталь»	ПАО «ММК»	ПАО «НЛМК»
2010	40,4	8,7	47,4	9,4	1,5	11,6
2011	34,1	10,8	50,2	8,1	1,9	13,1
2012	6,3	9,0	41,8	1,3	1,4	9,1
2013	12,9	0,0	45,7	1,4	0,0	9,1
2014	8,0	0,6	61,5	1,1	0,1	14,9
2015	5,4	30,1	72,5	0,6	6,4	22,3
2016	22,6	37,6	58,4	3,9	8,6	16,6
2017	35,4	30,0	56,1	7,6	7,6	14,9
2018	54,0	38,0	68,2	15,0	10,2	22,7
2019	49,1	29,7	58,7	12,3	6,8	15,7
В среднем за 2010–2019 гг.	26,8	19,5	56,1	6,1	4,4	15,0
2019 г. к 2010 г., раз	1,2	3,4	1,2	1,3	4,5	1,4

Источник: данные ФНС России по Вологодской, Челябинской и Липецкой областям.

⁵ Финансовая отчетность ПАО «Северсталь». URL: https://www.severstal.com/rus/ir/results_reports/financial_results/; Финансовая отчетность ПАО «ММК». URL: http://mmk.ru/for_investor/financial_statements/dynamics/; Финансовая отчетность ПАО «НЛМК». URL: <https://nlmk.com/ru/ir/reporting-center/financial-releases/>

⁶ Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: <https://www.nalog.ru/>

⁷ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <https://vologdastat.gks.ru/>

⁸ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: <https://chelstat.gks.ru/>

⁹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области. URL: <https://lipstat.gks.ru/>

Таблица 4. Доля налога на прибыль металлургических комбинатов в выручке, валовой прибыли и прибыли до налогообложения с 2010 по 2019 год

Период	Доля налога на прибыль в выручке, %			Доля налога на прибыль в валовой прибыли, %		
	ПАО «Северсталь»	ПАО «ММК»	ПАО «НЛМК»	ПАО «Северсталь»	ПАО «ММК»	ПАО «НЛМК»
2010	2,5	1,0	2,9	9,8	5,7	10,7
2011	2,0	1,1	3,2	9,5	7,4	14,9
2012	0,7	0,8	1,9	3,8	5,0	13,5
2013	0,6	0,0	2,4	3,5	0,0	20,7
2014	0,9	0,1	3,7	3,6	0,2	15,3
2015	0,7	3,5	5,0	2,1	11,4	17,8
2016	1,4	4,6	4,1	4,6	14,8	14,1
2017	3,2	4,1	3,8	11,6	14,0	14,1
2018	4,1	5,4	5,5	13,2	16,6	16,8
2019	3,7	4,0	5,1	15,5	14,6	20,2
В среднем за 2010–2019 гг.	2,0	2,5	3,8	7,7	9,0	15,8
2019 г. к 2010 г., раз	1,5	4,0	1,8	1,6	2,6	1,9

Источник: данные финансовой отчетности ПАО «Северсталь», ПАО «ММК» и ПАО «НЛМК».

В-третьих, доля дивидендов в чистой прибыли ПАО «НЛМК» увеличилась за исследуемый период в 3,7 раза, а за 2018–2019 гг. и вообще превысила ее размер, что привело к использованию на эти цели даже части нераспределенной прибыли. Доля дивидендов в чистой прибыли Магнитогорского комбината возросла в 7,1 раза. Для всех предприятий в тот или иной период были характерны дивидендные выплаты при убыточном финансовом

результате (в 2010, 2011 и 2014 гг. – ПАО «Северсталь», в 2014 году – ПАО «ММК» и в 2013 году – ПАО «НЛМК»). Наибольшая средняя доля дивидендов в чистой прибыли характерна для ПАО «Северсталь» (0,89); на втором месте находится Новолипецкий комбинат (0,79), на третьем – ПАО «ММК» (0,40) (табл. 5). Отсюда следует вывод о том, что руководство

Таблица 5. Доля дивидендов в чистой прибыли (убытке) металлургических комбинатов с 2010 по 2019 год

Период	ПАО «Северсталь»		ПАО «ММК»		ПАО «НЛМК»	
	Доля дивидендов в ЧП***	Отклонение от средней нормы (0,5)	Доля дивидендов в ЧП	Отклонение от средней нормы (0,5)	Доля дивидендов в ЧП	Отклонение от средней нормы (0,5)
2010	(0,17)*	-	0,15	-0,35	0,34	-0,16
2011	(8,02)*	-	0	-0,50	0,35	-0,15
2012	0,66	0,16	0,40	-0,11	0,17	-0,33
2013	0,86	0,36	0	-0,50	(0,31)*	-
2014	(4,71)*	-	(2,85)*	-	0,73	0,23
2015	1,23	0,73	0,32	-0,18	0,83	0,33
2016	0,80	0,30	0,32	-0,18	1,52	1,02
2017	0,71	0,21	0,46	-0,04	0,77	0,27
2018	1,08	0,58	0,90	0,40	1,16	0,66
2019	0,92	0,42	1,07	0,57	1,25	0,75
В среднем за 2010–2019 гг.**	0,89	0,39	0,40	-0,10	0,79	0,29
2019 г. к 2010 г., раз	-	-	7,1	-1,6	3,7	-4,7

* В скобках показана доля дивидендов в убытке.
** Без учета выплат дивидендов при убытках.
*** В чистой прибыли.
Источник: данные финансовой отчетности ПАО «Северсталь», ПАО «ММК» и ПАО «НЛМК».

Магнитогорского комбината ведет более сдержанную распределительную политику. Об этом свидетельствует и место основного владельца ПАО «ММК» Виктора Рашникова в рейтинге богатейших людей России. По состоянию на 2020 год он уступает 11 позиций владельцу ПАО «Северсталь» Алексею Мордашову и 13 позиций – владельцу ПАО «НЛМК» Владимиру Лисину.

Стоит отметить, что налоговая оптимизация через дивиденды нежелательна, поскольку может вести к злоупотреблениям; поощрение инвестиций должно осуществляться путем прямой увязки размеров капиталовложений и налоговых льгот (например, через налоговые вычеты для определенных видов инвестиций).

В-четвертых, управленческая нагрузка по выручке за 10 лет сократилась на 0,3 п. п. у ПАО «Северсталь»; на 1,4 п. п. у ПАО «ММК» и выросла на 0,2 п. п. у Новолипецкого комбината. Однако такую ситуацию можно расценивать как намеренное сохранение объемов чистой прибыли для осуществления дивидендных выплат. Наибольший объем и удельный вес управленческих расходов по выручке и валовой прибыли для всех металлургических комбинатов пришелся на 2012 и 2013 гг. Магнитогорский комбинат сократил управленческие расходы в структуре валовой прибыли на 10,6 п. п. (табл. 6).

Далее перейдем к расчету интегрального коэффициента уровня финансового взаимодействия государства и крупных корпораций.

Уровень финансового взаимодействия ПАО «Северсталь» и ПАО «НЛМК» с государством за 10 лет сократился на 36 и 11% соответственно, а у ПАО «ММК» увеличился на 32% (рис. 4).

Снижение поступлений налога на прибыль от ПАО «Северсталь» в бюджет Вологодской области в результате создания консолидированной группы налогоплательщиков, а также рост дивидендных выплат при убытках отразились на уровне финансового взаимодействия, который в период с 2012 по 2016 год можно охарактеризовать как критический.

После 2016 года произошло сближение уровня финансового взаимодействия трех исследуемых корпораций с государством, что позволяет сформулировать следующие выводы относительно оценки уровня эффективности взаимодействия государства с исследуемыми корпорациями за 2010–2019 гг.:

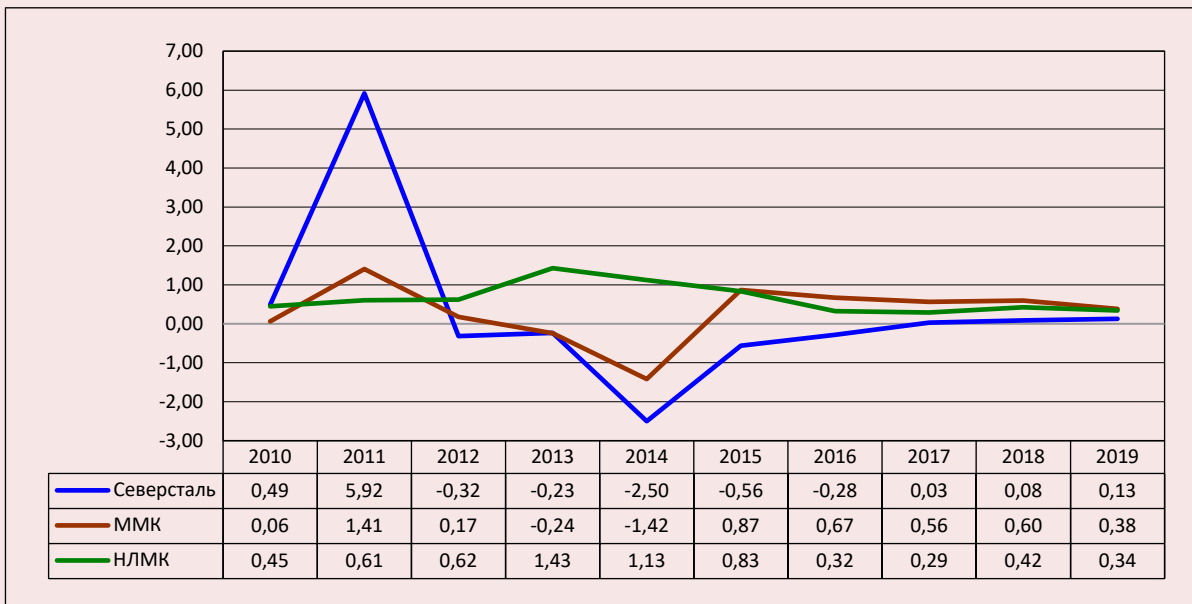
- уровень государственно-корпоративного финансового взаимодействия оценивался преимущественно как низкий;
- за исключением резкого падения в 2014 году уровень эффективности находился примерно на одном уровне, что свидетельствует о застойном характере механизма взаимодействия;

Таблица 6. Доля управленческих расходов в структуре выручки и валовой прибыли металлургических комбинатов с 2010 по 2019 год, %

Период	Доля управленческих расходов в выручке			Доля управленческих расходов в валовой прибыли		
	ПАО «Северсталь»	ПАО «ММК»	ПАО «НЛМК»	ПАО «Северсталь»	ПАО «ММК»	ПАО «НЛМК»
2010	3,7	3,0	3,4	14,9	16,6	12,6
2011	3,7	2,7	3,2	17,5	18,5	14,9
2012	5,3	3,1	3,3	28,4	19,2	22,9
2013	4,4	3,2	3,8	24,4	24,3	33,0
2014	3,8	2,5	3,8	14,1	10,9	15,7
2015	3,4	1,9	3,0	10,1	6,1	10,8
2016	3,7	1,7	4,1	12,0	5,5	14,3
2017	3,3	1,6	3,3	11,9	5,4	12,3
2018	3,0	1,4	3,3	9,4	4,4	10,0
2019	3,4	1,6	3,6	14,4	6,0	14,2
В среднем за 2010–2019 гг.	3,8	2,3	3,5	15,7	11,7	16,1
2019 г. к 2010 г., п. п.	-0,3	-1,4	+0,2	-0,5	-10,6	+1,6

Источник: данные финансовой отчетности ПАО «Северсталь», ПАО «ММК» и ПАО «НЛМК».

Рис. 4. Динамика интегрального коэффициента финансового взаимодействия металлургических корпораций с государством с 2010 по 2019 год

Источник: составлено авторами.

— динамический тренд оценки взаимодействия указывает на резкий провал ее уровня в 2014 году, что объясняется выплатой акционерам дивидендов, размер которых многократно превысил сумму убытков;

— уровень финансового взаимодействия ПАО «Северсталь» с государством оценивался в основном как «критический» и «низкий»; наибольшие оценки характеризовали финансовое взаимодействие государства и ПАО «НЛМК», что обусловлено расчетной ставкой налогообложения прибыли и существенной ролью предприятия в бюджетных доходах региона;

— все корпорации в большей или меньшей степени использовали прибыль в интересах собственников (выплата значительных сумм дивидендов даже при убытках).

Выводы и предложения

Проведенная с помощью разработанного методического инструментария оценка тенденций взаимодействия металлургических корпораций и государства указывает на недостаточно эффективное финансовое взаимо-

действие данных экономических агентов. За исследуемый период механизм корпоративного управления окреп настолько, что может выстраивать альтернативную государственной власти вертикаль корпоративной власти, которая в первую очередь обеспечивает потребности корпорации, а уже по остаточному принципу – потребности населения территорий базирования. Более того, действующий механизм корпоративного управления продолжает поддерживаться мерами государственной политики, что подтверждается и растущим количеством трейдерных сделок, и беспрепятственными возможностями направления финансовых потоков в пользу конечных офшорных бенефициаров, и существованием законных способов налоговой оптимизации. Если бы российское законодательство ограничивало такие допущения, бюджетная обеспеченность населения в регионах базирования крупных корпораций могла бы существенно вырасти, повысив качество предоставляемых общественных услуг и уровень жизни граждан.

Исследование показало, что требуются решительные меры для повышения фискальной функции крупных корпораций, которые:

– во-первых, предполагают инвентаризацию норм, регулирующих налогообложение прибыли, на предмет исключения институциональных возможностей осуществления корпорациями налоговой оптимизации;

– во-вторых, пересматривают механизм возврата экспортного НДС и корректировку подходов к применению нулевой ставки НДС по экспортным операциям.

Проекты бюджетообразующих предприятий должны не противоречить стратегиям территориального развития региона, а соответствовать принципам социального партнерства и социальной ответственности бизнеса.

С этой точки зрения назрела острая необходимость создания и научного обоснования организационно-экономического механизма взаимодействия государства с крупными корпорациями, который будет способствовать реализации конституционных прав граждан, соответствовать национальным целям и при-

оритетам, а также увязываться с задачами и инструментами государственной финансовой политики.

Данное исследование вносит вклад в развитие теоретической науки и образует фундамент для дальнейших размышлений по поводу оценки финансового взаимодействия корпораций и государства. Следует отметить, что наши дальнейшие исследования предполагается сосредоточить на углубленном выявлении причинно-следственных связей получения подобных оценочных результатов, существенно отклонившихся от нормативного уровня, а также разработке мер, направленных на повышение эффективности взаимодействия государства с крупными корпорациями, и организационно-экономического механизма.

Кроме того, результаты работы могут быть использованы органами государственной власти субъектов РФ при оценке вклада корпораций в пополнение региональных бюджетов и прогнозировании угроз снижения бюджетной обеспеченности территориальных систем.

Литература

1. Хилько Н.А., Каргинова В.В. Корпоративная модернизация экономики необходимое условие повышения ее конкурентоспособности // *Пространство экономики*. 2009. № 2–3. С. 45–49.
2. Добролежа Е.В. Вовлечение финансовых ресурсов крупных корпораций в социально-экономический потенциал российских регионов // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2011. № 36 (129). С. 59–63.
3. Ильин В.А., Поварова А.И., Сычев М.Ф. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 102 с.
4. Ильин В.А., Поварова А.И. Влияние металлургических корпораций на формирование доходов региональных бюджетов (2007–2016). Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 198 с.
5. Ильин В.А., Поварова А.И. Крупнейшие металлургические корпорации и их роль в формировании бюджетных доходов: монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 204 с.
6. Поварова А.И. Регионы-металлурги: основные тенденции и проблемы социально-экономического развития // *Проблемы развития территории*. 2015. № 6 (80). С. 37–50.
7. Буданов И.А. Управление развитием металлургии и глобальным рынком металла // *Проблемы прогнозирования*. 2020. № 6. С. 104–118.
8. Тюрина Ю.Г. Методологические и практические проблемы оценки налогового потенциала региона // *Известия ОГАУ*. 2013. № 6 (44). С. 155–157.
9. Creedy J., Gemmell N. Corporation tax asymmetries: Effective tax rates and profit shifting. *International Tax and Public Finance*, 2011, vol. 18, pp. 422–435.
10. Park J., Lee Y. Corporate income taxes, corporate debt, and household debt. *International Tax and Public Finance*, 2019, vol. 26, iss. 3, no. 3, pp. 506–535.
11. Reito F., Spagano S. Joint liability taxation and group auditing. *Economia Politica*, 2017, vol. 34, pp. 305–327.

12. Abdullahi D.A. Effects of financial liberalization on financial market development and economic performance of the SSA region: An empirical assessment. *Economic Modelling*, 2013, vol. 30, pp. 261–273. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2012.09.019>
13. Arendsen R., Oscar Peters O., Hedde M., Dijk J. Does e-government reduce the administrative burden of businesses? An assessment of business-to-government systems usage in the Netherlands. *Government Information Quarterly*, 2014, vol. 31, iss. 1, pp. 160–169.
14. Leibus I. Assessment of agricultural tax burden in Latvia. *Economic Science for Rural Development Conference Proceedings*, 2017, vol. 46. pp. 272–278.
15. Giriiniene G. Analysis of assessment methods of tax burden: Theoretical aspect. *Economics and Management*, 2012, vol. 17, no. 3, pp. 823–828. DOI: <https://doi.org/10.5755/j01.em.17.3.2089>
16. Gudelis D., Guogis A. Integrating public and business management: A model of interaction between public and private sectors. *Int Rev Public Nonprofit Mark*, 2011, vol. 8, pp. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12208-010-0063-4>
17. Максимова Т.В. Расчет налоговой нагрузки хозяйствующего субъекта: теория и практика // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2015. Т. 9. № 2. С. 110–116.
18. Кирова Е.А. Методология определения налоговой нагрузки на хозяйствующие субъекты // Финансы. 1998. № 9. С. 30–42.
19. Литвин М.А. Налоговая нагрузка и экономические интересы предприятий // Финансы. 1998. № 5. С. 29–31.
20. Пчелинцев О.С., Минченко М.М. Региональная инфраструктура как условие экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2004. № 6. С. 1–16.
21. Ильин В.А., Морев М.В., Поварова А.И. Российский «капитализм для своих» (на примере крупнейших корпораций черной металлургии) // Общество и экономика. 2019. № 12. С. 22–58. DOI: 10.31857/S020736760007835-7
22. Ильин В.А. Частный капитал и национальные интересы. На примере собственников металлургических корпораций // Вестник Российской академии наук. 2013. № 7. С. 579–586.
23. Ильин В.А., Поварова А.И. Консолидированное налогообложение и его последствия для региональных бюджетов // Экономика региона. 2019. № 4. С. 70–83. DOI: 10.17059/2019-1-6
24. Ильин В.А., Поварова А.И. Недостатки налогового администрирования крупного бизнеса и их влияние на региональные бюджеты // Экономика региона. 2017. № 1. С. 51–57.
25. Андреева Е.С. Оценка эффективности проектов государственно-частного партнерства: методологический подход // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 12. С. 300–303.
26. Малышев М.К. О социальной ответственности крупного бизнеса (на примере ПАО «Северсталь») // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 1. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28502>. DOI: 10.15838/sa.2020.1.23.5
27. Малышев М.К. Роль крупного бизнеса в развитии территорий (на примере металлургических корпораций России) // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2020. № 17 (6). С. 144–155. DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-6-144-155>
28. Печенская М.А. Бюджетный потенциал муниципальных образований: оценка и направления развития // Проблемы прогнозирования. 2019. № 4. С. 120–131.
29. Печенская М.А. Регион и федеральный центр: состояние и оценка результативности бюджетных отношений // Аудит и финансовый анализ. 2013. № 5. С. 397–404.
30. Печенская-Полищук М.А. Инструменты и принципы распределения бюджетных ресурсов в регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 71–88.
31. Губанова Е.С., Клещ В.С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 58–75. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.4
32. Яшин С.Н., Коробова Ю.С. Метод расчета интегрального индекса инновационного развития региона // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2017. № 4 (334). С. 360–374.

Сведения об авторах

Мария Александровна Печенская-Полищук – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 5164088@bk.ru)

Михаил Константинович Малышев – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mmk1995@mail.ru)

Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K.

Metallurgical Corporations and the State: Trends in Financial Interaction of the Last Decade

Abstract. The dominant role of big business in the formation of Russia's GDP determines its high importance both for the country's economy as a whole and for the economies of individual regions. In this regard, studies that address the issues of assessing the financial interaction of large corporations with the state are relevant and necessary. Interaction of these economic agents with each other is complex and contradictory, as in modern market conditions the interests of the state and economic entities are multidirectional. The Vologda Research Center of RAS pays attention to studying the influence of large corporations on regional development, in particular on the formation of budget revenues. As a result of the long-term research, we have formed a serious factual base that allows understanding the main interaction features of large businesses with the regional and federal budgets, to determine systemic shortcomings of the state's tax policy including those related to the taxation of profits and income of corporate owners. However, currently, there is no single mechanism in the scientific literature that can be used to most comprehensively assess the financial interaction of large businesses with the region. At the same time, the results of such an assessment can become a serious foundation for justifying many management decisions. The purpose of the study is to assess the trends of financial interaction between the state and corporations on the basis of the developed methodological tools. The authors have tested the methodology in the case of ferrous metallurgy industry. The object of the study is the financial interaction of large ferrous metallurgy corporations (PJSC "Severstal", PJSC "MMK" and PJSC "NLMK") with the state. The paper uses the methods of structural (weight) analysis, coefficient analysis linking the microeconomic indicators of enterprises with the macroeconomic indicators of the home regions, the index method, and the method of level estimation when creating the methodological assessment tools.

Key words: interaction assessment, regional economy, budget system, taxation of large corporations, ferrous metallurgy, assessment methods and tools.

Information about the Authors

Mariya A. Pechenskaya-Polishchuk – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Head of Laboratory, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 5164088@bk.ru)

Mikhail K. Malyshev – Research Engineer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mmk1995@mail.ru)

Статья поступила 30.12.2020.

Смысловое пространство реальности: структурная таксономия оснований саморегуляции взаимодействий в молодежной среде

Юлия Альбертовна

ЗУБОК

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: uzubok@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3108-2614; ResearcherID: H-7357-2016

Александр Сергеевич

ЛЮБУТОВ

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: alexander501@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6042-169X; ResearcherID: J-9625-2018

Аннотация. В статье дается концептуальное понимание смыслового пространства реальности, обосновываются его структура и особенности формирования в молодежной среде. С этой целью рассматриваются процесс смыслообразования и содержательное наполнение смысловых полей. Оно анализируется в качестве оснований саморегуляции социальных взаимодействий молодежи. Выявление смысловых оснований саморегуляции представляет собой актуальную как для теории, так и для практики научную задачу. Цель исследования заключается в выявлении структуры взаимосвязей и иерархической кластеризации базовых элементов механизма саморегуляции социальных взаимодействий молодежи на основе структурно-таксономической модели. Ее построение осуществлено в рамках разрабатываемого в Центре социологии молодежи

Для цитирования: Зубок Ю.А., Любутов А.С. Смысловое пространство реальности: структурная таксономия оснований саморегуляции взаимодействий в молодежной среде // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 167–181. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.10

For citation: Zubok Yu.A., Lyubutov A.S. Semantic space of reality: structural taxonomy of the foundations of self-regulation of interactions in the youth environment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 167–181. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.10

ИСПИ ФНИСЦ РАН механизма саморегуляции жизнедеятельности молодежи. Структурно-таксономический подход позволяет получать структурно-таксономические карты, отображающие многослойные структуры взаимосвязей внутри механизма саморегуляции, а также связей между различными смыслами, которые воспроизводятся и конструируются в молодежной среде в процессе повседневных взаимодействий. В отличие от автоматической классификации – классической задачи таксономии – структурно-таксономический подход фокусирует внимание на выявлении структуры наиболее существенных связей между классифицируемыми объектами, в качестве которых в статье выступают элементы механизма саморегуляции жизнедеятельности молодежи. Построение структурно-таксономической модели базируется на данных социологического измерения, что позволяет исследователям предложить обоснованные описания и объяснительные интерпретации результатов. В основу анализа положены итоги эмпирических исследований, полученные авторами в ходе опроса российской молодежи в возрасте 15–29 лет. В процессе таксономического анализа выявлена структура смыслового пространства молодежи. Обосновывается вывод о неоднозначности смысловых связей внутри смысловых полей и между ними. В результате структурно-таксономического моделирования смыслового пространства выделено несколько уровней смысловых полей. Их анализ позволил сформировать представление о смысловых основаниях саморегуляции взаимодействий молодых людей друг с другом и с обществом.

Ключевые слова: саморегуляция, взаимодействия, смыслы, социальная реальность, молодежь, структурная таксономия, иерархическая кластеризация.

Введение

При устойчивом развитии социума его параметры поддерживаются молодым поколением в определенных диапазонах, что обеспечивает преемственность образцов саморегуляции. Однако в процессе социокультурной динамики не только воспроизводится опыт, но и переосмысливается, вследствие чего в пространстве смыслов и значений молодежи проявляются разные социокультурные образцы (паттерны), относящиеся к маркерам различных исторических периодов. В соответствии с «резонансностью» опыта молодежи с теми или иными смыслами и значениями происходит отбор социокультурных образцов, на которых выстраиваются образы реальности и осуществляются взаимодействия молодых людей друг с другом и с обществом. В результате взаимодействия, схожие по форме, наполняются разным смыслом, а сами смыслы претерпевают трансформацию и в новом, измененном виде служат основанием для саморегуляции социальных взаимодействий.

Формирование смыслового пространства реальности сопровождается познанием, осмыслением и освоением действительности. Ключевое место в этом процессе отводится субъективной интерпретации объектов, событий и явлений действительности, т. е. наделению их

особыми смыслами и значениями. Смысл содержит понимание молодыми людьми сущности всего того, чем наполняется их жизненный мир, и одновременно выступает «дискретным импульсом особого рода интенциональности» [1]. Это означает, что сформированные смыслы, как представления о сущности объектов реальности и их значимости для жизни, проникают в структуру мотивации жизнедеятельности, где обретают форму ценностей. В свою очередь ценности – сформировавшиеся в коллективном сознании молодежи представления о смыслах – наполняют взаимодействия мировоззренческим содержанием.

Познание реальности и конструирование смыслов происходят не только в повседневных intersubjectивных взаимодействиях молодых людей друг с другом, но и в межпоколенческой коммуникации. В свою очередь субъективное понимание смысла выступает основой саморегуляции социальных взаимодействий молодых людей (как в молодежной среде, так в социуме в целом), сообщая групповым и межличностным взаимодействиям содержательную направленность.

Источниками формирования смыслов являются, с одной стороны, исторический опыт в форме исторической памяти как продукт со-

циокультурного развития общества, зафиксированный в коллективном бессознательном, с другой — конкретные условия жизни молодых людей, в которых протекает их социализация и обретается собственный жизненный опыт. Взаимодействие этих смыслов отражает одновременно дифференциацию и синкретизм, поэтому дифференциация смыслов и их носителей сопровождается еще более сложным процессом наложения разных образцов в сознании одних и тех же групп. Поскольку фундаментальные изменения не происходят одномоментно, то и в смысловом пространстве реальности встречаются различные, часто противоречащие друг другу смыслы и значения.

Для понимания смыслообразования и сохранения смыслового пространства **необходимо углубленное изучение механизмов формирования смысловых проекций**, что связано с ответом на один из ключевых вопросов о взаимодействии бессознательных и осознаваемых, социальных и культурных, традиционных и современных элементов внутри механизма социальной саморегуляции.

Методология

В анализе смыслового пространства молодежи, его формирования и дальнейшего влияния на саморегуляцию взаимодействий применяется целостный подход, учитывающий различные элементы *механизма саморегуляции* — архетипические, ментальные, габитуальные и стереотипические компоненты, смысло-жизненные ценности, типы культуры и доверие окружающим.

С целью анализа смыслов и выявления функций элементов механизма в структурировании смыслового пространства реальности молодого поколения применялось структурно-таксономическое моделирование [2; 3, с. 87–94; 4, с. 95–98; 5, с. 147–152]. Оно позволяет понять процесс смыслообразования и смысловой саморегуляции, выявить его особенности, которые плохо поддаются стандартным методам исследования.

Метод структурно-таксономического анализа (моделирования) представляет собой набор *формализованных процедур* иерархической кластеризации или автоматической классификации; процедуры структурно-таксономической интерпретации полученных разбиений;

структуры самых значимых (по критерию «максимальной близости») связей между параметрами-образами («подлежащими») и между выделенными таксонами (смысловыми группировками/объединениями). Значимость смыслов определяется путем расчетов тесноты связи между показателями. Используемые алгоритмы позволяют автоматически выделить наиболее близкие друг к другу элементы по достаточно большому числу характеристик и сгруппировать эти элементы в *естественные* классы-таксоны. Таким образом, соответствующие элементам смыслы распределяются не хаотично, а выстраиваются в определенную иерархию в соответствии со значениями выбранной меры близости. *В таком понимании каждый таксон задает подпространство для конкретного смыслового поля, а в совокупности смысловые поля, соответствующие полученным таксонам, рассматриваемым в их взаимосвязи друг с другом, образуют структуру смыслового пространства (группировки таксонов).*

Результаты первого опыта таксономического анализа содержали исходные данные о смысловых полях, соответствующих выделенным таксонам, и анализ корреляции этих таксонов с конкретными проявлениями самоорганизации молодежи [6, с. 15–35; 7, с. 59–75.]. В статье мы акцентируем внимание на ключевых характеристиках смыслового пространства реальности, являющихся основаниями для саморегуляции взаимодействий молодежи с окружающими людьми¹.

В качестве элементов-образов («подлежащих» таблицы сопряженности) использовались элементы-образы, презентующие основные части механизма саморегуляции жизнедеятельности молодежи, разрабатываемого Центром социологии молодежи ИСПИ РАН [8; 9, с. 14–19; 10, с. 164–186; 11, с. 48; 12]: *архетипы*, выделенные на основе согласия молодежи с пословицами, отражающими образцы коллективного

¹ В качестве исходных данных для структурной таксономии использовались результаты социологического исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2017 году в семи субъектах РФ, в 28 населенных пунктах. Выборка молодежи в возрасте 15–19 лет составила 803 чел. Опрос проводился методом личного интервью по месту жительства респондентов. Руководители исследования — Ю.А. Зубок, В.И. Чупров.

бессознательного; *ментальные (традиционные) и современные характеристики мировоззренческих установок*, непосредственно связанные с особенностями национального характера и отмечаемые молодыми людьми как *черты их собственного поколения; смыслы жизни как понимание ее сущностной доминанты; типы культуры*, сконструированные на основе подхода П.А. Сорокина; *смыслы*, возникающие в рамках молодежных субкультур и являющиеся основными принципами внутри- и межгрупповых взаимодействий; *габитусы* как устоявшиеся поведенческие практики; базовое *доверие/недоверие* окружающим.

В качестве меры близости применялась нормированная метрика Евклида. Элементы-образы, представляющие смысловое пространство молодежи, разбивались в семимерной системе координат, заданной характеристиками отношения молодежи к окружающим, на естественные (заранее не заданные) классы-таксоны по методу «ближайшего соседа» (критерию максимальной близости).

В отличие от коэффициента корреляции Пирсона, представляющего одну из угловых мер близости в структурной таксономии, позволяющей получать структурные распределения элементов-образов по критерию максимальной *близости по направленности*, группировка по критерию *наименьшего* евклидова расстояния между элементами-образами дает возможность разбить всю совокупность образов непосредственно по их *метрической близости* в многомерном характеристическом пространстве.

Смысловое пространство реальности: структура и динамика

Фундаментальным основанием смыслов выступают архетипические и ментальные компоненты культуры, содержащие обобщенный образ прошлого² и отражающие национальное своеобразие организации жизнедеятельности людей, социализировавшихся *в рамках общей культуры и территории* [12; 13]. Это «способ восприятия и оценки людьми окру-

жающего мира, мышления и чувствования, имеющий надситуативный характер и проявляющийся в их своеобразной поведенческой активности» [14]. Архетипы присутствуют в коллективном бессознательном в форме мифов, поговорок, сказок. Передаваясь от поколения к поколению, они участвуют в формировании «ядра» устойчивых представлений людей о себе и социальном мире. Архетипические элементы, по Э.Я. Голосовкеру, – совокупность «смыслообразов культуры» [15]. Они формируют представления о событиях и явлениях в форме бессознательного, когда еще не подвергаются осознанной рефлексии, а выступают объектом переживания. Смыслообразы играют важную роль в поиске людьми смысла собственной жизни, способов ее обустройства, выделения в ней главных целей и средств их достижения.

Архетипические и ментальные образцы отражают способы осмысления, связанные с широкими пластами культуры. Закрепляясь в устойчивых образах реальности (стереотипах) и привычных социальных практиках (габитусах), они переходят в активную, поведенческую форму. «Практический смысл», определяющий содержание габитусов, отражает прошлый опыт людей и соединяет его с настоящим, становится неотъемлемой частью их жизнедеятельности. Стереотип как упрощенный образ отношения к неким объектам служит быстрой их типизации и отнесению к определенному смыслу. Основываясь на штампах и шаблонных представлениях, стереотип нивелирует детали образов реальности, редуцируя смысл до «рамочного», «контурного». Являясь продуктом социализации, стереотип формируется как механизм идентификации «своих» («мы») и «чужих» («они»). Распространенные упрощенные образы, готовые к применению поведенческие установки, основанные на историческом и актуальном опыте, влияют на эмоциональное восприятие реальности.

Выступая продуктом совместной деятельности, смыслы эмоционально ощущаются как близость и сходство позиций и представлений о реальности, разделяемых с другими людьми. По мере осмысления общей для всех реальности, осознания причастности к одним и тем же событиям и явлениям, а главное, их схожей интерпретации, переживаемые ощущения пере-

² Юнг К.Г. 1991. Архетип и символ. М.: Ренессанс. СП ИВО-Сид. URL: https://www.phantastike.com/archetype/arhetip_i_simvol/zip/ (дата обращения 28.05.2020).

ходят на сознательный уровень. Осознанные смыслы наделяются ценностным значением, переводятся в форму действенных регуляторов не только сознания, но и поведения. Складывается *смысловое пространство реальности*, в котором взаимодействуют сами смыслы, объекты, которые ими наделяются, и носители этих смыслов – индивиды и группы. Пространство – форма существования как объективного, так и субъективных миров, «фундаментальное ... понятие человеческого мышления, отображающее множественный характер существования мира, его неоднородность. Множество предметов, объектов, данных в человеческом восприятии одновременно, формирует сложный пространственный образ мира, являющийся необходимым условием ориентации любой человеческой деятельности»³.

Как рациональное, так и иррациональное и эмоциональное впечатление о предметах, персонажах, событиях и явлениях материального и духовного мира воспринимается людьми на основе устойчивого смысла, идеи, которая в них закладывается⁴. В то же время образ, попав в определенный контекст, способен породить смыслы. Но смыслы, уже существующие в данном контексте, в свою очередь порождают образы, которые не обязательно оказываются жизнеспособными.

³ В гуманитарном знании понятие пространства используется достаточно часто. В качестве примера можно привести «виртуальное пространство», «антропогенные ландшафты», «социодинамику культуры», «семантическое пространство» (психосемантика, В.Ф. Петренко), «социальную топологию» (социология, П. Бурдьё), «экологическое и структурное пространство» (социальная антропология, Э. Эванс-Причард), «этнические поля» (Л. Гумилев). Применительно к социально-гуманитарному знанию эти понятия, как правило, представляют собой понятийное заимствование из естественных и точных наук. «Культурология, историческая география, психология, социология, лингвистика обнаруживают историко-культурную и социальную нагруженность понятия пространства, которое возникало и долго существовало как форма до- и вненаучного знания, как категория культуры, наряду с другими культурными универсалиями» (Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/994/%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E (дата обращения 06.04.2021).

⁴ Аверинцев С. Собр. соч. София – Логос. Словарь. К., 2006. С. 386–387.

Молодежь в процессе социализации «осваивает и присваивает» смыслы⁵. *Совокупность субъективных образов действительности, сформированных в процессе взаимодействия индивидов и групп друг с другом и с окружающей средой, включенных в процесс саморегуляции, составляет смысловое пространство реальности.*

Смысловое пространство состоит из множества социальных полей, каждое из которых понимается как «единство значений и смыслов, процессов и результатов когнитивно-дискурсивной деятельности индивида и социума» [16]. Смысловое поле – это конструкт, совокупность смыслов и их взаимосвязей в многомерном пространстве контекста.

В процессе взаимодействия среды и личности, индивида и культуры происходит «перевод» коллективно выработанных значений в личностные смыслы и смыслов в значения», при этом «значения субъективируются, а смыслы объективируются» [16, с. 321]. Значение рассматривается не как «застывший готовый продукт», а как результат процесса его конструирования и реконструирования, обусловленный реальными жизненными взаимоотношениями субъекта и его индивидуальной практикой.

Рассматривая смысловое поле как способ функционирования значения, опираясь при этом на работы психологов и лингвистов (Д.А. Леонтьева, А.В. Кравченко, Й. Златева и др.), Н.И. Курганова пишет: «Смыслы конструируются субъектами и в то же время ... направляются посредством коллективно выработанных значений. ... Благодаря постоянной интеракции коллективного и индивидуального знания смысловое поле все время актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, сохраняя при этом определенное *стабильное ядро*, представляющее собой набор наиболее типичных и регулярно воспроизводимых стратегий, схем, моделей и когнитивных операций. Это *операциональное ядро* задает динамику смыслового поля и лежит в основе формирования разделяемого знания. Из этого следует,

⁵ Ковалева А.И., Гневашева В.А., Селиверстова Н.А. Тезаурусная концепция молодежи Вал. А. Лукова // Социология молодежи: электронная энциклопедия. URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/173-tezaurusnaya-koncepciya.html> [архивировано в WebCite] (дата обращения 29.07.2015).

что суть освоения культуры сводится ... к овладению способами осмысления мира в соответствии с культурными моделями».

В результате «объединенные общностью языка, пространства и времени, люди вырабатывают общий набор *способов действия* с миром, т. е. способов *смыслообразования*, регулярно воспроизводимых в процессах познания и общения» [16, с. 322].

Ценностные системы, по П.А. Сорокину, определяют смысловое содержание жизнедеятельности и служат основаниями при типологизации смыслового пространства реальности. «Каждая из больших культурных систем и суперсистем зиждется на... прасимволе или конечной ценности, который цивилизация порождает, развивает и реализует на протяжении своего жизненного пути во всех основных компонентах или подсистемах» [17, с. 48]. В интегральных культурных сверхсистемах П.А. Сорокин отразил *базовые смысловые проекции*, характерные для многих обществ [18, с. 431]. Базовые типы культуры содержат устойчивые концепты с набором основополагающих ценностей, находящихся в центре тезауруса большинства носителей данной культуры. Они не осознаются, а «всплывают в виде представлений по поводу определенных проблем или объектов, подвигая людей на совершение поступков, определяя их направленность и предопределяя восприятие мира» [19, с. 11]. Являясь связующими нитями между обществом и молодым поколением, базовые типы культуры влияют на его взаимодействия.

Однако при общем сходстве базовые типы культуры различаются не только степенью выраженности соответствующих им ценностей, но и смыслом, который в них вкладывается от одной эпохи к другой, от общества к обществу, от одной группы к другой. Вследствие нового опыта и «нового времени» возникают новые контексты, новые социальные взаимодействия, заставляющие молодое поколение пересматривать смыслы и значения привычных явлений. Формируются разные смысловые поля, в которых особенности внутригрупповых взаимодействий молодых людей, взрослеющих/социализирующихся в современном обществе, трансформируются в характеристические чер-

ты поколения. Формирование таких полей — функция молодежных субкультур, в которых «конструируется и переконструируется социальная реальность» [20, с. 8]. *В совокупности базовые культурные типы и современные являются элементами смыслового пространства молодого поколения и регуляторами их взаимодействий.*

Современное смысловое пространство реальности формируется под влиянием значительной глобализации и одновременно удерживает и фиксирует проекции локальных культур с их узнаваемым традиционным содержанием. «Прошлое перетолковывается для того, чтобы соответствовать нынешней реальности» [21, с. 263]. В связи с этим базовые смыслы дополняются и расширяются, на их основе появляются новые типы культуры — адаптационная (ценность безопасности и самосохранения), гедонистическая (ценность удовольствия и впечатлений), культура моральной аномии (ценность эмансипации и независимости). В более широком плане они отражаются в изменении общего смыслового вектора, выделяемого Р. Инглхартом [22, с. 347] в качестве перехода от выживания («материального») к самовыражению («постматериальному»), от религиозной духовности к секулярной рациональности, от традиционности к современности.

Однако в реальности этот процесс приводит к сосуществованию традиционных и современных моделей с характерными для них смыслами. На их сочетании формируются ценностные структуры, отражающие локальное и глобальное, традиционное и современное, ценностное и рациональное [23, с. 173–189]. Феномен *социокультурной гибридизации* моделей проективного восприятия⁶ и структуризации социальной реальности [3; 4; 5] проявляется в молодежной среде как одна из ее основных характеристик.

Таксономический анализ смысловых конфигураций

Для типологизации основных показателей смыслового пространства использовалось структурно-таксономическое моделирование [24].

⁶ Любутов А.С. Метод проективной структуризации объекта социальной природы: дис. ... канд. техн. наук. М., 2000. 169 с. (05.13.16 — Применение вычислительной техники, математического моделирования и математических методов в научных исследованиях).

В качестве исходной информационной модели служила таблица сопряженности показателей смыслового пространства российской молодежи, построенная по результатам конкретного социологического исследования, проведенного в 2017 году. В качестве меры близости применялась нормированная метрика Евклида. 48 показателей механизма саморегуляции жизнедеятельности молодежи («подлежащие» таблицы сопряженности) были выбраны в качестве элементов-образов, определяющих смысловое пространство российской молодежи, базисом, задающим контекст, послужили семь характеристик самоорганизации молодежи («сказуемые» таблицы сопряженности)⁷.

Все множество элементов-образов, представляющих смысловое пространство российской молодежи, разбивалось в семимерной системе координат, задаваемой базовыми характеристиками самоорганизации молодежи, на заранее незаданные, так называемые «естественные» классы (таксоны) по методу «ближайшего соседа» (критерию максимальной близости).

Элементы-образы группировались по критерию наименьшего евклидова расстояния в многомерном характеристическом пространстве.

Результат таксономии первого уровня показателей-образов – 13 таксонов, отображающих структуру взаимосвязей между показателями механизма саморегуляции жизнедеятельности молодежи в пространстве контекста самоорганизации. Полученная структурная карта, по сути, является отображением смыслового пространства жизнедеятельности российской молодежи в 2017 году.

В таксонах выстраивается своя смысловая конфигурация. Каждый таксон представлен, как минимум, ядром. Некоторые имеют более сложную, многослойную структуру, представляющую собой смысловые комплексы.

Ядро таксона обладает наибольшей выраженностью и влиянием на саморегуляцию. Оно определяет основной смысл взаимодействия, а дополнительные слои этот смысл расширяют.

Параллельно с анализом смыслов, детерминирующих/определяющих семантическое пространство молодежного сознания, таксономический анализ показывает локализацию и роли всех элементов механизма саморегуляции, рассматриваемых в их взаимосвязи в структурной иерархии, предоставляя возможность увидеть, в каких, иногда неожиданных, сочетаниях они проявляются, и, соответственно, конструировать обоснованные гипотезы по их взаимодействию между собой.

При проведении второго уровня таксономии таксоны могут объединяться в группы, образуя смысловые поля с более сложной структурой. В данном анализе *на втором уровне разбиения были выделены три группы таксонов – Группа А, Группа В и Группа С*. В каждой группе есть свое ядро и свои слои. Число таксонов, входящих в группы, и число слоев в разных группах заранее не задано – выделяются «естественные» классы-группы (таксоны второго уровня разбиения). В них еще отчетливее прослеживается не только смысловая конфигурация, но и значение смысла или группы смыслов в их структурной иерархии. Распределение смысловых конфигураций представлено в *таблице*.

Ядро Группы А – его наиболее значимую часть – составляют Таксоны 4 и 5. Из таблицы можно увидеть, что они представляют собой сочетание традиционных и современных смысловых проекций, отражая тем самым рассмотренный выше феномен гибридизации и культурного микса. Архетип славы питает смысловую жизненную ценность любви, а архетип добра – жалостливость как современную форму проявления сострадания к окружающим. Эти смысловые сочетания усиливаются архетипом совести как внутренней способностью к нравственной рефлексии, дополняются и расширяются чувственностью как основой взаимодействий и воплощаются в стремлении отстаивать права человека как современной ценности. Характерно попадание в один таксон, а значит, в одно смысловое поле современной ценности прав человека, современной черты

⁷ 1) Солидарные отношения в трудовом коллективе; 2) конкурентные отношения в трудовом коллективе; 3) солидарность по типу «убежденный коллективист»; 4) солидарность по типу «убежденный индивидуалист»; 5) отсутствие стремления к объединению со сверстниками; 6) есть стремление к объединению со сверстниками; 7) выраженное стремление к объединению со сверстниками.

Распределение смысловых конфигураций

Группа «А»		
Таксоны п/п	Ядро (первый слой)	Слоевая структура образов (второй слой и выше)
<u>Таксон 1</u>	<i>духовная культура</i> + <i>«идеализация прошлого»</i> (архетип)	<i>честь, достоинство</i> (ментальная черта характера)
		<i>любовь к ближнему</i> (ментальная черта характера)
		<i>доверие окружающим</i>
		<i>адаптационная культура</i>
		<i>гедонистическая культура</i>
		<i>любовь к отечеству</i> (ментальная черта характера)
<u>Таксон 2</u>	<i>постоянство</i> (габитус) + <i>предсказуемость</i> (габитус)	<i>активная жизненная позиция</i> (габитус)
		<i>добро</i> (архетип)
<u>Таксон 3</u>	<i>моральная аномия</i> (тип культуры) + <i>самоощущение избранности, исключительности</i> (субкультура)	<i>милосердие, сострадание</i> (ментальная черта характера)
		<i>стремление быть в центре внимания, эпатировать</i> (субкультура)
Ядро Группы «А»	<u>Таксон 4</u>	<i>слава</i> (архетип) + <i>любовь</i> (смысложизненная ценность)
	<u>Таксон 5</u>	<i>добро</i> (архетип) + <i>жалостливость</i> (современная черта)
		<i>совесть</i> (архетип)
		<i>противостояние «мы – они»</i> (стереотип)
		<i>стремление отстаивать права человека</i> (современная черта)
		<i>чувственность</i> (габитус)
<u>Таксон 6</u>	<i>физическое развитие</i> (тип культуры) + <i>самовыражение, стремление быть не похожим на других</i> (субкультура)	<i>инновационность</i> (тип культуры)
Группа «В»		
Ядро Группы «В»	<u>Таксон 7</u>	<i>отношение к стране как к месту проживания</i> (современная черта) + <i>вера в спасителя</i> (архетип)
	<u>Таксон 8</u>	<i>протест против официоза</i> (субкультура) + <i>открытость ко всему иностранному</i> (современная черта)

<u>Таксон 9</u>	<i>рационализм</i> (современная черта) + <i>вина и послушание</i> (архетип)	---
<u>Таксон 10</u>	<i>спокойная безбедная жизнь</i> (смысложизненная ценность) + <i>уход в себя, эскейпизм</i> (субкультура)	<i>свобода без ограничений</i> (субкультура)
		<i>подозрительность в отношении к иностранцам</i> (ментальная черта характера)
		<i>самореализация</i> (смысложизненная ценность)

Распределение смысловых конфигураций

Группа «С»			
Ядро Группы «С»	Таксон 11	стремление к истине (смысложизненная ценность) + права власти (архетип)	продолжение себя в будущих поколениях (смысложизненная ценность) борьба за справедливость (смысложизненная ценность)
	Таксон 12	расчетливость (габитус) + риск (габитус)	изменение (габитус)
Таксон 13		недоверие (установка) + пассивная жизненная позиция (габитус)	политическая борьба (смысложизненная ценность)
Источник: составлено авторами.			

жалостливости и архетипа добра. Такое сочетание говорит об особенностях формирования современных характеристик социальных взаимодействий, тесно связанных с глубинными пластами культуры, уходящими в коллективное бессознательное, поэтому их укрепление не всегда обусловлено разрушением традиционных ценностей. Например, укрепление происходит в случае с правами человека. Тот же вывод можно сделать, проследив логику связи архетипа добра и современной жалостливости. Стремление отстаивать права человека является деятельным воплощением регулятивного влияния этого комплекса гуманистических смыслов.

Однако при всей гуманистической направленности указанного смыслового поля в нем содержится смысл, который несколько уравнивает его рафинированность, внося элемент борьбы. Это стереотип противостояния «мы – они». Его наличие в механизме саморегуляции взаимодействий обеспечивает работу социокультурного «фильтра», снабженного маркерами «свои» и «чужие», т. е. набором характеристик, которые приписываются одним и другим. Критерием оценки выступает «совесть», т. е. суждение «по совести» и на этой основе отделение «своих» от «чужих», в связи с чем рассчитывать на одинаковое проявление гуманизма ко всем не приходится. Предыдущие исследования достаточно четко показали, что граница «своих» и «чужих» в российском обществе, включая молодое поколение, проходит по линии, отделяющей носителей традиционных установок (коллективизм, соблюдение

норм, принадлежность к одной национальности) от носителей современных (нарушение норм, индивидуализм, стремление к обогащению, принадлежность к иной национальности). В зависимости от этих соответствий и решается вопрос о проявлении сочувствия и признании прав, поэтому различие в тезаурусе препятствует требованию одинаково соблюдать права единомышленников и оппонентов. Это особенно ярко проявляется в политическом поле российской действительности.

Далее слои **Группы А** выстроились следующим образом: на втором уровне расположился Таксон 3; на третьем – Таксон 2; на четвертом – Таксон 1; на пятом – Таксон 6. Рассмотрим, какие смыслы оказались в общем поле.

Имеющий высокую степень выраженности **Таксон 3** полностью состоит из современных смыслов. В ядре Таксона 3 – *моральная аномия как особый тип культуры*, порождаемый деструкцией нормативности, и *самоощущение избранности, исключительности* как важнейший субкультурный маркер.

Смысловой основой моральной аномии является, во-первых, возведенная в высшую ценность эмансипация, понимаемая как освобождение от любых форм ограничений, право не подчиняться никому и ничему, конструируя свою систему моральных норм и при этом не возводя ни одну из них в ранг императива. Во-вторых, утверждение права на легитимацию любой инаковости. В-третьих, реинтерпретация девиации как новой нормальности. Эмансипация и моральная аномия возникли на

волне стремительной либерализации, утвердились в среднем поколении и заслужили статус хотя и современного, но скорее базового типа культуры. А демонтаж девиации и новая нормальность – продукты новейшего времени, поэтому являются преимущественно молодежным феноменом.

Ощущение избранности, исключительности – второй элемент из ядра таксона – расширяет этот смысл, а *стремление быть в центре внимания и эпатировать* конкретизирует формы реализации в социальных взаимодействиях.

Таким образом, **Таксон 3** выстроился полностью на современных смыслах, одной частью связанных с современной базовой культурой, а двумя другими – с современной молодежной.

Расположенный далее **Таксон 2** представляет собой органичное смысловое единство двух габитусов – постоянства и предсказуемости – и архетипа добра. Причем ядро таксона образовано практическим смыслом, а расширение – архетипическим. Такое смысловое единство является следствием действия базовой ориентации молодежи на стабильность, сохраняющей свое высокое значение с конца 90-х годов. Эта установка укреплялась и утверждалась под влиянием тяжелого жизненного опыта предшествующих поколений молодежи, на чью долю выпала череда экономических, политических, международных, военных и иных кризисов. Габитус постоянства и предсказуемости – «тезаурусный механизм стабилизации социодинамики культуры» [25] – сегодня воспринимается как результат «практического разума» и компенсаторный механизм, обеспечивающий стабилизацию жизненных ситуаций на индивидуально-личностном и групповом уровнях. Это смысловое поле формируется в противовес неопределенности, непредсказуемости и риску как имманентной составляющей реальности в российском обществе.

Смысл, заложенный в габитусе постоянства, расширяется смыслом, содержащимся в архетипе добра, и тем самым получает политическое оправдание. Он не соединен ни с одним из смыслов, которые можно интерпретировать как конформизм или лояльность режиму, а связан с бессознательной верой в добро, что говорит в пользу этой мотивации как способной снимать напряжение в социальных взаимодействиях.

Следующие два нижних слоя **Группы А** представляют **Таксон 1** и **Таксон 6**. Ядром Таксона 1 является смысловое единство, образованное духовным типом культуры и архетипом идеализации прошлого.

Таксон 1 представлен преимущественно доминантой традиционных смыслов, поддержанных высокими моральными стремлениями к высшим смыслам добра, любви, чести, достоинства, милосердия и сострадания, любви к ближнему и к своему отечеству, почтительным отношением к прошлому страны, ее истории. Тот факт, что большинство из этих смыслов являются архетипическими и ментальными чертами, придает им устойчивость и соответствующую интенциональность.

В Таксоне 1 объединились духовная культура и архетип идеализации прошлого. Их взаимодействие порождено тем типом духовности, который не просто овеян традиционным отношением к стране, уважением к ее культуре, историческому прошлому и достижениям, но закреплен на уровне коллективного бессознательного. В таком смысловом сочетании сама духовность выражается через историческую память, она, в свою очередь, формирует «нравственный климат» (Д.С. Лихачев). Если понимать духовность как высший уровень саморегуляции, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами жизнедеятельности выступают надындивидуальные ценности, то в сочетании с архетипом идеализации прошлого она способна быть источником высших смыслов добра, любви, сопричастности и солидарности в более широком контексте социальных взаимодействий. На их основе могут возникать источники консолидации молодежи и общества. Обозначенное ядро этого таксона закрепляется в ментальных чертах: любовь к отечеству и ближнему, честь и достоинство, традиционно рассматриваемых в русской философии и литературе как отражение «русской души». Связь названных элементов с базовым доверием говорит о том, что они выступают в качестве его критериев. Этот вывод подтверждается предыдущими исследованиями, в ходе которых было установлено, что максимальным доверием в среде молодежи пользуются группы, проявляющие именно вышеперечисленные ментальные черты, попавшие в ядро Таксона 1.

Указанная смысловая конфигурация проявляется во взаимосвязи с адаптационной и гедонистической культурой. Связь с адаптационной культурой как жизнью в режиме экономии и сбережения минимума можно объяснить уязвимостью молодых людей в сугубо прагматичном современном мире. Ориентированные на духовные ценности, слегка «винтажные» на фоне современного цинизма, они вынуждены приспособляться и выживать. Однако наличие в таксоне связи с гедонистической культурой придает этому рафинированному духовному образу вполне современное звучание. Именно связь с культурой удовольствий и впечатлений не позволяет интерпретировать это смысловое поле лишь как царство бескорыстия и аскетизма. Данный симбиоз говорит о том, что в сознании молодежи отражены и традиционные, и современные установки, являющиеся неотъемлемой частью смыслового пространства реальности. Сочетание подобных черт, не объяснимое в рамках плоского, стереотипного взгляда на молодежь, необходимо рассматривать как проявление значительно более сложных связей в механизме саморегуляции жизнедеятельности. В пользу этого вывода говорит и габитус активной жизненной позиции, находящийся в данном смысловом поле. Как видно, высшие духовные ценности и доверие являются основой его реализации, что придает активности рефлексивный социально значимый характер.

Таксон 6, завершающий Группу А, в своем ядре имеет культуру физического развития, сочетающуюся с потребностью в самовыражении и стремлением быть непохожими на других. В расширении этого таксона присутствует инновационный тип культуры, указывающий на то, что развитие и самовыражение молодых людей происходит через освоение нового опыта и тягу к новизне. Таксон 6 наглядно отражает характерные черты феномена молодежной субкультуры.

С точки зрения взаимодействия элементов механизма социокультурной саморегуляции **Группа А** — это группа *полного набора габитусов, одной из смысложизненных ценностей («любовь»)*, *большого архетипического комплекса* (пять из восьми архетипов), *основных ментальных черт* (любовь к отечеству, милосердие, честь и досто-

инство, любовь к ближнему), *типичных смысловых оснований молодежной субкультуры* (самовыражение, исключительность, эгоцентризм и эпатаж), *стереотипа*, питающего противостояние «своих» и «чужих» и *базового доверия*. Отличительной особенностью этой группы является то, что традиционные духовные смыслы, связанные с архетипическими и ментальными чертами (ядро Группы А (Таксон 4, Таксон 5) и Таксон 1), оказались более выраженными, чем современные (Таксон 6).

Следующая группа таксонов (**Группа В**) имеет три слоя. Ядро группы (первый слой) составляют Таксон 7 и Таксон 8, во втором слое расположен Таксон 9, в третьем — Таксон 10.

В ядре **Группы В** соединились в одно смысловое поле коллективное бессознательное и современные либеральные мотивы в разных формах, включая анархический контркультурный протест. Так, современное прагматичное *отношение к стране как к месту проживания* сочетается здесь с архетипической *верой в спасителя*, а субкультурный *протест против официоза* движим современной идеей *открытости ко всему иностранному как* современной чертой и таким же субкультурным стремлением к *свободе без ограничений*.

Таксон 9 отражает в высшей степени прагматичное соединение современной черты *рационализма* с архетипом *вины и послушания*. Очевидно, что проявление послушания, выраженное лояльностью и подчинением, есть результат исторического опыта, запечатленного глубоко в структуре коллективного бессознательного. Он проявляется на уровне генетической программы самосохранения как добровольный отказ от субъектности, ибо «себе дороже». Тем самым, в смысловом поле **Группы В** создается основа пассивности и как бессознательной установки, и как осознанной, рациональной стратегии.

Ядро Таксона 10 представляет соединение смысложизненной ценности спокойной безбедной жизни с субкультурной ориентацией на эскейпизм, «уход в себя», расширенный одной из ключевых смысложизненных ценностей молодежи — стремлением к самореализации. Такое сочетание смыслов говорит о высокой индивидуализации в его основе. Уход в себя в таком контексте означает обособленность,

нацеленную на решение индивидуальных жизненных задач, когда любое социальное участие рассматривается как отвлечение от главного и помеха самореализации. Позиция обособления усиливается подозрительностью ко всему иностранному — проявлением ментальной черты. Она возникает во втором уровне этого таксона.

Таким образом, в **Группе В**, состоящей из четырех таксонов, ядро смыслового поля определяет взаимодействие архетипических базовых ценностей и современных смысловых установок, которое дополняется и расширяется их связью с традиционными ментальными и современными субкультурными смыслами. Прагматичность, но и доверие; космополитизм, но и осторожность, послушание и вера в «покровителя», но и протест против официоза, свобода без границ, ориентация на благополучие и самореализация, но и уход в себя — таков противоречивый набор взаимодополнительных смысловых установок, отражающих данную часть смыслового пространства молодежи.

Группа С, располагающаяся на следующем уровне, включает три таксона: **Таксоны 11 и 12**, являющиеся ядром **Группы С**, и **Таксон 13**. Смысловое поле этой группы также неоднозначно. В ее ядре — смысложизненная ценность стремления к истине, понимаемая как стремление к обобщенному идеалу, в сочетании с архетипической верой в правоту власти (ядро **Таксона 11**), дополненные такими смысложизненными ценностями, как продолжение себя в детях и борьба за справедливость, а также непротиворечивое взаимодействие двух габитуальных установок — расчетливости и риска (ядро **Таксона 12**), логично связанных с габитуалом изменений.

Сформировавшие ядро выделенной группы смысловые поля указывают на чрезвычайно активный пассионарный тип саморегуляции, практичный, готовый к изменениям и риску, но в то же время достаточно лояльный к власти, на уровне коллективного бессознательного (то есть априори) воспринимающий ее правоту. Это сочетание смыслов является важнейшим стабилизирующим фактором в сфере социально-политических отношений. Она указывает на существование исторически сложившейся модели отношений, при которой «взаимная поль-

за ведет к одной цели и властителя и народ» [26, с. 54–55]. Однако важно заметить, что в молодежной среде архетип правоты власти сам по себе является наиболее слабым в сравнении с другими архетипами и балансирует на уровне неопределенности со среднезвешенным коэффициентом немногим выше 4 по семибалльной шкале. Поэтому зыбкий альянс может быть прерван в том случае, если достижение значимых смысложизненных ценностей в альянсе с конкретной властью окажется под сомнением.

Таксон 13 в своей основе имеет недоверие как жизненную установку в сочетании с габитусом пассивной жизненной позиции, что на втором уровне дополняется политической борьбой как смысложизненной ценностью. Недоверие и пассивность являются достаточно устойчивой комбинацией в среде молодежи, где нередко недоверие окружающим играет главную роль, а пассивность становится его производной. Попадание в смысловое поле ценности политической борьбы свидетельствует о высоком недоверии любым политическим акциям, закрепленном на уровне привычных установок. Собственная пассивность и привычка не доверять окружающим конвертируется в подозрительность ко всем, кто каким-то образом участвует в политическом процессе, и обесценивание их усилий. Это обстоятельство проясняет отношение части россиян к протестным акциям, в которых другая часть, наоборот, участвует достаточно активно. В данном контексте подозрительность к иностранцам, выявленная в соседнем таксоне, имеет схожий смысл.

По своему составу **Группа С** является группой практического смысла, основанного не только на чистом опыте и закрепленных шаблонах привычного поведения, о чем говорят объединившиеся габитусы, но и смысложизненных ценностях. Большинство смысложизненных ценностей указывает на пассионарную интенциональность этого смыслового поля. Установка на изменения и риск придает ему динамизм, а значимым их регулятором выступает отношение к власти.

Выводы

Таким образом, в смысловом пространстве реальности молодежи формируются сложные конфигурации значений, которые носят далеко не очевидный характер. Их выявление стано-

вится возможным с помощью более чувствительных методов и процедур, в частности структурно-таксономического анализа. Применяемый метод позволяет увидеть, какие смыслы регулируются архетипами и ментальными чертами, какие типами культуры и смысложизненными ценностями, а в каких случаях доминируют габитусы и стереотипы.

Как показывает проведенный анализ, в структуре смыслового пространства молодежи одновременно присутствуют оба типа смысловых проекций – традиционные и современные. Образцы, одновременно связанные с архетипическими и ментальными структурами, а также новым ценностным порядком, обретают практическое воплощение саморегуляции социальных взаимодействий. Это означает, что сочетание традиционных и современных смыслов отражается в ценностной структуре молодежи, определяя ее неоднозначные реакции на собы-

тия и явления социальной реальности, выбор конкретных форм поведения. При таком сочетании трудно ожидать однозначную, предсказуемую реакцию молодого поколения на социальные процессы, поэтому, если и ставить задачу выделения в составе молодежи более-менее выраженных носителей традиционных и современных образцов, то скорее они будут обусловлены конкретными ситуациями, в которых может проявиться та или иная смысловая доминанта. В целом же приходится констатировать взаимодействие между разными культурными образцами в культурном пространстве, в сознании и моделях саморегуляции в молодежной среде. Этот вывод имеет принципиальное значение для выбора режима взаимодействия с молодежью в рамках государственной молодежной политики и для понимания способов отражения в политике государства ожиданий молодежи.

Литература

1. Между природой и культурой. Гл. 4. Рождение смысла. 4.1. Общие замечания // Семь искусств. 2011. № 3 (16). Март. URL: https://7iskusstv.com/2011/Nomer3/Pelipenko1.php#_ftn1 (дата обращения 19.03.2021).
2. Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986.
3. Леванский В.А., Любутов А.С. Политический спектр РФ: структурно-таксономический анализ (партии, фракции, выборы в 1993–1996 гг.) // Государство и право. 1997. № 9. С. 87–94.
4. Любутов А.С. Изменение ориентаций молодежи в современных социально-политических условиях: структурный анализ // Мат-лы Междунар. науч.-практич. Конф. «Человек и общество: тенденции социальных изменений», Санкт-Петербург – Минск – Ростов-на-Дону, 24–26 сентября 1997 г. Вып. 2. Проблемы молодежи и образования (в 2-х частях). Ч. 1. Молодежь и общество. С. 95–98.
5. Lubutov A.S. Sociolocation – new approach to analytical monitoring of social dynamics on the basis of projective structuring. In: *Proceedings of the International Conference “Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics” (MMSED-2007)*. 2007, June 20–22, Moscow, Russia. Pp. 147–152.
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С. Самоорганизация в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика». 2019. Т. 5. № 1. С. 15–35.
7. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С. Опыт структурно-таксономического исследования самоорганизации жизнедеятельности молодежи // Вестник Томского Государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». 2020. № 53. С. 59–75.
8. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма, 2014.
9. Чупров В.И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 4. С. 14–19.
10. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164–186. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614
11. Ученые записки ФНИСЦ РАН / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: исследование социокультурного механизма. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 48 с.
12. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежь в культурном пространстве. Саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020.

13. Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты. СПб.: Питер, 2005. 267 с.
14. Таршиш Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования. М., 1999. С. 15.
15. Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Г/golosovker-yakov-emmanuilovich/izbrannoe-logika-mifa> (дата посещения 01.11.2019).
16. Курганова Н.И. Смысловое поле как способ функционирования значения // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2014. № 2. С. 319–324.
17. Сорокин П.А. Основные принципы цивилизационной теории и ее критика. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998.
18. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
19. Лурье С.В. Что изучает психологическая антропология? // Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М.: Академический проект, 2005.
20. Луков В.А. Теории молодежи в свете тезаурусного подхода // Тезаурусный анализ мировой культуры.: сб. науч. трудов. Вып. 21 / под общ. ред. В.А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. С. 3–13.
21. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания: пер. с англ. М.: Медиум, 1995.
22. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С.Л. Лопатиной, под ред. М.А. Завадской, В.В. Костенко, А.А. Широкаковой, научн. ред. Э.Д. Понарин. М.: Мысль, 2018. 347 с.
23. Зубок Ю.А. Молодежь в изменяющейся социальной реальности: проблема саморегуляции выбора // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения: мат-лы Всерос. науч. конф. М.: Ин-т философии РАН, 2015. С. 173–189.
24. Любутов А.С. Метод структурной таксономии: возможности применения для анализа социальных и духовных процессов // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 4. С. 58–79. DOI: 10/18413/2408-9338-2019-5-4-0-6
25. Луков В.А. Культура и социум: Философские вопросы культурной социодинамики. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008.
26. Полевой А.Н. История русского народа. М.: Издательский дом «Вече», 2008. 544 с. URL: <https://bookshake.net/r/istoriya-russkogo-naroda-nikolay-alekseevich-polevoy> (дата обращения 24.03.2021).

Сведения об авторах

Юлия Альбертовна Зубок – доктор социологических наук, профессор, руководитель, Центр социологии молодежи, Институт социально-политических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; e-mail: uzubok@mail.ru)

Александр Сергеевич Любутов – кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр социологии молодежи, Институт социально-политических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; e-mail: alexander501@mail.ru)

Zubok Yu.A., Lyubutov A.S.

Semantic Space of Reality: Structural Taxonomy of the Foundations of Self-Regulation of Interactions in the Youth Environment

Abstract. The article provides a conceptual understanding of the semantic space of reality, substantiates its structure and features of its formation in the youth environment. To this end, we consider the process of meaning formation and the content of semantic fields. It is analyzed as the basis for self-regulation of

social interactions between young people. Identifying semantic foundations of self-regulation is a relevant research task for both theory and practice. The aim of the study is to identify the structure of relationships and hierarchical clustering of basic elements in the mechanism for self-regulation of social interactions in the youth environment with the help of the structural and taxonomic model. The model was constructed within the framework of the tool for self-regulation of young people's daily life; the tool is being developed at the Center for Youth Sociology, Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS). The structural and taxonomic approach allows us to obtain structural-taxonomic maps that display multi-layered structures of relationships within the mechanism of self-regulation, as well as connections between different meanings that are reproduced and constructed in the youth environment in the process of everyday interactions. In contrast to the automatic classification as the classical task of taxonomy, the structural and taxonomic approach focuses on identifying the structure of the most significant relationships between the objects being classified; such objects (which are considered in the present paper) are the elements of self-regulation mechanism in the life of young people. We design a structural and taxonomic model using the data of a sociological survey; this allows us to offer reasonable descriptions and explanatory interpretations of the results. The analysis is based on the findings of empirical studies we obtained in the course of a survey of Russian youth 15–29 years of age. We use taxonomic analysis to reveal the structure of the semantic space of young people. We conclude that semantic connections within and between semantic fields are ambiguous. Having implemented structural and taxonomic modeling of the semantic space, we identify several levels of semantic fields. Their analysis allows us to form an idea of the semantic foundations of self-regulation of young people's interactions with each other and with society.

Key words: self-regulation, interactions, meanings, social reality, youth, structural taxonomy, hierarchical clustering.

Information about the Authors

Yuliya A. Zubok – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head, Center for Youth Sociology, Institute of Socio-Political Research, FCTAS RAS (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: uzubok@mail.ru)

Aleksandr S. Lyubutov – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Senior Researcher, Center for Youth Sociology, Institute of Socio-Political Research, FCTAS RAS (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: alexander501@mail.ru)

Статья поступила 30.03.2021.

DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.11

УДК 314.727.2(571.6), ББК 60.7(255)

© Мищук С.Н., Рязанцев С.В.

Миграция сельского населения Дальнего Востока России в начале XXI века

**Светлана Николаевна
МИЩУК**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: svetamic79@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8117-6352; ResearcherID: B-2042-2014

**Сергей Васильевич
РЯЗАНЦЕВ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: riazan@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5306-8875; ResearcherID: F-7205-2014

Аннотация. Около четверти населения Дальневосточного федерального округа, занимающего 40,6% от площади России, проживает в сельской местности. Очевидно, что сельское население и его миграционная подвижность в таком крупном регионе будут иметь территориальные различия. Цель исследования – провести пространственный и временной анализ динамики, факторов миграционных процессов в сельской местности Дальневосточного федерального округа РФ. Работа основана на анализе официальных статистических данных. С учетом того, что вероятно трансформация структурных характеристик миграционных потоков в результате использования с 2011 года новой методики учета внутренней миграции, рассмотрен период с января 2012 по январь 2020 года. Показано, что миграция играет решающую роль в формировании численности сельского населения. На начало 2020 года в округе отмечается рост интенсивности

Для цитирования: Мищук С.Н., Рязанцев С.В. Миграция сельского населения Дальнего Востока России в начале XXI века // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 182–198. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.11

For citation: Mishchuk S.N., Ryazantsev S.V. Migration of rural population of the Russian Far East at the beginning of the 21st century. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 182–198. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.11

миграционных процессов в сельской местности, однако сохраняется миграционная убыль населения. Основная часть мигрантов из сельской местности оседает в пределах Дальневосточного федерального округа, преимущественно в городах. Поток мигрантов из города в село сохраняет статистическую значимость, но не соответствует территориальной структуре миграционного оттока сельских жителей. Исходя из соотношения миграционной и естественной убыли (прироста) населения, авторами разработана классификация сельской местности в субъектах Дальневосточного федерального округа на 2011 и 2019 гг. Проанализированы причины прибытия и выбытия сельского населения. Большинство мигрантов прибывают после временного отсутствия, выбывают по причинам личного и семейного характера. На примере приграничного региона показано влияние динамики миграционных процессов на развитие сельской местности и сельского хозяйства в условиях дефицита трудовых ресурсов и ограничений международных перемещений трудовых иммигрантов.

Ключевые слова: сельское население, сельская местность, миграция, типология сельской местности, компоненты миграции, коэффициенты миграции, Дальний Восток.

Введение

Современная сельская местность неоднородна, некоторые территории могут иметь свои особенности экономического и социокультурного развития. Для Дальневосточного федерального округа РФ (ДФО) характерна дифференциация регионов по экономическим, социальным, культурным и другим показателям, что отражается на характеристиках сельского населения и сельской территории.

На начало 2020 года около 25% всего населения ДФО проживало в сельской местности, что составляло около 6% от численности сельского населения всей России. Миграционные процессы на Дальнем Востоке (ДВ) с 1991 по 2019 год подробно изучались в работах исследователей, однако в большинстве случаев оценка проводилась без деления на городское и сельское население [1; 2; 3]. Чаще всего особенности сельской местности рассматриваются в рамках общероссийских исследований. Например, сельская миграция и сельская местность в рамках общероссийских и региональных исследований с точки зрения геодемографической динамики населения сельской местности и трансформации сельского расселения, подробно анализировались в трудах Н.В. Зубаревич, А.И. Алексеева, С.Г. Сафронова, С.Я. Сушского [4; 5; 6], распределение трудовых ресурсов в сельской местности представлено в работе Т.Г. Нефедовой, Н.В. Мкртчяна [7]. Влиянию иностранных трудовых мигрантов и инвестиций на развитие сельской местности посвящены коллективная работа [8], а также исследования Джаи Чжоу [9], А. Хостмана и др. [10].

Типология сельской местности представлена у Н.В. Зубаревич [4], Д.О. Егоровой, В.С. Шурупинной [11] и др. В перечисленных работах, как и в большинстве других, сельское население и сельская местность Дальнего Востока не выделялись в качестве отдельного объекта исследования. Для Дальнего Востока значимым явлением на протяжении последних нескольких десятков лет выступает международная трудовая миграция. Изучение миграционных потоков из Китая на Дальний Восток России составляет одно из популярных направлений научных исследований среди специалистов, рассматривающих миграцию в данном регионе. К этому вопросу обращались не только российские, но и зарубежные исследователи [9; 12].

Если говорить о современных мировых тенденциях в изучении сельской местности и сельского населения в целом, то можно отметить рост внимания к социально-экономическим факторам (низкий уровень жизни сельского населения, бедность, низкий уровень доступности социальных услуг, высокий уровень безработицы в сельской местности), которые выступают значимыми условиями для выбытия сельского населения в городскую местность [13–16]. Существенными выталкивающими факторами являются отсутствие у сельских жителей земельных участков или их незначительная площадь, низкое плодородие земель, расширение площадей сельскохозяйственных земель у крупных арендаторов [17; 18; 19]. В исследованиях подчеркивается важная роль образования в снижении уровня миграции из села в город [20; 21; 22].

В современных зарубежных эмпирических исследованиях уделяется большое внимание изучению возвратной миграции из города в село [23], служащей возможностью для развития сельской местности. Основные причины и преимущества возвращения мигрантов в сельскую местность могут касаться более широких возможностей для трудоустройства молодежи, получившей образование [22], выравнивания уровня жизни между городом и сельской местностью, что снижает привлекательность жизни в городе [23]. В современных условиях и ограничениях, связанных с распространением вируса COVID-19, доля возвратных мигрантов из сельской местности может возрасти. В Китае идея о вероятности возвратной миграции в сельскую местность и необходимости использовать эту возможность для закрепления сельского населения озвучивалась весной 2020 года¹.

Отметим, что большинство исследований сельской местности и сельского населения на Дальнем Востоке России носят локальный характер, затрагивая отдельные субъекты или различные временные периоды, что не позволяет их сопоставить для оценки ситуации в целом по ДФО. Например, проблема воспроизводства кадрового вопроса в сельском хозяйстве рассмотрена в работах Е.В. Корякиной, Е.Н. Тужиловой, Г.И. Даяновой, Л.Д. Протопоповой, И.К. Егоровой и др. [24; 25], возможности повышения роли социально-ориентированных направлений развития села в Амурской области изучала Н.П. Кузьмич [26], особенности сельско-городской миграции в Республике Саха (Якутия) показаны С.А. Сукневой, А.В. Трубиной [27], перспективы развития предпринимательства в сельской местности Приморского края отражены Е.Г. Гусевым и Г.И. Шуман [28].

Цель нашей работы – провести пространственный и временной анализ динамики миграционных процессов в сельской местности Дальневосточного федерального округа РФ и его субъектов, а также дать оценку роли миграции как важного компонента изменения численности сельского населения. Принимая во внимание вероятность трансформации структурных характеристик миграционных потоков

¹ В чем причина «возвращения» трудовых мигрантов в 2020 году? URL: https://k.sina.cn/article_1655703524_62b007e400100po0x.html (дата обращения 15.10.2020).

в результате использования новой методики учета внутренней миграции, действующей с 2011 года [29], мы анализировали большинство статистических данных за период с января 2012 по январь 2020 года.

Методы и методика исследования

Учитывая разнообразие подходов к определению миграции населения, в работе рассмотрена часть постоянной миграции сельского населения, которая представляет собой совокупность территориальных перемещений между селом и городом, городом и селом, селом и селом, сопровождающихся переменой места жительства на относительно продолжительный срок [30, с. 17]. Такой подход объясняется применением статистических данных, не позволяющих учесть сезонную миграцию, маятниковые поездки населения, путешествия, туризм. Согласно демографическому подходу, миграция не только воздействует на изменения демографического развития, но и отражает экономические, политические, географические и другие аспекты развития общества. В первой части исследования оценено изменение численности сельского населения по компонентам, включая естественное и миграционное движение, а также роль миграционно-территориальных преобразований. Во второй части представлены результаты анализа миграционного движения населения в отношении безвозвратной миграции, основанные на существующем методическом аппарате, применяемом в рамках методологического подхода к изучению миграционных процессов [31, с. 281]. Проведен анализ величины и объема миграционных потоков, интенсивности миграционных потоков за период с 2010 по 2019 год, выявлены основные направления миграции, проанализировано миграционное поведение в разрезе факторов миграции населения. Кроме того, на основе сравнительного анализа полученных данных о динамике естественного и миграционного прироста сельского населения предложена классификация субъектов ДФО по данным на 2011 и 2019 гг.

Анализ миграционных процессов проведен на федеральном и региональном уровнях. Подробный анализ миграционных процессов в сельской местности на локальном уровне в статье не представлен, однако работа по сбору статистических данных на локальном уровне позволила выявить некоторые методические

сложности. В базе данных «Показатели муниципальных образований» информация агрегирована по муниципальным районам, муниципальным округам, городским округам, городским и сельским поселениям, межпоселенным территориям, что соответствует Федеральному закону № 131-ФЗ от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в редакции от 01.05.2019 г. № 87-ФЗ). Такое деление не соответствует в полной мере оценке потоков сельского и городского населения, т. к. в результате происходящих в административно-территориальной системе изменений часть сельского населения проживает не в сельских поселениях и является невидимой для анализа миграции сельского населения. Процент неучтенных сельских жителей различается по регионам. При сопоставлении статистических данных по числу сельских жителей в ДФО² и числу населения, проживающего в сельских поселениях³, выяснилось, что на начало 2020 года в округе численность сельского населения на 14,1% превышала численность населения, проживающего в сельских поселениях. По отдельным субъектам данное соотношение достигает 100% (Сахалинская и Магаданская области), 36,7% в Приморском крае, 35,2% в Чукотском автономно округе, 13,1% в Еврейской автономной области. Такие различия в показателях деформируют информацию о расселении сельского населения, т. к. указанная часть сельского населения находится за пределами сельских поселений. Кроме того, при анализе потоков миграции сельского населения (внутрирегиональный, межрегиональный, международный) в рамках административно-территориальных единиц перемещения указанной доли сельского населения не будут учтены.

В работе использовались системный подход, метод обобщения, картографический метод, анализ статистических, литературных, эмпирических данных о динамике миграционных процессов в сельской местности Дальнего Востока России.

² Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>

³ Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

Результаты исследования

Общая характеристика сельского населения Дальневосточного федерального округа

Доля сельского населения в ДФО составляет около четверти от общей численности населения округа. В результате включения в состав ДФО в ноябре 2018 года двух субъектов — Республики Бурятии и Забайкальского края — данный показатель увеличился на 2,87 п. п. На начало 2020 года сельское население ДФО составляло 5,9% от общей численности сельского населения России.

Динамика изменений в характеристике сельского населения ДФО в сравнении с другими округами РФ за период с 2011 по 2020 год в целом не отличается от общей ситуации. Анализ данных по девяти субъектам ДФО на начало 2018 года и одиннадцати субъектам на начало 2020 года свидетельствует о сохранении седьмого ранга ДФО по показателю «средний возраст сельского населения». В абсолютных значениях рост по данному показателю составил 0,09 года.

На начало 2020 года ДФО занимал 4 место по доле сельского населения в общей численности населения. Абсолютные значения данного показателя по округу с 2018 по 2020 год выросли с 24,25 до 27,1%.

Существенно изменилось число жителей нетрудоспособного возраста на 1000 жителей трудоспособного возраста. Если на начало 2011 года ДФО по этому показателю занимал последнее (8) место среди федеральных округов, то уже к началу 2018 года — 7 место. На начало 2020 года, имея в составе 11 субъектов, ДФО занял 5 место среди федеральных округов, что отражает увеличение демографической нагрузки на его трудоспособное население (*табл. 1*).

Включение в состав ДФО Республики Бурятии и Забайкальского края обеспечило рост численности сельского населения округа почти на 740 тыс. человек на начало 2019 года, городского населения — 1310 тыс. человек. Однако уже к началу 2020 года численность населения сократилась.

В разрезе субъектов ДФО на начало 2020 года, как и на начало 2012, максимальное число сельских жителей проживало в Приморском крае (19,4% от общего числа сельских жителей в ДФО). Второе место ранее занимала Республика Саха (Якутия), однако после 2018 года второе место перешло к Республике

Таблица 1. Ранжирование федеральных округов РФ по показателям развития сельской местности на начало 2012, 2018 и 2020 гг.

Показатель	Год	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Доля сельского населения в общей численности населения региона, %	2012	26,1	18,4	16,3	37,5	50,8	28,9	19,8	27,8	25,1
	ранг		7	8	2	1	3	6	4	5
	2018	25,6	17,8	15,6	37,4	50,2	28,1	18,6	26,9	24,2
	ранг		7	8	2	1	3	6	4	5
	2020	25,3	17,7	15,1	37,2	49,7	27,8	18,4	25,7	27,1
ранг		7	8	2	1	3	6	5	4	
Средний возраст населения, лет	2012	38,96	42,21	41,08	39,32	32,65	40,27	38,70	37,87	36,23
	ранг		1	2	4	8	3	5	6	7
	2018	39,92	42,98	42,1	40,37	33,77	41,45	39,54	38,61	37,39
	ранг		1	2	4	8	3	5	6	7
	2020	40,41	43,38	42,48	40,89	34,35	42,05	40,02	39,45	37,48
ранг		1	2	4	8	3	5	6	7	
На 1 тыс. жителей трудоспособного возраста приходится нетрудоспособных, чел.	2012	713	731	693	708	685	725	719	726	655
	ранг		1	6	5	7	3	4	2	8
	2018	864	859	869	846	768	886	927	932	830
	ранг		5	4	6	8	3	2	1	7
	2020	846	835	849	828	751	876	913	921	836
ранг		6	4	7	8	3	2	1	5	
На 100 мужчин приходится женщин, чел.	2012	1090	1133	1076	1103	1079	1087	1085	1076	990
	ранг		1	6	2	5	3	4	6	7
	2018	1073	1108	1054	1099	1067	1061	1069	1060	984
	ранг		1	7	2	4	5	3	6	8
	2020	1068	1099	1046	1095	1063	1054	1064	1063	991
ранг		1	6	2	4	5	3	4	7	

Примечание: чем выше значение показателя, тем выше ранг.
Составлено по: Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>

Бурятия (18,2% сельских жителей от показателей по ДФО на начало 2020 г.). В 2019 году в пяти субъектах ДФО доля сельского населения в общей численности населения региона превышала 30% (Республика Саха (Якутия), Амурская область, Еврейская автономная область, Республика Бурятия и Забайкальский край). Республика Бурятия лидирует по числу сельских жителей на 1000 горожан и по доле сельских жителей (40,8%). Минимальная доля сельского населения в общей численности населения региона отмечена в Магаданской области (3,93% в 2019 г.).

Компоненты изменения численности сельского населения

В формировании численности сельского населения учитывается три компонента: миграционные процессы, естественное движение населения, а также муниципально-территориальные преобразования (МТП).

Изменение численности сельского населения в меньшей степени, чем городского, зависит от динамики естественного движения населения (рис. 1).

Естественный прирост не компенсирует отрицательные значения миграционных процессов. За период с 2008 по 2019 год суммарный естественный прирост сельского населения Дальнего Востока составил 12,8 тыс. человек, в то время как миграционная убыль – 178 тыс. человек. В отдельные годы фиксируется прирост численности сельского населения в рамках МТП.

Анализ миграции в ДФО осложняется изменениями не только в статистическом учете мигрантов в 2011 году, но и расширением территориальных границ округа в ноябре 2018 года. Изменения в статистическом учете миграции привели к более значительному росту показателей в городской местности в 2011 году по

Рис. 1. Компоненты изменения численности постоянного сельского населения ДФО за 2008–2019 гг., чел.

Составлено по: Численность и миграция населения РФ. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13283>

отношению к 2010 году. Территориальные изменения отразились на показателях сельской местности (рис. 2).

Рассматривая направления миграции, отметим, что в разрезе федеральных округов основной поток мигрантов сосредоточен в рамках самого Дальнего Востока. В пределах ДФО перемещаются 86% сельских мигрантов, и лишь 14% выбывают за пределы округа. В 2019 году из сельской местности около 28% переехали в аналогичный тип поселений. Доля мигрантов, выбывающих и прибывающих в сельскую местность, в 2019 году составила 8,9% от общего числа мигрантов в округе, или 28% от числа мигрантов, выбывающих из сельской местности.

Почти три четверти мигрантов из сельской местности выбывают в города ДФО. В то же время отмечается обратный поток мигрантов из городской местности округа в сельскую, который компенсировал миграционный отток сельских жителей в 2019 году на 88,8%. Отметим, что данные показатели могут не говорить об отсутствии проблем вымывания сельского населения. Вероятно, мигранты из городской местности переезжают в пригороды, имеющие статус сельской местности, где инфраструктура и качество жизни уступают городскому уровню, но значительно лучше, чем в сельской глу-

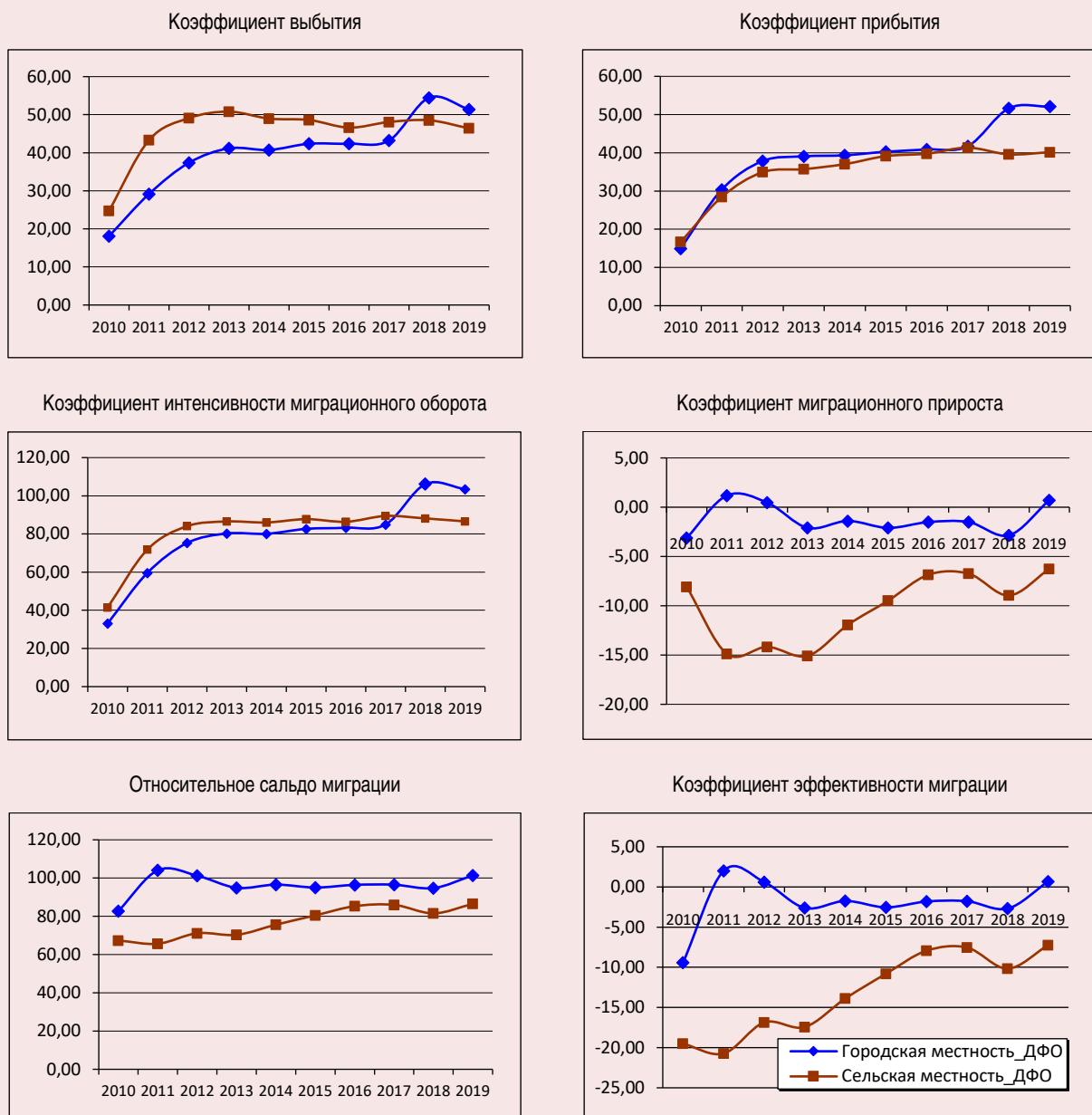
бинке. Кроме того, услуги и тарифы в сельской местности ниже городских, что мотивирует население переезжать из городов в пригороды, относящиеся к сельской местности.

Вторым направлением миграции из сельской местности ДФО является Сибирский федеральный округ, доля которого в 2019 году составила 4,4% (в 2013 г. 4,6%) от числа дальневосточных сельских мигрантов, выбывших в сельскую местность. Третье и четвертое места занимают Южный и Центральный федеральные округа (3,3 и 2,2%). Доля других федеральных округов незначительна.

Таким образом, несмотря на увеличение потока мигрантов из сельской местности, в настоящее время основная их часть оседает в субъектах ДФО, преимущественно в городской местности. Поток мигрантов из города в село сохраняет свою статистическую значимость, однако не соответствует территориальной структуре миграционного оттока сельских жителей.

В 2019 году положительные значения большинства коэффициентов во многом объяснялись не улучшением миграционной ситуации, а показателями муниципально-территориальных преобразований, объем которых составил почти 9 тыс. человек. В отдельные годы МТП оказывали существенное влияние на динами-

Рис. 2. Коэффициенты миграции в сельской и городской местности ДФО, 2010–2019 гг., на 1000 человек

Составлено по: Численность и миграция населения РФ. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13283>

ку численности сельского населения. В период с 2008 по 2019 год на Дальнем Востоке (с учетом данных по двум новым субъектам в 2018 и 2019 гг.) рост числа сельского населения из-за МТП составил 25,3 тыс. человек.

В региональном разрезе с 2008 по 2019 год чаще всего МТП происходили в Амурской области (2008, 2009, 2012, 2013 гг.), однако макси-

мальный прирост числа сельских жителей за счет МТП отмечался в Камчатском крае (+6261 человек) (табл. 2).

В 2019 году Забайкальский край был единственным регионом с общим приростом сельского населения (+624), МТП обеспечивали прирост численности сельского населения на 5845 человек, превысивший естественную

Таблица 2. Объем муниципально-территориальных преобразований в сельской местности Дальнего Востока, чел.

	2008 г.	2009 г.	2012 г.	2013 г.	2018 г.	2019 г.	Сумма, 2008–2019 гг.
ДФО	5683	1478	5436	2451	1359	8933	25340
Приморский край	-	-	-	60	-	2820	2880
Амурская область	861	1478	791	1400	-	-	4530
Магаданская область	-	-	-	991	-	268	1259
Хабаровский край	-	-	2551	-	1359	-	3910
Камчатский край	4167	-	2094	-	-	-	6261
Республика Саха (Якутия)	655	-	-	-	-	-	655
Республика Бурятия*	1453	-15353	-	4189	-	-	0**
Забайкальский край*	1067	-	-	-	-	5845	5845**

Примечание. В таблице указаны субъекты ДВ и годы, где и когда за рассматриваемый период происходили МТП.
* Субъект не входил в состав ДФО до 2017 г.
** Сумма за 2018–2019 гг. – в период вхождения в состав ДФО.
Составлено по: Численность и миграция населения РФ. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13283>

и миграционную убыль населения на 12%. В Приморском крае и Магаданской области объем МТП не компенсировал естественную и миграционную убыль населения, численность сельского населения в данных регионах сократилась.

Интенсивность миграционных процессов

Анализ относительных показателей миграции в сельской местности по субъектам ДФО с 2011 по 2019 год свидетельствует о положительной динамике. Интенсивность миграционного оборота в сельской местности в 2019 году по отношению к 2011 году увеличилась во всех субъектах ДФО, за исключением Еврейской автономной области (ЕАО). В Чукотском АО за рассматриваемый период отмечается самый высокий рост показателя (в 2,5 раза). В 2019 году максимальное значение коэффициента интенсивности миграционного оборота зафиксировано в Магаданской области, минимальное – в Забайкальском крае.

Рост показателя интенсивности миграционного оборота связан с положительной динамикой значений коэффициентов прибытия и выбытия (табл. 3). Во всех субъектах ДФО в 2019 году отмечался рост значения коэффициента прибытия к уровню 2011 года. Максимальные темпы прироста коэффициента зафиксированы в Чукотском АО (3,6 раза). Минимальные значения по прибытию зарегистрированы в Хабаровском крае (темп прироста 11,6%). Темпы прироста коэффициента выбытия ниже показателей по прибытию, что говорит о стабилиза-

ции ситуации и снижении числа выбывающего из региона населения. Снижение коэффициента выбытия в 2019 году к уровню 2011 года отмечалось в четырех субъектах (ЕАО, Амурской и Сахалинской областях, Забайкальском крае). Наиболее высокие темпы прироста по выбытию характерны для Чукотского АО и Камчатского края (79,1 и 52,4 соответственно). Миграционный прирост во всех субъектах округа сохраняет отрицательные значения. Исходя из показателей коэффициентов миграционного прироста в сельской местности в 2011 и 2019 гг., все субъекты ДФО были разделены на три группы: с высоким, средним и низким уровнем коэффициента миграционного прироста. Учитывая сохранение отрицательных значений коэффициента, отметим, что чем значение ближе к нулю, тем ситуация лучше (первый тип регионов с высоким значением коэффициента), и наоборот, чем больше отрицательное значение коэффициента, тем ниже уровень миграционного прироста в регионе (третий тип регионов с низким значением коэффициента). Второму типу присуще среднее значение коэффициента. В 2011 и 2019 гг. Магаданская область характеризовалась низким миграционным приростом, имея максимальные отрицательные значения коэффициента. Во вторую группу со средними значениями коэффициента миграционного прироста в 2011 году входили Республика Саха (Якутия), Сахалинская область и Чукотский АО. В 2019 году указанные три региона перешли в группу с высоким значением коэффициента.

Таблица 3. Показатели миграции в сельской местности по субъектам ДФО, 2011, 2019 гг.

Показатель	Год	Респ. Саха (Якутия)	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская обл.	Магаданская обл.	Сахалинская обл.	ЕАО	ЧАО	Респ. Бурятия	Забайкальский край
КВ	2011	39,4	33,1	44,9	43,4	43,3	93,0	53,2	46,9	35,4	42,5	38,8
	2019	41,3	50,4	51,7	52,4	41,0	107,3	48,0	31,5	63,4	51,9	37,4
	темпы прироста	4,8	52,4	15,1	20,7	-5,3	15,4	-9,8	-32,8	79,1	22,0	-3,7
КПР	2011	14,9	27,0	30,9	41,0	31,1	34,2	28,9	27,8	11,0	28,7	17,8
	2019	33,9	46,2	47,9	45,8	35,6	61,5	43,2	30,1	51,3	49,3	23,6
	темпы прироста	128,2	71,1	55,2	11,6	14,4	80,1	49,4	8,4	364,5	71,6	32,5
МП	2011	-24,6	-6,1	-14,0	-2,4	-12,2	-58,8	-24,3	-19,1	-24,3	-13,8	-21,0
	2019	-7,4	-4,2	-3,7	-6,6	-5,4	-45,8	-4,8	-1,4	-12,1	-2,6	-13,8
	темпы прироста	69,9	30,9	73,4	-179,1	55,7	22,2	80,2	92,8	50,3	81,1	34,4

Составлено по: Численность и миграция населения РФ. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13283>; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

Таким образом, в 2019 году лишь Магаданская область входила в группу с низким значением коэффициента, не изменив позицию с 2011 года, остальные 10 субъектов ДФО – в группу с высоким значением коэффициента, то есть миграционная ситуация улучшалась.

Классификация субъектов Дальневосточного федерального округа по динамике естественного и миграционного прироста в сельской местности

По модели Дж. Уэбба [32], исходя из соотношения естественного и миграционного прироста (убыли) населения, может быть выделено 8 типов регионов. В результате применения данной классификации для сельской местности ДФО в 2011 и 2019 гг. всего выделены три типа. В 2011 году были выделены два типа регионов: 1 тип, где миграционная убыль выше естественного прироста, и 2 тип, где миграционная убыль выше естественной убыли.

В 2019 году был определен третий тип, в котором значение миграционной убыли ниже показателя естественной убыли населения, что связано, с одной стороны, с существенным сокращением миграционной убыли населения и сохранением или небольшим ухудшением показателей естественной убыли, с другой.

Обозначенные типы получили названия (якутский, магаданский, сахалинский) исходя из распространенности обозначенных процес-

сов в отдельных регионах ДВ. Типичным регионом первого вида является Республика Саха (Якутия), в которой до настоящего времени отмечается положительный естественный прирост населения при отрицательных значениях миграции. К 2019 году число регионов данного типа сократилось из-за формирования в них естественной убыли населения. Он обозначен как «якутский».

Для субъектов второго типа («магаданский») характерно превышение миграционной убыли населения над естественной убылью. Магаданская область является ярким примером данного типа, так как на протяжении рассматриваемого десятилетия в ней сохраняются высокие значения миграционной убыли населения.

Третий тип («сахалинский») сформировался в результате снижения миграционной убыли населения при сохранении устойчивых значений естественной убыли. Для регионов данного типа также характерно «двойное» снижение численности населения, включая миграцию и естественные процессы, при этом основная причина сокращения численности населения – естественная убыль. Такое соотношение показателей чаще отмечалось в Сахалинской области. Классификация субъектов ДФО по динамике демографических показателей в 2011 и 2019 гг. представлена на *рисунке 3*.

Таким образом, в отдельных регионах ДФО иссякает миграционная убыль населения при сохранении естественной убыли. Подчеркнем, что мы говорим о сельской местности, где традиционно рождаемость была высокой. Например, в 1990 году в целом по регионам Дальнего Востока зарегистрировано 18,7 рождений на 1000 сельских жителей и 14,4 рождений на 1000 городских жителей, в 2019 году данный показатель снизился до 11,9 и 9,8 соответственно. Снижение числа рождений в сельской местности составило 36,4%, в городской – 25%.

Причины миграции

Как мы отмечали ранее, основная доля мигрантов сельской местности перемещается в рамках ДВ. В работе на основе статистического подхода проведен анализ мотивов миграции сельского населения на ДВ России в 2019 году.

Обращает на себя внимание высокий процент доли населения с указанием причины «возвращение после временного отсутствия». Напомним, что начиная с 2011 года в статистический учет долгосрочной миграции населения включены лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, а также лица, снятые с регистрационного учета по месту пребывания в связи с окончанием срока пребывания. Снятие с регистрационного учета в этом случае осуществляется автоматически.

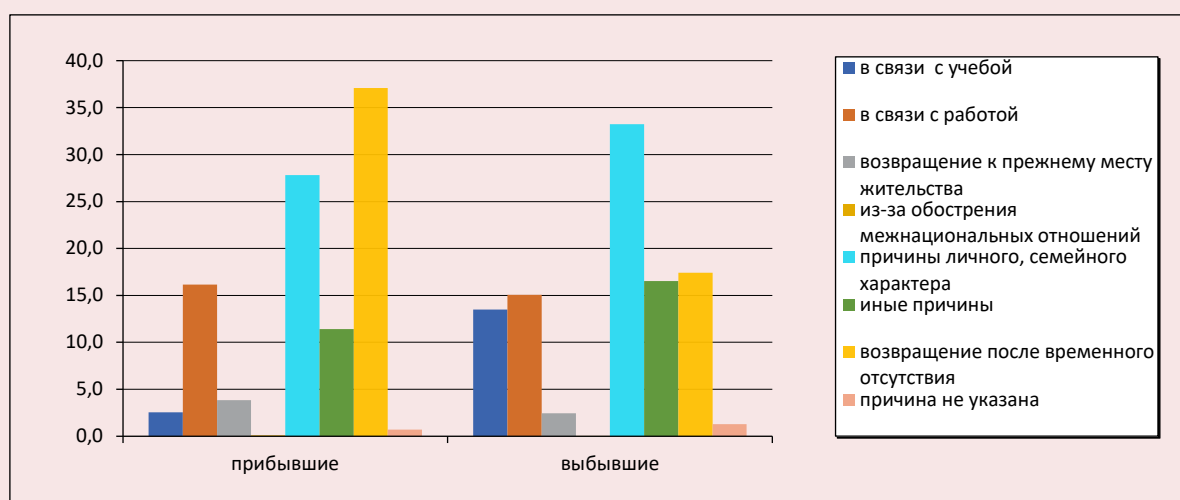
Определить истинные причины миграции населения с указанием «возвращение после временного отсутствия» и классифицировать их по экономическому, социальному и другим факторам не представляется возможным.

В целом для Дальнего Востока в 2019 году среди выбывшего сельского населения 17% учтены автоматически по причине «возвращение после временного отсутствия», среди прибывшего сельского населения – 37%. Принимая во внимание, что вероятность непосредственно самого факта миграции населения, попадающего под данную причину, невысока, можно предположить, что поток прибывающих в сельскую местность мигрантов ниже значений, указанных в официальных статистических источниках.

Среди прочих причин миграции сельского населения существенна доля лиц, сменивших место жительства в связи с учебой, работой, причинами личного характера.

Значимость указанных причин в потоках прибывающих и выбывающих мигрантов не идентична (рис. 4). Выбывают мигранты (по убыванию) по причинам личного и семейного характера, из-за возвращения после временного отсутствия, иных причин (чаще всего, это причины приобретения жилья) и в связи с работой. Около 80% мигрантов, выбывающих в

Рис. 4. Распределение мигрантов в сельской местности ДФО по обстоятельствам, вызвавшим смену места жительства, 2019 г., %

Составлено по: данные Росстата.

связи с возвращением после временного отсутствия, перемещаются в пределах России. Среди зарубежных стран, в которые отправлялись мигранты, Узбекистан (15,6%), Украина (15%), Армения и Таджикистан (по 12,4%), Киргизия (11,1%).

В разрезе регионов ДВ наиболее высокие значения доли выбывающих мигрантов по причине возвращения после временного отсутствия (более 30% от общего числа мигрантов, указавших причины) отмечаются в Камчатском крае и Сахалинской области. Кроме того, Камчатский край – единственный регион, где доля данной категории мигрантов из России ниже 50% от общего числа мигрантов, международные мигранты составили 54,4%, в том числе из стран СНГ – 97,8%. По странам выбытия лидируют Армения (34% от общего числа мигрантов из СНГ), Киргизия (31%) и Узбекистан (13%). Отметим, что Камчатский край в целом отличается от других дальневосточных регионов высокой долей международных мигрантов из стран СНГ. В Сахалинской области доля внутрироссийских мигрантов, возвращающихся после временного отсутствия, составила 76,1%, в рамках международной миграции 25% выбыли в Украину, 18,4% – в Таджикистан.

Максимальная доля мигрантов, выбывших в связи с работой, зарегистрирована в Чукотском АО и Камчатском крае (100% в пределах России).

У прибывших в сельскую местность ДФО мигрантов первое место занимает причина «автоматический учет мигрантов», возвратившихся после временного отсутствия. На втором месте находятся причины личного или семейного характера. Территориальный анализ потоков прибывших «после временного отсутствия» мигрантов показал, что в 7 из 11 субъектов более 50% занимают внутрирегиональные миграции. Минимальные значения внутрирегиональной миграции зафиксированы в ЕАО (29%), доля мигрантов из Хабаровского края в ней составила 41%. Такая ситуация объясняется высокой долей населения области, выезжающего на работу в соседний Хабаровский край.

Относительно числа мигрантов, прибывших в связи с работой, Сахалинская область лидирует по доле международных мигрантов (53,3%), что объясняется привлечением большого чис-

ла специалистов из-за рубежа для работы в нефтяной и газовой отраслях. В других субъектах округа доля международных мигрантов значительно ниже 50%, максимального значения она достигает в Чукотском АО (5,1%).

Минимальные значения внутрирегиональных перемещений российских граждан в связи с работой отмечались в Чукотском АО (15%), что отражает преобладающее число трудовых мигрантов, прибывающих из других регионов России. Схожая ситуация сложилась в Сахалинской области, Камчатском крае и Магаданской области (28, 28 и 34% внутрирегиональных мигрантов). Обращают на себя внимание высокие значения внутрирегиональной миграции в связи с работой в Республике Саха (Якутия) – 92%. Это может быть связано с различиями в уровне экономического развития районов республики.

Дискуссия

В качестве важного условия при решении управленческих задач по регулированию (или попытке регулирования) миграционной активности населения можно рассматривать наличие более корректной и точной оценки причин миграции населения.

Чтобы понять процесс миграции, необходимо разобраться в том, что заставляет человека стремиться к переселению и каковы необходимые для этого условия [33, с. 102]. На наш взгляд, до сих пор остается актуальной точка зрения, высказанная В.В. Оникиенко и В.А. Поповкиным в 1973 г.: «В миграции сельского населения важную роль сохраняет неудовлетворенность сельским образом жизни: условиями сельскохозяйственного труда и оторванностью от достижений современной цивилизации, которая усиливается в результате расширения средств коммуникации» [34, с. 11].

Перефразируя тезис Т.И. Заславской и Л.П. Ляшенко о намерениях населения уехать, отметим, что решение уехать или остаться жить в населенном пункте тесно «связано с мнением людей о том, что ждет его в будущем (будет ли он развиваться, «стоять на месте», или ликвидироваться)» [35, с. 45]. То есть ориентация на миграцию не является «прямым» ответом на внешние условия, а выступает как «субъективное преломление внешних факторов в непосредственном опыте личности» [30, с. 163].

Во втором десятилетии XXI в. интенсивность оттока населения с Дальнего Востока сократилась, однако вполне вероятно, что продолжится сокращение числа населенных пунктов с небольшой численностью жителей и концентрацией их в городах или на близко расположенных территориях [4]. Отдельно можно выделить возможность создания или восстановления населенных пунктов, выступающих местом проживания для сотрудников проектов, реализуемых в рамках территорий опережающего развития (ТОР). В итоге экономический фактор может оказать положительное влияние на миграционные процессы в сельской местности. Однако с большей долей вероятности можно говорить о формировании притока трудовых мигрантов, нежели постоянного населения.

При этом общероссийские тенденции, выражающиеся в прямой взаимосвязи миграционного оттока с разреженностью заселения территории [36], скорее всего, будут сохраняться в сельской местности ДФО.

Несмотря на наличие региональных особенностей, причины миграции из сельской местности ДФО совпадают с причинами в европейских регионах страны [37]. Низкий уровень и качество жизни населения, уступающие городским показателям, инфраструктурная необустроенность, ограниченные возможности для образования и культурного развития населения, возможности трудоустройства с соответствующим доходом выступают главными факторами миграции [38; 39]. В социологических опросах сельские жители Республики Бурятия в качестве причин миграции из сельской местности отмечают низкий уровень жизни и социальной инфраструктуры, низкое качество образовательных, медицинских услуг, сокращение производственного сектора. Похожая ситуация складывается в Еврейской автономной области [40].

Соглашаясь с точкой зрения В.И. Переведенцева о том, что количество рабочих мест во многом определяет количество жителей в населенном пункте [31, с. 102], предполагаем, что для дальневосточных регионов РФ надежду на закрепление сельского населения и развитие сельской местности дает реализация мероприятий Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства

Российской Федерации от 02.02.2015 г. № 151-р. Повышение качества жизни в сельской местности субъектов ДФО, вероятно, позволит снизить миграционный отток населения. При этом уровень развития сельской местности в отдельных регионах различается.

В большинстве дальневосточных субъектов в постсоветский период происходило сокращение числа сел. Региональные органы власти ведут работу по переселению жителей из официально ликвидированных поселков. В каждом субъекте разрабатываются свои программы по решению данного вопроса, кроме того, осуществляется финансовая поддержка на федеральном уровне. При этом Республика Саха (Якутия) является одним из немногих регионов, где села не ликвидировали. В ней ведется работа по сохранению сел. В 2021 году в рамках программы «Движение добрых дел» предусмотрен 1 млрд рублей на развитие сельской местности⁴.

Другой пример развития сельской местности отражает результат реализации программы «Дальневосточный гектар». В Хабаровском крае на площади около 200 га возникло новое село Дальневосточное. Оно образовано в результате объединения компактно размещенных земельных участков, предоставленных по программе. Село входит в действующее сельское поселение, где действует старая школа и нет ФАПа. В настоящее время эти вопросы обсуждаются. Очевидно, что для закрепления жителей в данном сельском поселении необходимо улучшать уровень образовательных и медицинских услуг⁵.

Предполагаем, что положительное влияние на развитие сельской местности могут оказать проекты в рамках территорий опережающего социально-экономического развития. С 2015 года в регионах округа зарегистрировано 20 ТОРов, на территории которых заявлены проекты в промышленности и сельском хозяй-

⁴ Затянувшееся переселение // Российская газета — Экономика Дальнего Востока. № 35 (8386). 18.02.2021. URL: <https://rg.ru/2021/02/18/reg-dfo/kak-na-dalnevostoke-podhodiat-k-likvidacii-opustevshih-sel-i-dereven.html> (дата обращения 10.04.2021).

⁵ В Хабаровском крае для села на «дальневосточных гектарах» просят построить школу и ФАП. 11.03.2021. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/v-khabarovskom-krae-dlya-sela-na-dalnevostochnykh-gektarakh-prosyat-postroit-shkolu-i-fap-1030171167> (дата обращения 10.04.2021).

стве, логистике и др. Проекты реализуются в городской и сельской местности. В то же время необходимо учитывать опыт европейских регионов России, показавший, что работа агрохолдингов в сельской местности зачастую приводит к усилению поляризации, фрагментации сельского хозяйства и возрастанию оттока местных жителей из экономически неблагополучных районов [41]. Так как рост показателей социально-экономического развития сельской местности в результате реализации данных проектов в ДФО не очевиден, то перспективным направлением в исследовании сельской местности макрорегиона будет оценка влияния реализуемых проектов на показатели сельской местности и сельского населения.

Развитие сельской местности во многом было связано с состоянием сельского хозяйства. Миграция сельского населения вносит коррективы в характер сельскохозяйственной занятости населения в ДФО. С одной стороны, в регионах ДФО действуют те же принципы, которые характерны для центральных сельскохозяйственных районов: сохраняется низкий уровень заработной платы, происходит модернизация производства, снижается трудоемкость в сельском хозяйстве [7]. С другой стороны, в некоторых регионах ДВ распространена практика привлечения международных трудовых мигрантов в сельское хозяйство, что решает проблемы нехватки трудовых ресурсов и снижения экономических издержек, но может усугублять ситуацию в сельской местности [42]. В 2020 году заметна зависимость сельского хозяйства (сельской местности) от потоков международной трудовой миграции. Ярким примером является Еврейская автономная область, где сохраняется сокращение численности сельского населения, в том числе из-за миграционной убыли, однако посевные площади увеличиваются, иностранные инвесторы готовы финансировать свои проекты в сельском хозяйстве. В 2020 году на весенние полевые работы в ЕАО планировалось привлечь около 1,3 тыс. трудовых мигрантов из КНР. Из-за карантина квоты на привлечение иностранной рабочей силы не были востребованы. Возможность замены иностранных работников местными специалистами может рассматриваться лишь частично.

Заключение

В рамках демографического подхода показано, что сельская местность ДФО неоднородна и различается динамикой, предпосылками и следствиями миграционных процессов. Несмотря на очевидные региональные различия, на начало 2020 года в округе сохраняется миграционная убыль сельского населения при увеличении интенсивности миграционных процессов.

В исследовании предложен и апробирован подход к оценке миграционной ситуации в сельской местности региона с учетом абсолютных и относительных показателей миграции, позволяющий провести анализ внутри- и межрегиональных изменений.

Разработана классификация субъектов РФ в ДФО по модели Дж. Уэбба на основе показателей демографических процессов с учетом естественного и миграционного прироста. Отмечено формирование в 2019 году третьего типа регионов, характеризующегося превышением естественной убыли населения над миграционной, что не отмечалось в 2011 году.

В отличие от предыдущих исследований в работе в динамике с 2008 по 2019 год учтен фактор муниципально-территориального преобразования при оценке формирования численности сельского населения в дальневосточных субъектах РФ.

Анализ мотивов прибытия и выбытия мигрантов в разрезе субъектов ДФО отражает региональные различия в миграционных процессах, что связано с уровнем жизни населения, спецификой отраслевой структуры рынка труда, географическими особенностями рассматриваемых территорий.

Выявлена роль административного фактора в изменении динамики и направлений миграционных процессов в сельской местности в контексте реализации региональных и федеральных программ развития сельских территорий.

В результате проведенного исследования показана роль учета региональных особенностей развития сельской местности в субъектах ДФО. При этом более эффективным может быть проведение сравнительных межрегиональных исследований, позволяющих выявить общие направления и различия территорий

в рамках округа. Полноценную информацию о взаимосвязи демографических, социально-экономических характеристик и объективных данных о причинах миграции населения можно получить, дополняя официальные статистические данные результатами анкетных и экспертных обследований. При этом регулирование

миграций должно составлять единый процесс с планированием социально-экономического развития регионов и региональной дифференциацией условий и уровня жизни населения. В противном случае будет сохраняться несоответствие в планах развития регионов и направлениях миграционных потоков.

Литература

1. Ващук А.С., Ермак Г.Г. Принимающее сообщество и трудовые мигранты на российском Дальнем Востоке: междисциплинарный анализ исторической ситуации начала XXI в. // Региональные проблемы. 2016. Т. 19. № 4. С. 117–124.
2. Воробьева О.Д. Рынок труда и миграция населения Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 35–40. DOI: 10.12737/article_59007e9adba372.94662480
3. Mishchuk S.N. General characteristics and regional differences of migration processes in the Russian Far East in the Post-Soviet period. *Reg. Res. Russ*, 2020, vol. 10, pp. 86–96. DOI: 10.1134/S2079970520010074
4. Зубаревич Н.В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 3. С. 26–38.
5. Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2015. № 2. С. 66–76.
6. Суший С.Я. Сельские территории Волгоградской области: проблемы демографического развития (последняя треть XX – начало XXI вв.) // Село России. 2019. № 2. С. 5–28. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-5-28
7. Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2017. № 5. С. 58–67.
8. Gudaj R.T., Yi F., Arefeva V.A., Yanbykh R.G., Mishchuk S.N., Potenko T.A., Zhou J., Zuenko I.Yu. Chinese farmers in the Russian Far East and local rural development. *The American Journal of Economics and Sociology*, 2020, vol. 79, iss. 5, pp. 1511–1551. DOI: 10.1111/ajes.12365
9. Jiayi Zhou Chinese agrarian capitalism in the Russian Far East. *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 2016, vol. 1:5, pp. 612–632. DOI: 10.1080/23802014.2016.1327795
10. Horstmann A., Saxer M., Rippa A. *Routledge Handbook of Asian Borderlands*, 2018. 462 p.
11. Егоров Д.О., Шурупина В.С. Сельское расселение России: типология территорий по людности сельских населенных пунктов // Региональные исследования. 2018. № 4 (62). С. 4–16. (in Russ.)
12. Horie N. The positionality of Russia's Far East border regions. *Problems of Economic Transition*, 2017, vol. 59 (10), pp. 753–767. DOI: 10.1080/10611991.2017.1416835
13. Chukwuedozie K. Ajaero, Patience C. Onokala. The effects of rural-urban migration on rural communities of Southeastern Nigeria. *International Journal of Population Research*, vol. 2013. DOI: 10.1155/2013/610193
14. Wang C., Zhang Y., Yang Y., Yang Q., Hong J. What is driving the abandonment of villages in the mountains of Southeast China? *Land Degrad Dev*, 2019, vol. 30, pp. 1183–1192. DOI: 10.1002/ldr.3303
15. Sagynbekova L. Environment, rural livelihoods, and labor migration: A case study in Central Kyrgyzstan. *Mountain Research and Development*, 2017, vol. 37 (4), pp. 456–463. DOI: 10.1659/MRD-JOURNAL-D-17-00029.1
16. Akash Saha M.M., Adhikary S.K., Acharya Mishra G.C. *Migration in Agriculture the Realm and Reality*. Krishi Sanskriti Publications, 2019. 223 p.
17. Shaw R.P. Land tenure and the rural exodus in Latin America. *Economic Development and Cultural Change*, 1974, vol. 23 (1), pp. 123–132.
18. Siciliano G. Rural-urban migration and domestic land grabbing in China. *Popul. Space Place*, 2014, vol. 20, pp. 333–351. DOI: 10.1002/psp.1830
19. Xiao W., Zhao G. Agricultural land and rural-urban migration in China: A new pattern. *Land Use Policy*, 2018, vol. 74, pp. 142–150. DOI: 10.1016/j.landusepol.2017.05.013

20. Liu Z. Human capital externalities and rural–urban migration: Evidence from rural China. *China Economic Review*, 2008, vol. 19, pp. 521–535.
21. Bjarnason T., Edvardsson I.R. University pathways of urban and rural migration in Iceland. *Journal of Rural Studies*, 2017, vol. 54, pp. 244–254. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2017.07.001
22. Buchenrieder G., Duffhues T., Möllers J., Runschke D., Sagyndykova G. Return to the countryside: The return intentions of highly educated young people in the Akmola province of Northern Kazakhstan. *Population, Space and Place*, 2020, vol. 26, iss. 2, pp. 1–14. DOI: 10.1002/psp.2273 (in English)
23. Shuangshuang Tanga, Pu Naob. The return intentions of China’s rural migrants: A study of Nanjing and Suzhou. *Journal of Urban Affairs*, 2019, vol. 41, no. 3, pp. 354–371. DOI: 10.1080/07352166.2017.1422981
24. Воспроизводство трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Республики Саха (Якутия) / Г.И. Даянова [и др.] // *International Agricultural Journal*. 2020. Т. 63. № 2. С. 67–77. DOI: 10.24411/2588-0209-2020-10152
25. Корякина Е.В., Тужилина Е.Н. Проблема сельских кадров как ресурса модернизации (на примере юга Дальнего Востока в годы перестройки) // *Вестник Брянского государственного университета*. 2017. № 3. С. 61–69.
26. Кузьмич Н.П. Строительство в сельской местности как основа повышения роли социально ориентированных направлений развития села Амурской области // *Вестник КрасГАУ*. 2011. № 5. С. 3–7.
27. Сукнева С.А., Трубина А.В. Внутрирегиональная сельско-городская миграция в Республике Саха (Якутия) // *Региональная экономика: теория и практика*. 2009. № 32 (125). С. 139–144.
28. Гусев Е.Г., Шуман Г.И. Перспективные направления развития предпринимательства в сельской местности Приморского края в новых экономических условиях // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 11-2. С. 378–386.
29. Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск: Наука, 1982. 191 с.
30. Долбик-Воробей Т.А., Воробьева О.Д. Статистика населения и демография. М.: КНРОУС, 2018. 314 с.
31. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
32. Webb J. The natural and migration components of population changes in England and Wales, 1921–1931. *Economic Geography*, 1963, vol. 39, no. 2, pp. 130–148.
33. Методологические вопросы изучения социальных процессов: сб. научн. трудов / под ред. акад. А.Г. Аганбегяна, чл.-корр. АН СССР Т.И. Заславской. Новосибирск: ИЭиОПН СО АН СССР, 1974. 301 с.
34. Оникиенко В.В., Поповкин В.А. Комплексное исследование миграционных процессов. Анализ миграций населения УССР. М.: Статистика, 1973. 159 с.
35. Современное дальневосточное приграничье: институциональные трансформации и центр-периферийные процессы / А.Ю. Ардальянова [и др.] // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2020. № 3 (54). С. 69–76. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/69-76
36. Мкртчян Н.В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // *Демографическое обозрение*. 2020. Т. 7. № 1. С. 83–99.
37. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // *Известия РАН. Серия географическая*. 2016. № 5. С. 46–59. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-5-46-59
38. Нефедова Т.Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // *Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов*. 2018. № 7. С. 1–12.
39. Калинина И.В. Социальная инфраструктура как потенциал развития сельских территорий: от прошлого к настоящему // *Региональные проблемы*. 2020. Т. 23. № 2. С. 39–46. DOI: 10.31433/2618-9593-2020-23-2-39-46
40. Гальцева Н.В., Фавстрицкая О.С., Шарыпова О.А. Социально-экономические факторы миграционных процессов в Магаданской области // *Региональные проблемы*. 2015. Т. 18. № 3. С. 23–34.
41. Нефедова Т.Г. Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 4. С. 36–56. DOI: 10.14530/se.2019.4.036-056
42. Мишук С.Н. Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве Дальнего Востока России // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2016. № 1. С. 38–48. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-1-38-48

Сведения об авторах

Светлана Николаевна Мишук – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; e-mail: svetamic79@mail.ru)

Сергей Васильевич Рязанцев – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; e-mail: riazan@mail.ru)

Mishchuk S.N., Ryazantsev S.V.

Migration of Rural Population of the Russian Far East at the Beginning of the 21st Century

Abstract. Nearly a quarter of the population of the Far Eastern Federal District, which occupies 40.6% of Russia's area, lives in rural territories. It is obvious that rural population and its migration mobility have territorial differences in such a large region. The purpose of the study is to conduct a spatial and temporal analysis of dynamics and factors of migration processes in rural areas of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation. The work is based on the analysis of official statistical data. Since structural characteristics of migration flows are likely to change because of using a new methodology for accounting internal migration since 2011, we consider the period from January 2012 to January 2020. The authors show that migration is crucial for the formation of rural population. At the beginning of 2020, there was an increase in the intensity of migration processes in the district's rural areas, but the population's migration decline remains. Most migrants from rural areas settle in the Far Eastern Federal District – often, in towns. The flow of migrants from the town to the village retains statistical significance but does not correspond to the territorial structure of the migration outflow of rural residents. Based on the ratio of migration and natural population decline (growth), the authors developed a classification of rural areas in the subjects of the Far Eastern Federal District for 2011 and 2019. We analyze the reasons for the arrival and departure of rural population. Most migrants arrive after a temporary absence and leave for personal and family reasons. The authors show the influence of the dynamics of migration processes on the development of rural areas and agriculture in the context of a shortage of labor resources and restrictions on international movements of labor immigrants using a case study of the border region.

Key words: rural population, rural area, migration, rural typology, migration components, migration coefficients, Far East.

Information about the Authors

Svetlana N. Mishchuk – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, FCTAS RAS (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: svetamic79@mail.ru)

Sergei V. Ryazantsev – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director, Institute for Demographic Research, FCTAS RAS (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: riazan@mail.ru)

Статья поступила 04.03.2021.

Городская среда как ресурс для совмещения профессиональных и родительских функций*

**Анна Петровна
БАГИРОВА**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru
ORCID: 0000-0001-5653-4093; ResearcherID: M-7440-2013

**Ольга Валерьевна
НОТМАН**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: o.v.notman@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-3393-9933; ResearcherID: C-9914-2018

**Наталья Дмитриевна
БЛЕДНОВА**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: n.d.blednova@urfu.ru
ORCID: 0000-0001-5362-7905; ResearcherID: AAR-5692-2021

* Исследование проведено в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6).

Для цитирования: Багирова А.П., Нотман О.В., Бледнова Н.Д. Городская среда как ресурс для совмещения профессиональных и родительских функций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 199–214. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.12

For citation: Bagirova A.P., Notman O.V., Blednova N.D. Urban environment as a resource for combining professional and parental functions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 199–214. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.12

Аннотация. В контексте утверждения концепции «качества жизни» формирование доступной, комфортной среды жизнедеятельности упоминается как в национальных проектах России, так и в программах развития российских городов. Целью работы является анализ качества городской среды с точки зрения инфраструктурных условий шаговой доступности, минимизирующих физические, материальные и временные затраты на вынужденные повседневные мобильности родителей в целях образования и развития детей. Научная новизна исследования связана с впервые реализованным подходом к рассмотрению городской среды микрорайонов проживания как ресурса для совмещения профессиональных и родительских функций. Эмпирической базой послужили данные массового опроса горожан-родителей мегаполиса (Екатеринбург) и результаты глубинных интервью с матерями, имеющими детей дошкольного и школьного возраста. Результаты исследования показали высокую субъективную значимость территориальной близости ключевых объектов детской инфраструктуры для успешного совмещения родительских и профессиональных функций, а также прямую зависимость между насыщенностью мест проживания объектами детской инфраструктуры и общей удовлетворенностью родителей качеством городской среды. Самая высокая вынужденная мобильность, обусловленная дефицитом услуг шаговой доступности, наблюдается в сфере удовлетворения потребностей интеллектуально-творческого и спортивного развития детей. Общее количество депривированных городских микрорайонов и доля родителей, вынужденных пользоваться инфраструктурными сервисами за пределами своих микрорайонов, свидетельствуют о наличии территориально-пространственных неравенств в доступе к городским благам. Практическая значимость исследования состоит в научном обосновании необходимости разрабатывать комплексные программы по формированию функционально насыщенной среды на уровне микролокальных территорий в рамках принятия прогрессивной модели развития мегаполиса – «сеть 15-минутных городов». Делается вывод о том, что гиперблизость-доступность городских услуг может выступать значимым ресурсом (в рамках более широкого направления социальной политики поддержки семей) для успешного совмещения родительских и профессиональных функций, в конечном счете способствуя повышению качества жизни горожан с детьми.

Ключевые слова: городская среда, родительские и профессиональные функции, дружественная семье политика, детская инфраструктура, вынужденные мобильности, микрорайоны, пешеходная доступность, модель 15-минутного города.

Введение

В современном высокодинамичном обществе человеку ежедневно приходится выполнять различные социальные роли. Каждая из них требует определенных ресурсных затрат, в т. ч. времени, энергии и сил. Сторонники концепции баланса жизни и работы выделяют две основные сферы, в рамках которых человек реализует свои роли. Одна из них связана с профессиональной деятельностью личности, вторая — со всем, что находится за пределами работы [1; 2]. Такое деление обусловлено тенденцией активного включения женщин в экономику [3]. Возникающий при этом конфликт («work-family conflict») обусловлен нехваткой времени на выполнение одновременно профессиональных и семейных задач, что может

привести к повышению уровня стресса, ухудшению психического и физического здоровья человека [4–6].

Отдельные аспекты этой проблемы изучались рядом российских ученых. Так, например, И.Е. Калабихиной и Ж.К. Шайкеновой анализировались трансферты времени между членами российских домашних хозяйств, в результате чего был сделан вывод о гендерной асимметрии и большем вкладе женщин в экономику заботы [7]. В.Д. Патрушев более 30 лет (1965–1998 гг.) исследовал динамику бюджетов времени у различных категорий населения и влияние на них факторов дохода, социального окружения, продолжительности и интенсивности труда, образования и уровня квалифи-

кации [8]. Современные исследователи, фиксирующие тенденцию активного совмещения родительских и профессиональных функций (характерную, в первую очередь, для мегаполисов), объясняют ее феноменом интенсивного материнства, предполагающим соответствие требованиям «продвинутого» родительства и выбор для детей более разнообразных и более качественных услуг, невзирая на связанные с этим выбором сложности [9; 10]. По мнению О.Г. Исуповой, «интенсивное материнство в школьный период жизни детей выливается в постоянное психическое напряжение и усталость матерей, живущих в больших городах России» [11].

Обострившаяся потребность в решении вопроса о совмещении профессиональных и родительских функций обусловила проведение целого ряда исследований, направленных на поиск баланса между этими двумя сферами. Чаще всего ученые выделяют экономические (выплата родительских пособий) [12; 13] и организационные (предоставление гибкого рабочего времени) [14; 15] меры поддержки работающих родителей. Однако рабочий график и слабое материальное стимулирование не исчерпывают проблем, с которыми сталкиваются работники с детьми, проживающие в крупных городах. Существенным барьером для успешного совмещения родительских и профессиональных функций являются условия городской среды жизнедеятельности. Недостаток объектов детской инфраструктуры в непосредственной близости к местам проживания создает препятствия для родителей, которые вынуждены затрачивать большее количество физических, материальных и временных ресурсов на повседневный транзит с целью сопровождения детей в образовательные, культурно-досуговые и спортивные учреждения. Территориальная удаленность ключевых инфраструктурных объектов ежедневного спроса, отягощенная традиционным для крупных российских городов комплексом транспортных проблем, приводит к негативным последствиям для психологического состояния и физического здоровья родителей, вынужденных постоянно испытывать стресс «выпасть из графика» выполнения профессиональных и семейных обязанностей. Однако именно этот аспект — влияние условий городской среды на успешность/неуспешность совмещения родительских

и профессиональных функций — пока не нашел отражения в эмпирических исследованиях, посвященных различным сторонам качества жизни городских жителей.

Актуальный фокус современных зарубежных и отечественных урбанистических работ в значительной степени сосредоточен на анализе комфортности, гуманности, экологичности, антропоориентированности городской среды [16–18]. В общем русле положений удобного, пригодного для жизни города (*livable city*) реализуются исследования «дружественности» городской среды для различных категорий населения — например, маломобильных горожан [19; 20], детей и подростков [21; 22], родителей с маленькими детьми [23; 24], людей пожилого возраста [25; 26]. Стоит отметить, что внимание исследователей в большей мере концентрируется на выявлении разного рода физических барьеров в доступе к городским благам и удобствам. Так, например, неоснащенность общественного транспорта техническими удобствами для инвалидов и родителей с детскими колясками, скользкие покрытия, высокие лестницы и бордюры, отсутствие поручней, перил, звуковых светофоров, ровной поверхности тротуаров, пандусов, безопасных для перемещения пешеходов улиц с ограничителями скорости на дорогах, широко открывающихся дверей в учреждениях повседневного спроса, обустроенных общественных пространств выступают главными препятствиями для активной социальной жизни и безбарьерной городской мобильности людей с ограниченными физическими возможностями или родителей, обремененных детским транзитным инвентарем. Враждебность физического устройства городской среды для отдельных групп горожан закрепляет практики их социальной дискриминации и пространственной эксклюзии [19, с. 134], тогда как доступность-безбарьерность городской среды способствует повышению уровня жизненного комфорта и разнообразию форм социальной активности.

В настоящее время важность концепта «комфортность» городской среды находит отражение как в национальных проектах России¹,

¹ Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды». URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/zhile-i-gorodskaya-sreda/blagoustroystvo>

так и в стратегических планах развития крупнейших российских городов. Вместе с тем необходимо понимать, что благоустройство городской среды не должно ограничиваться формальным декоративным «украшательством» (установка скамеек, урн, освещения, озеленение дворов и пр.), маскирующим более серьезные проблемы, например несбалансированное инфраструктурное развитие городских территорий, усиливающаяся дифференциация районов по функциональной насыщенности и качеству локальных сервисов, услуг. Обозначенная проблема определила фокус нашего исследования, сосредоточенного на анализе средовых условий в микропространственном разрезе — на уровне городских микрорайонов.

Городская среда представляет собой чрезвычайно многослойный феномен, открывающий возможности для многовариантных исследовательских трактовок и аспектов ее анализа с точки зрения различных наук о городе — архитектуры и градостроительства, когнитивной урбанистики, экологии, географии, социологии и пр. Теоретической рамкой нашего исследования выступают социально-экологическая (В.Л. Глазычев) и социоантропоцентрическая (Т.М. Дридзе) концептуализации городской среды. В.Л. Глазычев, отмечая смысловую двойственность самого понятия «среда», характеризует городскую среду как взаимосвязь предметно-пространственного окружения, условий и поведения, взаимодействия людей в этих предметно-пространственных условиях. Различные варианты сочетаний предметного каркаса «города-тела», социоантропогенного и природного ландшафта определяют специфический «рисунок» городской среды, тогда как гармоничная уравновешенность между ними обуславливает ее качество [27]. С позиций методологии социального познания, разработанной Т.М. Дридзе, городская среда рассматривается сквозь призму взаимодействия естественно-природных, «рукотворных» (плоды технико-технологической цивилизации), информационно-символических (потоки знаков и символов, транслируемые в связывающие людей друг с другом коммуникационные сети), социопсихологических (другие люди с их менталитетом, образом и стилем жизни) факторов, составляющих жизненную среду человека [28, с. 134–135].

На наш взгляд, обе интерпретации воплощают междисциплинарный урбанистический подход, позволяющий рассматривать городскую среду как комплекс взаимосвязанных условий и артефактов — природно-естественных и искусственно созданных, материальных и нематериальных.

Городская среда в совокупности образующих ее элементов предстает как среда для реализации разнообразных потребностей человека — в физическом развитии, сохранении здоровья, жилье, безопасности, образовании, работе, коммуникациях, культурном развитии, развлечениях, рекреации и т. д. Практические возможности реализации широкого спектра потребностей и практик характеризуют определенное качество городской среды. В логике нашего исследования городская среда рассматривается как пространство повседневных практик семей с детьми в проекции предоставляемых городом условий для минимизации физических, материальных и временных затрат на вынужденные мобильности. Эти затраты, на наш взгляд, выступают главным барьером для достижения баланса между различными сферами жизни — в частности, между профессиональной и родительской.

Качество средовых условий мы анализируем не с точки зрения формальной наполненности мест проживания объектами детской инфраструктуры в соответствии с нормативными потребностями обеспечения населения необходимыми услугами, а с позиций реальных практик пользования городскими благами в непосредственной близости к местам проживания, а также удовлетворенности горожан различными компонентами городской среды и предоставляемым спектром услуг. Взгляд на городскую среду с позиций ее главных субъектов — резидентов — позволяет выявить, насколько объективные условия жизни соответствуют реальным потребностям горожан. В конечном счете достоверная оценка качества городской среды определяется не показателями введения в эксплуатацию новых инфраструктурных объектов, а «конвертацией» достигнутых нормативных показателей в качество жизни и благополучие жителей, с учетом их собственного восприятия, удовлетворенности.

Цель нашего исследования состоит в анализе качества городской среды российского мегаполиса с точки зрения инфраструктурных условий шаговой доступности, минимизирующих физические, материальные и временные затраты на вынужденные повседневные мобильности родителей в целях образования и развития детей. Научная новизна работы связана с впервые реализованным подходом к рассмотрению городской среды (в разрезе микрорайонов проживания) как ресурса для совмещения людьми профессиональных и родительских функций.

Данные и методы

В октябре – ноябре 2020 года мы провели эмпирическое исследование качества и доступности городской среды на уровне микролокальных территорий (микрорайонов) в одном из крупнейших российских мегаполисов – Екатеринбурге.

На первом этапе исследования был осуществлен опрос жителей Екатеринбурга. Рекрутинг респондентов производился с помощью потоковой выборки с использованием совокупности сайтов, обеспечивающих репрезентацию широких слоев населения (сайт городской администрации; ведущий информационный портал города e1.ru; виртуальные сообщества в социальных сетях, посвященные Екатеринбургу; тематические группы городских активистов и пр.). Затем сделана калибровочная корректировка с помощью процедур частотного выравнивания – постстратификация по признакам пола, возраста, микрорайона проживания. Из итогового массива данных для анализа были отобраны 1374 респондента-родителя, имеющих детей дошкольного и школьного возраста, из них 61,1% женщины, 38,9% мужчины. Медианный возраст опрошенных родителей – 34 года.

В рамках данного этапа исследования ставились следующие задачи, предопределившие логику анализа данных:

1) выявление общей удовлетворенности качеством городской среды в месте проживания (витальные компоненты городской среды, социально-бытовая, потребительская, рекреационная, детская, транспортная инфраструктура, эстетика городской среды);

2) оценка дефицитных благ/сервисов пешеходной доступности;

3) определение вынужденных мобильностей родителей, связанных с недостаточной оснащенностью микрорайонов проживания объектами детской инфраструктуры (школы, детские сады, кружки и центры развития, спортивные секции);

4) выявление депривированных по признаку насыщенности объектами детской инфраструктуры микрорайонов;

5) оценка влияния оснащенности микрорайонов объектами детской инфраструктуры на общую удовлетворенность качеством городской среды.

Обработка и анализ данных осуществлялись в SPSS 23.0. Использовались статистические процедуры описательной статистики, частотного анализа и оценки статистической значимости различий с помощью критерия Манна-Уиттни.

На втором этапе исследования были проведены глубинные интервью с работающими матерями в возрасте от 18 до 45 лет ($N = 9$). Выбраны матери с детьми младшего, среднего, старшего дошкольного и младшего школьного возраста, поскольку этот возрастной интервал соотносится с наиболее интенсивной стадией родительского труда. Путеводитель интервью включал в себя три основные темы для обсуждения: профессиональные и родительские обязанности респондента (виды деятельности, организация работы, интенсивность труда и пр.); барьеры, препятствующие оптимальному сочетанию двух видов занятости; необходимые меры поддержки работников с детьми. При анализе полученных результатов основное внимание уделялось выявлению субъективной значимости территориальной близости детских учреждений и объектов инфраструктуры для работающих матерей, а также их восприятия условий среды в качестве ресурса поддержки, способствующего сглаживанию конфликта «семья – работа» и эффективному совмещению родительских и профессиональных функций.

Результаты

В *таблице 1* представлена общая оценка родителями городской среды микрорайонов проживания.

В *таблице 2* приведены мнения родителей о дефицитной инфраструктуре в пешеходной доступности в микрорайоне проживания.

Таблица 1. Удовлетворенность жителей г. Екатеринбурга, имеющих детей дошкольного и школьного возраста, качеством городской среды*

Индикатор	Элементы городской среды	Средняя	Стандартное отклонение	Медиана	Мода
I. Витальные компоненты городской среды					
1	Экологическая ситуация	3,20	1,181	3	4
2	Безопасность проживания	3,38	1,092	4	4
II. Социально-бытовая инфраструктура					
3	Услуги ЖКХ (бесперебойность подачи энергоресурсов, горячей и холодной воды, капитальный ремонт домов, уборка мусора и пр.)	3,44	1,141	4	4
4	Обеспеченность бытовыми услугами (химчистки, ремонтные мастерские и пр.)	3,68	1,180	4	4
5	Медицинское обслуживание (качество работы поликлиник, уровень медицинской помощи)	3,03	1,146	3	3
III. Потребительская инфраструктура					
6	Рынки и торговые центры	3,68	1,317	4	5
7	Учреждения общественного питания (кафе, рестораны)	3,28	1,305	3	4
IV. Рекреационная инфраструктура					
8	Индустрия развлечений (кинотеатры, боулинг, клубы и пр.)	2,88	1,413	3	1
9	Парки, зеленые зоны, места отдыха	3,70	1,246	4	5
V. Детская инфраструктура					
10	Спортивные сервисы открытого уличного доступа (стадионы, площадки, катки)	3,41	1,309	4	4
11	Культурно-досуговые центры для детей (кружки, секции, центры развития)	3,30	1,208	3	4
VI. Транспортная инфраструктура					
12	Транспортная доступность (развитая транспортная сеть, удобство маршрутов, скорость перемещения до центра города)	3,67	1,262	4	5
13	Качество парковок	2,52	1,163	2	2
VII. Эстетика городской среды					
14	Благоустройство микрорайона (уличное освещение, детские площадки, пешеходные зоны, общественные пространства и пр.)	3,18	1,235	3	3
15	Внешний вид микрорайона (улицы, дороги, дома)	3,21	1,150	3	3
	Общая удовлетворенность	3,30	0,750	3,33	3,27

* Для измерения использовалась количественная шкала от 1 до 5.
Источник: составлено авторами.

Таблица 2. Дефицитные объекты городской инфраструктуры в пешеходной доступности по мнению родителей

№ п/п	Вид объектов городской инфраструктуры	Доля родителей, оценивших дефицитность объектов, %
1	Продуктовый магазин	11,2
2	Аптека	9,0
3	Поликлиника	24,7
4	Почта	19,4
5	Бытовые услуги (химчистка, ремонтные мастерские и т.д.)	15,2
6	Детский сад, школа	18,3
7	Кружки, центры развития для детей	38,1
8	Спортивные секции для детей	43,4
9	Спортивные учреждения (бассейны, фитнес-центры, каток и пр.)	44,8
10	Торгово-развлекательные центры	29,3
11	Парки, зоны отдыха	39,8
12	Кафе, рестораны	28,9

Источник: исследование авторов.

Таким образом, именно объекты детской инфраструктуры оказались самыми дефицитными в пешей доступности. Доля родителей, отмечающих нехватку в территориальной близости (пешей доступности) инфраструктуры для интеллектуального, физического, культурного развития детей, составляет около 40%. В общем списке дефицитных объектов детской инфраструктуры основные объекты ежедневной востребованности – детский сад, школа – не выходят на первые позиции, однако результаты глубинных интервью свидетельствуют о том, что недостаток этих объектов воспринимается наиболее болезненно и более всего отражается на «бесконфликтных» возможностях совмещения семейных и профессиональных ролей: «Школа у нас находится далековато и очень неудобно. Приходится и до остановки от дома идти минут 15, потом ехать какое-то время, потом от остановки до самой школы тоже примерно столько же идти. Причем у нас такой маршрут автобуса, что он практически всегда заполнен. То есть мне было как-то некомфортно, болело мое материнское сердце – ну как у меня ребенок поедет один в автобусе, как доберется. Когда садик был, это вообще была особая история, потому что туда его привести надо было к 8. Это вообще было тяжело. И обратно тоже забрать. То есть пока ты поработаешь, пока до этого садика доедешь, пока обратно приедешь. Очень уставала я, выматывалась. Приезжала домой, мне от жизни ничего не нужно было, сил больше ни на что не оставалось» (Марина, 34 года, сыну 10 лет).

Напротив, те информанты, у которых садик и школа находятся в зоне пешеходной досягаемости, оценивают этот факт как значимое преимущество: «У нас садик сейчас рядом с домом, хотя сначала досталось место в районе Чапаева, это далеко от нас. Приходилось ездить, а там просто ужасная дорога, в том плане, что обратно из-за грязи на дороге идет часовая пробка и обратно час возвращаешься. Мы неделю туда проходили и бросили это дело. И почти год он сидел дома. Мы ждали место в детском садике около дома. Сейчас совсем другое дело. Вот старший ребенок очень хочет младшего сам отводить и забирать, но нельзя, ему же не разрешат, только совершеннолетний может забирать. У нас школа через дом находится, очень близко, поэтому тоже очень удобно, что ребенок сам везде ходит.

В первом классе, наверное, недели две я его еще встречала, а потом уже он самостоятельно возвращаться начал домой. Я не представляю, как живут родители, которым нужно ездить в садик и в школу... Вот Академический, к примеру, огромный район отстроили, туда очень много людей переехало жить, и там очень большая проблема с детскими садиками... А когда есть территориальная привязка к садикам, это большой плюс» (Юлия, 35 лет, детям 6 и 9 лет).

Для некоторых работающих женщин отсутствие муниципального садика около дома или невозможность в него попасть (либо частного садика с приемлемыми условиями) явились причиной принятия решения о приостановке карьеры либо поиске другой работы: «Сначала я работала горным инженером в одной частной компании, но потом мне пришлось уволиться. Моя дочка пошла в садик, а садик был далеко, поэтому пришлось делать выбор – либо уходить, либо искать частный садик. В итоге у меня на той работе все равно обострились отношения с работодателем, постоянно отпрашиваться надо было. Ну я и ушла. Потом я какое-то время дома сидела, искала работу, чтобы можно было и семье время уделить» (Ольга, 35 лет, детям 7 и 9 лет); «Я вообще до вот этой работы, получается, работала в банке – Уральский банк реконструкции и развития, рабочая неделя была у меня с 8 до полвосьмого вечера, выходные были только один на неделю и воскресенье. И когда Софья пошла в сад, а Лиза – на подготовительные курсы перед первым классом, нужно было и одну и другую возить. Либо мы с супругом уезжаем вместе утром, возем младшую в сад, либо кто-то один, потом вечером забирает всех, Лизу бабушка на автобусе возит, когда получается. Тут проблема, как все это состыковать, если все в разных концах. И у нас всего одна машина. Поэтому я не выдержала, уволилась и ушла вот на эту работу торговым представителем, чтоб в любой момент я могла сорваться, забрать ребенка, увезти в бассейн, в больницу, еще куда-то, либо остаться с ней дома...» (Марина, 35 лет, детям 4 и 9 лет).

Чтобы компенсировать дефицит времени и понизить уровень стресса, работающим родителям очень часто приходится прибегать к помощи бабушек и дедушек, которые могли бы сопроводить ребенка в детский сад или школу. Так, активно занятые профессиональной карьерой матери отмечают, что «в силу загруженности

на работе без помощи бабушки было просто не обойтись. Поскольку садик, а потом и школа у нас не около дома и не по пути на работу, то обязанности отвозить-привозить ребенка были полностью возложены на мою маму. Поэтому, когда мы пошли в школу, бабушка, хоть и не собиралась, но ушла с работы, чтобы помочь нам. Когда бабушка уезжает, наша жизнь превращается в постоянные развозы по городу и стояние в пробках — то в школу, то на танцы, то на английский. Выматывает страшно, вечером падаю без сил» (Анна, 45 лет, дочери 9 лет, старшему сыну 21 год, живет отдельно).

Отсутствие помощи со стороны старших членов семьи компенсируется поиском альтернативных моделей сопровождения детей: «Когда сын был маленький, в садик я его отвозила, забирал папа. Сейчас в школу я его уже не отвожу. Его возит мама одноклассника. То есть мы живем здесь все близко, вот она его отвозит вместе со своим сыном. Ну... у нее есть возможность, она привозит и забирает их. Получается, в том году они стали ездить с ней постоянно. А для меня лишний час-другой — это ж кучу дел можно успеть переделать» (Вика, 34 года, сыну 10 лет).

В целом месторасположение объектов детской инфраструктуры по Екатеринбург чаще совпадает, чем не совпадает с местом проживания семей с детьми. В зависимости от типа инфраструктуры доля родителей, ответивших, что инфраструктурные объекты находятся в микрорайоне проживания, составляет от 56,9 (спортивные секции) до 78,6% (детские сады). Из всех опрошенных екатеринбуржцев, имеющих детей дошкольного и школьного возраста, 21,4% водят детей в детские сады, 23,4% — в школы, 33,1% — в кружки и центры развития, 43,1% — в спортивные секции, расположенные в других микрорайонах (табл. 3).

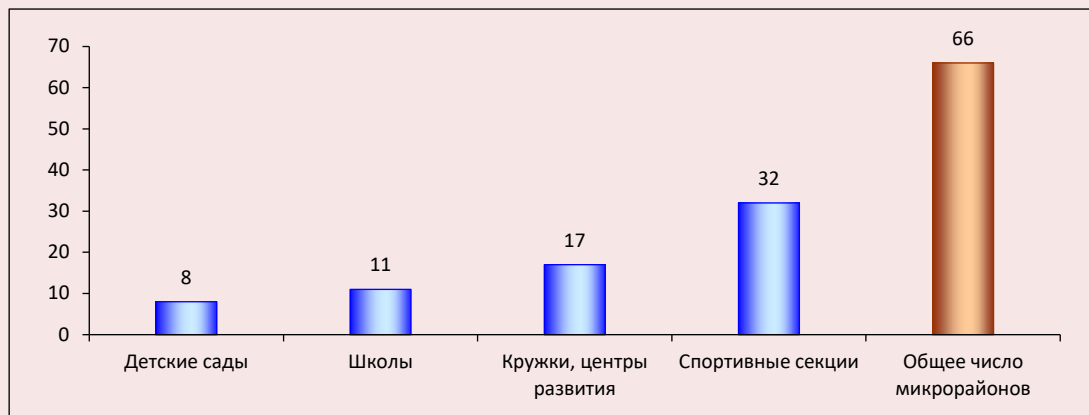
Результаты проведенных интервью показали, что территориальная «привязка» неосновных объектов детской инфраструктуры (кружки, центры развития, спортивные секции) также имеет важное значение для родителей. Выбирая дополнительные виды образования и развития своих детей, работающие родители в условиях дефицита времени ориентируются, прежде всего, на территориальную близость, позволяющую детям с определенного возраста самостоятельно добираться до нужных учреждений: «Сын ходит на каратэ, на английский. Это все в соседнем доме. То есть куда он может ходить сам, он туда и ходит» (Ольга, 35 лет, детям 7 и 10 лет); «Старший ребенок ходит в музыкальную школу, потому что она у нас рядом находится и ребенок ходит самостоятельно туда. В первый год, в первом классе, мы его еще водили, а со второго класса он уже сам ходит, недалеко, ну и маршрут мы с ним проговоривали очень подробно. Ну и плюсом удобство в том, что мы живем в районе Шарташского рынка, там нет таких серьезных улиц, переходить в основном все через дворы, поэтому он ходит один. Также он ходит еще в школу развития, на робототехнику и на шахматы. Это тоже буквально два двора пройти, и поэтому он ходит самостоятельно» (Юлия, 35 лет, дети 6 и 9 лет). Подобная стратегия — «что есть поблизости, то и выбираем» — является рациональным механизмом минимизации родительских затрат на транзит, однако в этом случае не всегда удается обеспечить соответствие способностей, потребностей, желаний ребенка имеющимся поблизости институциям.

В ходе исследования нами зафиксирован перечень микрорайонов, семьи с детьми из которых вынуждены демонстрировать наиболее высокий уровень внутригородской мобильности, перемещаясь к местам детской инфра-

Таблица 3. Местонахождение объектов городской инфраструктуры для развития детей, % от числа ответивших родителей

Совпадение микрорайона проживания с микрорайоном расположения объекта детской инфраструктуры	Объекты детской инфраструктуры			
	Детский сад	Школа	Кружки, центры развития	Спортивные секции
Совпадает	78,6	76,6	66,9	56,9
Не совпадает	21,4	23,4	33,1	43,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0
Источник: исследование авторов.				

Рис. 1. Количество микрорайонов Екатеринбурга, в которых проживают депривированные по территориальной близости объектов детской инфраструктуры семьи с детьми

Источник: исследование авторов.

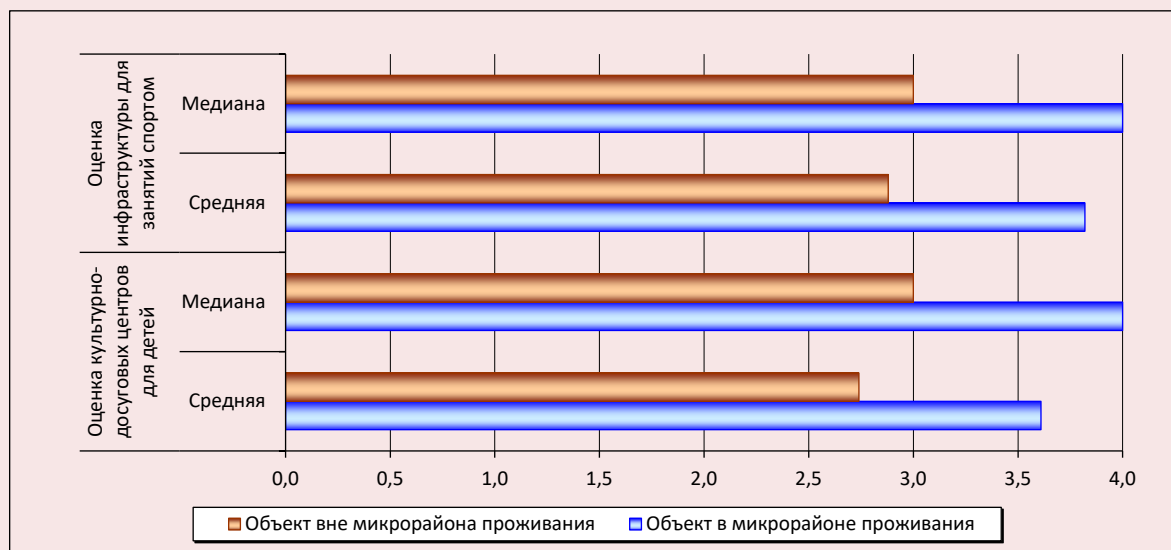
структуры и обратно. На *рисунке 1* представлено количество микрорайонов, семьи с детьми в которых депривированы по каждому из анализируемых параметров.

Из общего количества микрорайонов г. Екатеринбурга депривированы одновременно по всем четырем категориям объектов три городских микрорайона (Широкая речка, Совхозный, Южный), по трем объектам – 6 микрорайонов (Вокзальный, Шинный, Синие Камни, Шарташ, Парковый, Керамика), по двум объектам – 11 микрорайонов (Академический, Мичуринский, Заречный, Изоплит, Исток, Елизавет, РТИ, Шувакиш, Уктус, Новая Сортировка, Калиновский), по одному – 15 микрорайонов (Полеводство, Птицефабрика, Автовокзал, Вторчермет, Ботанический, Кольцово, Лечебный, Медный, Нижне-Исетский, Пионерский, Сортировка, Центральный, Шарташский рынок, Эльмаш, Юго-западный). Отметим, что информанты из инфраструктурно «обездоленных» районов наиболее остро и эмоционально реагировали на вопросы о значимости территориальной близости детских учреждений: «Мы купили квартиру в отдаленном районе на Широкой речке. Здесь вообще садиков нет. И дали садик вообще далеко от дома. Один садик здесь есть. И мы туда не попали, конечно. Видимо, там очень большая очередь. И опять же мы просили, что мы два работника образования, мол, дайте нам поближе через какие-то связи. Но вот не получилось. Даже деньги не

помогли. Пришлось далеко ездить. И только спустя год дали садик поближе. Ну и то это надо ехать на машине. Это не шаговая доступность. Когда мы писали обращение, спросили, мол, почему так мало садиков запланировано на строительство? Грубо говоря, ответ прозвучал: «А вас никто не просил так далеко покупать квартиру». Ну то есть сами там купили, там и живите. Какие там парки, какие там садики? Это Широкая речка... Никому мы здесь не нужны» (Екатерина, 29 лет, сыну 5 лет); «Вот хлебнула всего этого с дочкой. Тяжело. Ни школы поблизости, ни садика. Мы купили квартиру в молодом спальном районе, в хорошем доме, но без всего. Вот ничего поблизости. Постоянно приходится как-то выкручиваться, кого-то просить. То подружка у меня, помню, морозы были, ездила, забирала моего ребенка из школы и приводила к себе домой, потому что я работала тогда, не могла приехать. Хочется поддержки от государства. Ну вот почему вы в нашем районе не строите ни школу, ни садик? Спасибо государству, что я хоть в больницу хожу бесплатно. Спасибо и на этом» (Ольга, 33 года, детям 2 и 8 лет).

Совпадение микрорайона проживания и месторасположения объектов детской инфраструктуры отражается на общей оценке качества жизни респондентов-родителей в микрорайоне. На *рисунке 2* представлены подтверждающие это утверждение значимые статистические различия (критерий Манна-Уиттни, $p = 0,000$).

Рис. 2. Оценки отдельных параметров микрорайонов проживания респондентами-родителями (группы респондентов, выделенные по принципу расположения объекта детской инфраструктуры в микрорайоне / вне микрорайона проживания)

Источник: исследование авторов.

Следовательно, оценка культурно-досуговых центров для детей в микрорайоне проживания респондентов выше тогда, когда они водят детей в кружки и центры развития, расположенные в их же микрорайоне. Аналогично – оценка инфраструктуры для детских занятий спортом в микрорайоне проживания респондентов выше тогда, когда они водят детей в спортивные секции, расположенные в их же микрорайоне.

Наличие объектов детской инфраструктуры в микрорайоне проживания респондентов, имеющих детей, связано с оценкой микрорайона по целому ряду параметров – и не только по тем аспектам, которые, казалось бы, напрямую относятся к детям. Так, например, респонденты-родители, у которых детский сад находится не в микрорайоне проживания, оценивают свой микрорайон хуже, чем родители, проживающие в микрорайоне, где расположен детский сад, лишь по одному параметру. Если микрорайон проживания не совпадает с микрорайоном, где расположена школа, то оценивается ниже уже по 8 параметрам. Из-за отсутствия спортивной секции, куда респонденты-родители водят своих детей, микрорайон получает более низкие

оценки по 11 параметрам, а вследствие отсутствия кружков и центров развития – по 15 параметрам. В *таблице 4* оранжевым цветом обозначены те параметры, по которым микрорайоны получили более низкие оценки в случае, если в них отсутствовали те или иные элементы детской инфраструктуры.

Обсуждение

Предпринятое нами исследование является в своем роде «пионерским» как с точки зрения выбора исследовательского фокуса (анализа городской среды как условия для успешного совмещения родительских и профессиональных функций), так и разработанной методики для оценки пространственных различий в насыщенности городских микрорайонов объектами детской инфраструктуры и их пешеходной доступности (с использованием социологических, а не статистических методов). Несмотря на то что объем работ, посвященных качеству городской среды, в последнее десятилетие неуклонно растет, на сегодняшний день в научной литературе отсутствуют аналогичные исследования, фокусирующие внимание на влиянии доступности городской среды на достижение баланса различных сфер жизнедеятельности

Таблица 4. Результаты сравнительного анализа оценок качества городской среды в случае расположения объектов детской инфраструктуры вне микрорайона проживания

Индикатор	Элементы городской среды	Более низкая оценка, данная респондентами-родителями, при условии необходимости использовать объект детской инфраструктуры за пределами микрорайона проживания			
		Детский сад	Школа	Кружок, центр развития	Спортивная секция
I. Витальные компоненты городской среды					
1	Экологическая ситуация				
2	Безопасность проживания				
II. Социально-бытовая инфраструктура					
3	Услуги ЖКХ (бесперебойность подачи энергоресурсов, горячей и холодной воды, капитальный ремонт домов, уборка мусора и пр.)				
4	Обеспеченность бытовыми услугами (химчистки, ремонтные мастерские и пр.)				
5	Медицинское обслуживание (качество работы поликлиник, уровень медицинской помощи)				
III. Потребительская инфраструктура					
6	Рынки и торговые центры				
7	Учреждения общественного питания (кафе, рестораны)				
IV. Рекреационная инфраструктура					
8	Индустрия развлечений (кинотеатры, боулинг, клубы и пр.)				
9	Парки, зеленые зоны, места отдыха				
V. Детская инфраструктура					
10	Спортивные сервисы открытого уличного доступа (стадионы, площадки, катки)				
11	Культурно-досуговые центры для детей (кружки, секции, центры развития)				
VI. Транспортная инфраструктура					
12	Транспортная доступность (развитая транспортная сеть, удобство маршрутов, скорость перемещения до центра города)				
13	Качество парковок				
VII. Эстетика городской среды					
14	Благоустройство микрорайона (уличное освещение, детские площадки, пешеходные зоны, общественные пространства и пр.)				
15	Внешний вид микрорайона (улицы, дороги, дома)				
	Общая удовлетворенность				
Источник: исследование авторов.					

(в частности, семейной и профессиональной), выполненные с высоким уровнем пространственной детализации (в микропространственном разрезе) и применением социологического инструментария для комплексного охвата всех без исключения внутригородских территорий (микрорайонов проживания).

Результаты проведенного исследования показали, что общая удовлетворенность горожан-

родителей объектами детской инфраструктуры значимо не отличается в худшую сторону от удовлетворенности другими элементами городской среды. Однако доля родителей, испытывающих дефицит именно объектов детской инфраструктуры в пешеходной доступности от мест проживания, значительно превышает долю тех, кто выбирает в качестве дефицитных иные городские услуги и сервисы. Несмотря на то

что объекты детской инфраструктуры преимущественно располагаются в микрорайоне проживания, все же это совпадение нельзя считать «идеальным» с точки зрения инфраструктурной насыщенности мест проживания. Во-первых, значительная доля микрорайонов Екатеринбурга имеет территориальную протяженность, превышающую радиус комфортной пешеходной доступности, что не позволяет рассматривать расположение объектов в формальных границах микрорайона как единственный критерий среднего благополучия. Кроме этого, результаты глубинных интервью с матерями свидетельствуют о том, что пешеходная недоступность ключевых объектов детской инфраструктуры является остро ощущаемой проблемой для успешного совмещения родительских и профессиональных обязанностей, поскольку значительно усложняет ежедневную логистику и не способствует экономии времени, рациональному распределению энергии и сил. Во-вторых, доля родителей, вынужденных пользоваться объектами детской инфраструктуры за пределами микрорайонов своего проживания, все же весьма высока – от 21 до 43%. При этом самая высокая вынужденная мобильность наблюдается в сфере удовлетворения потребностей интеллектуально-творческого и спортивного развития детей.

Из 66 городских микрорайонов в статусе депривированных по тем или иным критериям оказывается довольно широкий их круг (35), при этом среди них – не только спальные новостройки или территориально удаленные от ядра культурно-образовательной жизни города районы, но и собственно центральные и приближенные к центру территории. Особое внимание со стороны властей, на наш взгляд, должно быть уделено инфраструктурному развитию микрорайонов, неблагоприятных одновременно по ряду критериев. В них семьи с детьми оказываются в наихудших средовых условиях, вынуждающих либо прикладывать непомерные усилия для обеспечения потребностей развития своих детей, либо отказываться от неосновных (но значимых для детей) услуг развивающего характера.

Весьма показательным результатом нашего исследования является факт прямой зависимости между оценками родителей доступности детской инфраструктуры в непосредственной близости к местам проживания и общей удов-

летворенностью качеством городской жизни. Высокая субъективная значимость для родителей территориальной близости объектов детской инфраструктуры в общей картине восприятия комфортности городской среды отражает специфический образ жизни и потребности исследуемой группы горожан, которые необходимо учитывать при разработке стратегий развития городских микрорайонов.

Возникновение пространственных неравенств, связанных с ограничениями в доступе к городским благам и инфраструктуре, дифференциацией качества и функциональной насыщенности городской среды, транспортной депривацией ряда районов, выступает сегодня одной из значимых проблем, решение которой требует разработки комплексных программ по формированию функционально насыщенной среды на уровне микролокальных территорий. Процессы городского расползания в совокупности с нерешенностью транспортных проблем в мегаполисах приводят к изолированности определенных городских районов, жители которых оказываются «оторванными» от социальной инфраструктуры и благ городской жизни. Им приходится ежедневно по несколько раз совершать внутригородские поездки, зачастую преодолевая всевозможные барьеры среды, включая неблагоприятные условия городского трафика.

В свете обозначенных проблем особую актуальность приобретают модели городского развития, позволяющие нивелировать внутригородские территориальные дисбалансы среды жизнедеятельности. Одной из прогрессивных моделей, интегрирующей комплекс ориентиров устойчивого городского развития (компактность, полицентризм, экологичность, антропоориентированность), является «модель 15-минутного города», предложенная франкоколумбийским исследователем К. Морено [29]. В ее основе лежит идея децентрализации городской жизни. Город четверти часа представляет собой мозаику городских микрорайонов, внутри которых сконцентрированы все ключевые городские функции – жилье, работа, розничная торговля, медицинские услуги, образование, культура, досуг, рекреация. Теоретическим базисом 15-минутной модели выступает концепция «хроноурбанизма», рассматривающая качество городской жизни как «величину», обратно

пропорциональную количеству времени, затраченному на повседневный транзит [30]. Гиперблизость-доступность ключевых сервисов/удобств и соответствующая ей микромобильность способствуют достижению комплекса положительных эффектов, таких как снижение зависимости от автомобилей (сохранение ресурсов окружающей среды), экономия времени и финансовых расходов на транзит (перераспределение времени и затрат на другие виды деятельности – досуг, рекреацию, семейно-родительские обязанности), повышение локального качества жизни (разнообразие во всех его проявлениях на уровне внутригородских районов), «воссоединение» жителей с их местными районами и формирование локальной идентичности (укрепление социальной «ткани» городской жизни).

Мы полагаем, что модель 15-минутного города не является «жесткой», поэтому может быть адаптирована к специфическим особенностям конкретных городов, их масштабам, морфологии, характеристикам внутригородских территорий и потребностям жителей. Последнее нам представляется особенно важным, поскольку необходимость учета потребностей и мнений жителей становится все более очевидной в свете широко обсуждаемых вопросов вовлеченности горожан в процессы проектирования городских изменений [31]. Вовлечение жителей в оценку и отбор проектов, которые будут реализованы на их собственной территории, как показывает опыт прогрессивных зарубежных мегаполисов (например, Парижа, Оттавы, Мельбурна²), уже приступивших к реализации модели «гиперблизости-доступности», играет важную роль в достижении целей по созданию качественной и доступной город-

ской среды, формированию устойчивых и социально взаимосвязанных сообществ, в конечном счете – рождению более здоровых в экологическом, экономическом и социальном аспектах городов.

Заключение

В результате проведенного нами исследования доступности городской среды для семей с детьми в территориально-локальной проекции, с одной стороны, выявлены проблемы инфраструктурной несбалансированности в развитии городских микрорайонов конкретного мегаполиса – Екатеринбурга, препятствующие эффективному совмещению родительских и профессиональных функций, с другой – акцентировано внимание на том, что реализация приоритетного федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» требует не только мелких тактических решений по благоустройству и «бьютификации» городских пространств, но и разработки подходов долгосрочной стратегической перспективы к развитию российских городов. Стратегические задачи по формированию качественной, функционально насыщенной среды на уровне городских микротерриторий актуализируют вопросы «апгрейта» имеющихся инфраструктурных условий в соответствии с потребностями локальных резидентов. В этом ключе полученные нами результаты имеют высокую практическую значимость, поскольку они могут быть использованы для принятия обоснованных управленческих решений в целях предотвращения резкой поляризации в развитии городских территорий. На основе проведенного исследования мы приходим к выводу о том, что функционально насыщенная, находящаяся в пешеходной доступности городская среда, минимизирующая вынужденные «затратные» мобильности семей в целях образования, развития, досуга детей (а в мегаполисе они возрастают в силу описываемого социологами феномена интенсивного материнства), может выступать значимым ресурсом (наряду с экономическими и корпоративными мерами поддержки семей – family-friendly policies) для успешного совмещения родительских и профессиональных функций, в конечном счете способствуя повышению качества жизни и субъективного благополучия горожан с детьми.

² См.: Paris en Commun. Le programme d'Anne Hidalgo URL: <https://annehidalgo2020.com/le-programme/>; Welcome to the 15-minute neighbourhood: Intensification key to city's official plan. Ottawa. August 23, 2019. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/ottawa/ottawa-first-glimpse-official-plan-1.5256386>; Victoria State Government. 20-minute neighbourhoods. Create more inclusive, vibrant and healthy neighbourhoods. URL: <https://www.planning.vic.gov.au/policy-and-strategy/planning-for-melbourne/plan-melbourne/20-minute-neighbourhoods#:~:text=Hallmarks%20of%2020%2Dminute%20neighbourhoods&text=Work%20undertaken%20in%20partnership%20with,cyclists%20to%20optimise%20active%20transport> (дата обращения 02.03.2021).

Литература

1. MacInnes J. Work-life balance in Europe: A response for the baby bust or reward for the baby boomers? *European Societies*, 2006, vol. 8 (2), pp. 223–249. DOI: 10.1080/14616690600644988
2. Рождественская Е.Ю. Академическая женская карьера: балансы и дисбалансы жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 27–47. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.03
3. Remery C., Schippers J. Work-family conflict in the European Union: The impact of organizational and public facilities. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019, vol. 16 (22). DOI: 10.3390/ijerph16224419
4. Brauner C., Wöhrmann A.M., Frank K., Michel A. Health and work-life balance across types of work schedules: A latent class analysis. *Applied Ergonomics*, 2019, vol. 81. DOI: 10.1016/j.apergo.2019.102906
5. McCanlies E., Mnatsakanova A., Andrew M., Violanti J., Hartley T. Child care stress and anxiety in police officers moderated by work factors. *Policing: An International Journal*, 2019, vol. 42 (6), pp. 992–1006. DOI: 10.1108/PIJPSM-10-2018-0159
6. Рождественская Е.Ю., Исупова О.Г. Баланс жизни и работы: семья, свободное время, трудовая деятельность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 3–7. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.01
7. Калабихина И.Е., Шайкенова Ж.Д. Оценка трансфертов времени внутри домохозяйств // Демографическое обозрение. 2019. № 5 (4). С. 36–65.
8. Патрушев В.Д. Жизнь горожанина (1965–1998). М.: Academia, 2000.
9. Нартова Н.А. Материнство в современной западной социологической дискуссии // Женщина в российском обществе. 2016. № 3 (80). С. 39–53.
10. Авдеева А., Исупова О., Кулешова А., Чернова Ж., Шпаковская Л. Родительство 2.0: Почему современные родители должны разбираться во всем? М.: Альпина Паблишер, 2021. 164 с.
11. Исупова О.Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 3. С. 180–189.
12. Olivetti C., Petrongolo B. The economic consequences of family policies: Lessons from a century of legislation in high-income countries. *Journal of Economic Perspectives*, 2017, vol. 31 (1), pp. 205–230. DOI: 10.1257/jep.31.1.205
13. Stanczyk A. Does paid family leave improve household economic security following a birth? Evidence from California. *Social Service Review*, 2019, vol. 93 (2). DOI: 10.1086/703138
14. Breeschoten L., Evertsson M. When does part-time work relate to less work-life conflict for parents? Moderating influences of workplace support and gender in the Netherlands, Sweden and the United Kingdom. *Community, Work & Family*, 2019, vol. 22 (5), pp. 606–628. DOI: 10.1080/13668803.2019.1581138
15. Beham B., Drobnič S., Präg P., Baierl A. & Eckner J. Part-time work and gender inequality in Europe: A comparative analysis of satisfaction with work–life balance. *European Societies*, 2019, vol. 21 (3), pp. 378–402. DOI: 10.1080/14616696.2018.1473627
16. Гейл Я. Города для людей. М.: Альпина Паблишер, 2012. 276 с.
17. Борьба за горожанина: Человеческий потенциал и городская среда / под ред. А. Высоковского. М.: Высшая школа урбанистики НИУ ВШЭ; IV Московский урбанистический форум, 2014. 102 с.
18. Kabisch S., Koch F., Gawel E., Naase A., Knapp S., Krellenberg K., Nivala J., Zehnsdorf A. *Urban Transformations: Sustainable Urban Development through Resource Efficiency, Quality of Life and Resilience* (Dordrecht: Springer), 2018. 384 p. DOI: 10.1007/978-3-319-59324-1(2018)
19. Наберушкина Э.К. Город для всех: социологический анализ доступности городского пространства для инвалидов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 3. С. 119–139.
20. Шабунова А.А., Фахрадова Л.Н. Доступность городской среды для лиц с ограниченными возможностями // Вопросы территориального развития. 2014. № 3 (13). С. 1–15.
21. Лебедева Е.В. Дети и молодежь в современном городе: социологический анализ // Социология. 2013. № 2. С. 122–132.
22. Филипова А.Г., Лебедева Е.В. Дружелюбность городской среды к детям и молодёжи: от теоретических подходов к экспертным интерпретациям // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 101–112.

23. Балакирева М. Изучение повседневной мобильности горожанок с детьми: опыт применения стратегии смешивания методов // INTER. Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. № 10. С. 60–69.
24. Шпаковская Л.Л., Чернова Ж.В. Город, дружественный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 160–177.
25. Киенко Т.С. Пожилые горожане и аудиовизуальная среда города: возраст как фактор солидарности с пространством // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 4. С. 57–87. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.4.3
26. Van Hoof J., Kazak K.J., Perek-Białas M.J., Peek T.M.S. The challenges of urban ageing: Making cities age-friendly in Europe. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2018, vol. 15. DOI: 10.3390/ijerph15112473
27. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984. 180 с. URL: http://www.glazychev.ru/books/soc_ecolog/soc_ecolog_3.htm
28. Дридзе Т.М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 131–138.
29. Moreno C. *Droit de cité, de la “ville-monde” à la “ville du quart d’heure”*. De l’Observatoire, 2020. 179 p.
30. Muliček O., Osman R., Seidenglanz D. Urban rhythms: A chronotopic approach to urban timespace. *Time & Society*, 2014, vol. 24 (3), pp. 304–325. DOI: 10.1177/0961463X14535905
31. Формирование комфортной городской среды: проблемы взаимодействия общества и власти при реализации приоритетных проектов на муниципальном уровне управления / А.М. Максимов [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 71–90. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.6

Сведения об авторах

Анна Петровна Багирова — доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, заместитель директора, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru)

Ольга Валерьевна Нотман — кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: o.v.notman@urfu.ru)

Наталья Дмитриевна Бледнова — специалист по аналитической работе, Центр региональных экономических исследований, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: n.d.blednova@urfu.ru)

Bagirova A.P., Notman O.V., Blednova N.D.

Urban Environment as a Resource for Combining Professional and Parental Functions

Abstract. In the context of approving the “quality of life” concept, the formation of accessible and comfortable living environment is mentioned in Russia’s national projects and in Russian towns’ development programs. The purpose of the study is to analyze the quality of urban environment in terms of infrastructure conditions, located within walking distance, that minimize physical, material, and time costs of parents’ forced daily mobility for educating and developing children. The scientific novelty of the study is related to the first-implemented approach to considering urban environment of residential neighborhoods as a resource for combining professional and parental functions. The empirical basis

includes data of a mass survey of citizens-parents conducted in the megalopolis (Yekaterinburg) and the results of in-depth interviews with mothers of preschool and school-age children. The results of the study show a high subjective significance of territorial proximity of key child infrastructure facilities for successful combination of parental and professional functions. Moreover, it indicates a direct interconnection between the saturation of residing places with children's infrastructure facilities and overall satisfaction of parents with the quality of urban environment. The authors record the highest forced mobility due to the lack of walking distance services in the field of intellectual, creative, and sports development of children. A total number of deprived urban neighborhoods and the share of parents who are forced to use infrastructure services outside their neighborhoods indicate that there are spatial inequalities in access to urban goods. Practical significance of the study is the scientific justification of the need to develop comprehensive programs for the formation of a functionally rich environment in microlocal territories during the adoption of a progressive model for the development of a megapolis – “a network of 15-minute cities”. The authors conclude that hyper-proximity-accessibility of urban services can be a significant resource (in a broader social policy for supporting families) for successful combination of parental and professional functions, ultimately contributing to improving the quality of life of citizens with children.

Key words: urban environment, parental and professional functions, family-friendly policies, child infrastructure, forced mobility, neighborhoods, pedestrian accessibility, 15-minute city model.

Information about the Authors

Anna P. Bagirova – Doctor of Sciences (Economics), Candidate of Sciences (Sociology), Professor, Deputy Director, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru)

Ol'ga V. Notman – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: o.v.notman@urfu.ru)

Natalia D. Blednova – Specialist in Analytical Work, Center for Regional Economic Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: n.d.blednova@urfu.ru)

Статья поступила 29.03.2021.

Добровольное и вынужденное предпринимательство: социально-демографические характеристики занятых и реализация их потенциала*

**Ксения Александровна
УСТИНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6198-6462; ResearcherID: I-8164-2016

Аннотация. Предпринимательство рассматривается как источник повышения конкурентоспособности экономики, появления инноваций, создания рабочих мест, реализации общественных целей. Показано, что достижение экономических целей связано не только с предпринимательством как таковым, но и с отдельными его типами (вынужденным и добровольным). Внимание уделено выделению типов предпринимательства (добровольного и вынужденного), определению социально-демографических характеристик населения, вовлеченного в эти типы, тому, как представители выделенных типов воспринимают работу, реализуют накопленный потенциал, какой вид заработка предпочитают (стабильные, но невысокие доходы / высокие доходы, но без гарантий на будущее). В качестве информационной базы исследования выступили данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области за 2020 год. В ходе работы выделены группы факторов, влияющие на распространенность данных типов предпринимательства (в одном случае – макроэкономическая стабильность, институты, инфраструктура и др., в другом – для технологического совершенствования, для высшего образования, профессиональной подготовки, эффективных рынков). Выявлены общие черты добровольных и вынужденных предпринимателей и различия между ними. Показано, что добровольные пред-

* Статья выполнена в рамках госзадания № 0168-2019-0006 «Обеспечение социально-экономического развития региона на основе активизации предпринимательской деятельности на локальной территории».

Для цитирования: Устинова К.А. Добровольное и вынужденное предпринимательство: социально-демографические характеристики занятых и реализация их потенциала // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 3. С. 215–231. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.13

For citation: Ustinova K.A. Necessity-based and opportunity-based entrepreneurship: socio-demographic features of the employed and their potential realization. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 215–231. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.13

приниматели в большей степени воспринимают свою деятельность с позиции направленности на то, чтобы заслужить уважение и признание, получить новые знания, реализовать свой потенциал. Они чаще по сравнению с другой группой предпринимателей выше оценивают свои перспективы в направлении повышения профессиональной квалификации, карьерного роста и профессионального совершенствования. Практическая значимость исследования заключается в выделении групп добровольных и вынужденных предпринимателей, характеристик, свойственных для каждой из них, в выявлении их общих и различных черт. В свою очередь последнее создает предпосылки для органов власти с точки зрения формирования условий для каждой из групп предпринимателей, определения наиболее действенных, эффективных стимулов для активизации их потенциала.

Ключевые слова: добровольное предпринимательство, вынужденное предпринимательство, социально-демографические характеристики, восприятие работы, готовность к повышению профессионального уровня.

Актуальность исследования

В социально-экономическом развитии государства значимая роль отводится предпринимательству, которое рассматривается как источник повышения конкурентоспособности экономики, появления инноваций, создания рабочих мест, реализации общественных целей [1]. Вклад малого и среднего предпринимательства в экономику развитых стран составляет 50% от валового внутреннего продукта, в России значения этого показателя в соответствии с национальным проектом «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» планируется увеличить к 2024 году до 32,5% (в 2018 г. – 20,2%)¹.

В отечественных исследованиях (например, [2, с. 176]) обосновывается влияние предпринимательства на экономическое развитие. Речь идет о том, что при росте количества малых и средних предприятий на 1% в регионах будет наблюдаться увеличение ВРП на 0,06–0,17%. В то же время к сокращению ВРП в среднем на 3–10% за год может привести ликвидация половины организаций на территории [3, с. 176]. Следствиями этого могут выступать сокращение производства товаров и оказания услуг, неформальная занятость и безработица, падение предпринимательских доходов.

¹ Ерошенко Е.П. Организационно-экономический механизм развития молодежного предпринимательства на основе взаимодействия с партнерами университета: автореф. дис. ... канд. экон. наук. 08.00.05. Екатеринбург, 2020. С. 3.

Россия по данным Глобального мониторинга предпринимательства (GEM) относится к странам с невысоким уровнем предпринимательской активности. За прошедшие десятилетия роль МСП остается довольно скромной: не более 22% ВВП, около 27% занятости [4]. Согласно GEM (2018–2019² гг.) в России лишь 0,7% респондентов отметили свою вовлеченность в инициативы, связанные с внутрифирменным предпринимательством (в то время как в среднем по глобальному отчету вовлеченность достигла 4%). Наряду с этим следует отметить, что в 2018 году три четверти опрошенных закрыли бизнес вследствие неприбыльности. Такой показатель считается «рекордным» за все время наблюдений в России и наибольшим из числа всех стран, участвующих в глобальном мониторинге. В 2019 году число субъектов МСП сократилось на 100 тыс., а количество занятых – почти на полмиллиона [5].

Усугубить положение могут кризисные явления в экономике 2020 года, сопровождаемые долгосрочными негативными последствиями для экономического развития, уходом добровольных предпринимателей (число которых и так невысоко) с рынка [6]. Тезис о связи экономического развития с определенным типом предпринимательства, а не только с предпринимательством как таковым, находит отра-

² Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2018–2019: национальный отчет. URL: https://gsom.spbu.ru/files/folder_17/otchet_fin_rgb.pdf (дата обращения 10.01.2021).

жение в работах отечественных и зарубежных ученых. Например, Баумоль подчеркивал связь между экономическим развитием в стране и распределением «предпринимательских талантов» между разными типами предпринимательской активности [7, с. 53]. Схожие выводы содержатся и в других исследованиях [8; 9; 10]: экономическому развитию способствует увеличение не столько общего количества предпринимателей, сколько предпринимателей с высоким потенциалом роста, производящих инновационные продукты.

Как было показано выше, предпринимательство (и его типы) способствует экономическому развитию, в связи с чем со стороны органов власти большое значение отводится его поддержке и определению параметров, влияющих на его масштабы и интенсивность. *Цель исследования заключается в анализе распространенности добровольного и вынужденного предпринимательства в Вологодской области. Задачи состоят в рассмотрении социально-демографических характеристик добровольных и вынужденных предпринимателей; в исследовании восприятия ими их деятельности (с позиций достижения успеха, реализации себя и др.); в оценке профессиональных перспектив, а также готовности к тем или иным действиям.*

Теоретические аспекты исследования

Анализ научной литературы показал, что при определении экономической сущности предпринимательства учитываются характеристики предпринимателя. В числе авторов первых исследований по теории предпринимательства называют Р. Кантильона и А. Смита. Считается, что термин «предпринимательство» был впервые введен в научный оборот в XVIII веке [11]. Традиционно под предпринимательством понимается рискованная экономическая деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от производства и продажи товаров, оказания услуг, выполнения работ. В одном из более ранних наших исследований при характеристике предпринимательства подчеркивались его «творческие аспекты» — направленность на поиск новых творческих идей, их анализ, воплощение на практике, которое может проявляться, например, в совершенствовании организации производства [12, с. 126].

В своей деятельности предприниматели руководствуются разными мотивами и различным образом оценивают получаемые выгоды [13, с. 132]. Учитывая различия мотивации к предпринимательству, выделяют добровольное и вынужденное предпринимательство. Понятие «вынужденное предпринимательство» было впервые использовано в 2001 году в рамках глобального мониторинга предпринимательства. Под ним понимается предпринимательство, которое осуществляется под влиянием внешних обстоятельств — отсутствие альтернативных возможностей обеспечения дохода, необходимость обеспечить выживание в чуждом окружении, резкое падение статуса и престижа прежней профессии [14, с. 25–26]. Вынужденные предприниматели характеризовались как те, у кого отсутствовали возможности получить работу или существовала опасность потерять работу в ближайшем будущем³. В основе добровольного предпринимательства лежит желание реализовать возможности для бизнеса.

На распространенность предпринимательской активности влияют разные факторы в зависимости от уровня развития стран. В ресурсоориентированных странах, по данным глобального мониторинга предпринимательства (GEM), большее распространение получает вынужденное предпринимательство, на которое воздействуют такие базовые факторы, как развитие институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здравоохранение и начальное образование. В то же время в экономиках, основанных на инновациях, чаще получает распространение добровольное предпринимательство, для которого ключевым является создание условий для технологического совершенствования, высшего образования, профессиональной подготовки, эффективного товарного, финансового, трудового рынков.

Склонность к предпринимательству может обуславливаться не только обозначенными факторами, но и мотивацией к этой деятельности (на добровольной/вынужденной основе). В научной литературе присутствуют дискуссионные позиции в отношении отдельных

³ Bosma N., Acs Z. J., Autio E., Coduras A., Levie J. Global Entrepreneurship Monitor. 2008 Executive Report, 2009. 68 p.

факторов, влияющих на разные типы предпринимательства. Негативным фактором для вынужденного предпринимательства может выступать недостаточный по отношению к требуемому уровень способностей и навыков для этой деятельности в силу склонности к предпринимательству вследствие ухудшения социально-экономической среды [15]. Тем не менее признается, что в ряде случаев даже наличие специфических способностей не всегда может привести к предпринимательству, поскольку они могут быть реализованы и в иных видах деятельности [16]. В связи с этим учет типа мотивации в анализе представляется актуальной научной задачей. Важность рассмотрения указанного аспекта может быть обусловлена и еще одним обстоятельством: не во всех странах с высоким уровнем дохода добровольное предпринимательство распространено в равной степени, так же как и в государствах с невысокими доходами ключевым стимулом при организации бизнеса не всегда выступают внешние обстоятельства [17, с. 109].

Экономическое развитие страны связано с наличием людей, имеющих возможности для предпринимательства и обладающих опытом и навыками для их использования⁴. Предполагается, что в будущем уровень предпринимательской активности в стране может возрасти вследствие реализации намерений населения по созданию собственного бизнеса. Уже сейчас наблюдается положительная тенденция (увеличение доли предпринимателей от трудоспособного населения до 9,3%), о чем свидетельствуют данные национального отчета глобального мониторинга предпринимательства (2019–2020 гг., Россия).

Несмотря на рост предпринимательской активности, ключевым мотивом вовлеченности в предпринимательство остаются внешние обстоя-

тельства. В 78% случаев предпринимательство выступало способом решения проблем по трудоустройству, в 69% случаев – способом обеспечения финансового благополучия⁵. Тем самым стимулом для открытия собственного дела у вынужденных предпринимателей становится стесненное материальное положение.

Обусловленность вовлеченности населения в вынужденное предпринимательство связана и с неудовлетворенностью работой или ее отсутствием, неудовлетворенностью возможностями карьерного роста, заработной платой и др. [18]. В случае добровольного предпринимательства складывается иная ситуация. Благоприятные условия вследствие формирования крупных рынков, снижения инвестиционных рисков за последние десять лет привели к формированию более трети новых организаций в Москве, около 10% в Санкт-Петербурге [19, с. 174], благоприятный инвестиционный климат способствовал повышению предпринимательской активности в Калужской, Тюменской, Воронежской областях.

Выше было отмечено, как благоприятная социально-экономическая среда может оказывать положительное воздействие на развитие предпринимательства. Справедливо и обратное утверждение, о чем свидетельствуют данные Департамента международного и регионального сотрудничества СП РФ⁶. Снижение платежеспособного спроса и предложения, разрывы в производственно-сбытовых цепочках, сокращение инвестиций способны негативно отражаться на ведении предпринимательской деятельности. Кризис вследствие COVID-19 привел к беспрецедентному снижению экономической активности. Негативное влияние на последнюю могут оказывать «шок потребительского спроса», отсрочка инвестиционных проектов, невозможность своевременного выпол-

⁴ Факторы, влияющие на развитие малого и среднего бизнеса. URL: <https://atameken.kz/uploads/content/files/%D0%A4%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%2C%20%D0%B2%D0%BB%D0%B8%D1%8F%D1%8E%D1%89%D0%B8%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5%20%D0%9C%D0%A1%D0%91.pdf> (дата обращения 11.01.2021).

⁵ Эксперты ВШМ СПбГУ: глобальный мониторинг предпринимательства показал рекордный рост числа новых компаний в России до пандемии. URL: https://gsom.spbu.ru/all_news/event2020-06-17/ (дата обращения 11.01.2021).

⁶ Воздействие пандемии COVID-19 на промышленность и экологию. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-prom.pdf>

нения организациями финансовых обязательств. Все вышеперечисленное может воздействовать на предпринимательство в целом, а особенно на вынужденное предпринимательство, более восприимчивое к изменению внешней среды, в то время как те, для кого ведущими выступают «внутренние побудители» к предпринимательству, располагают возможностями для восстановления, стабилизации после кризисных явлений (например, технологические предприниматели имеют потенциал для реагирования на кризисные явления).

В нашем исследовании среди параметров, обуславливающих вовлеченность населения в добровольное/вынужденное предпринимательство, будут рассматриваться в первую очередь социально-демографические характеристики, а также аспекты, связанные с восприятием предпринимателями своей деятельности (реализация себя, достижение успеха, морального удовлетворения), реализацией потенциала, готовностью совершенствования себя в профессиональном направлении [20].

Информационная база и методические аспекты исследования

В качестве информационной базы исследования выступили данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2020 году. Объектом исследования является население Вологодской области трудоспособного возраста. Опрос проводился в городах Вологде и Череповце, а также в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод выборки – районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки – квотная по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек, ее ошибка не превышает 3–4%.

Поскольку в рамках исследования внимание обращается не просто на трудоспособное население, а на предпринимателей, для которых решение заниматься этим видом деятельности обусловлено не только внешними обстоятельствами, но и внутренними предпосылками, то из выборочной совокупности формировалась подвыборка для последующего

проведения анализа. Респонденты отбирались на основании ответа на вопрос «Как оформлены Ваши отношения на основной работе?» (вариант ответа «Являюсь индивидуальным предпринимателем/самозанятым»). Вынужденных предпринимателей идентифицировали при выборе положительного ответа по следующим аспектам: «Вынужден(а) заниматься предпринимательством, поскольку не могу найти более достойную работу (в т. ч. по найму)», «Если бы можно было выбрать, то я бы предпочел(ла) заниматься чем-нибудь другим»; добровольных: «Предпринимательство позволяет мне реализовать себя в профессиональном плане», «Предпринимательство обеспечивает мне приемлемый уровень достатка».

В рамках исследования добровольные и вынужденные предприниматели рассматривались с позиций социально-демографических характеристик, восприятия работы, оценки профессиональных перспектив, готовности к осуществлению тех или иных действий.

В ходе анализа обращалось внимание на некоторые аспекты:

– *восприятие работы* анализировалось в отношении следующих аспектов: прокормить себя (семью), чувствовать себя в безопасности, заслужить уважение, признание, реализовать себя как личность, достичь успеха, заработать денег, сделать карьеру, получить новые знания; оценивалось с позиций согласия / несогласия с теми или иными аспектами в отношении работы («совершенно согласен», «согласен», «трудно сказать», «не согласен»);

– *профессиональные перспективы* рассматривалась в отношении повышения профессиональной квалификации, карьерного роста, достойной оплаты труда, самореализации в профессии; они характеризовались с позиций «высокие» и «скорее высокие», «скорее низкие» и «низкие»;

– *готовность к осуществлению тех или иных действий* оценивалась с позиций освоения новых знаний и навыков, организации собственного дела, усвоения новых ценностей и образцов поведения, использования в работе и быту новых технологий и других аспектов; рассматривалась с позиций «не готов», «готов» и «готов и уже реализую».

Результаты исследования

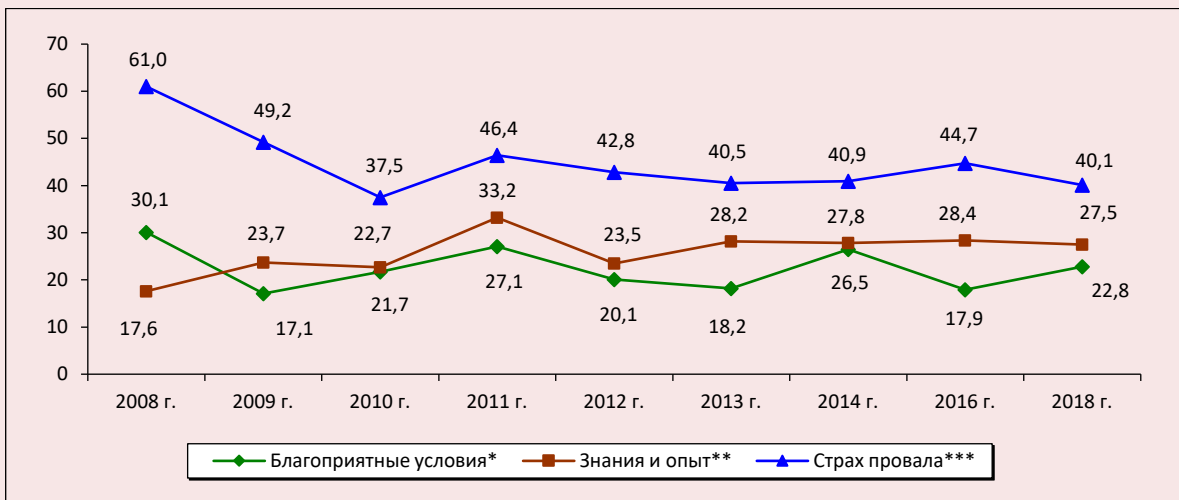
Переходя к результатам исследования, в первую очередь отметим факторы, оказывающие влияние на предпринимательство как таковое. Подобные данные содержатся в глобальном мониторинге предпринимательства, в рамках которого отмечается, что за последнее десятилетие количество испытывающих страх провала сократилось на 20%, в то время как количество осознающих важность знаний и опыта, напротив, возросло (рис. 1).

Судя по результатам балльных экспертных оценок, среди факторов, оказывающих наибольшее влияние на предпринимательство,

называются динамика рынков, доступ к инфраструктуре, профессиональное образование, культурные и социальные нормы. При этом значимость данных факторов в период 2011–2018 гг. возрастала (рис. 2).

Переходя к полученным в ходе исследования результатам, отметим, что среди индивидуальных предпринимателей и самозанятых преобладали женщины (54% против 46% мужчин), а также население старше 30 лет (80% против 20; табл. 1). Среди мужчин предпринимательство рассматривалось в качестве основного вида деятельности в 85% случаев. Практически три четверти придерживались позиции о нем как о способе

Рис. 1. Оценка факторов восприятия предпринимательства, % от числа опрошенных

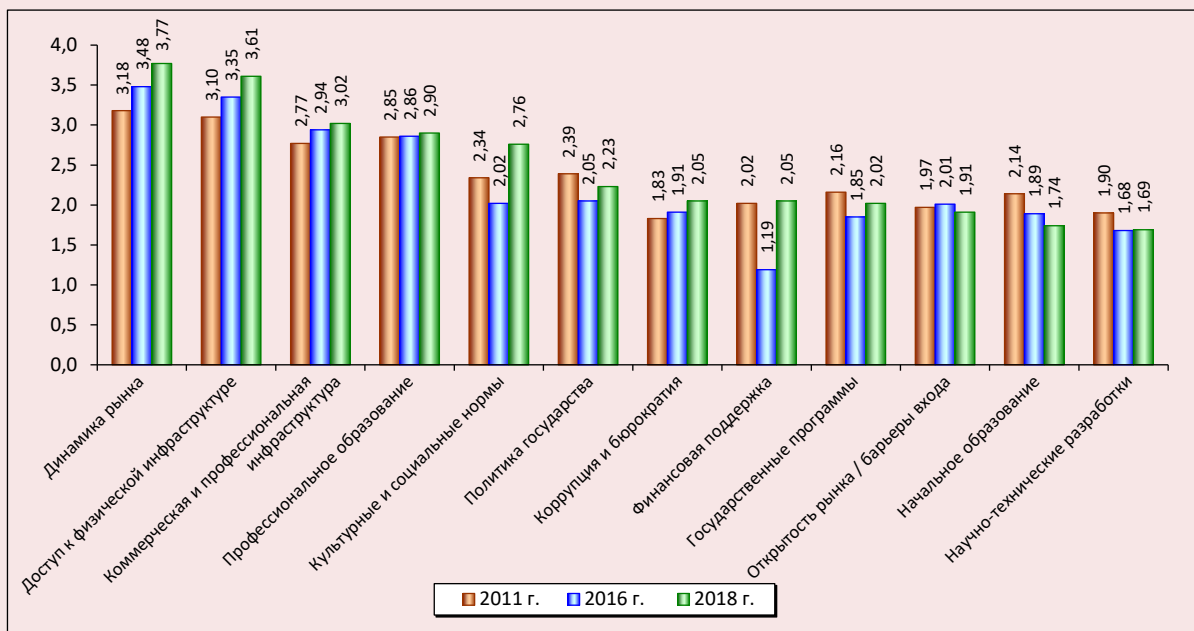
* Оценка, насколько условия внешней среды в местности, где проживает респондент, благоприятны для начала бизнеса в ближайшие 6 месяцев. При этом речь идет не об объективной оценке факторов внешней среды, а о том, каким образом условия внешней среды воспринимаются индивидом. С другой стороны, данная оценка отчасти может свидетельствовать о том, способен ли индивид разглядеть бизнес-возможности в национальной бизнес-среде.

** Оценка индивидуумом собственных знаний, квалификации и опыта, необходимых для начала предпринимательской деятельности. Большая уверенность в наличии необходимых знаний и навыков не только влияет на личное отношение к созданию бизнеса и увеличивает привлекательность предпринимательства как карьеры, но и оказывает воздействие на восприятие того, насколько легко можно добиться успеха в предпринимательской деятельности. Данный показатель связан как с общей уверенностью индивида в собственных силах, так и с оценкой наличия соответствующих навыков и знаний, необходимых для ведения предпринимательской деятельности.

*** Страх неудачи в бизнесе, сдерживающий создание собственного дела. Начало собственного дела в подавляющем большинстве случаев связано с неопределенностью будущего и возможностей получения доходов. Отношение к риску рассматривается как одна из характеристик личности, определяющая желание стать предпринимателем наравне со стремлением к достижениям и локусом контроля. Индивиды, не готовые взять на себя риск и опасющиеся быть неуспешными, с меньшей вероятностью создадут собственный бизнес, даже несмотря на наличие или отсутствие возможностей на рынке.

Источник: Глобальный мониторинг предпринимательства: национальный отчет. URL: https://gsom.spbu.ru/files/folder_17/otchet_fin_rgb.pdf (дата обращения 07.12.2020).

Рис. 2. Факторы, способствующие и препятствующие развитию предпринимательства в России, средний балл по пятибалльной шкале

Источники: Структурные факторы развития предпринимательства, средняя оценка в баллах по пятибалльной шкале. URL: https://gsom.spbu.ru/files/folder_17/otchet_fin_rgb.pdf; <http://my-trust.ru/upload/iblock/963/vtgokurcvf%20cqnkzooblv%20bqtpbrcixvntouhzyb%20 keebso%202011.pdf>

Таблица 1. Характеристика индивидуальных предпринимателей или самозанятых в зависимости от пола и возраста, доля согласившихся с перечисленными утверждениями, % от числа тех, кто отнес себя к ИП или самозанятым

Вариант ответа	% ответивших	Пол		Возраст	
		Мужской	Женский	До 30 лет	После 30 лет
Доля категории среди ИП и самозанятых, %	100,0	45,7	54,3	20,0	80,0
Предпринимательство является для меня основным видом деятельности	81,8	84,6	79,3	75,0	83,7
Предпринимательство обеспечивает мне приемлемый уровень достатка	65,5	69,2	62,1	75,0	62,8
Предпринимательство позволяет мне реализовать себя в профессиональном плане	69,1	73,1	65,5	83,3	65,1
Вынужден(а) заниматься предпринимательством, поскольку не могу найти более достойную работу (в т. ч. по найму)	41,8	53,8	31,0	25,0	46,5
Если бы можно было выбрать, то я бы предпочел(ла) заниматься чем-нибудь другим	14,5	11,5	17,2	0,0	18,6

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020 г.

профессиональной самореализации, в 62% случаев – о способе обеспечения приемлемого дохода. В рамках мониторинга глобального предпринимательства (2018–2019 гг.) делается вывод о том, что вынужденное предпринима-

тельство чаще распространено среди женщин. К аналогичному выводу можно прийти и с опорой на данные, полученные нами (17% женщин против 11% мужчин в случае выбора предпочли бы заняться чем-нибудь другим).

Результаты мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области за 2020 год свидетельствуют, что вынужденное предпринимательство было распространено реже (например, только 14,5% предпочли бы заняться другим направлением деятельности, если бы у них не было выбора), в особенности среди молодежи, для которой профессиональная самореализация и обеспечение приемлемого материального положения выступают ключевыми мотивами.

Анализ добровольных и вынужденных предпринимателей по уровню образования позволил заключить, что население с высшим и незаконченным высшим образованием чаще рассматривает предпринимательство как основной вид деятельности. В то же время у населения без среднего специального образования противоположная ситуация – более чем половина из них занимается предпринимательством вследствие отсутствия более подходящей работы (табл. 2).

Полученные нами выводы соотносятся с результатами других исследований. Так, например, в работе Е.А. Александровой, О.Р. Верховской обозначено, что добровольные предприниматели характеризуются более высоким уровнем образования и чаще по сравнению с остальными имеют высшее образование (в 46%

случаев) [17, с. 113]. Отметим, что напрямую сопоставить данные, полученные в указанном исследовании, с нашими затруднительно, поскольку Е.А. Александрова и О.Р. Верховская производили расчеты в % от добровольных предпринимателей, в то время как в нашей работе – в разрезе уровня образования. Тем не менее общие выводы и заключения как в первом, так и во втором случае идентичны.

В контексте семейного положения среди зарегистрировавших брак предпринимательство рассматривалось как основной вид деятельности более чем в 90% случаев, как способ профессиональной самореализации и получения приемлемого дохода – у 76% индивидуальных предпринимателей. В социальной группе, не состоявшей в отношениях, подобные высказывания о предпринимательстве встречались реже (табл. 3).

Различия между выделенными группами предпринимателей могут быть связаны не только с социально-демографическими характеристиками, но и с восприятием работы. Большинство предпринимателей и самозанятых характеризуют данный вид деятельности не только в качестве способа заработать денег и прокормить себя (семью), но и сделать карьеру, реализовать себя как личность и достигнуть успеха (табл. 4).

Таблица 2. Характеристика индивидуальных предпринимателей или самозанятых в зависимости от уровня образования, доля согласившихся с перечисленными утверждениями, % от числа тех, кто отнес себя к ИП или самозанятым

Вариант ответа	Уровень образования		
	Неполное среднее; средняя школа, в т. ч. ПТУ со средним образованием	Среднее специальное образование (техникум и др.)	Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза); высшее
Доля категории среди ИП и самозанятых, %	28,6	34,3	37,1
Предпринимательство является для меня основным видом деятельности	75,0	68,4	95,8
Предпринимательство обеспечивает мне приемлемый уровень достатка	75,0	52,6	70,8
Предпринимательство позволяет мне реализовать себя в профессиональном плане	75,0	68,4	66,7
Вынужден(а) заниматься предпринимательством, поскольку не могу найти более достойную работу (в т. ч. по найму)	58,3	26,3	45,8
Если бы можно было выбрать, то я бы предпочел(ла) заниматься чем-нибудь другим	33,3	10,5	8,3
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020 г.			

Таблица 3. Характеристика индивидуальных предпринимателей или самозанятых в зависимости от семейного положения, доля согласившихся с перечисленными утверждениями, % от числа тех, кто отнес себя к ИП или самозанятым

Вариант ответа	Семейное положение		
	Состою в зарегистрированном браке	Не состою в зарегистрированном браке, но проживаю совместно с мужем (женой)	Разведен(а); не замужем (холост); вдова(-ец)
Доля категории среди ИП и самозанятых, %	52,9	15,7	31,4
Предпринимательство является для меня основным видом деятельности	93,1	62,5	72,2
Предпринимательство обеспечивает мне приемлемый уровень достатка	75,9	50,0	55,6
Предпринимательство позволяет мне реализовать себя в профессиональном плане	75,9	62,5	61,1
Вынужден(а) заниматься предпринимательством, поскольку не могу найти более достойную работу (в т. ч. по найму)	48,3	25,0	38,9
Если бы можно было выбрать, то я бы предпочел(ла) заниматься чем-нибудь другим	13,8	0,0	22,2

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020 г.

Таблица 4. Характеристика индивидуальных предпринимателей или самозанятых в зависимости от восприятия работы, доля согласившихся с перечисленными утверждениями, % от числа тех, кто отнес себя к ИП или самозанятым (без учета затруднившихся ответить)

Вариант ответа	Предпринимательство является для меня основным видом деятельности	Предпринимательство обеспечивает мне приемлемый уровень достатка	Предпринимательство позволяет мне реализовать себя в профессиональном плане	Вынужден(а) заниматься предпринимательством, поскольку не могу найти более достойную работу (в т. ч. по найму)	Если бы можно было выбрать, то я бы предпочел(ла) заниматься чем-нибудь другим
Прокормить себя (семью)					
Совершенно согласен + согласен	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Совершенно не согласен + не согласен	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Чувствовать себя в безопасности					
Совершенно согласен + согласен	88,6	90,6	90,9	89,5	85,7
Совершенно не согласен + не согласен	11,4	9,4	9,1	10,5	14,3
Заслужить любовь					
Совершенно согласен + согласен	77,1	79,3	80,6	85,0	75,0
Совершенно не согласен + не согласен	22,9	20,7	19,4	15,0	25,0
Заслужить уважение, признание					
Совершенно согласен + согласен	92,1	96,8	97,1	90,9	85,7
Совершенно не согласен + не согласен	7,9	3,2	2,9	9,1	14,3

Окончание таблицы 4

Вариант ответа	Предпринимательство является для меня основным видом деятельности	Предпринимательство обеспечивает мне приемлемый уровень достатка	Предпринимательство позволяет мне реализовать себя в профессиональном плане	Вынужден(а) заниматься предпринимательством, поскольку не могу найти более достойную работу (в т. ч. по найму)	Если бы можно было выбрать, то я бы предпочел(ла) заниматься чем-нибудь другим
Реализовать себя как личность					
Совершенно согласен + согласен	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Совершенно не согласен + не согласен	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Достичь успеха					
Совершенно согласен + согласен	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Совершенно не согласен + не согласен	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Заработать денег					
Совершенно согласен + согласен	97,7	100,0	100,0	100,0	100,0
Совершенно не согласен + не согласен	2,3	0,0	0,0	0,0	0,0
Сделать карьеру					
Совершенно согласен + согласен	97,1	100,0	100,0	100,0	100,0
Совершенно не согласен + не согласен	2,9	0,0	0,0	0,0	0,0
Получить моральное удовлетворение					
Совершенно согласен + согласен	92,5	97,1	97,2	95,5	75,0
Совершенно не согласен + не согласен	7,5	2,9	2,8	4,5	25,0
Получить новые знания					
Совершенно согласен + согласен	90,6	92,6	92,9	88,2	83,3
Совершенно не согласен + не согласен	9,4	7,4	7,1	11,8	16,7
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020 г.					

Интересен тот факт, что по ряду параметров (например, «прокормить себя (семью)», «заработать денег», «достичь успеха» и др.) различия между группами, рассматривающими предпринимательство как основной вид деятельности или, напротив, предпочитающими заниматься в случае возможности чем-то другим, отсутствуют или минимальны, однако по другим показателям (например, «заслужить уважение, признание», «получить моральное удовлетворение», «получить новые знания») такая

разница существует. Причем большую приверженность положительным вариантам ответа по обозначенным параметрам демонстрируют те, кто считает предпринимательство основным видом деятельности.

Схожая ситуация выявлена и в отношении профессиональных перспектив. При сопоставлении двух крайних групп показано, что в случае замещения предпринимательства другой деятельностью население реже оценивает свои перспективы в направлении повышения про-

фессиональной квалификации как «высокие» и «скорее высокие» (67% против 84), аналогичная ситуация складывается относительно карьерного роста (57% против 81), а также достойной оплаты труда. Наоборот, чаще озвучивается позиция, в соответствии с которой профессиональные перспективы характеризуются как «низкие» и «скорее низкие». Если рассматривать группу населения, в которой предпринимательство связывается с профессиональной самореализацией, то для ее представителей в большей степени по сравнению с остальными свойственны такие перспективы, как карьерный рост, повышение профессиональной квалификации, получение достойной оплаты труда (табл. 5).

По параметру, связанному с предпочтениями, различий между добровольными и вынужденными предпринимателями не наблюдается. Как первые, так и вторые ключевую роль отводят осуществлению собственного дела на свой страх и риск, в то время как о гарантированных, но невысоких доходах упоминают реже (табл. 6).

При характеристике выделенных групп предпринимателей относительно готовности к разного рода действиям выявлено, что предприниматели в большей степени ориентированы на воспроизводство своего интеллектуального потенциала. Это выражается в готовности стать высококлассными специалистами, осваивать новые знания, образцы поведения,

Таблица 5. Характеристика индивидуальных предпринимателей или самозанятых в зависимости от оценки профессиональных перспектив, доля согласившихся с перечисленными утверждениями, % от числа тех, кто отнес себя к ИП или самозанятым (без учета затруднившихся ответить)

Вариант ответа	Предпринимательство является для меня основным видом деятельности	Предпринимательство обеспечивает мне приемлемый уровень достатка	Предпринимательство позволяет мне реализовать себя в профессиональном плане	Вынужден(а) заниматься предпринимательством, поскольку не могу найти более достойную работу (в т. ч. по найму)	Если бы можно было выбрать, то я бы предпочел(ла) заниматься чем-нибудь другим
Востребованность в профессии					
Высокие + скорее высокие	97,6	100,0	100,0	95,5	85,7
Скорее низкие + низкие	2,4	0,0	0,0	4,5	14,3
Повышение профессиональной квалификации					
Высокие + скорее высокие	84,2	86,7	93,9	78,9	66,7
Скорее низкие + низкие	15,8	13,3	6,1	21,1	33,3
Достойная оплата труда					
Высокие + скорее высокие	85,7	91,2	88,9	95,2	66,7
Скорее низкие + низкие	14,3	8,8	11,1	4,8	33,3
Карьерный рост					
Высокие + скорее высокие	80,6	86,2	84,8	83,3	57,1
Скорее низкие + низкие	19,4	13,8	15,2	16,7	42,9
Самореализация в профессии					
Высокие + скорее высокие	90,5	94,1	91,7	90,5	75,0
Скорее низкие + низкие	9,5	5,9	8,3	9,5	25,0
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020 г.					

Таблица 6. Характеристика индивидуальных предпринимателей или самозанятых в зависимости от предпочтений гарантированности или риска, доля согласившихся с перечисленными утверждениями, % от числа тех, кто отнес себя к ИП или самозанятым (без учета затруднившихся ответить)

Вариант ответа	Предпринимательство является для меня основным видом деятельности	Предпринимательство обеспечивает мне приемлемый уровень достатка	Предпринимательство позволяет мне реализовать себя в профессиональном плане	Вынужден(а) заниматься предпринимательством, поскольку не могу найти более достойную работу (в т. ч. по найму)	Если бы можно было выбрать, то я бы предпочел(ла) заниматься чем-нибудь другим
Гарантированные, стабильные, но невысокие доходы	11,4	13,9	13,2	13,6	16,7
Высокие доходы, но без гарантии на будущее	31,8	30,6	31,6	27,3	33,3
Вести на свой страх и риск собственное дело	56,8	55,6	55,3	59,1	50,0
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020 г.					

использовать в различных сферах жизни новые технологии. Склонность предпринимателей к подобному рода действиям объясняется тем, что мировое экономическое развитие связывается с постоянным приростом и обновлением знаний, поддержкой предпринимательской инициативы.

Несмотря на то что предпринимательство признается источником создания рабочих мест и реализации общественных целей [1], для всех выделенных групп предпринимателей в меньшей степени характерна вовлеченность в общественно-политическую деятельность (только каждый третий готов к общественной работе или уже занимается ей). Чуть лучше ситуация обстоит с вовлеченностью предпринимателей в реализацию социальных проектов для решения местных проблем. Следует отметить, что большую склонность по данному направлению проявляют вынужденные предприниматели, которые в случае возможности выбора другой деятельности в большей степени готовы были бы решать социальные вопросы по сравнению с теми, для кого предпринимательство выступает основным видом деятельности (табл. 7).

Следует обратить внимание еще на ряд моментов. Первый связан с тем, что практически в 60% случаев как те, кто рассматривает предпринимательство в качестве основного вида деятельности, так и те, кто занимается пред-

принимательством для улучшения своего материального положения и повышения профессионального уровня, не планируют изучать иностранный язык. Это может выступать одним из барьеров при выходе компаний на зарубежные рынки. То же относится и к неготовности предпринимателей почти в половине случаев к смене места жительства, переезду на территории с более благоприятными условиями для ведения собственного дела.

В зарубежных работах (например, В. Piazza-Georgi⁷) подчеркивается, что даже при наличии «рыночного запроса» далеко не все готовы переехать в другой город, обучиться новой профессии и сменить работу ради лучшей жизни. Именно система образования приводит к повышению эффективности человека в условиях неопределенности и риска, вопреки позиции о предпринимательских способностях как неком природном даре (Й. Шумпетер). Это доказывают и результаты международного исследования PISA, демонстрирующие вклад образования в повышение предпринимательской активности населения⁸.

⁷ Piazza-Georgi B. The role of human and social capital in growth: Extending our understanding. *Cambridge Journal of Economics*, 2002, vol. 26, no. 4, pp. 461–479.

⁸ Hafer R.W., Jones G. Are entrepreneurship and cognitive skills related? Some international evidence. *Small Business Economics*, 2015, vol. 44, no. 2, pp. 283–298.

Таблица 7. Характеристика индивидуальных предпринимателей или самозанятых в зависимости от готовности к тем или иным действиям, доля согласившихся с перечисленными утверждениями, % от числа тех, кто отнес себя к ИП или самозанятым (без учета затруднившихся ответить)

Вариант ответа	Предпринимательство является для меня основным видом деятельности	Предпринимательство обеспечивает мне приемлемый уровень достатка	Предпринимательство позволяет мне реализовать себя в профессиональном плане	Вынужден(а) заниматься предпринимательством, поскольку не могу найти более достойную работу (в т. ч. по найму)	Если бы можно было выбрать, то я бы предпочел(ла) заниматься чем-нибудь другим
Осваивать новые знания и навыки, лично и профессионально развиваться					
Готов + готов и уже реализую	92,9	91,2	91,9	95,0	100,0
Не готов	7,1	8,8	8,1	5,0	0,0
Стать высококлассным специалистом					
Готов + готов и уже реализую	88,4	85,7	86,1	85,7	75,0
Не готов	11,6	14,3	13,9	14,3	25,0
Организовать собственное дело, семейный бизнес					
Готов + готов и уже реализую	82,5	84,4	85,3	84,2	62,5
Не готов	17,5	15,6	14,7	15,8	37,5
Усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни					
Готов + готов и уже реализую	81,8	78,6	81,3	73,3	71,4
Не готов	18,2	21,4	18,8	26,7	28,6
Изучать и использовать в своей работе и в быту новые технологии					
Готов + готов и уже реализую	84,2	83,3	84,8	76,5	75,0
Не готов	15,8	16,7	15,2	23,5	25,0
Заняться творческой трудовой активностью на рабочем месте (выступить с рационализаторскими предложениями, участвовать в создании чего-то нового и т. д.)					
Готов + готов и уже реализую	73,5	65,4	72,4	53,8	71,4
Не готов	26,5	34,6	27,6	46,2	28,6
Изучить иностранный язык					
Готов + готов и уже реализую	35,3	42,9	41,9	43,8	57,1
Не готов	64,7	57,1	58,1	56,3	42,9
Переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда					
Готов + готов и уже реализую	48,6	51,9	50,0	50,0	66,7
Не готов	51,4	48,1	50,0	50,0	33,3
Участвовать в реализации социальных проектов, направленных на решение местных проблем (социализация инвалидов, трудоустройство незащищенных групп граждан, производство экологически чистой продукции, повышение качества жизни людей и т. д.)					
Готов + готов и уже реализую	48,4	48,0	53,8	50,0	71,4
Не готов	51,6	52,0	46,2	50,0	28,6
Заняться общественно-политической деятельностью (участие в работе общественных организаций, профсоюзов, политических партий и т. д.)					
Готов + готов и уже реализую	37,1	32,1	42,9	31,3	33,3
Не готов	62,9	67,9	57,1	68,8	66,7

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020 г.

Хотя и признается важность предпринимательского образования, оно остается предметом острой критики. В частности, недостаточно эффективны формы его развития, не учитываются существующие наработки в области человеческого капитала, осуществляется ориентация на отдельные программы, а не массовый уровень⁹. Тем не менее в отдельных странах, например Франции, предпринимательские навыки рассматриваются как универсальные и обязательные уже на школьном уровне. В других же случаях внимание к предпринимательской составляющей остается недостаточным и формальным, что требует изменений в образовательной политике стран для учета происходящих преобразований.

Несмотря на обозначенные проблемные моменты, в работе показано, что предпринимателей отличает склонность к ведению собственного дела на свой страх и риск в отличие от направленности на получение стабильных, но невысоких доходов; среди основных мотивов — восприятие своей деятельности с позиции не только зарабатывания денежных средств, но и реализации потенциала и достижения успеха в жизни. Наряду с обозначенным важная роль у разных групп предпринимателей отводится воспроизводству своего интеллектуального потенциала (повышению квалификации, профессиональной подготовке, освоению новых ценностей и образцов поведения). Схожие выводы делаются и в работе П.Л. Глухих, Л.В. Ворониной, А.В. Ивановой¹⁰. Среди основных качеств, присущих молодежи, они отмечают мобильность, активность и креативность, стремление к получению образования, повышению квалификации, ценность карьеры, положительное отношение к предпринимательской деятельности.

⁹ Oosterbeek H., Van Praag M., Ijsselstein A. The impact of entrepreneurship education on entrepreneurship skills and motivation. *European Economic Review*, 2010, vol. 54, no. 3, pp. 442–454; Martin V.C., McNally J.J., Kay M.J. Examining the formation of human capital in entrepreneurship: A meta-analysis of entrepreneurship education outcomes. *Journal of Business Venturing*, 2013, vol. 28, no. 2, pp. 211–224; Neck H.M., Greene P.G. Entrepreneurship education: Known worlds and new frontiers. *Journal of Small Business Management*, 2011, vol. 49, no. 1, pp. 55–70.

¹⁰ Глухих П.Л., Воронина Л.В., Иванова А.В. Предпринимательская культура молодежи и факторы её развития: социокультурный подход // *Управленец*. 2016. № 3 (61). С. 52–61.

Заключение

В исследовании показана роль предпринимательства в обеспечении экономического развития территорий, определены параметры для выделения двух типов предпринимательства — вынужденного и добровольного. Выявлены группы факторов, которые оказывают влияние на распространенность данных типов предпринимательства (в одном случае — макроэкономическая стабильность, институты, инфраструктура и др., в другом — для технологического совершенствования, высшего образования, профессиональной подготовки, эффективных рынков). Наряду с этим обращено внимание и на другие аспекты, обуславливающие распространенность добровольного и вынужденного предпринимательства (во втором случае это, например, плохое материальное положение, неудовлетворенность условиями труда, возможностями для профессионального роста). Добровольное и вынужденное предпринимательство идентифицируется с позицией социально-демографических аспектов, а также аспектов, связанных с восприятием своей деятельности (реализации себя, достижения успеха, морального удовлетворения), с реализацией потенциала, готовностью совершенствоваться в профессиональном направлении.

В исследовании показано, что вне зависимости от того, к какой из выделенных групп относится предприниматель, для него характерна склонность к ведению собственного дела на свой страх и риск в отличие от направленности на получение стабильных, но невысоких доходов; среди основных мотивов, влияющих на его деятельность, — восприятие своей деятельности с позиции не только зарабатывания денежных средств, но и реализации своего потенциала и достижения успеха в жизни. Наряду с обозначенным важная роль у разных групп предпринимателей отводится воспроизводству своего интеллектуального потенциала (повышению квалификации, профессиональной подготовке, освоению новых ценностей и образцов поведения). Еще одной общей для выделенных групп предпринимателей чертой является невысокая вовлеченность как в общественно-политическую деятельность в целом, так и в реализацию социальных проектов. Обозначенные выше аспекты составляют ключевые черты предпринимательской деятельности.

Наряду с общими чертами определены и различия, которые касаются разной распространенности выделенных групп предпринимателей. Показано, что добровольное предпринимательство получило большее распространение, в то время как только 12% вынужденных предпринимателей предпочли бы другое направление деятельности в случае отсутствия у них выбора. Различается и склонность населения к занятию тем или иным видом предпринимательства в зависимости от социально-демографических характеристик. Отметим, что среди предпринимателей в целом преобладало население старше 30 лет. Среди добровольных предпринимателей, рассматривающих этот вид деятельности как основной, чаще встречалось население с высшим и незаконченным высшим образованием, в случае вынужденного предпринимательства, напротив, было распространено среднее специальное образование. В разрезе семейного положения среди добровольных предпринимателей чаще встречались те, кто состоит в зарегистрированном браке, противоположная ситуация характерна для вынужденных предпринимателей (в этой группе чаще представлены люди, не состоящие в отношениях).

В работе показано, что различие между вынужденными и добровольными предпринимателями связано не только с социально-демографическими характеристиками, но и с восприятием своей деятельности. Для добровольных предпринимателей, рассматривающих предпринимательство как основной вид деятельности, в большей степени по сравнению с вынужденными характерно ее восприятие с позиции направленности на то, чтобы заслужить уважение и признание, получить новые знания, реализовать свой потенциал. Кроме того, они чаще выше оценивают свои перспективы относительно повышения профессиональной квалификации, карьерного роста и профессионального совершенствования. Тем самым добровольные предприниматели могут выступать той группой, которая аккумулирует интеллектуальный потенциал, чтобы

впоследствии его реализовать для создания и распространения инноваций.

Научная новизна и практическая значимость исследования заключаются в выделении групп добровольных и вынужденных предпринимателей, их характеристик, анализе распространенности этих типов предпринимательства на региональном уровне, определении общих и отличительных черт в восприятии ими их деятельности (с позиций достижения успеха, реализации себя и др.), оценке профессиональных перспектив, а также готовности к тем или иным действиям.

В свою очередь последнее формирует предпосылки для органов власти с точки зрения создания условий для каждой из групп предпринимателей, определения наиболее действенных, эффективных стимулов для активизации их потенциала.

Следует подчеркнуть, что политика в отношении поддержки разных групп предпринимателей должна быть дифференцированной. Часть мер должна носить общий характер и распространяться на все предприятия, в то время как региональным органам власти необходимо предусмотреть блок направлений с учетом типа предпринимательства. Особое внимание в условиях кризисных явлений в экономике нужно уделять вынужденным предпринимателям, т. к. эта группа в большей степени реагирует на изменение внешней социально-экономической среды: распространенность кризисных явлений в экономике сопровождается сокращением производства, а вслед за этим и штата сотрудников. В текущей ситуации часть мер включает налоговые послабления, государственное обеспечение кредитов для предприятий, предоставление отсрочки платежей по аренде объектов коммерческой недвижимости, поддержку в сфере логистики и таможни. Также это могут быть мораторий на банкротство и специализированные меры, направленные на поддержку отдельных отраслей¹¹. Указанные меры и ряд других направлений будут способствовать поддержке предпринимательского сектора в неблагоприятных социально-экономических условиях.

¹¹ Меры поддержки бизнеса и практические рекомендации для компаний в условиях пандемии. URL: <https://roscongress.org/materials/meru-podderzhki-biznesa-i-prakticheskie-rekomendatsii-dlya-kompaniy-v-usloviyakh-pandemii/>

Литература

1. Linan F., Rodríguez-Cohard J.C., Rueda-Cantuche J.M. Factors affecting entrepreneurial intention levels. In: *45th Congress of the European Regional Science Association "Land Use and Water Management in a Sustainable Network Society"*. 2005, August 23–27th. 19 p.
2. Земцов С.П., Смелов Ю.А. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 4 (40). С. 84–108.
3. Земцов С.П. Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2 (46). С. 168–180.
4. Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта / М.П. Антонова [и др.]. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.
5. Баринова В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. Малое и среднее предпринимательство в России и регионах в 2019–2020 гг. // *Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы*. Вып. 41. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. С. 279–290.
6. Смирнова А.А. О мерах государственной поддержки малого предпринимательства в период пандемии COVID-19 в России // *Экономика, предпринимательство и право*. 2021. Т. 11. № 2. С. 285–298.
7. Чепуренко А.Ю., Яковлев А.А. Теория предпринимательства: важность контекста // *Российский журнал менеджмента*. 2013. Т. 11. № 2. С. 51–60.
8. Acs Z. How is entrepreneurship good for economic growth? *Innovations*, 2006, vol. 1, no. 1, pp. 97–107.
9. Shane S.A. *The Illusions of Entrepreneurship: The Costly Myths that Entrepreneurs, Investors, and Policy Makers Live by*. New Haven, CT, Yale University Press, 2008.
10. Stenholm P., Acs Z.J., Wuebker R. Exploring country-level institutional arrangements on the rate and type of entrepreneurial activity. *Journal of Business Venturing*, 2013, vol. 28, no. 1, pp. 176–193.
11. Шевченко Л.И. Понятие предпринимательской деятельности, ее экономическая и правовая сущность // *Законодательство*. 2006. № 11. С. 33–40.
12. Устинова К.А. Социально-демографический портрет современного предпринимателя // *Проблемы развития территории*. 2018. № 4 (96). С. 124–135.
13. Акимова О.Е. Мотивационные основы предпринимательской деятельности в России // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2013. Вып. 1. С. 131–138.
14. Чепуренко А.Ю. Раннее предпринимательство в России: промежуточные результаты GEM // *Мир России*. 2008. № 2. С. 22–40.
15. Williams C.C. Beyond necessity-driven versus opportunity-driven entrepreneurship: A study of informal entrepreneurs in England, Russia and Ukraine. *The International Journal of Entrepreneurship and Innovation*, 2008, vol. 9, no. 3, pp. 157–165.
16. Заздравных Е.А. Теоретический анализ взаимосвязи предпочтений предпринимателей и их инновационной активности // *Журнал экономической теории*. 2017. № 2. С. 122–131.
17. Александрова Е.А., Верховская О.Р. Мотивация предпринимательской активности: роль институциональной среды // *Вестник СПбГУ*. 2016. Сер. 8. Менеджмент. Вып. 3. С. 107–138.
18. Верховская О.Р., Дорохина М.В. Предпринимательская активность и потенциал предпринимательства в России (по материалам проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства», 2006–2010 гг.) // *Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 8. Менеджмент*. 2011. Вып. 4. С. 68–99.
19. Земцов С.П., Бабурин В.Л. Предпринимательские экосистемы в регионах России // *Региональные исследования*. 2019. № 2 (46). С. 4–14.
20. Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике: монография. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. 195 с.

Сведения об авторе

Ксения Александровна Устинова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

Ustinova K.A.

Necessity-Based and Opportunity-Based Entrepreneurship: Socio-Demographic Features of the Employed and Their Potential Realization

Abstract. Entrepreneurship is considered as a source of increasing economic competitiveness, emergence of innovations, creation of jobs, and realization of public goals. The article shows that the achievement of economic goals is associated not only with entrepreneurship, but also with its individual types (necessity-based and opportunity-based). The author pays attention to identifying the types of entrepreneurship (necessity-based and opportunity-based), determining socio-demographic features of population involved in these types, how representatives of the selected types of work perception, realize the accumulated potential, what type of earnings they prefer (stable, but low incomes / high incomes, but with no guarantees for the future). Information data of the research is data monitoring of the quality of labor potential of the Vologda Oblast population for 2020. In the course, the work identifies the groups of factors that affect the prevalence of these entrepreneurship types (in one case, it is macroeconomic stability, institutions, infrastructure, etc., in the other – for technological improvement, for higher education, vocational training, and efficient markets). The research reveals common features of necessity-based and opportunity-based entrepreneurs and their differences. The author proves that opportunity-based entrepreneurs perceive their activities to a greater extent from the position of focusing on earning respect and recognition, gaining new knowledge, and realizing their potential. They are more likely to rate their prospects for professional development, career growth and professional improvement higher than other groups of entrepreneurs. The practical significance of the study is to identify groups of opportunity-based and necessity-based entrepreneurs, characteristics peculiar to each of them, and to highlight their common and different features. In turn, the latter creates prerequisites for the authorities in terms of creating conditions for each of the groups of entrepreneurs, determining the most effective and successful incentives for activating their potential.

Key words: opportunity-based entrepreneurship, necessity-based entrepreneurship, socio-demographic features, work perception, readiness for professional development.

Information about the Author

Kseniya A. Ustinova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Head of Laboratory, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A; Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

Статья поступила 01.02.2021.

Кластерный анализ динамики рождаемости четвертых и последующих детей в регионах Российской Федерации*

Светлана Николаевна

КОСТИНА

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: s.n.kostina@urfu.ru

ORCID: 0000-0001-9346-600X

Александр Валерьевич

ТРЫНОВ

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: Trynovv@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2969-2536; ResearcherID: C-5565-2014

Аннотация. В статье представлены результаты исследования дифференциации субъектов РФ по коэффициенту рождаемости четвертых и последующих детей в зависимости от уровня социально-экономического развития региона за период 2005–2017 гг. Проведен кластерный анализ по методу Варда временных рядов трех групп показателей – демографических, экономических и социальных – в региональном разрезе. В результате было выделено шесть кластеров, описывающих положение субъектов РФ в зависимости от значений коэффициента рождаемости четвертых и последующих детей и показателей социально-экономического развития

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00373 «Безопасность и псевдобезопасность экономического развития регионов России под влиянием разнонаправленных трендов».

Для цитирования: Костина С.Н., Трынов А.В. Кластерный анализ динамики рождаемости четвертых и последующих детей в регионах Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 232–245. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.14

For citation: Kostina S.N., Trynov A.V. Cluster analysis of the dynamics of the birth rate of fourth and subsequent children in Russian regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 232–245. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.14

региона за 2005–2017 гг. Выявлено, что в рассматриваемый период наблюдаются две основных тенденции: во-первых, переход субъектов РФ из первого кластера, характеризующегося достаточно высокими значениями коэффициента рождаемости четвертых и последующих детей и низкими показателями социально-экономического развития, в кластеры с меньшим значением коэффициента и более высокими показателями социально-экономического развития; во-вторых, переход субъектов РФ из кластеров с низким значением коэффициента рождаемости четвертых и последующих детей в кластеры, характеризующиеся ростом коэффициента рождаемости на фоне улучшения социально-экономического развития. В современный период можно говорить о формировании двух полюсов многодетности – это «бедные многодетные» регионы, в которых высокий уровень рождаемости четвертых и последующих детей сопряжен с низкими значениями показателей социально-экономического развития, и «богатые многодетные» регионы с высокими показателями рождаемости и высоким уровнем социально-экономического развития. Между ними находятся остальные субъекты РФ, постепенно сдвигающиеся от полюса «бедной многодетности», но пока не приблизившиеся к многодетности «богатой». Новизна исследования заключается в применении авторского подхода к анализу взаимосвязи многодетности и социально-экономического развития субъектов РФ в темпоральном измерении.

Ключевые слова: рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, коэффициент рождения четвертых и последующих детей, кластерный анализ, многодетность, социально-экономическое положение, субъекты РФ.

Введение

В последние десятилетия проблема рождаемости в России является одной из наиболее острых и привлекающих пристальное внимание широкого круга специалистов. Несмотря на активную пронаталистскую политику в течение последних 15 лет, в РФ начиная с 2016 года снижается суммарный коэффициент рождаемости (СКР)¹. Сохраняется региональная дифференциация рождаемости, в рамках которой значение СКР варьируется от 1,12 в Ленинградской области до 2,97 в Республике Тыва (по данным 2018 г.)². Существенная дифференциация СКР наблюдается по очередности рождений как в стране в целом, так и в субъектах РФ [1]. Можно отметить, что на фоне тенденции, выражающейся в снижении количества рождений первых и вторых детей, достаточно устойчиво растет количество рождений третьих и последующих детей по очередности рождения по отношению к предыдущему периоду, а также увеличивается численность многодетных семей и количество детей в них [1].

Влияние социально-экономических различий регионов на коэффициент рождаемости

первых и последующих детей (в т. ч. многодетности) носит достаточно сложный и противоречивый характер. Результаты эконометрического моделирования на основе динамических рядов панельных данных по субъектам РФ показали, что значимость влияния отдельных факторов изменяется как для коэффициентов по очередности рождений, так и для отдельных коэффициентов в динамике [1]. Цель исследования заключается в попытке кластеризации субъектов РФ по рождению четвертых и последующих детей в зависимости от социально-экономических условий в период 2005–2017 гг. Его научная новизна связана с комплексным подходом к анализу процессов рождаемости: во-первых, объектом исследования выступает рождение четвертых и последующих детей, во-вторых, изучается взаимосвязь рождения четвертых и последующих детей с социально-экономическим состоянием регионов, в-третьих, проводится оценка динамики ее изменений.

Методологические подходы к кластеризации в исследованиях социально-демографических процессов

Прежде всего необходимо отметить, что основой кластеризации процессов, связанных с рождаемостью, выступает анализ влияния на них различных социально и исторически

¹ Демографические итоги I полугодия 2019 года в России (часть I). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0823/barom05.php> (дата обращения 12.02.2020).

² Там же.

обусловленных факторов. Исследования, посвященные этой проблематике, достаточно многочисленны [2], однако их результаты носят противоречивый характер [1]. В рамках исследований детерминации рождаемости проверялось влияние различных факторов — экономических, демографических, социальных, социокультурных, социально-психологических. Их можно условно разделить на факторы макро- и микроуровня. Среди факторов макроуровня находятся ВВП на душу населения, индекс потребительской уверенности [3], показатели качества жизни [4], среднедушевые денежные доходы населения, среднемесячная заработная плата, инвестиции в основной капитал на душу населения, численность врачей всех специальностей, средняя обеспеченность населения жильем [5], численность женщин репродуктивного возраста и др. Микрофакторы характеризуют особенности домохозяйств — уровень доходов [6], уровень образования родителей, наличие партнера, наличие работы у родителей [7] и др.

В основе анализа дифференциации регионов лежат идеи пространственной демографии. В современный период ее методология значительно расширилась за счет использования ряда методов пространственной аналитики: пространственной эконометрики, географически взвешенной регрессии, многоуровневого моделирования и анализа пространственной структуры. Так, метод GWR (географически взвешенной регрессии) позволяет изучить динамические модели пространственной и временной кластеризации.

Пространственный анализ применяется для изучения различий протекания демографических процессов как между странами, так и между регионами одного государства. Например, I. Mietule, I. Maksymova и K. Holikova в результате кластерного анализа описали влияние динамических изменений, присущих социально-демографическим и экономическим характеристикам ряда европейских стран, на бизнес и социальную сферу в отдельных кластерах на примере Латвии и Украины [8].

Значительное количество работ посвящено внутристрановой пространственной дифференциации социально-демографических процессов. Так, например, P. J. Boyle, E. Graham и

Z. Feng в результате исследования выделили местные кластеры рождаемости на основе таких факторов, как место жительства, особенности рынка жилья и процессов социального взаимодействия [9].

В исследовании I. Salvini, G. Gabrielli и A. Paterno был проведен анализ взаимосвязи смертности и рождаемости с социально-экономическими характеристиками с помощью методов динамического факторного анализа и кластерного анализа, что позволило описать процессы конвергенции и неоднородность среди кластеров [10]. Также кластерный анализ использовался, например, в целях разработки активной демографической политики для округов Хорватии [11].

В рамках пространственной демографии в исследованиях появляется еще и темпоральное измерение, характеризующее динамику изменений изучаемых показателей на различных территориях. J. Péntzes, Z.I. Pásztor и P. Tátraí провели анализ баз данных переписей 1980–2011 гг., в результате которого выявили пространственные диспропорции в демографических характеристиках периферийных поселений, корреляции между региональной отсталостью и сокращением населения [12].

M. Yüceşahin и A. Tulga рассматривали демографические изменения и пространственную кластеризацию с помощью качественного подхода (кластерного анализа) в странах Ближнего Востока и Северной Африки на основе отдельных демографических показателей за 1950, 1980 и 2015 гг. Один из выводов этого исследования заключается в том, что страны БВСА представляют три разные структуры в разные периоды времени с точки зрения демографии, и эти структуры отвечают за региональные социальные, экономические и политические преобразования [13].

В последние годы кластерный анализ находит широкое применение и в российских социально-демографических исследованиях. Целый ряд работ посвящен кластерному анализу регионов РФ, где в качестве объектов выступают уровень развития человеческого капитала [14], социальный потенциал региона [15], социально-демографическая ситуация (ВРП, продолжительность жизни, миграция,

заболеваемость и безработица³), демографическое поведение [16], демографический потенциал [17], уровень рождаемости и смертности населения [18], функционирование систем здравоохранения [19] и др.

Демографы при применении кластерного подхода сталкиваются как минимум с двумя основными методологическими вопросами – отбор показателей и выбор метода кластеризации.

Можно отметить значительное разнообразие используемых в демографических исследованиях методов кластеризации. Алгоритмы кластеризации подразделяют на две категории: иерархические и неиерархические. Результаты иерархических алгоритмов представляются в виде дендрограммы – древовидной диаграммы (схемы), которая показывает, в какой последовательности происходит разбиение объектов по кластерам. Иерархические алгоритмы, в свою очередь, составляют две группы: агломеративные и дивизимные [20]. К недостаткам иерархических процедур следует отнести громоздкость их вычислений.

В современных экономико-демографических исследованиях достаточно часто применяются метод К-средних для получения несмещенных оценок при большом количестве единиц наблюдения [21], алгоритм EM-кластеризации, который позволяет строить модели данных с помощью линейной комбинации многомерных нормальных распределений [15], к популярным алгоритмам геодемографического анализа можно отнести также нечеткую географически взвешенную кластеризацию (FGWC) и ее модификацию на основе схемы оптимизации ABC (FGWC-ABC) [22]. В последние годы набирает популярность алгоритм нечеткой кластеризации, включая ряд его модификаций (нечеткая географически взвешенная кластеризация, интуиционистская нечеткая географически взвешенная кластеризация (MIPFGWC), Kernel Fuzzy Geographically Clustering (KFGC)) [23]. Например, нечеткая кластеризация была применена в исследовании анализа демографического потенциала российских регионов [24], эффективности региональных систем здравоохранения [25].

³ Гладышев А.В. Статистический анализ социально-демографической ситуации в Сибирском федеральном округе: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. 22 с.

Материалы и методы

Для анализа региональной конвергенции многодетности нами была проведена кластеризация субъектов РФ, основанная на оценке территориальной дифференциации показателя коэффициента рождения четвертых и последующих детей и уровня социально-экономического развития регионов с 2005 по 2017 год. Выбор основной переменной был обусловлен рядом предпосылок. Во-первых, это «размытость» современных представлений о содержании многодетности: если в «классическом» представлении под многодетностью понималось наличие пяти и более детей, то в настоящее время в рамках социальной политики российского государства граница сместилась в сторону семей с меньшим количеством детей (три и более). Во-вторых, до конца не изучено влияние на рождаемость мер государственной поддержки по стимулированию рождения третьих детей (осуществляемой сначала на региональном, затем и на федеральном уровне). Соответственно, для исследования был выбран коэффициент рождения четвертых и последующих детей, который, с одной стороны, характеризует многодетность, а с другой – в меньшей степени обусловлен влиянием государственной политики.

Для кластеризации использовались показатели, которые можно разделить на три группы. Выбор переменных был обусловлен, во-первых, необходимостью учета различных групп факторов – демографических, экономических социальных; во-вторых, наличием временных рядов статистических данных для выбранных показателей. В итоге в качестве регрессоров (объясняющих переменных) применялись следующие показатели:

1) экономические – реальные денежные доходы на душу населения по РППС, руб. в месяц, номинальный ВРП на душу населения, руб. в год, уровень безработицы, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, коэффициент фондов (степень социального расслоения);

2) демографические – коэффициент брачности, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, миграционный прирост, доля городского населения, коэффициент разводимости, число аборт на 100 родов;

3) социальные (инфраструктурные) – общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного жителя, кв. м, численность населения на одну больничную койку, охват детей дошкольным образованием, индекс человеческого развития.

Для решения поставленных задач использованы данные официальной статистики по регионам Российской Федерации за 2005–2017 гг. На начало исследуемого периода в выборку было включено 45 регионов. Это обусловлено отсутствием статистических данных по рождению четвертых и последующих детей в остальных субъектах РФ. В дальнейшем, по мере появления данных, выборка пополнялась, к 2017 году ее объем составил 85 регионов РФ. Отдельно необходимо сказать об учете Архангельской и Тюменской областей. В состав Архангельской области входит Ненецкий автономный округ, а в состав Тюменской области – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Одним из дискуссионных вопросов методологии нашего исследования является корректность включения в выборку регионов по мере появления необходимой статистической информации. Анализ научной литературы показал, что в предыдущих работах данный вопрос практически не рассматривался. Авторы традиционно избегают эту проблему путем усечения выборки по числу регионов и по времени. Например, в работе О.М. Шубат и И.В. Шмаровой [24] использовалась база данных по 77 субъектам РФ за 2012–2015 гг. А.М. Ильшев и А.П. Багиров [25] провели кластеризацию регионов по уровню и факторам репродуктивной активности на данных только 2006 года.

Необходимо отметить, что вопрос кластерной динамики (переход регионов исходного кластера в другой и процесс формирования и выделения новых кластеров) в научной литературе практически не изучен. Как правило, кластеры представляются статической группой регионов, не подверженных изменениям. Например, в работе Н.П. Тихомирова и Т.М. Тихомировой [26] регионы объединены в три однородных кластера, состав которых в исследуемом периоде (2000–2019 гг.) не менялся. Кроме того, несколько субъектов были выделены в категорию «нетипичные регионы». К сожалению, детального объяснения такой

меры авторы не привели. На наш взгляд, вопрос кластерной динамики позволяет точнее дифференцировать региональные меры демографической политики. Факт перехода региона из одного кластера в другой, а также анализ факторов, обеспечивших такую трансформацию, представляет значительный научный интерес и может являться объектом дальнейших исследований. Для решения указанной методологической проблемы нами был проведен кластерный анализ в двух вариантах. Первый вариант включал расчеты по 45 регионам в динамике с 2005 по 2017 год. Во втором варианте расчеты осуществлялись для 85 субъектов РФ по мере включения их в выборку по наличию данных.

Статистическая обработка проведена с применением иерархического кластерного анализа по методу Варда (Ward) в пакете прикладных программ Stata 15. Впервые такой подход к кластеризации был предложен J.H. Ward [27]. Привлекательность иерархического кластерного анализа для нашего исследования обусловлена способностью программы самостоятельно определять количество кластеров для разбивки. Отличие метода Варда от других методов кластерного анализа заключается в том, что для оценки расстояний между кластерами применяются методы дисперсионного анализа. В качестве расстояния между кластерами берется прирост суммы квадратов расстояний объектов до центра кластера, получаемого в результате их объединения. То есть происходит слияние кластеров, объединение которых дает наименьший прирост внутрикластерной дисперсии, т. е. в наименьшей степени приводит к «разрыхлению» кластеров, выделенных на предыдущих шагах процедуры. Таким образом, алгоритм кластеризации (объединения) по методу Варда включает четыре стадии.

1. Находится среднее значение отдельных переменных у объектов, включенных в кластер.
2. Вычисляются квадраты евклидовых расстояний от отдельных наблюдений каждого кластера до среднего кластерного значения.
3. Полученные значения суммируются.
4. Наблюдения объединяются в кластеры таким образом, чтобы сокращение общей суммы расстояний между кластерами было наименьшим.

Результаты и обсуждения

В ходе расчетов на основе выборки 45 регионов, для которых есть данные по всем годам исследуемого периода, было выделено пять

основных кластеров (табл. 1). При расчетах, включающих 85 регионов РФ, выделено шесть кластеров (табл. 2). Итоговое распределение регионов по кластерам представлено

Таблица 1. Характеристика кластеров по конвергенции многодетности в регионах РФ на основе анализа 45 регионов (2005–2017 гг.)

Переменная	Средние значения переменных по кластерам				
	1	2	3	4	5
Коэффициент рождения четвертых и последующих детей	0,06488	0,06056	0,06331	0,06965	0,08533
Реальные денежные доходы по РППС, руб. в месяц	7662	8802	9762	11195	11782
Номинальный ВРП на душу населения, руб. в год	152369	162941	228583	336077	517927
Уровень безработицы, %	7,6	6,9	6,2	5,7	5,7
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	20,4	15,6	14	12,6	13,2
Обеспеченность жильем, кв. м на душу населения	22,9	23,2	24,2	24,8	24,9
Коэффициент фондов	11,5	12,8	13,3	13,9	14,2
Население на больничную койку, чел.	99,9	102,4	106,7	111,5	110,9
Охват детей дошкольным образованием, % от численности детей 1–6 лет	60,8	62,8	65,9	69,2	72,1
Коэффициент брачности	7,5	8,0	8,2	8,2	8,3
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	67,8	68,3	69	69,7	70,7
Миграционный прирост, тыс. чел.	-3,6	-6,0	-0,17	14	-5,0
Индекс человеческого развития	0,78	0,80	0,82	0,84	0,87
Доля городского населения, %	66,2	70,2	72,1	74,7	77,7
Коэффициент разводимости	4,12	5,62	4,80	4,84	4,80
Число аборт на 100 родов, ед.	93,1	85,2	73,7	60,0	56,6
Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики.					

Таблица 2. Характеристика кластеров по конвергенции многодетности в 85 регионах РФ

Переменная	Средние значения переменных по кластерам					
	1	2	3	4	5	6
Коэффициент рождения четвертых и последующих детей	0,095	0,084	0,071	0,079	0,101	0,194
Реальные денежные доходы по РППС, руб. в месяц	7285	9107	10010	11137	13655	17007
Номинальный ВРП на душу населения, руб. в год	94 752	182 605	268 030	418 157	1 280 278	5 115 483
Уровень безработицы, %	10,3	7,3	6,0	5,7	4,5	5,6
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	21,4	15,9	13,7	13,2	10,9	7,8
Обеспеченность жильем, кв. м на душу населения	21,2	23,4	25,0	25,2	23,9	24,2
Коэффициент фондов	11,8	12,9	13,2	13,6	14,7	16,6
Население на больничную койку, чел.	100,9	105,96	108,2	113,2	96,5	115,8
Охват детей дошкольным образованием, % от численности детей 1–6 лет	55,7	62,6	67,6	70,7	74,7	78,0
Коэффициент брачности	7,7	7,9	8,1	8,0	8,2	8,3
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	67,6	69,1	69,6	70,4	69,5	72,1
Миграционный прирост, тыс. чел.	-15,5	-10,0	-1,1	3,7	-22,2	-59,0
Индекс человеческого развития	0,77	0,81	0,84	0,86	0,89	0,89
Доля городского населения, %	63,5	67,2	72,8	75,3	82,6	78,2
Коэффициент разводимости	4,0	4,5	4,8	4,7	5,3	4,6
Число аборт на 100 родов, ед.	94,1	71,2	64,0	56,5	67,1	56,5
Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики.						

в таблице 3. Выделенные кластеры показывают взаимосвязи коэффициентов рождения четвертых и последующих детей и социально-экономического положения регионов, которые меняются в рассматриваемом периоде. Таким образом, отслеживались переходы регионов из одного кластера в другой с течением времени.

Кластер 1. Характеризуется относительно высоким коэффициентом рождения четвертых и последующих детей и самыми низкими показателями социально-экономического развития. В частности, наблюдается самое низкое значение среднедушевых доходов и ВРП на душу населения, при этом максимальное среднее

Таблица 3. Распределение субъектов РФ по кластерам*

Субъект РФ	Кластерная принадлежность												
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ													
Белгородская область	1	1	2	3	3	3	4	4	4	4	5	5	5
Брянская область	1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	3	3	3
Владимирская область	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2	2	2	3	3	3	3
Воронежская область	1	1	1	1	1	2	3	3	3	3	4	4	4
Ивановская область	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	2
Калужская область	1	1	1	2	2	2	3	3	3	4	4	4	4
Костромская область	1	1	1	1	1	2	2	3	3	3	3	3	3
Курская область	1	1	1	2	2	2	3	3	3	3	3	4	4
Липецкая область	1	2	2	3	2	3	3	3	3	4	4	4	4
Московская область	1	2	2	3	3	3	3	4	4	4	4	5	5
Орловская область	1	1	1	1	1	2	2	2	3	3	3	3	3
Рязанская область	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2	3	3	3	3	4
Смоленская область	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2	2	3	3	3	3
Тамбовская область	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2	2	2	3	3	3
Тверская область	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2	2	3	3	3
Тульская область	1	1	1	2	2	2	2	3	3	3	4	4	4
Ярославская область	1	1	2	2	2	2	3	3	3	3	4	4	4
Москва	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	5	5	5	5	5
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ													
Республика Карелия	1	1	2	2	2	2	3	3	3	3	4	4	4
Республика Коми	2	3	3	4	4	4	5	5	5	5	5	5	5
Архангельская область	1	2	3	3	3	3	4	4	4	5	5	5	5
Ненецкий АО	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	6	6
Вологодская область	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	3	3	4	4	4	4
Калининградская область	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2	3	3	3	4	4	4	4
Ленинградская область	1	2	2	3	3	3	4	4	4	4	5	5	5
Мурманская область	2	2	3	3	3	3	4	4	4	4	5	5	5
Новгородская область	1	1	1	2	2	3	3	3	3	4	4	4	5
Псковская область	1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	3	3	3
Санкт-Петербург	2	2	3	3	3	4	4	5	5	5	5	5	5
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ													
Республика Адыгея	1	1	1	1	1	1	1	2	2	2	3	3	3
Республика Калмыкия	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	2	3	3
Республика Крым	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Краснодарский край	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	3	3	4	4	4	4
Астраханская область	1	1	н/д	н/д	н/д	2	2	2	3	3	4	4	4
Волгоградская область	1	1	1	2	2	2	2	3	3	3	3	3	3
Ростовская область	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2	2	2	3	3	3	4
Севастополь	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ													
Республика Дагестан	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	3
Республика Ингушетия	1	н/д	1	1	н/д	н/д	н/д	1	1	1	1	1	1

Окончание таблицы 3

Субъект РФ	Кластерная принадлежность												
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Кабардино-Балкарская Республика	н/д	н/д	н/д	1	1	1	1	1	1	2	2	2	2
Карачаево-Черкесская Республика	н/д	н/д	н/д	н/д	1	1	1	1	2	2	2	2	2
Республика Северная Осетия	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2	2	2	2	2	2
Чеченская Республика	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Ставропольский край	1	1	1	1	1	1	2	2	2	3	3	3	3
ПРИВОЛЖСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ													
Республика Башкортостан	1	2	2	2	2	3	3	3	3	4	4	4	1
Республика Марий Эл	1	1	1	1	1	2	2	3	3	3	3	1	1
Республика Мордовия	1	1	1	1	2	2	2	3	3	3	3	1	2
Республика Татарстан	2	3	3	3	3	4	4	4	4	5	5	5	4
Удмуртская Республика	1	2	2	2	3	3	3	3	4	4	4	1	1
Чувашская Республика	1	1	1	1	2	2	2	2	3	3	3	1	1
Пермский край	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	4	4	4	4	4	4
Кировская область	1	1	1	1	2	2	2	2	3	3	3	1	1
Нижегородская область	н/д	н/д	2	2	н/д	2	3	3	3	3	4	4	4
Оренбургская область	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2	3	3	4	4	4	4	4
Пензенская область	1	1	1	1	2	2	3	3	3	3	3	1	2
Самарская область	2	3	2	3	3	3	4	4	4	4	4	1	1
Саратовская область	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2	2	2	2	3	3	3
Ульяновская область	1	1	1	2	2	2	3	3	3	3	3	1	1
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ													
Курганская область	н/д	н/д	1	1	н/д	н/д	н/д	2	2	2	2	2	3
Свердловская область	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	3	3	4	4	4	4	4	4
Тюменская область без АО	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Ханты-Мансийский АО	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	5	5
Ямало-Ненецкий АО	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	6	6
Челябинская область	2	2	2	2	3	3	3	3	4	4	4	1	1
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ													
Республика Алтай	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2	2	2	2	2	2
Республика Тыва	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	1	1	2	2	2	2
Республика Хакасия	1	2	2	2	3	3	3	3	4	4	4	2	3
Алтайский край	1	1	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2	2	2	2	2	2
Красноярский край	3	3	3	4	4	4	5	5	5	5	5	1	1
Иркутская область	1	1	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	3	4	4	4	4	4
Кемеровская область	2	3	2	3	3	3	3	3	3	4	4	1	1
Новосибирская область	2	2	2	2	3	3	3	4	4	4	4	1	1
Омская область	2	2	2	2	3	3	3	3	4	4	4	2	2
Томская область	3	3	3	3	4	4	4	4	5	5	5	2	3
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ													
Республика Бурятия	н/д	н/д	1	н/д	н/д	н/д	н/д	2	2	2	2	2	2
Республика Саха (Якутия)	3	3	4	4	4	5	5	5	5	5	5	1	1
Забайкальский край	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2	2	2	2	2	2
Камчатский край	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	4	4	4	4	4	4
Приморский край	1	2	2	3	3	3	3	4	4	4	4	1	2
Хабаровский край	н/д	н/д	2	2	2	3	3	4	4	4	4	4	4
Амурская область	1	2	2	3	3	3	3	3	4	4	4	4	4
Магаданская область	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	5	5
Сахалинская область	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	5	5	5	5	5	5	5
Еврейская автономная обл.	н/д	н/д	н/д	н/д	2	2	2	3	2	3	3	3	4
Чукотский автономный округ	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	5	5	5	5	5	5
* Распределение по кластерам представлено в соответствии с имеющимися данными по коэффициентам рождаемости четвертых и последующих детей по субъектам РФ. Источник: расчеты авторов.													

значение уровня бедности и безработицы. Здесь же отмечена наименьшая доля городского населения. Количество регионов, входящих в кластер 1, в период с 2005 по 2013 год постепенно снижалось (с 40 до 3). Причем регионы не только переходили из менее «благополучных» кластеров в более «благополучные», но наблюдалось и обратное движение – в 2016 году к кластеру 1 были вновь отнесены 14 субъектов, в 2017 году – 12. Анализ первичной статистической информации по регионам, совершившим подобный возврат, позволил сделать вывод о том, что основной его причиной стало заметное снижение уровня реальных доходов населения, наблюдавшееся с 2015 по 2017 год. Одним из наиболее ярких представителей данной группы регионов является Самарская область, где уровень реальных доходов населения с 2013 по 2017 год снизился на 25% (с 14,1 до 10,5 тыс. рублей в ценах 2005 года). При этом индекс рождаемости четвертых и последующих детей показывал устойчивый рост (с 0,046 до 0,062).

Кластер 2. По сравнению с предыдущим, во втором кластере коэффициент рождаемости четвертых и последующих детей ниже, а значения социально-экономических показателей более высокие. Средний уровень реальных денежных доходов в этом кластере в первом варианте расчетов (см. табл. 1) составил 8802 рублей, что на 1260 руб. (13%) выше, чем в первом кластере, а уровень безработицы и бедности ниже – 6,93 и 15,6% соответственно. Стоит отметить значительно меньшее среднее число аборт (85,2 на 100 родов). В начале рассматриваемого периода в кластер входили 9 регионов с относительно высокими социально-экономическими показателями. В период с 2006 по 2014 год кластер пополнялся субъектами, впервые включенными в выборку, например регионами Центрального ФО (Владимирская, Липецкая, Рязанская, Смоленская области и др.). Кроме того, в кластер 2 переходили регионы из кластера 1 ввиду изменения социально-экономических и демографических показателей. В 2012 году в составе кластера 2 было 17 регионов, на начало исследуемого периода состоявших в первом кластере. Наибольшее количество субъектов в данном кластере насчитывалось в 2012–2013 гг. (29), после чего произошло постепенное его сокра-

щение за счет перехода регионов в кластер 3. В 2017 году во втором кластере осталось 10 регионов (см. табл. 3).

Кластер 3. Характеризуется самым низким средним значением коэффициента рождаемости четвертых и последующих детей и положительной динамикой социально-экономических показателей по сравнению с предыдущими кластерами: реальные денежные доходы по первому варианту составили 9762 руб., по второму – 10010 руб., уровень безработицы соответственно 6,9 и 6,0%, уровень бедности – 14,0 и 13,7%, обеспеченность жильем – 24,2 и 25,0 кв. м. При этом продолжает увеличиваться охват населения дошкольным образованием. Третий кластер выделился только в 2007 году за счет изменения социально-экономической и демографической ситуации в субъектах РФ, а также включения в выборку новых регионов. Его сформировали Республика Коми, Мурманская область, г. Санкт-Петербург и Красноярский край при переходе из кластера 2. Республика Якутия в 2007 году была впервые включена в выборку и по результатам кластеризации также была отнесена к кластеру 3. В дальнейшем он постепенно расширялся до 2014 года за счет перехода регионов из второго кластера. С 2015 года началось его постепенное незначительное сокращение (16 регионов в 2017 году).

Кластер 4. Данный кластер является в некотором смысле переломным. В нем начинается постепенное увеличение коэффициента рождаемости четвертых и последующих детей при улучшении социально-экономических показателей: реальные денежные доходы населения по первому варианту – 11195 руб., по второму – 11137 руб., уровень безработицы – 5,7% в обоих вариантах, уровень бедности соответственно 12,6 и 13,2%, обеспеченность жильем – 24,8 и 25,2 кв. м. Кроме того, регионы только этого кластера показывают положительный миграционный прирост, здесь же фиксируется минимальное число абортов на сто родов. Формирование кластера началось в 2010 году, и до 2014 года его расширение происходило преимущественно за счет изменения социально-экономических и демографических показателей исследуемых регионов (Республики Коми, г. Санкт-Петербурга, Красноярского края и Республики Саха). В дальнейшем в него по-

степенно переходили регионы из кластера 3. Также в него попали некоторые субъекты, впервые включенные в выборку (Пермский край и Камчатский край). В 2014–2015 гг. произошел довольно резкий рост кластера за счет перехода регионов из третьего кластера. В итоге к концу рассматриваемого периода кластер 4 становится преобладающим – в него вошли 28 регионов.

Кластер 5. В пятом кластере продолжается тенденция, появившаяся в четвертом кластере: наблюдается значительный рост коэффициента рождаемости четвертых и последующих детей (во втором варианте расчетов 0,101, т. е. выше значения кластера 4 более чем на 25%), а также существенный рост социально-экономического благополучия: реальные денежные доходы составили в первом варианте 11782 рубля, во втором – 13655 рублей, уровень безработицы соответственно 5,7 и 4,5% (самый низкий показатель среди всех кластеров); уровень бедности – 13,2 и 10,9%. В этом кластере самая большая доля городского населения (82,6%). Кластер 5 выделился только в 2012 году и расширился, в том числе, за счет включения в базу исследования дополнительных регионов (Москва, ХМАО и Магаданская область). В 2017 году в него вошли 13 регионов.

Кластер 6. Самый малочисленный кластер, включающий два региона, резко выделяется высоким уровнем рождаемости четвертых и последующих детей (0,194), что на 92% выше, чем в пятом кластере. Также в кластере 6 присутствуют высокие показатели экономического развития: уровень среднедушевых денежных доходов составляет 17007 рублей, уровень бедности – 7,8%. Тем не менее, здесь же наблюдается самый высокий миграционный отток населения – 59 тыс. человек. Кластер сформировался только в 2016 году за счет включения в выборку дополнительных регионов (Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа).

В итоге можно говорить о высокой динамике переходов субъектов РФ между кластерами в рассматриваемый период. Относительно высокие темпы экономического развития в России в 2005–2009 гг. привели к переходу большей части регионов из первого кластера во второй, характеризующийся меньшим значением коэффициента рождаемости четвертых и последующих детей и более высокими показателями

социально-экономического развития. Также отметим, что с 2008 года началось формирование третьего кластера, продолжающего тенденцию перехода от первого кластера ко второму, со снижением среднего уровня коэффициента рождаемости четвертых и последующих детей до 0,071 и росте значений социально-экономических показателей. В 2008 году появился четвертый кластер (два региона – Республика Коми и Республика Саха). Можно сказать, что он стал в демографическом плане переломным, поскольку в нем наблюдается рост коэффициента рождаемости четвертых и последующих детей при сохранении положительных тенденций в социально-экономических показателях. С 2009 по 2017 год большая часть регионов РФ перешла именно в кластер 4.

С 2011 года началось формирование пятого кластера (Сахалинская область, с 2012 года – Чукотский АО). Возможно, эти регионы и ранее могли выделиться в отдельный кластер, но самые ранние данные по коэффициенту рождаемости четвертых и последующих детей появились только в указанные годы. Аналогичная ситуация сложилась и с Ханты-Мансийским и Ненецким АО, вошедшими с 2016 года в кластер 6 (за более ранние годы данные по ним отсутствуют).

Необходимо отметить, что из 15 регионов, представляющих пятый и шестой кластеры в 2017 году, только Республика Саха попала в эту группу в результате развития. По итогам первых наблюдений она была отнесена к кластеру 3, затем, с 2008 по 2015 год, – к четвертому кластеру, а с 2016 года – к пятому. Остальные 14 регионов сразу были помещены в кластеры 5 и 6, как только появились необходимые сведения по рождению четвертых и последующих детей.

Выводы

Кластерный анализ позволил выделить основные тенденции региональной дифференциации российской многодетности на основе коэффициентов рождаемости четвертых и последующих детей и показателей социально-экономического развития регионов. Во-первых, это снижение многодетной рождаемости с одновременным ростом благосостояния регионов, что подтверждается динамикой перехода субъектов РФ из первого во второй и третий кластеры в исследуемый период.

Во-вторых, это тенденция, связанная с увеличением рождаемости четвертых и последующих детей с одновременным ростом благосостояния — переходы из третьего в четвертый и пятый кластеры. Необходимо отметить различную интенсивность данного процесса. Ряд регионов на этом пути за 2012–2017 гг. сделал только один переход: например, Ивановская область — из первого во второй кластер, Томская область — из третьего в четвертый. Ряд субъектов РФ переместились на два кластера. Переход из первого в третий кластер, характеризующийся ростом благосостояния и снижением коэффициента рождаемости четвертых и последующих детей, осуществили 10 регионов (Республика Калмыкия, Костромская, Орловская, Псковская, Волгоградская, Пензенская, Саратовская, Курганская области, Ставропольский край, Республика Мордовия). В шести субъектах за рассмотренный период наблюдалась тенденция при росте благосостояния сначала к снижению коэффициента рождаемости, а затем к его росту — это переходы из второго в четвертый (республики Коми и Татарстан, Мурманская, Самарская и Новосибирская области) и из второго в пятый (Санкт-Петербург) кластер. Не изменилось положение только незначительного количества регионов: Ингушетия осталась в первом кластере, три субъекта РФ (Северная Осетия, Алтай и Алтайский край) — во втором кластере. Интересными оказались результаты, показавшие реверсивное движение регионов — из первого кластера во второй или третий, а затем снова в первый (республики Башкортостан, Марий Эл, Удмуртия, Чувашия, Кировская и Ульяновская области).

В итоге сложилась следующая конфигурация региональной дифференциации многодетности и социально-экономического развития регионов: два крайних достаточно устойчивых «полюса» — немногочисленные «бедные многодетные» и «богатые многодетные», между которыми находятся остальные субъекты РФ, постепенно сдвигающиеся от полюса «бедной многодетности», но пока не приблизившиеся к многодетности «богатой».

К «бедным многодетным» можно отнести регионы с высоким уровнем рождаемости четвертых и последующих детей и низкими значениями показателей социально-экономического развития, к «богатым многодетным» — регионы с высокими показателями рождаемости и высокими показателями социально-экономического развития. К «полюсу» «бедных многодетных» на 2017 год можно отнести 22 субъекта РФ из первого и второго кластеров, среди которых оказались прежде всего все регионы Кавказа, республики Башкортостан, Бурятия, Тыва, Чувашия, Алтай, а также ряд областей «средней полосы» России (Кировская, Ивановская, Ульяновская области и др.). Вторая группа — «богатые многодетные» — состоит из субъектов РФ пятого и шестого кластеров, включает Москву, Санкт-Петербург, Московскую и Ленинградскую области, а также ряд регионов Сибири и Дальнего Востока (ХМАО, ЯНАО, Якутию и др.).

Полученные результаты, на наш взгляд, опровергают несколько сложившихся стереотипов о многодетности в России — ее преобладании среди «бедных» слоев населения и в сельской местности. Исследование показало, что коэффициент рождения четвертых и последующих детей в 2017 году был выше в субъектах РФ с более высокими показателями социально-экономического развития, где большинство населения проживает в городах. Соответственно, усилия государственной политики в отношении увеличения рождаемости должны быть направлены на переход от модели многодетности с «непланируемым» характером рождений, свойственной группам населения с низкими доходами [28], к многодетности «осознанной», «плановой». Для этого необходимо создание благоприятной жизненной ситуации, в которой становится возможной реализация «высоких» репродуктивных установок российских женщин. В связи с этим на первое место выходят увеличение реальных доходов населения, повышение уровня социально-экономического развития регионов, находящихся в третьем и четвертом кластерах, обладающих потенциалом для движения к полюсу «богатых многодетных».

Литература

1. Трынов А.В., Костина С.Н., Банных Г.А. Исследование социально-экономической детерминации рождаемости на основе анализа региональных панельных данных // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 3. С. 807–819. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-3-10
2. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006. 399 с.
3. Рождаемость и родительство в России: детерминанты и региональная дифференциация: монография / А.П. Багирова [и др.]; под общ. ред. проф. А.П. Багировой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 157 с.
4. Истомина К.С. Влияние показателей на коэффициент рождаемости в регионах // Вестник науки и образования. 2015. № 2 (4). С. 60–63.
5. Корева О.В., Бойцова Т.Е. Анализ и оценка влияния отдельных факторов на состояние современной демографической ситуации в Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2013. № 6 (19). С. 47–59.
6. Сукнева С.А., Барашкова А.С., Постникова К.Ю. Рождаемость, детность и доходы семей: тенденции и взаимосвязи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 201–213. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.13
7. Журавлева Т.Л., Гаврилова Я.А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 1. С. 145–187.
8. Mietule I., Maksymova I., Holikova K. Modern socio-demographic trends affecting the business sector of the economies of Latvia and Ukraine. In: *Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference*, 2018, vol. VI, pp. 353–365.
9. Boyle P.J., Graham E., Feng Z. *Contextualising Demography: The Significance of Local Clusters of Fertility in Scotland*. Max Planck Institute for Demographic Research, Rostock, Germany, 2007. DOI: 10.4054/MPIDR-WP-2007-036
10. Salvini M.S., Gabrielli G., Paterno A., Corazziari I. *Demographic Trends in Developing Countries: Convergence or Divergence Processes?* Corazziari Disia working paper, 2015, no. 03. Available at: https://local.disia.unifi.it/wp_disia/2015/wp_disia_2015_03.pdf (accessed: 10.11.2020).
11. Jurun E., Ujević I. A cluster analysis of Croatian counties as the base for an active demographic policy. *Croatian Operational Research Review*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 221–236. DOI: <https://doi.org/10.17535/crorr.2017.0014>. URL: <https://hrcak.srce.hr/181659>
12. Péntzes J., Pásztor I.Z., Tátrai P. Demographic processes in developmentally peripheral areas of Hungary. *Stanovništvo*, 2015, vol. 53 (2), pp. 87–111. DOI: 10.2298/STNV1502087P
13. Yüceşahin M., Tulga A. Demographic and social change in the middle East and North Africa: Processes, spatial patterns, and outcomes. *Population Horizons*, 2017, vol. 14 (2), pp. 47–60. DOI: 10.1515/pophzn-2017-0003
14. Петрыкина И.Н. Кластерный анализ регионов Центрального федерального округа по уровню развития человеческого капитала // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2013. № 1. С. 72–80.
15. Филипова А.Г., Еськова А.В., Инзарцев А.В. Социальный потенциал региона: опыт использования кластерного анализа // Регионоведение. 2017. № 3 (100). С. 438–455.
16. Канищев В.В. Кластерный анализ демографического поведения сельского населения Европейской России в начале XX века и в начале XXI века. К постановке вопроса // Ineternum. 2011. № 1. С. 43–55.
17. Шубат О.М., Багирова А.П., Акишев А.А. Методика анализа демографического потенциала российских регионов на основе нечеткой кластеризации данных // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 1. С. 178–190. DOI: 10.17059/2019-1-14
18. Голубова Т.Н., Махкамова З.Р., Овсянникова Н.М. Кластерный анализ рождаемости и смертности населения в Республике Крым // Научные ведомости. Серия: Медицина. Фармация. 2016. № 12 (233). Вып. 34. С. 88–94.
19. Русских Т.Н., Тинякова В.И., Строев С.П. Типологизация субъектов РФ по уровню эффективности функционирования систем здравоохранения с использованием нечетких кластерных процедур // Учет и статистика. 2017. № 3 (47). С. 43–52.

20. Долгодворова Е.В. Кластерный анализ: базовые концепции и алгоритмы // Вопросы науки и образования. 2018. № 7 (19). С. 73–76.
21. Кованова Е.С. Кластерный анализ в решении задачи типологии регионов России по уровню и интенсивности внутренней трудовой миграции // Вестник НГУЭУ. 2013. № 4. С. 166–175.
22. Wijayanto A.W., Purwarianti A., Son L.H. Fuzzy geographically weighted clustering using artificial bee colony: An efficient geo-demographic analysis algorithm and applications to the analysis of crime behavior in population. *Appl Intell*, 2016, vol. 44, pp. 377–398. DOI: 10.1007/s10489-015-0705-7
23. Le Hoang Son. A novel kernel fuzzy clustering algorithm for Geo-Demographic Analysis. *Inf. Sci*, 2015, vol. 317, pp. 202–223. DOI: 10.1016/j.ins.2015.04.050
24. Шубат О.М., Шмарова И.В. Кластерный анализ как аналитический инструментарий политики народонаселения // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 1175–1183.
25. Ильшев А.М., Багирова А.П. Факторы репродуктивной активности населения: анализ региональной дифференциации // Регион: экономика и социология. 2009. № 1. С. 92–110.
26. Тихомиров Н.П., Тихомирова Т.М. Методы обоснования стратегий преодоления демографического кризиса в регионах России // Фундаментальные исследования. 2020. № 5. С. 160–166.
27. Ward J.H. Hierarchical grouping to optimize an objective function. *Journal of the American Statistical Association*, 1963, pp. 236–244.
28. Костина С.Н., Зайцева Е.В. Модели многодетности в современном российском обществе (по результатам нарративных интервью) // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 92–102. DOI: 10.31857/S013216250009563-2

Сведения об авторах

Светлана Николаевна Костина – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: s.n.kostina@urfu.ru)

Александр Валерьевич Трынов – младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: Trynovv@mail.ru)

Kostina S.N., Trynov A.V.

Cluster Analysis of the Dynamics of the Birth Rate of Fourth and Subsequent Children in Russian Regions

Abstract. The article presents results of the research in the differentiation of Russian subjects by birth rate of fourth and subsequent children, depending on the region's socio-economic development level for the period of 2005–2017. The authors conduct cluster analysis based on Ward's method of time series of 3 groups of indicators, particularly demographic, economic and social, in the regional context. As a result, they identify 6 clusters, describing the situation of Russian subjects, depending on the values of the birth rate of fourth and subsequent children and indicators of socio-economic development of the region for 2005–2017. The study reveals that in the period under review there are two main trends: first, transition of RF subjects from Cluster 1, characterized by sufficiently high values of the birth rate of fourth and subsequent children and low indicators of socio-economic development, to the clusters with a lower value of the coefficient and higher indicators of socio-economic development; second, transition of RF subjects from the clusters with a low birth rate of fourth and subsequent children to the clusters characterized by the increased birth rate against the background of improved socio-economic development. In the current period, it is possible to distinguish the formation of two poles of large families – these are “the poor with many children” regions, in which a high birth rate of fourth and subsequent children is associated with low

socio-economic development, and “the rich with many children” regions with high birth rates and a high level of socio-economic development. Between them there are other RF subjects, which are gradually moving away from the pole of “the poor with many children”, but have not approached the pole of “the rich with many children” yet. The novelty of the study lies in the application of the author’s approach to the analysis of relationship between large families and socio-economic development of Russian regions in the temporal dimension.

Key words: birth rate, crude birth rate, birth rate of fourth and subsequent children, cluster analysis, having many children, socio economic situation, subjects of the Russian Federation.

Information about the Authors

Svetlana N. Kostina – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Associate Professor of the Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: s.n.kostina@urfu.ru)

Aleksandr V. Trynov – Junior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: Trynovv@mail.ru)

Статья поступила 17.11.2020.

Обесценение активов эмитентов в условиях экономического кризиса – данные Варшавской фондовой биржи

**Бартломей
ЛИСИЦКИЙ**

Экономический университет в Катовице
Катовице, Польша
e-mail: bartlomiej.lisicki@ue.katowice.pl
ORCID: 0000-0002-8455-4312

Аннотация. Основная цель данной работы – изучение влияния обесценения активов на рыночную оценку компаний, котирующихся на Варшавской фондовой бирже, в условиях экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Автором принята исследовательская гипотеза, предполагающая, что раскрытие информации об обесценении активов компаний приводит к аномальной отрицательной доходности котировок их акций. Данная точка зрения доминировала в работах других авторов, ранее изучавших эту проблему. Проведенное в статье исследование помогает выявить, отличается ли реакция инвесторов на обновление активов компании в условиях кризиса от их реакции во времена процветания. Основная гипотеза проверена с помощью методологии исследования событий. В статье анализируется, насколько существенно отличается уровень аномальной доходности, возникающий в дни, предшествующие объявлению об обесценении активов, от среднего уровня. Предметом статьи являются отчеты об обесценении активов, представленные 140 крупнейшими эмитентами, котирующимися на основной торговой площадке Варшавской фондовой биржи во время пандемии COVID-19, за 2020 год. Результатом исследования стала интерпретация определенных взаимосвязей, характеризующих фондовую биржу в Польше, также указано на важность наступления обесценения активов эмитентов для стоимости их акций в условиях экономического кризиса.

Ключевые слова: рынки капитала, бухгалтерский учет, экономический кризис, акции, обесценение активов, исследование событий.

Для цитирования: Лисицкий Б. Обесценение активов эмитентов в условиях экономического кризиса – данные Варшавской фондовой биржи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 246–260. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.15

For citation: Lisicki B. Impairment of assets of the issuers in the condition of economic crisis – evidence from the Warsaw Stock Exchange. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 246–260. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.15

Введение

Ежедневно на рынок капитала поступает огромное количество информации. Некоторые данные касаются общих экономических аспектов, другие — изменений, вносимых в сферу экономической или социальной политики. Еще одна группа сообщений, предназначенных для инвесторов, касается отдельных эмитентов фондовой биржи. К ним относятся рекомендации биржевых аналитиков, информация о дивидендной политике компании (или ее изменениях), дроблении или повторном дроблении акций или инсайдерских сделках [1]. Эта информация может вызвать краткосрочную волатильность рыночной оценки эмитентов.

Информация, которая ежедневно направляется инвесторам, включает в себя бухгалтерские данные из системы финансовой отчетности. Их использование для описания имущественного и капитального положения хозяйствующих субъектов позволяет в определенной степени количественно оценить результаты хозяйственной деятельности. Опубликованные данные бухгалтерского учета дают внешним инвесторам возможность проверить достоверность информации, поступающей с высоких уровней управления хозяйствующими субъектами. Корректность оценок, подтвержденная цифрами, обеспечивает правильное функционирование рынка [2].

С 1960-х годов была предпринята попытка объяснить природу взаимосвязи между данными бухгалтерского учета и рыночной оценкой ценных бумаг отдельных эмитентов. Взаимопроникновение бухгалтерского учета и рынков капитала привело к созданию области научных работ, названной исследованием рынков капитала в бухгалтерском учете. Первые авторы, изучавшие эти вопросы, пытались объяснить восприятие инвестором содержания финансовых результатов компаний [3] и скорость реакции рынка на их передачу [4]. Эта область все еще разрабатывается множеством ученых, проводящих исследования, сочетающие бухгалтерский учет с рынками капитала. В последние годы авторы искали все новые и новые взаимосвязи между бухгалтерским учетом и рыночной оценкой котирующихся на бирже компаний. Были предприняты попытки доказать значимость финансовых результатов для формирования курсов ценных бумаг в сочетании с

регрессионной моделью, основанной на методе наименьших квадратов [5]. Наблюдался рост активности инвесторов в периоды объявления квартальных результатов, связанный с некоторой недооценкой оптимистичных прогнозов аналитиков, на фоне периодически повышающихся чистых результатов [6].

Кроме того, в литературе имеется множество свидетельств, что инвесторы используют данные бухгалтерского учета, предоставляемые эмитентами [7; 8], для принятия инвестиционных решений. Можно с уверенностью утверждать, что информация из системы финансовой отчетности является фактором изменчивости цен на ценные бумаги. Инвесторы, наблюдающие за данными системы финансовой отчетности, могут видеть более или менее прибыльные предприятия. Иначе такая ситуация не имела бы места, рыночные оценки предприятий, которые плохо работают, могли завышаться, а те, чье финансовое состояние остается безупречным, недооцениваться.

Одним из источников информации, влияющей на стоимость ценных бумаг, является отчетность об изменении цены активов эмитентов. Этот фактор может привести к волатильности цен акций эмитентов из-за снижения (или увеличения) стоимости их активов. В нашей статье рассматривается, как информация об изменении стоимости активов влияет на краткосрочную рыночную оценку крупнейших и наиболее ликвидных эмитентов, котирующихся на Варшавской фондовой бирже (ВФБ), объединенных в три основных индекса Польского рынка капитала, так называемые WIG20, mWIG40 и sWIG80, в условиях экономического кризиса (вызванного COVID-19).

Для этого необходимо изучить реакцию рынка капитала на информацию, касающуюся предоставления отчетности об обесценении активов компаниями, зарегистрированными на ВФБ, в форме текущего отчета. Подобные темы стали предметом исследований некоторых авторов [9–14], однако они не акцентировали внимание на общих экономических условиях проведения анализа. Вклад автора состоит в попытке проверить, как рынок отреагирует на такую информацию в ситуации, когда над ним нависает угроза серьезного экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19 [15].

Основная цель исследования – показать, как поведет себя рынок в ситуации, когда стоимость ценных бумаг уже дисконтировалась негативной информацией. Выводы могут отличаться от информации, данной в более ранних работах.

Несмотря на исследования по обесценению активов, проведенные польскими авторами, ни один из предыдущих исследователей не взялся проверить связь обесценения активов с рыночной оценкой биржевых эмитентов в случае экономического спада. Указанный вопрос будет проработан в нашей статье, для того чтобы дополнить информацию в этой области.

Нами поставлена задача изучить влияние заявленного обесценения активов на рыночную оценку эмитентов, находящихся в кризисном состоянии, вызванном пандемией COVID-19. Анализируется, вызовет ли раскрытие этих сведений в период экономического спада реакцию, аналогичную выявленной ранее.

С этой целью была принята исследовательская гипотеза, указывающая на то, что раскрытие информации об обесценении активов компании во время кризиса COVID-19 в 2020 году приводит к отрицательной аномальной доходности цен акций. Данная точка зрения доминировала в предшествующих работах по этой проблематике. Анализ, проведенный в статье, помогает выявить правила поведения (в краткосрочной перспективе), показывает, отличается ли реакция инвесторов на обновление активов компании в условиях кризиса от реакции во времена процветания.

Основная гипотеза будет проверена с помощью метода событийного анализа [3; 16]. Исследуется, существенно ли отличается от среднего уровня достигнутый уровень аномальной доходности, возникающий в дни, предшествующие объявлению об обесценении активов. Предметом статьи являются все текущие отчеты об обесценении активов, представленные 140 крупнейшими эмитентами главной торговой площадки польского рынка капитала во время пандемии COVID-19, за 2020 год. Результаты будут сопоставлены с реакцией инвесторов на обесценение активов, доказанной в предыдущих исследованиях.

Выводы, полученные в результате статистической проверки, позволят прийти к общим

формулировкам, характеризующим возникновение обесценения активов в условиях рыночной капитализации компаний в «ненормальных» условиях функционирования экономики.

Результат исследования состоит в интерпретации некоторых взаимосвязей, характеризующих фондовую биржу Польши, а также указания на важность возникновения обесценения активов эмитентов для цен их акций в условиях экономического кризиса. Проверенные гипотезы могут быть использованы исследователями, занимающимися методологией изучения событий и стоимости активов, в отношении любого другого рынка капитала.

Влияние обесценения активов на рыночную оценку эмитентов в период кризиса COVID-19

Сообщение эмитента об обесценении активов может оказать негативное влияние на рыночную оценку его акций, что должно привести к снижению листинга акций данной компании. Это связано с признанием списания на себестоимость и снижением финансового результата за период. Инвесторы, получающие подобную информацию, пересматривают свои ожидания относительно будущей прибыли компании. Как правило, в первые дни после публикации информации об обесценении активов следует продажа собственных акций. Однако главный вопрос, который беспокоит автора статьи, заключается в следующем: будет ли наблюдаться аналогичная реакция рынка на предоставление информации об обесценении активов в условиях ожидаемого экономического спада, приводящего к ослаблению интереса инвесторов к рисковому активу (таким как акции) и значительному снижению рыночной оценки компаний, котирующихся на фондовых биржах?

Подобный обвал экономики приведет к массовым банкротствам предприятий, сокращению занятости и значительному снижению уровня жизни многих людей. Видение экономического кризиса, вызванного COVID-19, имеет огромное значение для мирового финансового рынка. Пандемия выступила «черным лебедем» на фондовом рынке – событием, оказывающим большое влияние на решения инвесторов, которое невозможно предугадать [17]. От него завист стабильность мировой финансовой системы, а подготовиться к подобному невозможно.

Влияние данных по COVID-19 на поведение фондовых бирж стало очевидным в конце февраля 2020 года. Пик паники пришелся на середину марта, когда крупнейшие мировые индексы зафиксировали недельное падение, превышающее 20% [18]. Этот тренд не обошел стороной и Варшавскую фондовую биржу. Ее индекс упал до уровня финансового кризиса 2008–2009 гг. Несмотря на краткое повышение биржевых цен [19] в апреле, инвесторы не спешили вкладывать средства в рискованные активы.

В статье будет рассмотрено, как коронавирус повлиял на стоимость активов листинговых компаний, котирующихся на главном рынке Варшавской фондовой биржи. Широкий рынок в последнее время сбрасывал со счетов много негативной информации касательно самого низкого уровня незарегистрированных акций с 2011–2012 гг. В связи с этим под сомнение ставится негативное влияние обесценения активов на рыночную оценку компаний, ранее определяемое на польском рынке [14; 20].

Цель автора – проверить, случались ли на Варшавской фондовой бирже вышеупомянутые события после объявления об обесценении активов во время «коронавирусного кризиса» (2020 год). Проведенное автором исследование позволит углубить знания участников рынка капитала в области краткосрочных детерминант формирования цены на акции отдельных эмитентов в условиях замедленного экономического роста.

Теоретические аспекты обесценения активов и рыночной оценки эмитентов фондовых бирж

Как уже отмечалось ранее, рынок капитала ежедневно получает большие объемы информации. Она может в некоторой степени касаться отдельных эмитентов и влиять на цены их акций. Несомненно, одним из факторов, вызывающих изменчивость цен финансовых инструментов, являются данные бухгалтерского учета.

Р. Болл, Ф. Браун [3] и У. Бивер [4] были упомянуты во введении как первооткрыватели, указывающие на важность данных системы бухгалтерского учета для рыночной оценки эмитентов фондовых бирж. Основываясь на растущей популярности гипотезы эффективного рынка, в конце 1960-х годов они попытались количественно оценить взаимосвязь между от-

четным финансовым результатом и рыночной оценкой компаний, котирующихся на американском рынке капитала.

Растущий интерес к изучению рынка капитала в области бухгалтерского учета побудил исследователей фондовых бирж проанализировать отдельные элементы учетных данных в контексте их взаимосвязи с волатильностью стоимости на ценные бумаги. Тем не менее анализ ценообразующего характера обесценения был предпринят впервые почти 20 лет спустя после начала исследований в этой области.

Дж. Стронг и Дж. Мейер [9], движимые растущим числом сокращений балансовой стоимости активов американских корпораций, решили доказать важность списания обесценения для оценки ценных бумаг. В их исследовании впервые была предпринята попытка оценить зависимость обесценения акций биржевыми организациями от реакции инвесторов, проявляющейся волатильностью стоимости на ценные бумаги.

Используя методологию событийного анализа, на основе данных 78 компаний Американской фондовой биржи, которые в 1981–1985 гг. заявили об обесценении в своей финансовой отчетности, Дж. Стронг и Дж. Мейер предприняли попытку определить их значимость для рыночной оценки акций. Созданное ими 120-дневное окно событий охватывало каждый раз 60 сессионных дней до и 60 дней после объявления о списании обесценения. Первоначально авторы не обнаружили статистически значимой аномальной доходности в анализируемом окне событий. Однако разделение его на более короткие периоды позволило определить важность списания обесценения для «увеличения благосостояния акционеров компании». Через 10 дней после этого события авторы зафиксировали статистически значимую положительную аномальную доходность, что свидетельствовало о положительном влиянии заявленного обесценения на цены акций биржевых эмитентов.

Публикация Дж. Стронга и Дж. Мейера явилась определенным мотивирующим фактором для проверки выводов, сделанных авторами в исследовательском сообществе. Год спустя Дж. Эллиот и У. Шоу [17] объявили о наступлении более низкой доходности в дни, спрово-

ждающие момент объявления информации о «большом» списании. Кроме того, они заметили, что компании, доказывающие значительное обесценение, имеют более низкую доходность, чем конкуренты в отрасли, не сообщающие об этом в течение 6 месяцев после объявления о списании обесценения. В последующие годы все большее число авторов занялось темой актуализации активов эмитентов для рыночной оценки их ценных бумаг. Г. Бансис [18] указал, что реакция рынка на информационное объявление неоднородна. О ее направленности свидетельствует тот факт, будет ли обесценение активов связано с ожидаемыми денежными потоками. Обесценение, сопровождавшееся большими отрицательными денежными потоками, характеризовалось гораздо более сильной негативной реакцией рынка в отношении списаний, учитываемых только по методу начисления.

Авторы также отметили наличие негативной реакции рынка в случае объявления о списании обесценения, превышающего 1% от балансовой суммы эмитента [19; 20]. Утверждалось, что корреляция между суммой списания и доходностью в краткосрочной перспективе не так сильна, как корреляция между суммой списания и отсроченной доходностью. Предполагалось, что наблюдаемая запаздывающая корреляция указывает на прогнозы некоторых инвесторов о снижении цен на товары, предлагаемые эмитентами [21]. Доходность компаний, сообщающих об обесценении, в значительной степени зависит от своевременности его раскрытия. Кроме того, обесценение публикуется в «менее подходящее» время по сравнению с другими элементами выпуска, что приводит к статистически значимой волатильности цен на ценные бумаги [22]. Кроме того, можно отметить, что реакция рынка на списание (из-за обесценения деловой репутации фирмы) также была связана с достоверностью объяснений властей компании относительно причин списания [12].

Методология исследования

Проверка важности обновления стоимости активов предприятия будет осуществляться с использованием метода событийного анализа, который позволяет определить влияние какого-либо события на доходность отдельных ценных бумаг (в данном случае акций). Событийный

анализ, наряду с методами моделирования, является наиболее часто используемым методом для подтверждения степени информационной эффективности. Это инструмент, который необходим для реагирования инвесторов на наступление определенного события, что также вытекает из его названия [27].

Методология событийного анализа на протяжении многих лет разрабатывалась исследователями в области финансов, что не исключает возможности ее применения и в других областях общественных наук, таких как менеджмент, экономика и бухгалтерский учет [28]. Это обосновывает ее использование для изучения влияния предоставленной информации о списании обесценения на рыночную оценку компаний, котирующихся на Варшавской фондовой бирже, во время кризиса COVID-19.

Важной вехой в развитии методологии событийного анализа стали работы двух исследовательских групп, которые были опубликованы в одно и то же время. В первом исследовании речь шла о влиянии отчета, содержащего информацию о финансовых результатах листинговых компаний, на их рыночную оценку, проведенную Р. Боллом и Ф. Брауном [3; 16]. Изучая чистые финансовые результаты, отличные от ожиданий рынка, исследователи заметили их значимый характер для инвесторов. Хотя сами авторы утверждали, что они имели дело с информационным содержанием опубликованного периодического доклада, а не с проверкой информационной эффективности, их вклад в анализируемую методологию неоспорим. Они также ввели определение «аномальной доходности», которое представляет собой разницу между фактической нормой прибыли, достигнутой в тот день, и ожидаемой нормой. Вторая публикация, представляющая методологию изучения событий в глобальных исследованиях, была реализована группой Евгения Фамы. Рассматривая широкий период события, в котором содержалась информация о дроблении акций, исследователи попытались проверить стремление биржевых котировок к новой информации.

Сам метод событийного анализа включает в себя несколько этапов, которые должны выполняться в правильном порядке. Прежде всего они должны включать определение события и его продолжительности (указание так называемых

мого окна событий), описание мер, определяющих уровень ожидаемого и аномальную доходность, и оценку ожидаемой нормы доходности (в так называемом окне оценки) с использованием одной из его оценочных моделей [29].

Основным элементом, необходимым для проведения событийного анализа, выступает объявление или событие, новое информационное содержание которого может оказать влияние на будущие ожидаемые денежные потоки от операций эмитента или на используемую им ставку дисконтирования [30]. С точки зрения дальнейшего процесса важно, что это объявление должно быть неожиданным для рынка. Более раннее сигнализирование позволило бы включить его в цены в соответствии с гипотезой эффективного рынка.

Одним из важных шагов в методологии событийного анализа является определение окна событий (в данной работе идентичного представлению эмитентом отчета о списании) и окна оценки (используемого для расчета ожидаемой доходности), позволяющего количественно оценить, как рынок способен отреагировать на вышеупомянутый пересмотр стоимости актива.

Проще говоря, окно событий – это период времени, в течение которого исследуется влияние события на рыночную стоимость ценных бумаг зарегистрированных на бирже компаний. Продолжительность периода меняется. Он может охватывать только день наступления события, несколько последующих торговых сессий или даже год. Анализируя литературу, можно найти различие между окнами фиксированной и переменной ширины [31].

Другой важный элемент событийного анализа – определение окна оценки. Именно здесь оцениваются параметры модели (моделей), которые будут использованы для расчета сначала ожидаемой нормы прибыли в день, а затем профицита. Ожидаемая доходность должна отражать «нормальное» поведение инвесторов, когда рынок не получит информацию об анализируемом событии [32]. Важно, чтобы это время было относительно длиннее окна событий [33]. Происходит оценка ожидаемой доходности. Она заключается в определении формирования стоимости на ценные бумаги публичной компании, которое имело бы место, если бы

объявление о событии не было обнародовано. С. Сударсанам [34] указывает на существование семи наиболее часто используемых моделей, которые он разделил на одноиндексные, рыночные и портфельные. В нашей работе будет использована одна из моделей рынка, созданная У. Шарпом [35] (Модель единичного индекса Шарпа).

После определения ожидаемой доходности исследователь с помощью событийного анализа может рассчитать аномальную доходность, которая лежит в основе описанной методологии. Эта задача определенно проще, чем использование одной из приведенных выше моделей для оценки ожидаемой доходности. Аномальная доходность – это разница между фактическим реализованным доходом в день окна событий и рассчитанным ожидаемым доходом:

$$ARit = Rit - E(Rit),$$

где:

$ARit$ – аномальная доходность ценной бумаги i в период t ,

Rit – реальная доходность ценной бумаги i в период t ,

$E(Rit)$ – ожидаемая доходность ценной бумаги i в период t .

В ситуации, когда рассчитанная доходность положительна, можно сказать, что исследуемое событие благоприятно влияет на рыночную оценку тестируемого объекта, увеличивая его стоимость. В противном случае, когда результат аномальной доходности имеет отрицательное значение, событие было негативно оценено инвесторами. Тогда рыночная стоимость эмитента упадет. Наименее распространенный случай возникает, когда дополнительный доход равен нулю. В таком случае следует предположить, что анализируемое событие не оказывает влияния на биржевую цену тестируемой компании [36].

Последний из представленных этапов методики событийного анализа включает в себя оценку статистической значимости рассчитанной аномальной доходности. Полученные результаты могут привести к «стандартной» волатильности цен, зафиксированной на мировых рынках капитала. Поэтому необходимо принять

нулевую гипотезу об отсутствии влияния события на формирование стоимости ценных бумаг, которое характеризуется дефицитом статистически значимого прироста доходности. Противоположная альтернативная гипотеза основана на существовании влияния представленной информации о событии на рыночную оценку эмитентов, проявляющуюся в статистически значимой аномальной доходности. Для проверки истинности любой из указанных гипотез используются соответствующие статистические тесты, определяющие, существенно ли вычисленная аномальная доходность отличается от нуля [30].

Согласно исследовательской гипотезе, принятой во введении, объявление о списании окажет негативное влияние на рыночную оценку крупнейших эмитентов, котирующихся на ВФБ. Ожидается, что отрицательное взаимодействие между указанными переменными проявится в возникновении отрицательной аномальной доходности по акциям эмитентов, котирующихся в рамках индексов WIG20, mWIG40 и sWIG80, в дни, следующие за датой объявления информации о списании. Кроме

того, в статье анализируется, будет ли возникновение аномальной доходности также иметь место в дни, предшествующие тому, в который была предоставлена информация. Это делается для того, чтобы проверить, существует ли определенная привилегированная группа инвесторов, имеющих доступ к конфиденциальной информации об обесценении.

Авторская методика основывается на методологии первого исследования влияния обесценения на стоимость ценных бумаг в 1980-е годы Дж. Стронга и Дж. Мейера [9]. Для этой цели автор также использовал методологию событийного анализа, которая позволяет оценить влияние (или отсутствие такового) широко понимаемого события на формирование стоимости ценных бумаг.

Гипотеза проверяется путем поиска сообщений, указывающих на обесценение активов, среди текущих отчетов, предоставленных указанными эмитентами в Электронной системе передачи информации (ЭСПИ), в период кризиса COVID-19 2020 года. Список компаний, имеющих право на участие в исследовании, представлен в *таблице 1*.

Таблица 1. Эмитенты, зарегистрированные на основной торговой площадке ВФБ, вошедшие в исследовательскую выборку (ранжированы по процентам в индексе)

WIG20	mWIG40		sWIG80			
PKOBP	INGBSK	COMARCH	ASSECOSEE	STALEXP	MANGATA	PEKABEX
PZU	KETY	TSGGAMES	ASSECOSBS	ABPSL	ZEPAK	ARCTIC
CDPROJEKT	ASSECOPOL	11BIT	MENNICA	SELVITA	PCCROKITA	POLNORD
PEKAO	MILLENIUM	CIECH	ALUMETAL	PBKM	DEBICA	MEDICALG
PKNORLEN	AMREST	ECHO	AGORA	RAINBOW	ASBIS	UNIMOT
KGHM	KRUK	DOMDEV	NEWAG	ATAL	POLIMEXMS	CIGAMES
LPP	KERNEL	FAMUR	WAWEL	CPRGROUP	KRUSZWICA	OAT
SANPL	BUDIMEX	ORBIS	PEP	VIGOSYS	OVOSTAR	TRAKCJA
DINOPL	INTERCARS	AMICA	ENTER	POLICE	WIELTON	EKOEXPORT
CYFRPLSAT	HANDLOWY	CLNPHARMA	APATOR	KOGENERA	R22	VOTUM
LOTOS	GTC	VRG	RYVU	DATAWALK	PGSSOFT	MLSYSTEM
PGNIG	WIRTUALNA	LIVECHAT	SANOK	AMBRA	BIOTON	ULTGAMES
MBANK	EUROCASH	FORTE	NETIA	OPONEO.PL	TOYA	MERCATOR
ORANGEPL	ENERGA	NEUCA	SNIEZKA	TIM	ARHCICOM	RAFAKO
PGE	BENEFIT	PLAYWAY	ACAUTOGAZ	PHN	TORPOL	SERINUS
PLAY	ENEA	PKPCARGO	BORYSZEW	VOXEL	UNIBEP	ELBUDOWA
CCC	DEVELIA	MABION	FERRO	BOS	ASTARTA	IDEABANK
ALIOR	GRUPAAZOTY	STALPROD	AUTOPARTN	BSCDRUK	MCI	BOOMBIT
TAURONPE	BNPPL	BOGDANKA	MLPGROUP	ATMGRUPA	INSTALKRK	BAHOLDING
JSW	GPW	GETIN	COMP	ELEMENTAL	LENTEX	PRAIRE

Источник: портфолио исторических индексов Варшавской фондовой биржи после ежегодного пересмотра в марте 2020 года. URL: <https://gpwbenchmark.pl/en-notowania> (дата обращения 18.11.2020).

После получения всей информации об обесценении активов в анализируемом периоде необходимо будет сгруппировать их в хронологическом порядке по каждому эмитенту. Такие подготовленные отчеты об обесценении активов (вместе с точными датами их публикации) будут являться основой для учета котировок акций эмитентов, которые сообщили об обесценении в анализируемом периоде. Расчет ежедневной доходности акций вместе с определением окна событий, в котором будет изучаться влияние обесценения на рыночную оценку котируемых компаний, станет еще одним шагом автора, предпринятым в рамках исследовательской задачи. Оценка аномальной доходности вместе со статистической верификацией полученных результатов позволит сделать вывод о необходимости проверки значимости обновления активов вследствие обесценения для рыночной оценки эмитентов в краткосрочном периоде в условиях экономического кризиса.

Общий план исследований включает несколько этапов:

- сбор эмпирических данных, извлеченных из ЭСПИ об обесценении активов в 2020 году;
- создание базы данных, содержащей информацию о публикации текущих отчетов об обесценении активов крупнейших эмитентов, котирующихся на ВФБ;
- определение окна событий в каждом из случаев раскрытия эмитентом информации об обесценении активов;
- расчет для каждого события (идентичный передаче информации о списании обесценения) ожидаемой доходности на основе котировок акций из окна оценки;
- оценка аномальной доходности в каждом окне событий;
- статистический анализ расчетной средней аномальной доходности;
- подготовка заключений о влиянии обесценения активов на рыночную оценку указанных эмитентов, котирующихся на ВФБ.

Методология событийного анализа, использованная в работе, требовала выполнения нескольких вышеперечисленных этапов. Для изучения влияния обесценения на акции указанных эмитентов построено симметричное семидневное окно событий для каждого квалифицированного случая к исследуемой выбор-

ке. Он охватывал три сессионных дня, предшествующих дню публикации отчета о списании обесценения (t_{-3}, t_{-2}, t_{-1}), день публикации (t_0) и три сессионных дня, непосредственно следующих за раскрытием изучаемой информации (t_{+1}, t_{+2}, t_{+3}). Как и в первых исследованиях данного типа, автор анализирует, могла ли в дни, непосредственно предшествующие дню публикации информации о списании, иметь место статистически значимая аномальная доходность, свидетельствующая о раскрытии обесценения определенной привилегированной группе получателей.

Необходимо проверить, нет ли в принятом окне событий в каждом из квалифицированных объявлений об обесценении активов в течение года разрушительных событий (например, информация о дивидендах, рекомендации аналитиков, блокирующие сделки, изменения в национальной политике). Возникновение такой ситуации может нарушить познавательную ценность полученных результатов, которые не смогли отразить должную значимость списания обесценения для рыночной оценки крупнейших эмитентов, котирующихся на Варшавской фондовой бирже, во время экономического кризиса, поскольку в анализируемом окне событий на инвесторов может оказывать более сильное влияние информация с другим содержанием.

Перед оценкой аномальной доходности следует рассчитать ожидаемую доходность. Для этого была использована одноиндексная модель Шарпа [35]. Параметры модели рассчитывались с применением метода наименьших квадратов. Окно оценки было установлено на 30 сеансов за несколько дней до семидневного окна событий. Это началось со дня t_{-34} до t_{-5} (по отношению ко дню объявления информации об обесценении активов на день t_0). Доходность рыночного портфеля рассчитывалась с использованием котировок Индекса ВФБ (Индекс широкого рынка Варшавской фондовой биржи).

Последней частью процедуры исследования стала статистическая проверка полученных результатов. Для этого были использованы непараметрические пары критериев, подобранные Уилкоксоном [37] (для определения аномальной доходности каждого дня окна событий),

и обобщенный знаковый критерий Коуэна [38] (для кумулятивной аномальной доходности – КАД). Существует один из наиболее подходящих тестов, используемых для статистической верификации результатов, полученных в рамках методологии событийного анализа [39].

Результаты проведенного анализа

Рассматривая текущие отчеты вышеназванных компаний в период COVID-19 в 2020 году, было обнаружено 42 объявления со ссылкой на списание. Они были предоставлены 26 крупнейшими эмитентами (табл. 2).

Четырнадцать из ранее квалифицированных случаев предоставления информации, указывающей на возникновение списания, также были отклонены. Вместе с этим объявлением эмитент обнародовал и ряд других сведений. По мнению автора, это могло оказать большее влияние на поведение инвесторов, чем само списание, поэтому было принято решение исключить этот случай из выборки.

После предварительного отбора списаний обесценения, выявленных в 2020 году в текущих отчетах, было принято решение отнести к

выборке 28 событий. В таблице 3 указаны компании, осуществившие списания в анализируемом периоде, а также даты обнародования такой информации. Также включена информация о том, какая группа активов была обесценена, и сумме списания (с учетом ее отношения к сумме активов эмитента). В случае если эмитент переоценил более одной группы активов и не было возможности указать, какой именно актив упоминается, автор создает отдельную категорию списаний – «Прочие».

Следующие шаги методологии событийного анализа включают оценку ожидаемой доходности (с использованием модели единичного индекса Шарпа) и вычисление аномальной доходности для каждого случая, квалифицированного для исследуемой выборки. Как уже упоминалось выше, для каждого квалифицированного текущего отчета об обесценении активов было создано семидневное окно событий. Оно охватывало три сессионных дня, предшествующих дню публикации отчета о списании обесценения (t_{-3} , t_{-2} , t_{-1}), день публикации (t_0) и три сессионных дня, непосредственно следу-

Таблица 2. Информация об обесценении активов, представленная крупнейшими эмитентами, зарегистрированными на ВФБ, в форме текущих отчетов в 2020 году

Эмитент (WIG20)	Дата текущего отчета	Эмитент (mWIG40)	Дата текущего отчета	Эмитент (sWIG80)	Дата текущего отчета		
ALIOR	07.08.2020	ENEА	27.10.2020	AGORA	30.04.2020		
CCC	21.09.2020		11.08.2020		17.01.2020		
JSW	28.07.2020		19.05.2020		BAH	07.08.2020	
PGE	31.08.2020	ENERGA	14.02.2020	BIOTON	10.04.2020		
	13.03.2020		23.07.2020	BOOMBIT	28.02.2020		
	14.02.2020		19.05.2020	BORYSZEW	26.05.2020		
PGNIG	08.10.2020	31.03.2020	DATAWALK		04.09.2020		
	12.05.2020	FAMUR	10.02.2020	ELEMENTAL	27.02.2020		
	14.02.2020	GRUPAAZOTY	25.03.2020	PEP	30.12.2019		
PKNORLEN	04.05.2020			POLNORD	30.06.2020		
PZU	25.08.2020			RAFAKO	24.09.2020		
TAURONPE	05.08.2020			RAINBOW	27.06.2020		
	17.03.2020			SANOK	06.03.2020		
	04.03.2020			TRAKCJA	18.03.2020		
						ZEPAK	23.09.2020
						26.03.2020	

Источник: текущие отчеты, представленные в ESPI указанными эмитентами. URL: <http://infostrefa.com/infostrefa/pl/index/> (дата обращения 12.2020).

Таблица 3. Все квалифицированные случаи текущих отчетов об обесценении активов, представленных крупнейшими эмитентами, зарегистрированными на ВФБ, в 2020 году

Эмитент	Дата текущего отчета	Номер текущего отчета	Сумма списания, млн злотых	% от общей суммы баланса	Группа обесцененных активов
WIG20					
ALIOR	07.08.2020	37/2020	676	0,87	Прочие
CCC	21.09.2020	61/2020	448,7	6,65	Прочие
JSW	28.07.2020	28/2020	431	3,17	Основные материальные активы
PGE	31.08.2020	25/2020	1012	1,35	Прочие
	13.03.2020	10/2020	7100	8,78	Основные материальные активы
	14.02.2020	5/2020	79	0,10	Основные материальные активы
PGNIG	12.05.2020	18/2020	770	1,34	Основные материальные активы
	14.02.2020	6/2020	837	1,46	Прочие
PZU	25.08.2020	28/2020	1594	0,42	Нематериальные активы
TAURONPE	05.08.2020	37/2020	227	0,57	Прочие
	04.03.2020	5/2020	914	2,13	Прочие
mWIG40					
ENERGA	08.05.2020	39/2020	502	2,33	Прочие
	31.03.2020	26/2020	340	1,62	Прочие
ENEA	27.10.2020	47/2020	254	0,81	Долгосрочные инвестиции
	11.08.2020	18/2020	1027	3,29	Основные материальные средства
	19.05.2020	6/2020	53	0,17	Долгосрочные инвестиции
GRUPAAZOTY	25.03.2020	17/2020	28,8	0,19	Долгосрочные инвестиции
swIG80					
AGORA	30.04.2020	20/2020	59,5	3,04	Долгосрочные инвестиции
	17.01.2020	1/2020	11,2	0,56	Долгосрочные инвестиции
BOOMBIT	28.02.2020	6/2020	5,9	0,89	Нематериальные активы
ELEMENTAL	27.02.2020	26/2020	6,06	0,57	Прочие
PEP	30.12.2019	40/2019	16	0,65	Долгосрочные инвестиции
POLNORD	30.06.2020	45/2020	52,2	5,20	Основные материальные активы
RAFAKO	24.09.2020	50/2020	166,5	12,78	Прочие
RAINBOW	27.06.2020	25/2020	13,2	2,44	Прочие
SANOK	06.03.2020	2/2020	41,6	8,85	Долгосрочные инвестиции
TRAKCJA	18.03.2020	8/2020	252,4	17,00	Прочие
ZEPAK	23.09.2020	45/2020	289	9,27	Основные материальные активы
Источник: текущие отчеты, представленные в ESPI указанными эмитентами. URL: http://infostrefa.com/infostrefa/pl/index/ (дата обращения 12.2020).					

ющих за раскрытием изучаемой информации (t_{+1} , t_{+2} , t_{+3}). Таким образом, было рассчитано 196 случаев аномальной доходности (табл. 4). Автор также добавил кумулятивную аномальную доходность, которая представляет собой сумму семи одиночных аномальных доходностей в окне события.

Для подтверждения результатов исследования необходимо провести статистический тест с целью проверки их значимости. Были использованы непараметрические пары критериев, подобранные Уилкоксоном для каждой средней аномальной доходности, и обобщенный знаковый критерий Коуэна, разработанный для

Таблица 4. Аномальная доходность по дням в окне событий для каждого установленного случая обесценения в период кризиса COVID-19 в текущих отчетах за 2020 год, %

Эмитент/ День окна события	t_{-3}	t_{-2}	t_{-1}	t_0	t_{+1}	t_{+2}	t_{+3}	КАД
ALIOR	3,09	1,85	-0,58	-1,87	-0,30	8,14	-0,52	9,80
CCC	-2,81	-1,66	5,43	-0,59	-6,10	2,22	-2,61	-6,11
JSW	-2,39	-0,09	-2,40	-3,06	-9,24	-3,50	6,23	-14,45
PGE	-3,99	0,09	3,12	-2,63	-0,14	1,10	1,15	-1,30
	2,77	-0,56	-1,70	-5,64	8,16	11,73	-1,98	12,79
	2,77	-1,27	-3,04	-1,12	-0,86	-0,86	-1,98	-6,36
PGNIG	1,53	-0,84	-1,13	0,25	-0,95	0,95	-1,41	-1,59
	2,18	0,53	0,74	-0,85	2,54	1,04	0,76	6,93
PZU	0,45	0,52	0,33	-0,10	-1,50	0,15	-0,22	-0,37
TAURONPE	-2,63	-2,28	-0,77	-5,49	-1,57	-3,39	-1,86	-17,99
	0,49	3,51	1,05	-0,47	-0,93	2,21	2,35	8,20
ENEA	0,31	-0,83	1,40	-1,27	5,61	-2,50	-1,57	1,16
	-2,08	-0,36	1,39	1,86	-1,07	0,52	-2,26	-2,00
	1,35	-0,94	-0,78	3,27	-2,12	-0,97	-2,81	-2,99
ENERGA	0,26	-0,90	1,20	-1,12	0,11	-3,02	-0,16	-3,63
	4,44	4,47	-1,09	2,04	1,32	-0,27	-0,48	10,44
GRUPA AZOTY	-5,32	3,90	-0,49	0,21	-2,34	-0,20	-2,33	-6,57
AGORA	0,36	-0,54	-2,47	5,93	2,02	0,96	0,50	6,76
	8,16	1,42	-0,10	-0,44	-2,37	2,32	-0,62	8,37
BOOMBIT	0,06	3,06	7,62	9,23	9,63	-16,19	7,55	20,97
ELEMENTAL	-7,53	4,73	-6,10	-1,71	-16,03	11,49	8,10	-7,05
PEP	-2,33	-1,30	0,23	-0,60	-0,86	2,30	-1,47	-4,03
POLNORD	-1,48	-2,17	0,23	4,80	-3,14	-3,04	-1,06	-5,87
RAFAKO	1,70	1,20	-0,98	-0,42	5,01	-8,24	-0,67	-2,40
RAINBOW	-0,99	-3,84	-2,16	-7,16	-4,88	5,49	-0,04	-13,59
SANOK	-7,75	2,73	0,97	4,64	2,91	8,74	1,41	13,66
TRAKCJA	0,42	11,47	1,74	8,16	-2,85	1,67	2,07	22,68
ZEPAK	2,40	-0,45	0,26	2,93	-1,42	0,23	-0,37	3,57
Средняя аномальная доходность	-0,23	0,77	0,07	0,31	-0,76	0,68	0,20	1,04
Z статистика теста Уилкоксона подобранных пар / обобщенный знаковый критерий Коуэна	-0,022	-0,66	-0,154	-1,07	-0,797	-0,956	0,865	0,671

Статически значимое на уровне $p < 0,05$.

Источник: составлено автором на основе котировок акций. URL: <https://stoq.pl/t/?i=523> (дата обращения 12.2020).

кумулятивной аномальной доходности. Они основаны на значении статистики Z , поэтому автор использовал допущения этих критериев для проверки статистической значимости рассчитанной аномальной доходности. Кроме того, в таблицу 4 были внесены результаты статистической проверки средней и кумулятивной аномальной доходности.

Как показано в таблице 4, самая низкая средняя аномальная доходность была зафиксирована в день t_{+1} , то есть на следующий день после того, как инвесторам сообщили новость о списании обесценения. Важно отметить, что только в этот день и день t_{+3} отрицательные средние аномальные доходности могли быть зарегистрированы (однако t_{+3} было намного ближе к нулю). Значительно более низкое значение средней аномальной доходности в день t_{+1} может свидетельствовать о том, что рынок дисконтирует информацию об обесценении активов отдельных эмитентов. Удивительно, что нет отрицательного показателя средней аномальной доходности в день t_0 , когда следует ожидать самой резкой распродажи акций в результате таких негативных новостей. Более детальный анализ сроков предоставления инвесторам 28 текущих отчетов, отобранных в выборке, показывает, что подавляющее большинство эмитентов разместили отчет после закрытия торговой сессии. Данное обоснование в значительной степени обусловлено отсутствием статистически значимых отрицательных значений средней аномальной доходности на дату раскрытия информации о списании обесценения активов.

Таким образом, могло показаться, что негативная реакция рынка, наблюдавшаяся в исследованиях предыдущих авторов, должна проявиться в день t_{+1} и, возможно, в следующих двух событиях, запечатленных в окне. Если на следующий день после публикации текущего отчета об обесценении активов можно наблюдать более низкий уровень средней аномальной доходности (-0,76%), то в последующие два дня расчеты указывают на положительное значение средней аномальной доходности (0,68% в день t_{+2} и 0,20% в день t_{+3}).

В контексте исследования важно проверить полученные значения средней аномальной доходности с точки зрения их статистической значимости. Для этого использовались упомянутые выше непараметрические тесты. Как видно,

результаты ни в один из дней окна событий не показали никакой статистики. Несмотря на явное снижение уровня средней аномальной доходности на следующий день после обнаружения информации о списании, примененный непараметрический тест не показал, что обесценение активов приведет к снижению рыночной оценки акций эмитентов, существенно отличающейся от той, которая возникает в результате типичной волатильности цен на рынках капитала. Причем кумулятивная аномальная доходность также незначительна, что исключает влияние списания на рыночную оценку анализируемых эмитентов во всем событийном окне.

Важно также, что в дни, предшествующие объявлению анализируемого события, не было зафиксировано статистически значимых норм доходности. Это означает, что нельзя говорить о существовании определенной группы инвесторов, которые заранее владели информацией об обесценении и могли бы принять соответствующие решения до фактического обнаружения такой информации.

Исходя из приведенного в таблице 4 показателя аномальной доходности, полученные результаты не могут подтвердить основную гипотезу, говорящую о краткосрочной негативной реакции инвесторов на информацию об обесценении активов в период кризиса COVID-19 в 2020 году.

Заключение

Из всего объема информации, ежедневно получаемого рынками капитала, данные бухгалтерского учета, несомненно, являются одним из важнейших факторов для принятия инвестиционных решений. К ним можно отнести сообщения о достигнутом финансовом результате, уровне продаж или переоценке эмитентом активов в форме списания обесценения. Результаты предыдущих исследований показывают, что оглашение подобной информации сопровождается снижением рыночной оценки эмитента.

Основной целью нашей работы являлось изучение реакции рынка капитала (на примере Варшавской фондовой биржи) на информацию, предоставленную эмитентами в форме текущего отчета, относительно обесценения активов в условиях экономического кризиса. Исследовательский вклад автора заключается

ся в попытке проверить, как рынок реагирует на такую информацию в ситуации, когда над ним нависает угроза серьезного экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

Из всех упоминаний о списании крупнейших компаний, котирующихся на ВФБ, 28 случаев объявлений о списании были отнесены к финальной выборке исследования. Для каждого из них построено семидневное симметричное окно событий, охватывающее день публикации информации о списании обесценения и по три дня, предшествующие и следующие за этим днем. Полученные результаты исследования, проверенные непараметрическими тестами, показали отсутствие статистической значимости средней аномальной доходности для каждого из анализируемых дней окна событий. Сомнения могут возникнуть, в частности, из-за отсутствия существенной разницы от нуля в день объявления о списании обесценения и на следующий день, когда в предыдущем исследовании рынок должен был наиболее сильно дисконтировать потерю достижимых выгод от задействованных активов. Таким образом, гипотезу, поставленную в начале исследования, следует отвергнуть. Однако отсутствие статистически значимых аномальных доходностей в дни после раскрытия информации об обесценении активов позволяет говорить об иной реакции рынка в условиях экономического кризиса, вызванного COVID-19, по сравнению с предыдущими годами.

Результаты тестирования не показывают влияния обесценения активов на рыночную оценку компаний в период кризиса COVID-19 за 2020 год. С практической точки зрения, в период экономического кризиса инвесторам не следует ожидать значительного снижения рыночной оценки эмитентов, объявляющих об обесценении активов. Таким образом, они теряют какую-то инвестиционную возможность (покупка более дешевых акций), которая могла бы принести им прибыль выше средней.

Противоречивые результаты автора по отношению к предыдущим публикациям в этой области могут быть следствием предыдущего негативного отношения инвесторов к рискованным активам, а также небольшой выборки. По этой причине были предприняты шаги по проведению исследований для проверки поведения цен акций в условиях экономического кризиса компаний, котирующихся на всей основной торговой площадке ВФБ. Результаты опроса, проведенного по группе всех эмитентов, котирующихся на Варшавской фондовой бирже, позволят с большей вероятностью указать, реагирует ли (или как реагирует) рынок на информацию об обесценении активов во время экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Вся полученная информация может быть интересна для дальнейшей разработки авторам, которые занимаются исследованиями рынков капитала в бухгалтерском учете.

Литература

1. Gurgul H. *Analiza Zdarzeń na Rynkach Akcji* [Event Study on the Share Markets]. Wolters Kluwer Business, Warsaw, 2012. 246 p.
2. Wysłocka E. The role of information and financial reporting in the assessment of investment risk. In: *Finanse, Rynki Finansowe, Ubezpieczenia. Scientific Papers by University of Szczecin*, 2013, vol. 61, pp. 605–614.
3. Ball R., Brown P. An empirical evaluation of accounting income numbers. *Journal of Accounting Research*, 1968, vol. 6, no. 2, pp. 159–178.
4. Beaver W. The information content of annual earnings announcements. *Journal of Accounting Research*, 1968, no 6, pp. 67–92.
5. Dimitropoulos P, Asteriou D. Accounting relevance and speculative intensity: Empirical evidence from Greece. *Journal of Applied Accounting Research*, 2010, vol. 11, no. 3, pp. 195–212.
6. Kwag S. A behavioral shift in earnings response after regulation FD. *Journal of Behavioral Finance*, 2014, vol. 15, no. 3, pp. 184–194.
7. Bernartzi S., Michaely R., Thaler R. Do changes in dividends signal the future or the past? *Journal of Finance*, 1997, vol. 52, pp. 1007–1043.
8. Kothari S.P. Capital market research in accounting. *Journal of Accounting and Economics*, 2001, vol. 31, no. 1-3, pp. 105–231.

9. Strong J., Meyer J. Asset writedowns. Management incentives and security returns. *Journal of Finance*, 1987, vol. 42, no. 3, pp. 643–661.
10. Ghicas D., Hevas D., Papadaki A. Fixed assets revaluations and their association with stock returns. *European Accounting Review*, 1996, vol. 5, no. 4, pp. 651–670.
11. Gu F., Lev B. Overpriced shares, ill-advised acquisitions, and goodwill impairment. *Accounting Review*, 2011, no. 86, pp. 1995–2022.
12. Knauer T., Wohrmann A. Market reaction to goodwill impairments. *European Accounting Review*, 2016, vol. 25, no. 3, pp. 421–449.
13. Cheng Y., Peterson D., Sherrill K. Admitting mistakes pays: The long term impact of goodwill impairment write-offs on stock prices. *Journal of Economics & Finance*, 2017, vol. 41, no. 2, pp. 311–329.
14. Lisicki B. Information efficiency of the Warsaw Stock Exchange in the case of impairment of assets. In: Antonowicz P, Galiński P, Pisarewicz P. *Perspektywa Ekonomiczna, Prawna i Finansowa Kreowania Wartości w Gospodarce (Economic, Legal and Financial Perspective of Value Creation in the Economy)*. Gdańsk University Publishing House, Gdańsk, 2020. 395 p. (in Polish).
15. Platje J., Harvey J., Bacchus L. COVID-19 – reflections on the surprise of both an expected and unexpected event. *Central European Review of Economics and Management*, 2020, vol. 4, no. 1, pp. 149–162.
16. Fama E., Fisher L., Jensen M., Roll R. The adjustment of stock prices to new information. *International Economic Review*, 1969, vol. 10, no. 1, pp. 1–21.
17. Taleb N. *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. Penguin, Londyn, 2010. 444 p.
18. *Historical Quotations of WIG Index*. Available at: <https://stooq.pl/>
19. Chen J. *Dead Cat Bounce Definition*. Investopedia, 2019. Available at: <https://www.investopedia.com/terms/d/deadcatbounce.asp>
20. Lisicki B. Price-generating factor of impairment of non-financial assets on the example of WIG30 companies. *Przedsiębiorczość i Zarządzanie*, 2019, vol. 20, no. 1, issue 1, pp. 273–287 (in Polish).
21. Elliot J.A., Shaw W.H. Write-offs as accounting procedures to manage perceptions. *Journal of Accounting Research*, 1988, vol. 26, pp. 91–119.
22. Bunsis H. A description and market analysis of write-off announcement. *Journal of Business Finance and Accounting*, 1997, vol. 24, no. 9, pp. 1385–1400.
23. Elliot J., Hanna J. Repeated accounting write-offs and the information content of earnings. *Journal of Accounting Research*, 1996, vol. 34, pp. 145–152.
24. Grabiński K. Market reactions to information contained in financial reports: The case of loss of value. *Scientific Papers of University of Economics in Kraków*, 2011, no. 849, pp. 145–159.
25. Alciatore M., Easton P., Spear N. Accounting for the impairment of long-lived assets: Evidence from the petroleum industry. *Journal of Accounting and Economics*, 2000, vol. 29, no. 2, pp. 151–172.
26. Choi T. Asset write-offs: An empirical investigation of timeliness. *Asia-Pacific Journal of Accounting & Economics*, 2008, vol. 15, no. 1, pp. 11–28.
27. Fama E. Efficient capital market: A review of theory and empirical work. *Journal of Finance*, 1970, vol. 25, no. 2, pp. 383–417.
28. Geiger M., Lennox C., North D. The hiring of accounting and finance officers from audit firms: How did the market react? *Review of Accounting Studies*, 2008, vol. 13, no. 1, pp. 55–86.
29. Campbell J., Grossman S., Wang J. Trading volume and serial correlation in stock returns. *Quarterly Journal of Economics*, 1997, vol. 108, pp. 905–939.
30. Sorescu A., Warren N., Ertekin L. Event study methodology in the marketing literature: An overview. *Journal of the Academic Marketing Science*, 2017, vol. 45, pp. 186–207.
31. Polak K. Investors' reaction to a published recommendation. *Studia i Materiały*, 2018, vol. 27, no. 2, pp. 127–135 (in Polish).
32. Karasiński J. The influence of date of premiere on stocks rates of return of video games companies listed on the Warsaw Stock Exchange. *Problemy Zarządzania – Management Issues*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 82–96 (in Polish).
33. Kujawa S., Ostrowska E. Event study and application in behavioral finance. *Finanse, Rynki Finansowe, Ubezpieczenia*, 2016, vol. 4/2016, no. 2, pp. 191–200 (in Polish).

34. Sudarsanam S. *Creating Value from Mergers and Acquisitions*. Prentice Hall, Harlow, 2003. 616 p.
35. Sharpe W. A simplified model for portfolio analysis. *Management Science*, 1963, vol. 9, no. 2, pp. 277–293.
36. Barber B., Lyon J. Detecting long-run abnormal stock returns. The empirical power and specification of test statistics. *Journal of Financial Economics*, 1997, vol. 43, pp. 341–372.
37. Wilcoxon F. Individual comparisons by ranking methods. *Biometrics Bulletin*, 1945, vol. 1, no. 6, pp. 80–83.
38. Cowan A. Nonparametric event study tests. *Review of Quantitative Finance and Accounting*, vol. 2, no. 4, pp. 344–348.
39. Kurek B. *Zawartość Informacyjna Transakcji Pakietowych na Przykładzie Rynku Głównego Gielody Papierów Wartościowych w Warszawie* [Information content of block trades on the example of the main market of the Warsaw Stock Exchange]. Publishing House of University of Economics in Kraków, Kraków. 262 p. (in Polish).

Сведения об авторе

Бартоломей Лисицкий – магистр финансов, ассистент кафедры, Экономический университет в Катовице (Польша, 40-287, г. Катовице, ул. 1 Мая, д. 50; e-mail: bartlomiej.lisicki@ue.katowice.pl)

Lisicki B.

Impairment of Assets of the Issuers in the Condition of Economic Crisis – Evidence from the Warsaw Stock Exchange

Abstract. The main goal of this paper is to examine the impact of on the performed impairment of assets on the market valuation of companies listed on Warsaw Stock Exchange in the conditions of an economic crisis caused by the Covid-19 pandemic. The research undertaken in the project helps recognize the correct behaviour (in the short term) of the issuers' shares in a period of uncertainty and increased volatility of securities prices on capital markets. To this purpose, was adopted a research hypothesis indicating that disclosure of information about the impairment of the company's assets results in negative abnormal returns of their share prices, which was dominant position in the research of previous authors. The research undertaken in the article helps identify the rules of behaviour whether the reaction of investors on updating the company's assets in crisis conditions is different than in times of prosperity. The main hypothesis will be verified using the event study methodology. The author intends to verify whether the level of abnormal returns occurring on the days adjacent to the announcement regarding impairment of assets is significantly different from the average level. The subject of the article will be all reports on impairment of assets submitted by 140 biggest issuers listed on the main trading floor in WSE during the Covid-19 pandemic (year 2020). The effect of the article will be interpretation of certain relationships that characterize the stock exchange in Poland as well as an indication of the importance of the occurrence of impairment of issuers' assets for their share prices in economic crisis situation.

Key words: capital markets, accounting, economic crisis, shares, impairment of assets, event study.

Information about the Author

Bartłomiej Lisicki – Master of Sciences (Finance), Assistant in Department of Accounting at University of Economics in Katowice (50, 1 Maja Street, Katowice, 40-287, Poland; e-mail: bartlomiej.lisicki@ue.katowice.pl)

Статья поступила 18.12.2020.

Социальные вызовы современности (по материалам международного научно-практического семинара)

**Антониус
ШРЁДЕР**

Технический университет Дортмунда
Дортмунд, Германия
e-mail: schroeder@sfs-dortmund.de

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: aas@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0002-3467-0921; ResearcherID: E-5968-2012

Социальные инновации в современных условиях развития государств приобрели особое звучание, став своеобразной реакцией на растущие социальные, экологические и демографические проблемы. Вклад социальных практик в рост инклюзии и социальной справедливости в обществе обеспечивается расширением доступа уязвимых слоев населения к общественным благам и усилением гражданского участия

в жизни страны. Социальные инновации активно развиваются в сферах здравоохранения, социальных услуг, образования, занятости и трудоустройства молодежи, миграции, экологии, транспорта и мобильности населения, энергопотребления и т. д.

Несмотря на первые попытки разработать теорию социальных инноваций, все еще остаются вопросы, связанные с созданием и

Для цитирования: Шрёдер А., Шабунова А.А. Социальные вызовы современности (по материалам международного научно-практического семинара) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 261–265. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.16

For citation: Schröder A., Shabunova A.A. Social challenges of modern world (case study of the international research workshop). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 261–265. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.16

внедрением социальных инноваций в современном обществе; позицией социальных инноваций с точки зрения улучшения качества жизни населения; их вкладом в инновационный процесс регионов и стран, развитие экономики территорий; проблемами создания условий и благоприятной среды для развития; вопросами формирования экосистемы социальных инноваций; наличием барьеров и драйверов инновационных процессов; взаимовлиянием технологических и социальных инноваций; взаимовлиянием социальных предпринимателей с органами власти, представителями СМИ, бизнес-ассоциаций, научного сообщества, инвесторами; готовностью населения к цифровизации социальных практик; потенциалом применения цифровых социальных практик; влиянием Индустрии 4.0 на общество и т. п.

Эти и другие вопросы обсуждались на I Международном научно-практическом семинаре *«Социальные вызовы современного мира: актуализация социальных практик на глобальном и региональном уровне»*, состоявшемся 18 мая 2021 года на площадке, организованной ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» и Европейской школой социальных инноваций (ESSI).

В работе семинара приняли участие более 30 ученых из Германии (Дортмунд), Испании (Бильбао), Австрии (Вена), Австралии (Перт), России (Москва, Екатеринбург, Вологда) в формате офлайн и онлайн, более 50 слушателей подключились к трансляции мероприятия на официальном канале ВолНЦ РАН в YouTube.

Коллеги поделились результатами исследований по вышеобозначенным проблемам, отметили ряд перспективных направлений изучения вопросов, связанных с инновационным развитием регионов и стран, обозначили точки соприкосновения научных интересов в этой области.

После приветствий организаторов семинара — директора ФГБУН ВолНЦ РАН доктора экономических наук *А.А. Шабуновой* и управляющего директора Европейской школы социальных инноваций (ESSI), члена совета правления Центра социальных исследований Технического университета Дортмунда, старшего научного сотрудника *А. Шрёдера* —

модератор заседания, ведущий научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН канд. филол. наук *О.В. Третьякова* рассказала участникам о том, как освещается заявленная проблематика на страницах научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», выступившего информационным партнером мероприятия.

Научную часть открыл *А. Шрёдер*, очертив в своем выступлении взаимосвязь технологических и социальных инноваций. В презентации докладчика подчеркивалось, что «любая технологическая или экономическая инновация — это также и социальная инновация, которая является решающей или, по крайней мере, совместно определяющей эффективность и результативность, успех и неудачу инновации». Вывод был обоснован представленными эмпирическими данными ряда проектов Технического университета Дортмунда, сочетающих технологические и социальные инновации: ESSA, SPIRE-SAIS, COCOP, ROBOHARSH. А. Шрёдер обозначил перспективы исследования, которые вызваны прежде всего тем, что «цифровая и „зеленая” трансформации требуют изменения социальных практик», в частности «вовлечения заинтересованных сторон в процесс совместного творчества, учета экономических, социальных и экологических последствий». Это, по мнению выступающего, ведет к «более приемлемым и эффективным технологическим решениям».

В продолжение мысли о новых вызовах «цифровой трансформации общества» заместитель директора ФГБУН ВолНЦ РАН канд. экон. наук *Л.В. Бабич* представила социальную практику Научно-образовательного центра экономики и информационных технологий по разработке концептуальной модели smart-компетенций обучающихся. Авторская модель была разработана коллективом исследователей грантового проекта РФФИ № 19-010-00811 «Smart-образование как вектор развития человеческого потенциала молодого поколения». Цель разработки — содействие развитию человеческого потенциала молодого поколения в новой цифровой реальности. В основу модели положены ключевые цифровые компетенции для устойчивого образования.

Тема цифровизации общества прозвучала и в совместном докладе ученых НИУ «Высшая школа экономики», представляющих Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора университета (директор Центра, зав. кафедрой экономики и управления в негосударственных некоммерческих организациях канд. соц. наук *И.В. Мерсиянова*, старший научный сотрудник канд. филос. наук *Н.В. Иванова*, младший научный сотрудник *А.С. Брюхно*). Они познакомили участников семинара с разработанным в Центре исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ первым российским Индексом цифровых компетенций НКО. Концепция доклада основывалась на «новой инновационной парадигме», озвученной в начале семинара А. Шрёдером и заключающейся в рассмотрении технологических и социальных инноваций как взаимосвязанных аспектов единого инновационного процесса. Данные, полученные на основе индекса, свидетельствуют о слабом использовании российскими НКО возможностей цифровых технологий. Кроме того, в период пандемии «цифровая поляризация» некоммерческого сектора усилилась. Организации, ранее применявшие информационные технологии в своей деятельности, продолжили повышать цифровые компетенции, тогда как организации, не использовавшие цифровые технологии прежде, оказались не готовы внедрять их в период пандемии. Выступающие показали перспективность Индекса цифровых компетенций НКО как инструмента диагностики и оценки инноваций в некоммерческом секторе.

Актуальность оценки инноваций подчеркнули представители Европейской школы социальных инноваций. Так, например, старший научный сотрудник Центра социальных исследований ТУДО *М. Кольгрюбер* обратил внимание присутствующих на последствия массовой цифровизации, предъявив четыре возможных сценария будущей работы в цифровом формате и классификацию навыков, которые потребуются для работы в будущем. Особую актуальность выводы ученого представляют для незащищенных слоев населения (мигранты, безработные, женщины и пожилые работни-

ки, а также люди с проблемами со здоровьем). Чтобы предотвратить цифровую изоляцию, образовательные организации и работодатели, по мнению докладчика, должны обучать их необходимым навыкам и предоставлять соответствующие условия труда. Это позволит указанным группам участвовать в цифровом обучении и трудовой деятельности. Потребности в навыках должны быть адаптированы к региональным инновационным стратегиям, характеризующимся определенными отраслевыми и квалификационными структурами, что требует специализированных программ обучения.

Логическим продолжением тематики семинара стал ряд выступлений, посвященных проблеме экосистемы социальных инноваций. Результатами международного исследования о современном состоянии экосистемы социальных инноваций поделилась научный директор Европейской школы социальных инноваций, руководитель отдела международных исследований Университета Деусто (Испания), научный сотрудник *А. Каро-Гонсалес*. Она рассказала о разработке радикально новых подходов к единой «зеленой», социальной, техно-цифровой проблематике, подчеркнула крайнюю необходимость ускорения третьего, социального перехода (в дополнение к «зеленому» и техно-цифровому переходам, более широко признанным международным сообществом на современном этапе). Антония Каро-Гонсалес отметила, что «инновации, или двойной переход европейской промышленности к климатической нейтральности и цифровому лидерству, не могут поддерживаться без твердого, отзывчивого, ответственного социального и экологического участия»¹. В рамках руководящих принципов экоцентрического общества докладчиком представлены 1) радикально новая тактика для «как» («зеленый», техно-цифровой переходы), для стратегического «что» («зеленый», социальный), для целенаправленного «почему» («зеленый», социальный) и для опера-

¹ Caro-Gonzalez A. (Coord.) et al. The MuskEUteers: The “One for all, All for one” triple transition – boundaryless green, social, techno-digital innovation, 2021.

тивного «как лучше» («зеленый», социальный, техно-цифровой), 2) направления действий для ответа на срочные радикальные вызовы. Среди таких направлений можно выделить:

- переход к новым (хотя и древним) принципам экоцентрического, а не эгоцентрического поведения;

- активацию совместного реагирующего, ответственного взаимодействия против иерархии в качестве альтернативных моделей управления и распределения для преодоления несправедливого, неустойчивого, предвзятого статуса-кво, порожденного традиционными устоявшимися системами;

- стимулирование преобразующего потенциала всех форм сотрудничества (международного, междисциплинарного, межсекторального, межпоколенческого) из спектра n-спирали.

Отечественный опыт исследования экосистемы социальных инноваций осветил в своем выступлении старший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН канд. экон. наук **А.В. Попов**. Он отметил ключевые компоненты экосистемного подхода к развитию социальных инноваций, продемонстрировал особенности развития социального предпринимательства в России и мире в целом, показал методический инструментарий исследования, на основе которого были оценены условия для развития социальных инноваций в регионах РФ и их особенности.

О моделировании формальной институциональной среды и ее влияния на развитие социального предпринимательства рассказали ученые ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» старший научный сотрудник Центра экономической теории канд. экон. наук **А.Ю. Веретенникова** и младший научный сотрудник **К.М. Козинская**. Основным лейтмотивом проведенного ими исследования явилась гипотеза о том, что «для развития социальных инноваций необходимо функционирование соответствующих институтов не только со стороны общества, но и со стороны государства». Государственные инициативы оказывают прямое воздействие на развитие социального предпринимательства как сверху — через законопроекты и поддерживающие институты, так и снизу — продвигая массовые инициативы в обществе. Ученые выявили,

что социально ориентированная деятельность в регионах РФ распространена неравномерно, чему причиной служит функционирование поддерживающей институциональной среды. В российских регионах наличие мер поддержки для развития социальных инноваций выступает более значимым условием, чем инвестиционная привлекательность территории.

Существенным фактором для продвижения и распространения социальных инноваций в обществе является отношение к ним непосредственно самого населения. На примере конкретных рабочих мест учителя общеобразовательной школы заместитель заведующего отделом редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения ФГБУН ВолНЦ РАН **Е.А. Кабакова** показала, что в учительской среде имеется запрос на инновации на рабочем месте и понимание сущности их инновационности. Однако процесс внедрения инноваций в конкретные рабочие места осуществляется не так быстро, как того требует время.

Оценку готовности населения в целом воспринимать и использовать нововведения отразил в своем выступлении заместитель директора по научной работе ФГБУН ВолНЦ РАН канд. экон. наук **Е.А. Мазюков**. Представление о консервативности населения в вопросах инновационной активности оказалось достаточно справедливым по отношению к региональному сообществу. Люди осторожно используют новые разработки, предпочитая опираться на опыт других. Активность применения технологий в повседневной жизни ограничивается наличием свободных средств для их приобретения, отсутствием необходимости либо непониманием технологий / принципов их действия (что порождает определенное недоверие). Вместе с тем население региона активно интересуется новостями науки и технологий, особенно в наиболее близких и понятных обычному человеку сферах: образование, медицина, экология.

Подводя итоги встречи, все участники отметили актуальность темы, важность и необходимость обсуждения предложенного спектра вопросов, посвященных особенностям настоящего и будущего социального развития, проблемам взаимодействия государства и

общества, актуальным вызовам и угрозам современности, трансформации институциональной среды, перспективным направлениям социально-экономической политики. По мнению российских ученых, принимавших участие в мероприятии, интересная и насыщенная программа семинара способствовала раскрытию новых перспектив и акцентов в научном анализе социальных инноваций. Очень важно под-

держивать научный диалог, который поможет достойно представить российскую науку в международном академическом сообществе.

Все участники выразили надежду на продолжение дальнейшего активного сотрудничества и обмена научным и организационным опытом в рамках постоянно действующего международного научно-практического семинара «*Социальные вызовы современности*».

Сведения об авторах

Антониус Шрёдер – старший научный сотрудник, Центр социальных исследований, Технический университет Дортмунда (Германия, 44339, г. Дортмунд, Эвингер Плац, д. 17; e-mail: schroeder@sfs-dortmund.de)

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@volnc.ru)

Schröder A., Shabunova A.A.

Social Challenges of Modern World (Case Study of the International Research Workshop)

Information about the Authors

Antonius Schröder – Senior Research Associate, Social Research Centre, Dortmund University of Technologies (17, Evinger Platz, Dortmund, 44339, Germany; e-mail: schroeder@sfs-dortmund.de)

Aleksandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@volnc.ru)

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (июнь 2021 г.), а также за период с августа 2020 по июнь 2021 г. (последние 6 опросов, то есть почти год).

Дается сопоставление результатов исследований с данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018–2020 гг.²

За период с апреля по июнь 2021 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился. Доля положительных оценок составляет 52–53%, отрицательных – 30–31%.

Удельный вес отрицательных суждений о деятельности главы государства по сравнению с августом 2020 г. снизился на 4 п. п. (с 34 до 30%). При этом доля положительных характеристик существенно не изменилась (52–53%)³.

Доля негативных оценок работы Председателя Правительства РФ за период с августа 2020 по июнь 2021 г. уменьшилась на 6 п. п. (с 41 до 35%). Удельный вес позитивных характеристик возрос на 3 п. п. (с 39 до 42%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения Covid-19.

³ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, осуществленного в июне 2021 г., с результатами «волны» мониторинга, проведенной в августе 2020 г.

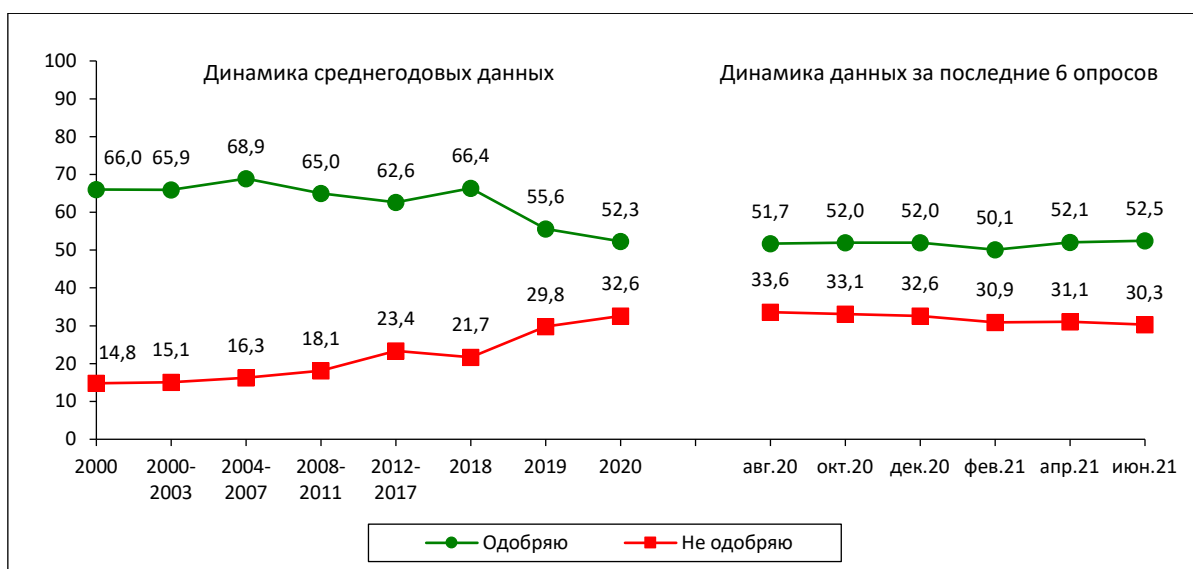
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных							Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), июнь 2021 к авг. 2020
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Фев. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	
Президент РФ														
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	55,6	52,3	51,7	52,0	52,0	50,1	52,1	52,5	+1
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	29,8	32,6	33,6	33,1	32,6	30,9	31,1	30,3	-3
Председатель Правительства РФ**														
Одобрю	-**	-**	59,3	49,6	48,0	41,1	38,7	38,9	38,8	39,1	37,6	38,8	42,2	+3
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	38,4	40,4	40,9	40,8	38,8	38,8	38,3	35,1	-6
Губернатор														
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,7	35,0	35,2	35,5	32,9	33,9	36,3	37,8	+3
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	40,2	42,5	41,9	42,1	44,2	42,4	41,3	38,4	-3

* Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?» Согласно методике проведения исследования ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются или считаются незначительными; в таблицах они выделены синим цветом. Позитивные изменения выделены зеленым цветом, негативные – красным.

** Вопрос задается с 2008 г.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

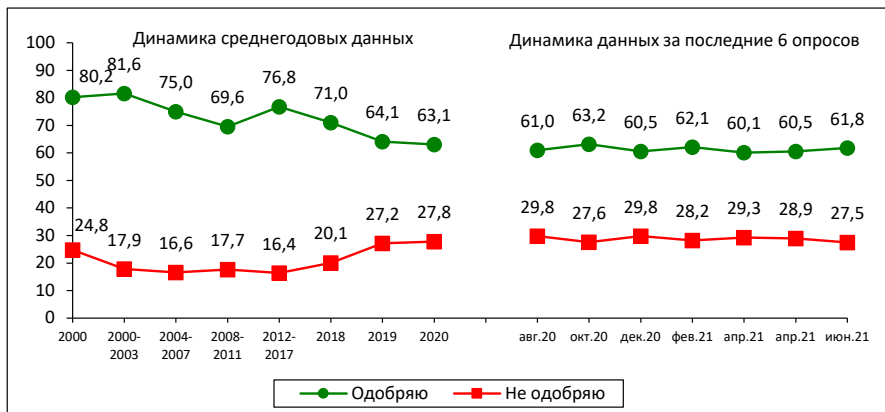
* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2019, 2020 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ уровень одобрения деятельности Президента РФ за апрель – первую половину июня 2021 г. не изменился (60–62%)⁴. Доля отрицательных суждений составила 28–29%.

По последним данным Левада-Центра (апрель – май 2021 г.⁵) удельный вес позитивных характеристик деятельности главы государства также не изменился (65–67%), доля отрицательных суждений составила 32–33%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)*

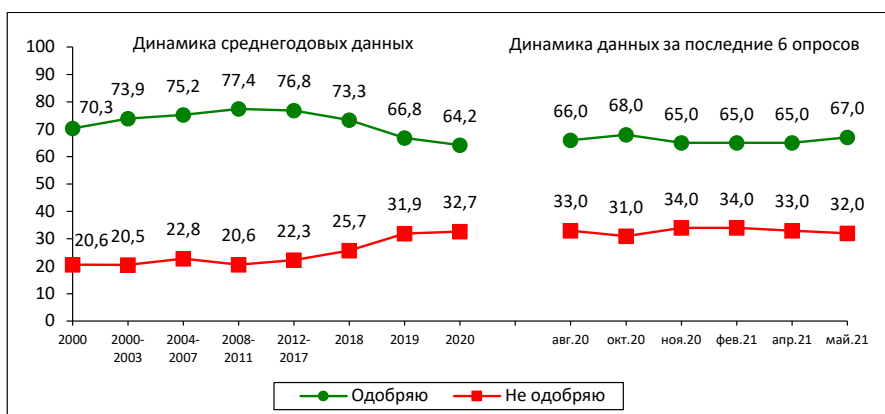
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Одобряю	+1
Не одобряю	-2

*Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?»

Данные за июнь 2021 г. – среднее за два опроса: от 06.06.2021 и 13.06.2021.

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра)*

Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Одобряю	+1
Не одобряю	-1

*Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?»

Источник: данные Левада-Центра. URL: <https://www.levada.ru> (данные за декабрь 2020 г. отсутствуют).

⁴ На момент подготовки материала последние данные ВЦИОМ – от 13 июня 2021 г. Источник: ВЦИОМ. Рейтинги. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov>

⁵ Последние данные – май 2021 г. Источник: Левада-Центр. Индикаторы. URL: <https://www.levada.ru/indikator>

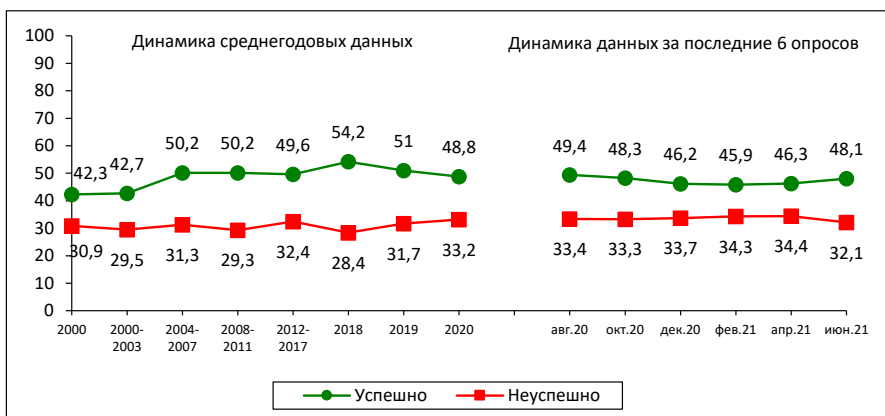
С апреля по июнь 2021 г. на 2–4 п. п. увеличилась доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по решению ключевых проблем страны:

- ✓ укрепление международных позиций России (с 46 до 48%);
- ✓ наведение порядка в стране (с 37 до 41%);
- ✓ защита демократии и укрепление свобод граждан (с 31 до 35%);
- ✓ подъем экономики и рост благосостояния населения (с 23 до 27%).

По данным на июнь 2021 г. доля положительных оценок, отражающих успешность решения главой государства ключевых проблем страны, соответствует показателям августа 2020 г.

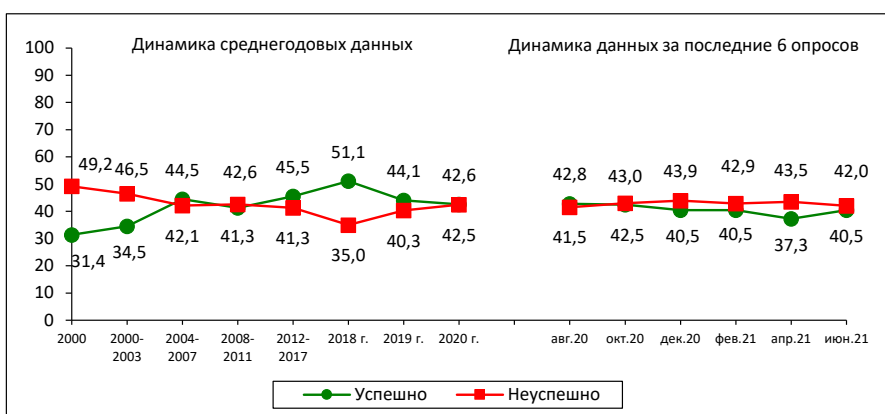
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Укрепление международных позиций России

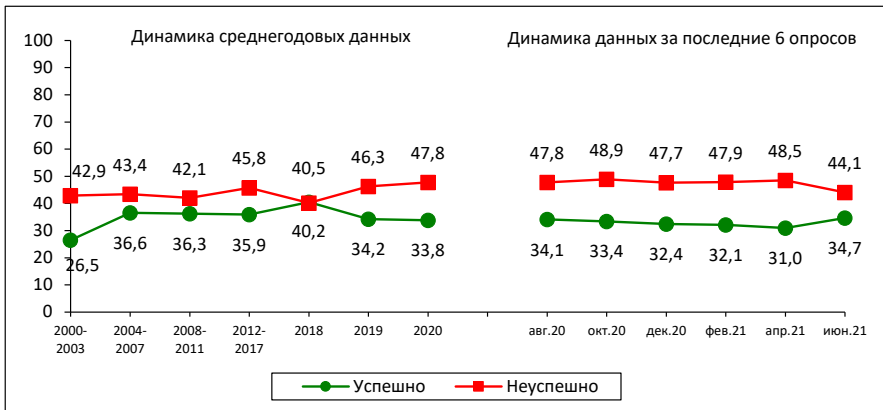
Годовая динамика (июнь 2021 г. к августу 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-1
Неуспешно	-1

Наведение порядка в стране

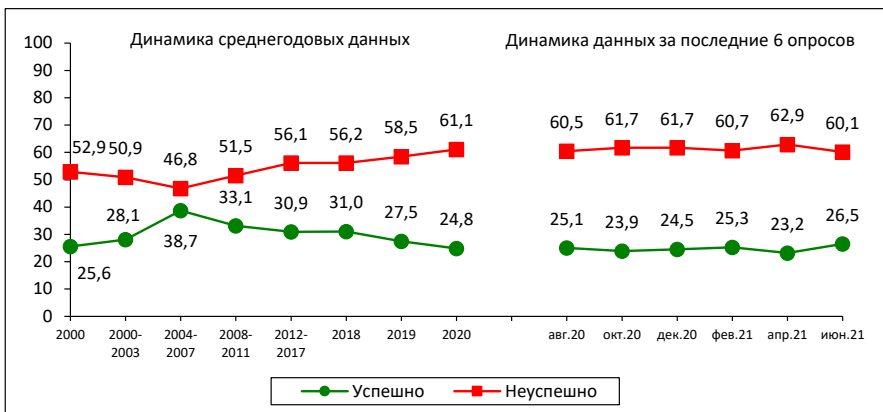
Годовая динамика (июнь 2021 г. к августу 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-2
Неуспешно	+1

Защита демократии и укрепление свобод граждан

Годовая динамика (июнь 2021 г. к августу 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-4
Неудачно	-2

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Годовая динамика (июнь 2021 г. к августу 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	0
Неудачно	+1

Структура партийно-политических предпочтений жителей региона остается стабильной. В ней по-прежнему доминирует Единая Россия (доля её сторонников составляет 32%), поддержка остальных партий значительно меньше: 9–10% – ЛДПР, 8–9% – КПРФ, 3–4% – «Справедливая Россия – За правду».

Более трети населения региона (35–36%) считает, что ни одна из политических сил, представленных на сегодняшний день в Государственной Думе, не отражает их интересы.

В целом аналогичная структура партийно-политических предпочтений наблюдалась в августе 2020 г.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партии	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), июнь 2021 к авг. 2020
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2019	2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Фев. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	33,8	31,5	30,9	31,1	30,9	30,5	31,5	32,1	+1
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,8	8,4	8,6	8,8	7,3	8,3	8,7	8,1	-1
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,1	9,5	9,3	9,4	9,5	10,1	9,9	8,5	-1
Справедливая Россия – За правду	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	3,4	4,7	4,8	4,3	5,0	3,6	2,6	4,1	-1
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,3	0,5	0,4	0,3	0,7	0,2	0,1	0,1	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	33,7	34,2	33,6	33,8	35,3	35,9	36,4	35,4	+2
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,0	11,1	12,4	12,2	11,2	11,3	10,9	11,8	-1

В июне 2021 г. продолжилась тенденция улучшения оценок общественных настроений. За последние два месяца доля людей, испытывающих преимущественно позитивные эмоции, увеличилась на 3 п. п. (с 63 до 66%); удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить, жить трудно, но можно терпеть» – на 3 п. п. (с 74 до 77%).

Доля людей, положительно характеризующих свое настроение и обладающих высоким потенциалом запаса терпения, выше, чем в августе 2020 г. (на 9 и 4 п. п. соответственно).

Доля жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», с апреля по июнь 2021 г. существенно не изменилась (47–48%).

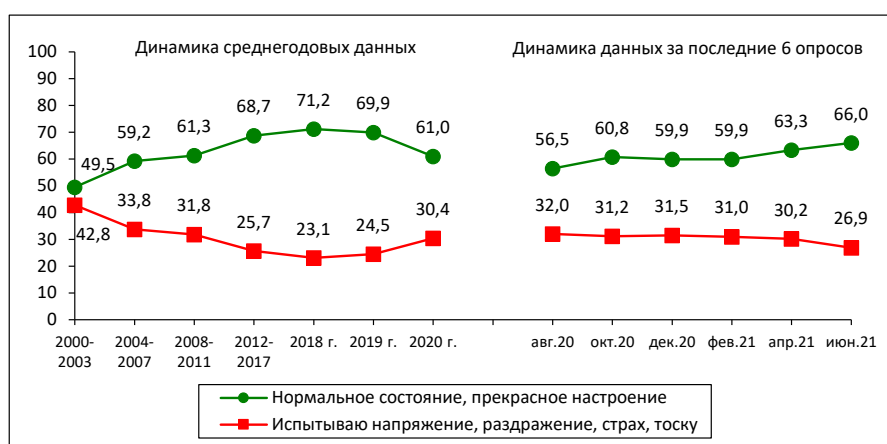
Отметим, что в августе 2020 г. доля «бедных и нищих» людей была выше на 3 п. п. (50%).

Индекс потребительских настроений (ИПН), отражающий прогнозы людей относительно перспектив развития экономики и своего личного материального положения, как и в апреле 2021 г., составил 83 пункта.

ИПН существенно ниже, чем в августе 2020 г. (86 п.), при этом фактически со времен мирового финансового кризиса ИПН не превышает отметки в 100 пунктов, что означает преобладание пессимистических прогнозов в оценках населения.

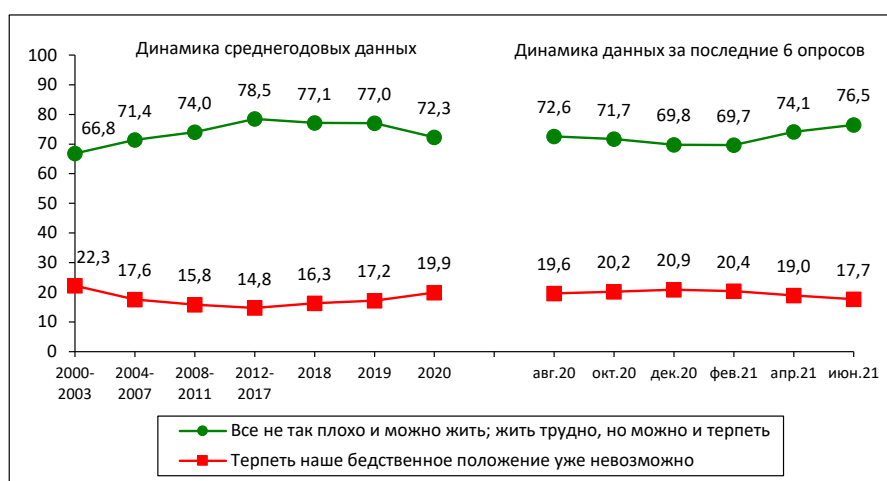
Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Социальное настроение

Годовая динамика (июнь 2021 г. к августу 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+10
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-5

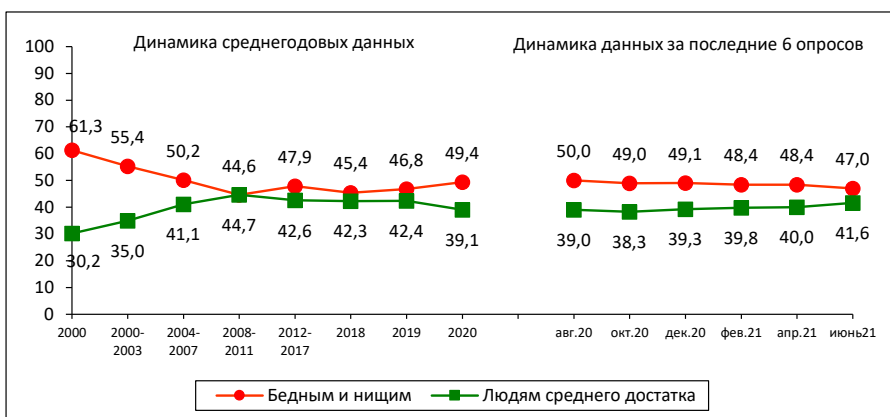
Запас терпения

Годовая динамика (июнь 2021 г. к августу 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Все не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+4
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-2

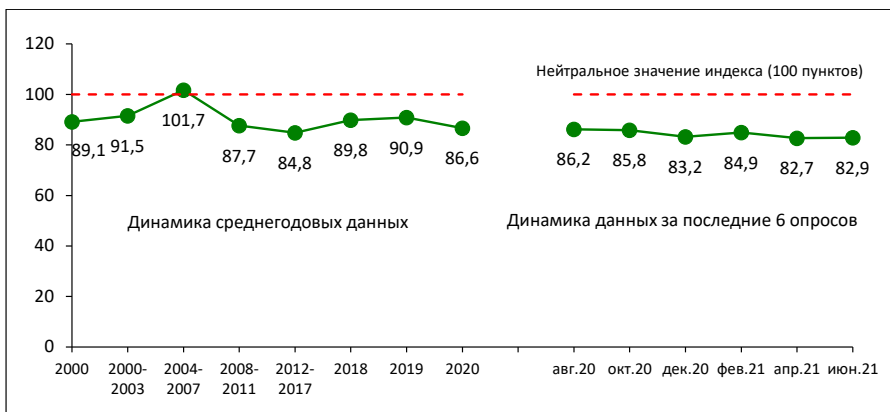
Социальная самоидентификация*

Годовая динамика (июнь 2021 г. к августу 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+3
Доля считающих себя бедными и нищими	-3

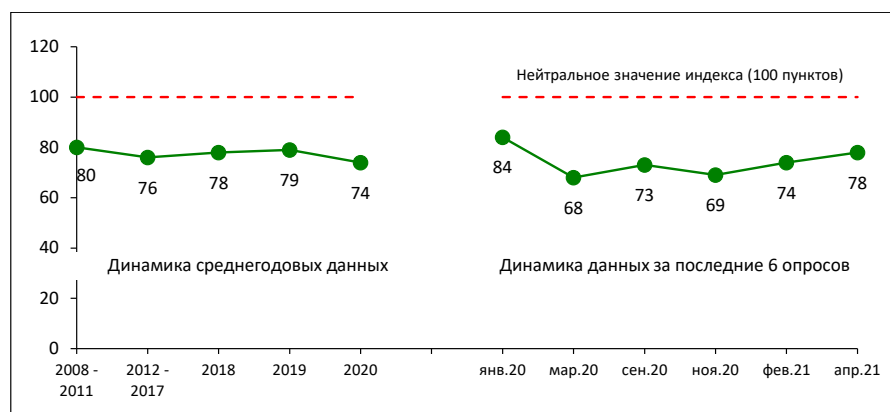
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

Индекс потребительских настроений (ИПН, в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

Годовая динамика (июнь 2021 г. к августу 2020 г.)	
ИПН	Изменение (+ / -)
Значение индекса, в пунктах	-3

Индекс потребительских настроений (ИПН, в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Годовая динамика (апрель 2021 г. к январю 2020 г.)	
ИПН	Изменение (+ / -)
Значение индекса, в пунктах	-6

* Индекс рассчитывается с 2008 г.

Источник: данные Левада-Центра. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>
 Последние данные – на апрель 2021 г. Данные за период с апреля по август 2020 г. отсутствуют.

За последние два месяца в большинстве социально-демографических групп (в 8 из 14) доля людей, положительно характеризующих свое повседневное настроение, незначительно увеличилась, особенно среди людей в возрасте до 30 лет (на 6 п. п., с 67 до 73%), лиц со средним и неполным средним образованием (на 6 п. п., с 57 до 63%), а также тех, кто по самооценкам собственных доходов относится к категории 20% наиболее обеспеченных жителей области (на 6 п. п., с 71 до 77%).

Позитивные изменения отмечаются в динамике за период с августа 2020 по июнь 2021 г.: доля людей, испытывающих преимущественно положительные эмоции, выше во всех социально-демографических группах (кроме 20% наиболее обеспеченных), особенно среди жителей Череповца (на 16 п. п., с 54 до 70%), людей в возрасте 30–55 лет (на 14 п. п., с 56 до 70%), в категории 20% наименее обеспеченных (на 14 п. п., с 40 до 54%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных							Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), июнь 2021 к авг. 2020
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Фев. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	
Пол														
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	70,1	60,8	55,6	60,7	60,0	60,8	61,3	65,1	+10
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	69,6	61,2	57,3	60,8	59,8	59,2	64,9	66,7	+9
Возраст														
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	81,1	67,6	69,0	64,6	65,2	60,9	67,4	73,0	+4
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	71,2	61,8	56,2	62,5	60,9	64,4	65,5	70,0	+14
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	63,3	57,4	51,9	56,9	56,5	54,1	59,1	58,3	+6
Образование														
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	63,2	56,1	51,7	56,9	52,6	56,2	56,9	62,5	+11
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	72,7	63,5	59,1	63,5	62,5	60,9	64,3	66,1	+7
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	73,4	63,3	58,6	61,4	64,6	62,7	68,7	69,7	+11
Доходные группы														
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	53,2	43,4	40,4	46,0	38,9	44,3	49,8	54,2	+14
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	71,4	62,6	56,6	61,9	63,3	60,1	65,8	67,0	+10
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	81,8	75,6	76,4	70,6	76,3	76,0	70,8	76,5	0
Территории														
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	68,6	60,9	57,0	61,0	58,7	55,8	57,0	59,4	+2
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	71,2	60,4	54,4	59,3	60,7	64,4	68,1	70,8	+16
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	69,8	61,4	57,5	61,4	60,0	59,7	64,0	67,1	+10
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	69,9	61,0	56,5	60,7	59,9	59,9	63,3	66,0	+10

РЕЗЮМЕ

Как показали результаты очередного этапа мониторинга, в динамике общественных настроений за период с апреля по июнь 2021 г. произошли преимущественно позитивные изменения.

Это касается, прежде всего, характеристики психологического самочувствия людей, а также оценок успешности решения президентом ключевых проблем страны.

На улучшение эмоционального состояния населения мог повлиять целый ряд факторов: новые меры поддержки отдельных категорий граждан, которые были озвучены главой государства в ходе очередного Послания Федеральному Собранию РФ в апреле 2021 г.; позитивное отношение людей к продолжающейся вакцинации от коронавируса; празднование Дня Победы и объявленная в этот период нерабочая неделя; наступление летнего «дачно-отпускного» сезона...

Причин для улучшения оценок социального настроения много, но, по-видимому, они не связаны с ощутимым улучшением материального положения населения. Так, за последние два месяца доля жителей области, относящих себя к категории «бедных и нищих», не изменилась и составила 46–48% (что выше, чем доля людей «среднего достатка»). Индекс потребительских настроений остается стабильно низким (83 п.).

К однозначно важным и позитивным событиям последних дней следует отнести личную встречу В.В. Путина с Д. Байденом, после которой в отношениях между Россией и США стало просматриваться относительное «потепление», что было крайне ожидаемым в условиях высокой напряженности, которой характеризовалась международная политическая обстановка в первые месяцы 2021 года. Как отмечают эксперты, «в Женеве был сделан первый шаг к тому, что можно назвать мирным сосуществованием... Завершилась короткая эпоха восприятия России американскими демократами, с легкой руки президента Барака Обамы, как региональной державы»⁶.

Вполне возможно, что это событие станет если не импульсом, то, по крайней мере, уникальным для России периодом, когда реализации публичных обещаний президента (включая выполнение национальных проектов) перестанет препятствовать напряженная внешнеполитическая ситуация.

Пока что по этому поводу можно высказать позитивные, хотя и весьма осторожные прогнозы, реалистичность которых подтвердят (или опровергнут) следующие замеры мониторинга общественного мнения.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова

⁶ Ремчуков К. Байден и Путин начали игру. Вполне возможно – большую игру // Независимая газета. 2021. 17 июня. URL: https://www.ng.ru/editorial/2021-06-17/2_8176_editorial.html

ПАМЯТИ М.Ф. СЫЧЁВА

22 июня 2021 года на 86-м году ушел из жизни Михаил Федорович Сычѐв – человек с большой буквы, ученый и практик с огромным жизненным и профессиональным опытом, много лет проработавший на благо Вологодчины.

Михаил Федорович Сычѐв – кандидат экономических наук, в прошлом видный партийный деятель, заведующий сельхозотделом Вологодского обкома КПСС, второй секретарь обкома КПСС, делегат XXVII и XXVIII съездов партии, депутат Верховного Совета РСФСР. В 90-е годы был одним из руководителей процесса восстановления и возрождения деятельности Вологодской областной организации КПРФ.

До выхода на заслуженный отдых 25 лет работал в Вологодском научном центре Российской академии наук.

Михаил Федорович родился 23 октября 1935 года в деревне Турмасово под Мичуринском.

После окончания Плодоовощного института им. Мичурина в 1959 году М.Ф. Сычѐв был направлен в Вологодскую область, где приступил к работе агрономом колхоза «Дружба». Осенью 1959 года был избран первым секретарем Череповецкого райкома ВЛКСМ, а через год – секретарем Вологодского обкома комсомола. Учился в Высшей партийной школе. В Институте экономики АН СССР защитил диссертацию, подготовленную на материалах анализа деятельности колхозов Вологодской области, и получил степень кандидата экономических наук.

До 1967 года Михаил Федорович работал помощником первого секретаря обкома КПСС А.С. Дрыгина, в 1968 году был назначен заведующим сельхозотделом Вологодского обкома КПСС. В 1984 году утвержден секретарем областного комитета партии, а впоследствии занял пост второго секретаря обкома КПСС.

Почти четверть века Михаил Федорович входил в состав команды управленцев, выведших область на уровень развитых в экономическом и социальном плане регионов. После «перестройки» и разрушения существующей в стране системы управления он не изменил своим жизненным и человеческим принципам и идеалам, направил знания, опыт и энергию на воссоздание коммунистической организации в Вологодской области, развитие академической науки и научно-методической базы функционирования региона в рыночных условиях.

Михаил Федорович внес большой вклад в становление и развитие Вологодского научного центра РАН. Долгое время он работал заместителем директора организации, заведующим отделом, руководил проведением научно-исследовательских работ, развитием научных журналов. М.Ф. Сычёв стремился к тому, чтобы исследования были востребованными в практике государственного управления, активно занимался организацией взаимодействия с органами власти. Под его научным руководством защищен ряд кандидатских диссертаций, с глубокой личной заинтересованностью он оказывал консультационную и методическую помощь молодым ученым.

За годы его трудовой деятельности в Вологодском научном центре РАН при его непосредственном участии произошли значительные изменения, которые способствовали выходу учреждения на новый уровень.

За успехи в работе Михаил Федорович награжден медалями и орденами: в 1971 и 1973 годах — орденами «Знак Почета», в 1981 году — орденом Дружбы народов, Почетными грамотами РАН и Профсоюза работников РАН. В 2013 году в составе научного коллектива М.Ф. Сычёву была присуждена Государственная премия Вологодской области по науке и технике за научный труд «Тенденции и проблемы развития региона» (в 4 томах), а в 2015 году он был награжден знаком «За доблестный труд на благо Вологды».

Вся жизнь Михаила Федоровича — бесконечная преданность выбранному делу и служение людям. Он был чутким и отзывчивым человеком, равнодушным к чужим проблемам, всегда протягивал руку помощи нуждающимся в нем, поддерживал не только словом, но и делом. Общение с М.Ф. Сычёвым помогало каждому обогатить себя ценным опытом, которым Михаил Федорович щедро делился со всеми желающими. Благодаря своим знаниям, творческому мышлению, умению видеть перспективу, высоким морально-этическим принципам он пользовался у коллег заслуженным авторитетом и уважением.

Одно из своих последних интервью Михаил Федорович завершил словами «Все остается людям!». Он действительно оставил значимый след в истории Вологодчины, внес большой вклад в создание современного сельскохозяйственного производства и развитие академической науки в регионе. Светлая память об этом талантливом ученом, мудром и отзывчивом человеке навсегда сохранится в наших сердцах.

Коллектив Вологодского научного центра РАН,
члены редколлегии и редакции журнала

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи

1. Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5r1tkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится пронумерованный список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет doi, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹ (приложение 5).

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____, (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____
_____
Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____
_____
Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.akc.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 29.06.2021.
Дата выхода в свет 30.06.2021.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 33,3. Тираж 500 экз. Заказ № 68.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru